

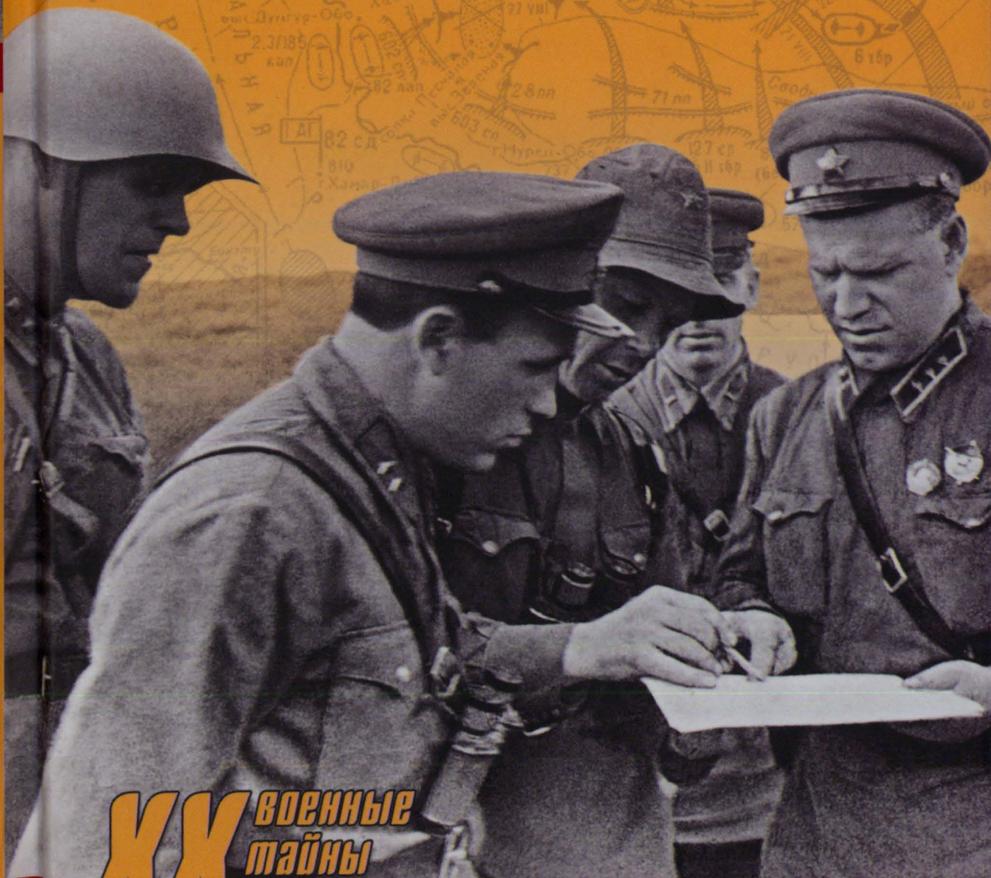
ХАЛХИН-ГОЛ

За кулисами забытого конфликта

ХХ военные тайны века

ХАЛХИН-ГОЛ

ХХ военные тайны века

О.С. СМЫСЛОВ

XX *военные
тайны
века*

Д.С. СМЫСЛОВ

ХАЛХИН-ГОЛ
ЗА КУЛИСАМИ ЗАБЫТОГО КОНФЛИКТА

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)615
С50

Смыслов, О.С.

С50   **Халхин-Гол. За кулисами забытого конфликта / О.С. Смыслов. — М. : Вече, 2017. — 384 с. : ил. — (Военные тайны XX века).**

ISBN 978-5-4444-5934-8

Знак информационной продукции 12+

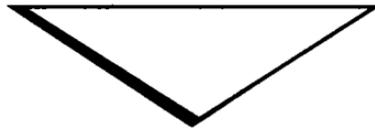
Новая книга Олега Смылова рассказывает о малоизвестном советско-японском военном конфликте на озере Халхин-Гол. На основе многочисленных архивных документов автор разбирает давно минувшие события, стараясь критически их осмыслить и развенчать царившие годами в отечественной истории мифы. Большое внимание уделяется роли в конфликте Г.К. Жукова и Г.М. Штерна. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)615**

ISBN 978-5-4444-5934-8

© Смыслов О.С., 2017
© ООО «Издательство «Вече», 2017

ОТ АВТОРА

Как известно, в 1939 году между СССР и Японией у р. Халхин-Гол произошел вооруженный конфликт, который продолжался с мая по сентябрь и завершился разгромом японских войск. С тех пор прошло около 80 лет, однако интерес к этому конфликту сохраняется и поныне. И это притом, что книги и статьи, посвященные этому событию, давно перевалили за сотню наименований. Более того, на настоящее время существенно восполнен пробел в документальной базе Халхин-гольского конфликта выявлением новых документов в Российском государственном военном архиве, в Российском государственном архиве социально-политической истории, а также в Центральном архиве Министерства обороны (Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол), что только теперь дает хорошую возможность, в довесок к ранее известным документам и трудам, попытаться провести работу над ошибками. То есть исправить то, что десятилетиями замалчивалось, перевидалось или трактовалось односторонне.

Таких «ошибок» в истории конфликта превеликое множество. Поэтому складывается такое впечатление, что те, кто

заведомо «оставлял» их, даже не подозревали о безусловном своем разоблачении. Точно так же, как люди старших поколений не догадывались о развале Советского Союза.

Но жизнь не стоит на месте, и тайное когда-то всеравно становится явным. Вот только трудно понять тех историков, кто в своих книгах продолжает тиражировать чужую ложь, пытаюсь обратить ее в некотором роде в «святыню». Обидно и за тех, кто безоговорочно верит в эти «святыни». Так давайте попробуем хоть теперь прикоснуться к исторической правде.

«Ведь имейте в виду, что за все существование Советской власти мы настоящей современной войны еще не вели. Мелкие эпизоды в Маньчжурии, у оз. Хасан или в Монголии — это чепуха, это не война, это отдельные эпизоды на пяточке, строго ограниченном. Япония боялась развязать войну, мы этого тоже не хотели, и некоторая проба сил на пяточке показала, что Япония провалилась. У них было 2—3 дивизии, и у нас 2—3 дивизии в Монголии, столько же на Хасане. Настоящей, серьезной войны наша армия еще не вела».

Иосиф Сталин

«...на Халхин-Голе и в Финляндии мы опозорились на весь мир. Армией командуют неграмотные люди — командиры эскадронов, вахмистры без образования и опыта».

Маршал бронетанковых войск

Павел Рыбалко

Глава 1 «ШАШКУ БРАТЬ?»

1

В июне 1938 года будущий Маршал Советского Союза Г.К. Жуков был назначен заместителем командующего Белорусским военным округом по кавалерии, а ровно через год, как напишет в своих знаменитых «Воспоминаниях и размышлениях» сам полководец, он со своими помощниками проводил в районе Минска полевою командно-штабную игру: «В ней принимали участие командиры кавалерийских и некоторых танковых соединений округа, начальники и оперативные работники штабов.

Штабная игра была уже закончена, и 1 июня мы производили ее разбор в штабе 3-го кавалерийского корпуса в Минске. Неожиданно член Военного совета округа дивизионный комиссар И.З. Сусайков сообщил мне, что только что звонили из Москвы: приказано немедленно выехать и завтра явиться к наркому обороны.

С первым проходящим поездом я выехал в Москву, а утром 2 июня был уже в приемной К.Е. Ворошилова.

Встретивший меня состоявший по особым поручениям при наркоме Р.П. Хмельницкий сказал, что К.Е. Ворошилов уже ждет.

— Идите, а я сейчас прикажу подготовить вам чемодан для дальней поездки.

— Для какой дальней поездки?

— Идите к наркому, он вам скажет все, что нужно.

Войдя в кабинет, я отрапортовал наркому о прибытии. К.Е. Ворошилов, справившись о здоровье, сказал:

— Японские войска внезапно вторглись в пределы дружественной нам Монголии, которую советское правительство договором от 12 марта 1936 года обязалось защищать от всякой внешней агрессии. Вот карта района вторжения с обстановкой на 30 мая».

Сорокадвухлетний комдив подошел к карте.

— Вот здесь, — указал нарком, — длительное время проводились мелкие провокационные налеты на монгольских пограничников, а вот здесь японские войска в составе группы войск Хайларского гарнизона вторглись на территорию МНР и напали на монгольские пограничные части, прикрывавшие участок местности восточнее реки Халхин-Гол.

— Думаю, — продолжал нарком, — что затеяна серьезная военная авантюра. Во всяком случае, на этом дело не кончится... Можете ли вы вылететь туда немедленно и, если потребуется, принять на себя командование войсками?

— Готов вылететь сию же минуту.

— Очень хорошо, — сказал нарком. — Самолет для вас будет подготовлен на Центральном аэродроме к 16 часам. Зайдите к Смородинову, получите у него необходимые материалы и договоритесь о связи с Генштабом. К самолету прибудет в ваше распоряжение небольшая группа офицеров-специалистов. До свидания, желаю вам успеха!

Распрощавшись с наркомом, направился в Генеральный штаб к исполнявшему обязанности заместителя начальника Генерального штаба Ивану Васильевичу Смородинову, которого знал прежде. У него на столе была разложена такая же карта, что и у наркома. Иван Васильевич сказал, что к обстановке, с которой меня познакомил нарком, он добавить ничего не может, поэтому договориться сейчас мы должны только о связи.

— Я вас прошу, — сказал И.В. Смородинов, — как только прибудете на место, разберитесь, что там происходит, и откровенно доложите нам свое мнение.

На этом мы распрощались».

2

Известный советский писатель и поэт Константин Симонов встречался с Г.К. Жуковым в разные годы между 1939-м и 1967-м. В книге «Глазами человека моего поколения» он отмечает, что на протяжении 1965—1966 годов у него было несколько особенно длительных бесед с полководцем. При этом Георгий Константинович всегда охотно возвращался к воспоминаниям о халхин-гольских событиях. И если в 1950-м он рассказывал Симонову о своем назначении на Халхин-Гол коротко, то в одной из осенних бесед 1965 года поведал об этом уже гораздо подробнее: «— На Халхин-Гол я поехал так — мне уже потом рассказали, как все это получилось. Когда мы потерпели там первые неудачи в мае — июне, Сталин, обсуждая этот вопрос с Ворошиловым в присутствии Тимошенко и Пономаренко, тогдашнего секретаря ЦК Белоруссии, спросил Ворошилова: “Кто там, на Халхин-Голе, командует войсками?” — “Комбриг Фекленко”. — “Ну а кто этот Фекленко? Что он из себя представляет?” — спросил Сталин. Ворошилов сказал, что не может сейчас точно ответить на этот вопрос, лично не знает Фекленко и не знает, что тот из себя представляет. Сталин недовольно сказал: “Что же это такое? Люди воюют, а ты не представляешь себе, кто у тебя там воюет, кто командует войсками? Надо туда назначить кого-то другого, чтобы исправил положение и был способен действовать инициативно. Чтобы мог не только исправить положение, но и при случае надавать японцам”.

Тимошенко сказал: “У меня есть одна кандидатура — командира кавалерийского корпуса Жукова”.

“Жуков... Жуков... — сказал Сталин. — Что-то я не помню эту фамилию”. Тогда Ворошилов напомнил ему: “Это тот самый Жуков, который в 37-м прислал вам и мне телеграмму о том, что его несправедливо привлекают к партийной ответственности”. “Ну, и чем дело кончилось?” — спросил Сталин. Ворошилов сказал, что ничем, — выяснилось, что для привлечения к партийной ответственности оснований не было.

Тимошенко охарактеризовал меня с хорошей стороны, сказал, что я человек решительный, справлюсь. Пономаренко тоже подтвердил, что для выполнения поставленной задачи это хорошая кандидатура.

Я в это время был заместителем командующего войсками Белорусского военного округа, был в округе на полевой поездке. Меня вызвали к телефону и сообщили: завтра надо быть в Москве. Я позвонил Сусайкову. Он был в то время членом Военного совета Белорусского округа. Тридцать девятый год все-таки, думаю, что значит этот вызов? Спрашиваю: “Ты стороной не знаешь, почему вызывают?” Отвечает: “Не знаю. Знаю одно: утром ты должен быть в приемной Ворошилова”. — “Ну что ж, есть!”

Поехал в Москву, получил приказание: лететь на Халхин-Гол, и на следующий день вылетел.

Первоначальное приказание было такое: “Разобраться в обстановке, доложить о принятых мерах, доложить свои предложения”».

Любопытно, что если в «Воспоминаниях и размышлениях» Г.К. Жуков обозначил цель своей поездки на Халхин-Гол так (опираясь на слова наркома обороны Ворошилова): «...вылететь туда немедленно и, если потребуется, принять на себя командование войсками», то в 1965-м в разговоре с К. Симоновым цель эта выглядела уже несколько иначе: «Разобрать-

ся в обстановке, доложить о принятых мерах, доложить свои предложения».

К слову сказать, «Воспоминания и размышления» вышли в свет в марте 1969 года, а работу над ними Маршал Советского Союза начал в 1958 году.

3

Некоторые штрихи к командировке Жукова в Монголию позднее припомнит и С.М. Буденный, в то время заместитель народного комиссара обороны:

«— Видимо, Фекленко не понимает, как ему там надо действовать, — сказал нам К.Е. Ворошилов. — Мне кажется, туда надо послать кавалерийского начальника.

— Согласен с вами, Климент Ефремович, — поддержал Ворошилова Шапошников. — Нельзя сказать, что Фекленко не умеет воевать, но в Монголии действительно, нужен хороший кавалерист. По-моему, туда надо послать комбрига Жукова». Присутствовавшие предложение Шапошникова поддержали. С кандидатурой Жукова Ворошилов отправился к Сталину, и Иосиф Виссарионович это назначение одобрил. Шапошников, неоднократно инспектировавший маневры Белорусского военного округа, очевидно, давно уже заметил Жукова как толкового и решительного командира» (Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши).

4

До наших дней в Российском государственном военном архиве сохранилось командировочное удостоверение комдива Г.К. Жукова, комбрига С.П. Денисова и полкового комиссара И.Т. Чернышева, направленных в МНР для установления причин неудовлетворительной работы командования 57-го Отдельного корпуса и оказания ему необходимой помощи:

«24 мая 1939 г.

Совершенно секретно

№ 3191

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявители сего — комдив т. Жуков Г.К., комбриг т. Денисов С.П. и полковой комиссар т. Чернышев И.Т. командируются в Монгольскую Народно-Революционную Республику.

На комдива т. Жукова, комбрига т. Денисова и полкового комиссара т. Чернышева возлагается:

1. Тщательное изучение и установление причин неудовлетворительной работы командования и штаба 57-го Отдельного корпуса во время конфликта с японо-баргутами с 11 по 23 мая 1939 г. и оказание на месте непосредственной помощи командиру и комиссару 57-го Отдельного корпуса.

2. Проверка состояния и боевой готовности частей 57-го Особого корпуса во всех отношениях, руководствуясь следующими указаниями:

а) Комдиву т. Жукову поручается: изучить работу командования и штаба 57-го Отдельного корпуса по руководству боевой подготовкой сухопутных частей корпуса, установить, какие мероприятия приняты и принимались командованием корпуса по поддержанию подчиненных им частей в постоянной боевой готовности, проверить укомплектованность личным составом, обеспеченность вооружением, боевой техникой и предметами материального снабжения и их состояние.

В случае выявления недостатков в состоянии боевой подготовки войск принимать вместе с командованием корпуса немедленные и решительные меры для их устранения. О[бо] всех недостатках, подлежащих разрешению центральными управлениями НКО, немедленно доносить мне.

б) Комбригу т. Денисову поручается: изучить работу командующего ВВС корпуса по подготовке и руководству авиационными частями, проверить состояние материальной части авиации, установить укомплектованность летно-техническим составом и обеспеченность запасными частями и материалами для ремонта и восстановления материальной части. Устранять на месте все обнаруженные недостатки, принимая решительные и срочные меры для проведения материальной части в полную боевую готовность.

в) Полковому комиссару т. Чернышеву поручается проверить состояние партийно-политической работы в частях корпуса и оказать на месте непосредственную помощь комиссару и политотделу корпуса в деле поднятия боевой готовности частей корпуса.

3. Одновременно с проверкой частей 57-го Отдельного корпуса на гг. Жукова, Денисова и Чернышева возлагается всесторонняя проверка деятельности военных советников при частях МНР.

При выполнении своей работы гг. Жукову, Денисову и Чернышеву представляется право ознакомиться со всеми необходимыми документами, в том числе и оперативными, в частности, касающимися прикрытия и обеспечения безопасности МНР.

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза Ворошилов».

5

В этот же день в 21.30 по московскому времени Георгий Константинович написал письмо жене в Смоленск:

«Милый Шурик!

Сегодня был у наркома. Принял исключительно хорошо. Еду в продолжительную командировку. Нарком сказал: запрягаться надо примерно на 3 месяца. К тебе у меня просьба

такая: во-первых, не поддавайся хныканью, держись стойко и с достоинством, постарайся с честью перенести неприятную разлуку. Учти, родная, что мне предстоит очень тяжелая работа, и я, как член партии, командир РККА, должен ее выполнить с честью и образцово. Ты же меня знаешь, что я плохо выполнять службу не приучен, но для этого мне нужно быть спокойным за тебя и дочурок. Я тебя прошу это спокойствие мне создать. Напряги все свои силы, но этого добейся, иначе ты не можешь считать себя моим другом жизни. Что касается меня, то будь спокойна на 100 процентов.

Ты меня крепко напоследок обидела своими слезами. Ну что ж, понимаю, тебе тоже тяжело.

Целую тебя крепко, крепко. Целую моих милых дочурок. Ваш Жорж».

6

В книге «Глазами человека моего поколения» К. Симонов свидетельствовал, что армейская молва говорила: «Когда в 1939 году Жукову позвонили из Москвы в Белоруссию и, ничего не объясняя, приказали срочно прибыть в Москву, он спросил по телефону только одно: “Шашку брать?” Не знаю, так ли было или не так, но мне кажется, что в этом устном рассказе, пусть даже легенде, было выражено верное понимание характера этого человека».

Глава 2 **«ОКАЗАНА ПОМОЩЬ** **КОМАНДОВАНИЮ КОРПУСА...»**

1

В те времена полет в Монголию был не слишком простым и безопасным. Однако Георгий Константинович не счел нужным на этом заострять свое внимание. «Скоро наш самолет был

уже в воздухе и взял курс на Монголию, — совершенно просто напишет он в мемуарах. — Последнюю остановку перед тем, как покинуть пределы страны, сделали в Чите. Нас пригласил к себе Военный совет округа для информации. В штабе встретили командующий округом В.Ф. Яковлев и член Военсовета Д.А. Гапанович. Они сообщили о последних событиях. Новым было то, что японская авиация проникает глубоко на территорию МНР и гоняется за нашими машинами, расстреливая их с воздуха.

К утру 5 июня мы прибыли в Тамцаг-Булак, в штаб 57-го особого корпуса, где и встретились с командиром корпуса Н.В. Фекленко, полковым комиссаром М.С. Никишевым — комиссаром корпуса, комбригом А.М. Куцевым — начальником штаба и другими». Собственно, и все...

Однако будущий главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов, направленный на Халхин-Гол в составе комиссии наркомата обороны позднее Г.К. Жукова, в мемуарах не скупился на некоторые любопытные подробности своей долгой дороги в Монголию: «Отлет задержался почти на 40 минут в связи с тем, что мне никак не могли подобрать парашют. Бесконечные примерки надоели, и я пошел на хитрость — так сгорбился, что ляжки оказались по фигуре. Потом удивлялись: зачем нас мучили этими примерками? Когда мы уселись в кабине, наши парашюты забросили на полку. Летчик предупредил: дверь в воздухе открыть невозможно, ее сильно прижимает потоком воздуха. А окна в самолете такие маленькие, что в них и без парашюта не протиснешься.

Полет был длительным, с несколькими посадками.

Наконец мы у цели. На полевом аэродроме стояли новейшие по тем временам бомбардировщики и истребители с красными звездами на крыльях. Мы долго кружились над аэродромом: в районе посадочной полосы авиаторы на мотоциклах гонялись за верблюдами, упорно не желавшими покидать зе-

леную лужайку. Наконец упрямец все-таки удалось прогнать, и самолет благополучно приземлился.

Быстро смеркалось. Нам предстоял длительный путь по степи в район Хамар-Даба, где был командный пункт. Две передовые машины на большой скорости быстро исчезли из виду. Водитель нашей арьбергاردной машины объяснил, что к Хамар-Даба идут две дороги, причем одна из них короче на 30 километров. Нам не удалось догнать ушедшие вперед автомашины. Наступила абсолютная темнота. Тогда было принято решение ехать по более длинной дороге: вдоль нее стояли телеграфные столбы, и мы, по крайней мере, не рисковали заблудиться.

На командном пункте узнали, что две автомашины, двигавшиеся впереди нас, еще не прибыли, и мы, естественно, начали беспокоиться. Вести розыски ночью не имело смысла. По всем телефонам было передано предупреждение войскам и пограничникам.

Спутники наши явились на рассвете. Ночью они сбились с пути, ушли в сторону озера Буир-Нур, и их задержали пограничники на монголо-китайской границе».

Писатель К. Симонов в «Хальхин-гольских записках» вне всяких сомнений более красочен. Более того, из Москвы в Читу он выехал пятичасовым экспрессом: «На пятые сутки я был в Чите, а через сутки уже летел на пассажирском самолете с окошечками в Тамцаг-Булак — тыловой городок, где стоял второй эшелон нашей действовавшей в районе Халхин-Гола армейской группы.

Когда мы летели, летчик вышел из кабины и, обращаясь к нам, сказал, чтобы мы смотрели за воздухом. Я долго смотрел “за воздухом”, не обнаружил в нем ничего особенного, но с удивлением увидел, что все остальные тоже внимательно смотрят “за воздухом”, в котором, видимо, и они ничего такого не замечали. Только впоследствии я выяснил, что фраза “смотреть

за воздухом” предполагала наблюдение за тем, не появятся ли японские истребители. Тогда я был далек от такой мысли.

В Тамцаг-Булак прилетели с сумерками, летели туда часа три или четыре над сплошной желто-зеленой степью бредущим полетом; буквально из-под самолета выскакивали стада коз и напуганные шумом гуся и утки.

Тамцаг-Булак оказался городом довольно странного с непривычки вида: в нем было три или четыре глинобитных дома, скорее похожих на сараи, и сотни три малых, больших и средних юрт...

Утром кто-то, ехавший в штаб армейской группы на Хамар-Дабу, которая была от города километрах в ста с чем-то, обещал завезти меня по дороге в Баин-Бурт — место, где стояла редакция. Утром Тамцаг-Булак выглядел еще непригляднее, чем вечером: кругом была выжженная, желто-зеленая степь без конца и края.

Мы ехали, и я впервые видел знакомые только по картинкам миражи: леса и озера передвигались то слева, то справа от нас.

Дороги, собственно, никакой не было: это была простая колея, накатанная по степи, правда почти на всем протяжении абсолютно гладкая и ровная, только кое-где попадалось полкилометра или километр невыносимой тряски, там, где дорога пересекала полосы солончаков».

Как подчеркивает писатель, на фронте в это время стояло затишье, и он обратил свое внимание на степь, а точнее пустыню: «Близко к фронту — ни одной птицы, никаких животных». Это и был тот самый Халхин-Гол...

2

Итак, с комдивом Жуковым в командировку в Монголию отправились комбриг С.П. Денисов и полковой комиссар И.Т. Чернышев.

Сергею Прокофьевичу Денисову на тот момент не было и тридцати. Службу в Красной армии он начал мотористом в 1929 году. С февраля 1930-го по июль 1931 г. был курсантом 83-го авиаотряда. Затем, буквально за несколько лет, от младшего летчика сумел дослужиться до должности командира авиаэскадрильи. С ноября 1936-го по апрель 1937 г. добровольцем участвовал в Гражданской войне в Испании, где командовал авиаотрядом. За боевые отличия ему было присвоено звание Героя Советского Союза (в Испании совершил 200 боевых вылетов, сбил лично 3 и в группе — 4 самолета противника).

Примечательно, что до начала Великой Отечественной войны его карьера была стремительной. От старшего лейтенанта в 1936-м Денисов дослужился до комбрига всего за два года, уже в 1938-м (капитан в 1937-м, майор в 1937-м, полковник в 1937-м). С мая 1937 г. он командовал сначала авиаполком, затем с мая 1938 г. — 56-й легкомобильной авиабригадой, переформированной (в апреле 1939 г.) в 56-ю истребительную авиабригаду. До командировки в Монголию окончил Курсы усовершенствования командного состава при Академии Генштаба РККА.

Второй Звездой Героя Советского Союза С.П. Денисов был награжден в марте 1940 года «за умелое руководство боевыми действиями ВВС при прорыве линии Маннергейма» (с января по апрель 1940 г. он командовал ВВС 7-й армии), став пятым и последним из довоенных дважды Героев Советского Союза. Вскоре его назначают командующим ВВС Закавказского военного округа и присваивают звание генерал-лейтенанта авиации. На этом его стремительная карьера заканчивается.

Перед самой войной Денисова освобождают от должности «за низкую боевую подготовку частей и неудовлетворительное состояние материальной части». В ноябре 1942-го Сергея Прокофьевича отстраняют от должности начальника Качинской Краснознаменной авиашколы пилотов (за «неумение устра-

нять недочеты в работе, отсутствие авторитета у подчиненных и злоупотребление алкоголем»).

В феврале 1943 года генерал-лейтенанту Денисову доверяют 283-ю истребительную авиадивизию, а уже через год переводят на должность старшего помощника начальника 4-го управления формирования и боевой подготовки ВВС. Дважды Героя продолжало подводить, прежде всего, злоупотребление алкоголем.

В 1947 году, после окончания Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова, тридцатисемилетнего генерала Денисова уволили в запас. Умер он в Москве в 1971 году.

Высоким и стройным брюнетом запомнил его авиаконструктор А.С. Яковлев. Таким увидел его и будущий полководец Г.К. Жуков.

О втором спутнике Жукова известно немного. Тридцать семь лет. Родом из города Шуи. На Халхин-Голе станет комиссаром ВВС 1-й армейской группы. В годы Великой Отечественной войны переаттестован на звание полковника (1942). В 1943-м присвоено звание «генерал-майор авиации». Занимал должности военного комиссара 6-го истребительного авиакорпуса (1941), заместителя по политчасти командира 6-го авиакорпуса, заместителя командующего 1-й воздушной армией по политчасти.

В одном из представлений к ордену (февраль 1943 г.) генерал-майор авиации Чернышев характеризовался следующим образом: «...За последнее время сумел решительным образом перестроить работу политаппарата корпуса и частей.

Добился правильной расстановки политработников и партийно-комсомольских сил и мобилизации их на искоренение недостатков и на отличное выполнение поставленных Наркомом Обороны задач перед Московским фронтом и 6-м авиакорпусом в особенности.

Всей системой политической работы добивается мобилизации личного состава на повышение боевых качеств, органи-

зацию боевых действий и добивается реальных результатов в уничтожении летчиками самолетов противника.

За короткий срок, благодаря принятым мерам значительно улучшилась партийно-комсомольская работа. Поднялась дисциплина в частях, резко снизились аварии и катастрофы. Улучшилось хранение матчасти и ее эксплуатация. Налажена регулярная учеба летного состава и воспитание его...

Тов. ЧЕРНЫШЕВ сумел добиться резкого улучшения политико-морального состояния всего личного состава корпуса. Зная хорошо специфические условия работы ПВО и в особенности авиачастей, сумел построить всю работу целеустремленно на местах и добиться резкого улучшения боевой готовности частей, выправив ранее отмеченные недостатки».

Умер генерал Чернышев в Москве в 1951 году.

3

Первые вооруженные столкновения на монголо-маньчжурской границе начались в 1935 году. А когда последующие за ними переговоры между представителями Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-го ни к чему не привели, между СССР и МНР был подписан «Протокол о взаимопомощи» (12 марта 1936 г.). В соответствии с этим документом на территорию Монголии и был выдвинут 57-й Особый корпус РККА.

К слову сказать, МНР была провозглашена в ноябре 1924 года, и войска Красной армии, находившиеся там по просьбе правительства Монголии, должны были оставаться в ее границах до 1926 года. Однако правительство СССР поставило вопрос о выводе своих воинских частей: «...пробывание советских войск в пределах Монгольской Народной Республики уже не вызывается необходимостью», — говорилось в ноте советского правительства от 24 января 1925 года. Теперь эта необходимость появилась.

Государство Маньчжоу-го (Великая Маньчжурская империя), образованное японской Квантунской армией после завоевания ею Маньчжурии в 1931 году, считалось марионеточным, так как в течение целых 13 лет (с 1932 до капитуляции Японии в августе 1945 г.) находилось в полной зависимости от Токио. Географически в него входили вся Маньчжурия и часть Внутренней Монголии. Во главе государства был поставлен последний китайский император Пу И из маньчжурской династии Цин. В протоколе, подписанном между Японией и Маньчжоу-го, черным по белому говорилось, что японское правительство берет на себя полную ответственность за внутреннюю безопасность и внешнюю защиту последнего. Однако эта безопасность очень характерно выражалась в военно-стратегическом замысле японского руководства в отношении Северных территорий: целью Квантунской армии было распространение японо-маньчжурского господства на Внешнюю Монголию всеми доступными средствами. И это были не пустые слова. Вооруженные столкновения на границе стали более частыми, пока не переросли в бои на озере Хасан (июль 1938 — август 1938). Именно тогда взаимные претензии СССР и государства Маньчжоу-го на одну и ту же пограничную территорию достигли своего апогея (Японская сторона полагала, что СССР ложно трактовал условия Пекинского трактата 1860 г. между царской Россией и Китаем).

К слову, «с 1934 по 1938 годы было совершено 231 нарушение границы со стороны японцев, из которых около 35 вылились в серьезные боевые столкновения. В конечном счете японцы дважды — 9 и 20 июля — вручали советскому правительству ноту с требованием немедленно покинуть спорные территории. Нота была отклонена, и 29 июля японцы напали на советские войска» (*Язов Д.Т. Верны Отчизне*).

В очередной раз положение на границе обострилось в 1939 году. Как подчеркивает доктор исторических наук В.В. Ионов (Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-

Гол), в апреле 1939-го «командующий Квантунской армией генерал К. Уэда подписал приказ № 1488 “Принципы разрешения пограничных конфликтов между Маньчжоу-го и СССР”. Выполнение его неизбежно вело к сознательному нарушению японскими и маньчжурскими военнослужащими советской и монгольской границ...

Появление этого приказа сразу же вызвало всплеск нарушений границ СССР и МНР японскими военнослужащими, которые при соприкосновении с пограничниками сопредельной стороны на «законном» основании пускали в ход оружие. Многие нарушения советской границы выливались в вооруженные схватки. И 11 мая 1939 г. японо-маньчжурским отрядом кавалеристов-баргутов численностью до 300 человек, поддержанным 5—7 бронемашинами, была атакована 7-я пограничная застава МНР на высоте Номон-Хан-Бурд-Обо. Этот день вошел в историю как день начала вооруженного конфликта в районе реки Халхин-Гол».

Далее профессор пишет: «14 мая в результате аналогичной атаки 7-й пограничной заставы МНР японо-маньчжурскими войсками при поддержке авиации была занята высота Дунгур-Обо. На первых порах советское командование действовало оперативнее и эффективнее японского. Так, командир 57-го Особого корпуса приказал выдвинуть в район конфликта оперативную группу 11-й танковой бригады (комбриг М.П. Яковлев). 22 мая советские войска в составе стрелково-пулеметного батальона, усиленного ротой бронемашин, артиллерийской батареей и саперной ротой, под командованием старшего лейтенанта С.Н. Быкова перешли реку Халхин-Гол и при поддержке 15 и 17 кавалерийских полков 6-й кавалерийской дивизии Монгольской Народно-Революционной Армии (МНРА) отбросили противника к границе.

К концу мая в районе конфликта стали сосредотачиваться силы противоборствующих сторон...

27 мая 64-й пехотный полк (полковник Яагата), разведотряд, моторизованная рота 23-й пехотной дивизии и подразделения 1-го, 7-го и 8-го баргутских кавалерийских полков, обладая численным превосходством, перешли в наступление, с целью окружить советско-монгольские части и отрезать их от переправы на западный берег Халхин-Гола. Части советско-монгольской группировки отступили, но план окружения сорвался, во многом благодаря умелым действиям артиллерийской батареи старшего лейтенанта Ю.Б. Бахтина. Артиллеристы вели огонь прямой наводкой и нанесли противнику существенный урон.

Схватки 29 мая носили исключительно ожесточенный и упорный характер. Все же советско-монгольские войска, перешедшие в наступление, сумели отбросить неприятеля за пределы государственной границы.

На земле в июне наступило временное затишье, а в небе развернулась настоящая воздушная война».

4

Доктор исторических наук Л.В. Курас в одной из своих статей авторитетно называет начало событий на р. Халхин-Гол предтечей Второй мировой войны: «Известные востоковеды В.В. Грайворонский и С.Г. Лузянин отметили, что «с течением времени становится все более очевидным, что события на Халхин-Голе не были незначительным пограничным конфликтом, что они оказали непосредственное и весомое влияние на условия возникновения Второй мировой войны, расстановку сил ведущих держав, ход и конечные результаты глобального конфликта, на формирование новой системы международных отношений в регионе и мире...» В докладе члена-корреспондента РАН Б.В. Базарова была раскрыта стратегическая подоплека вооруженного конфликта, связанная со строительством японской стороной железной дороги в Маньчжурии, которая шла параллельно КВЖД на расстоянии 125 км

от нее. И по справедливому мнению Б.В. Базарова, «необходимо было упорядочить границу Маньчжоу-го и Монголии, отодвинув ее на запад до естественного географического препятствия — р. Халхин-Гол»».

Однако, по мнению Е.Л. Катасоновой, «сегодня это утверждение находит иные оценки и иное видение». Например, «по мнению ряда современных исследователей, одной из целей заваемого военного конфликта могла быть не более чем проверка боеспособности Красной армии, своеобразная “разведка боем”, чтобы убедиться на практике в действительности нового варианта плана войны против СССР и проверить боеготовность Красной армии на западном направлении. К этому толкало японцев и стремление восстановить авторитет Квантунской армии, подорванный неспособностью завершить войну в Китае и поражением у оз. Хасан».

Исследователь В. Варганов отстаивает несколько иной подход к данной проблеме. Так же как и ряд других историков, он не высказывает сомнений в агрессивности и антисоветской направленности японских планов в отношении нашей страны в те годы. По его мнению, эти планы действительно разрабатывались, ежегодно уточнялись, и в соответствии с ними шла подготовка к нападению на СССР.

Однако, по мнению исследователя, анализ обстановки в регионе и внутреннего положения Японии именно к середине 1939 г. свидетельствует о том, что ввязывание в открытый широкомасштабный вооруженный конфликт с Советским Союзом японским правящим кругам было крайне невыгодно, и они специально этого не планировали. Японская регулярная армия прочно увязла в войне в Китае, уже в течение двух лет вела затяжные бои на два фронта — против регулярных войск Чан Кайши и мощного партизанского движения в тылу. Япония испытывала все большее истощение сырьевых ресурсов, рост безвозвратных потерь личного состава и т. д.

«Разве можно было серьезно рассчитывать на завоевание МНР, вторжение в СССР, оккупацию Забайкалья с двумя пехотными полками и частями усиления — в общей сложности чуть более 10 тыс. человек, а именно эти японские части участвовали в начальной стадии конфликта? — задается вопросом В. Варганов и дает свои комментарии по этому поводу: — На наш взгляд, вспыхнувшие боевые действия, как это не прозвучит неожиданно, носили случайный характер и были обусловлены неразберихой с линией границы в этом районе. В течение нескольких лет между монгольской и маньчжурской сторонами по этому поводу проводились консультации, однако единой точки зрения выработано так и не было».

«Известно, что сама проблема демаркации границы возникла не в 1939 г., — продолжает Е.Л. Катасонова. — Она существовала достаточно давно, и единого мнения о том, где проходила граница между Маньчжоу-го и Монголией, не было. Монголия, за которой стоял Советский Союз, объявила о прохождении границы близ маленького поселка Номон-Хан-Бурд-Обо, а Маньчжоу-го, за спиной которой стояла Япония, провела границы по реке Халхин-Гол. Именно поэтому в японской и западной историографии последующие события получили название “Инцидент у Номонхана”, а в советской и российской — “Конфликт на Халхин-Голе”.

Некоторые исследователи связывают эти военные столкновения с планами Японии провести железную дорогу Солунь — Ганьчжур вблизи монгольской территории, рельеф которой, по версии монгольской стороны, именно в этом месте выдавался клином. В случае войны железная дорога могла подвергаться прицельному огню с господствующих высот на монгольской границе. Сдвинув границы к Халхин-Голу, японское командование ликвидировало бы эту угрозу.

Но не только ради строительства железной дороги японские военные власти выбрали для нападения именно этот выступ

монгольской территории в районе р. Халхин-Гол и оз. Буир-Нур и вопреки официальным картам, фиксирующим линию границы между МНР и Маньчжоу-го восточнее Халхин-Гола, стали настаивать на установлении границы по этой реке.

Выбранный театр боевых действий давал существенные военно-стратегические преимущества японской армии. Со стороны Маньчжурии туда подходили две железные дороги. Одна из них, бывшая КВЖД, проходила в 125 км от Халхин-Гола. Еще ближе, в 50—60 км, находилась станция Хандагай новой железной дороги, идущей от Солуни на Ганьчжур. Кроме того, в распоряжении японских войск имелись две грунтовые дороги, идущие к Халхин-Голу от Хайлара. В то же время наша ближайшая железнодорожная станция была отдалена от места событий на 750 км. С учетом только этих обстоятельств у японского командования были все основания рассчитывать на успех операции. Возможно, поэтому в наши дни японских ученых более, чем ход военных действий, интересуют вопросы обеспечения тыла советских войск.

Все прекрасно понимают, что не картографические ошибки приводят к таким весьма трагическим событиям. Конечно же, речь шла не только об этом кусочке территории. Со стороны японцев, безусловно, была более крупная и значительная политико-стратегическая задача.

Япония рассматривала Советский Союз как своего потенциального противника и еще задолго до 1939 г. готовилась к войне с Советским Союзом.

Тем не менее в начале конфликта обе стороны рассматривали его как обычный инцидент. Они обменялись несколькими взаимными протестами (первый из них был адресован правительству МНР). Но вряд ли будет правильным расценивать конфронтацию случайным стечением обстоятельств. Она назревала не только потому, что частые и мелкие пограничные

инциденты накапливались и создавали благоприятную почву для противостояния. В связи с этим трудно не согласиться с мнением российских исследователей, что конфликт на Халхин-Голе, помимо военно-силового, имел явное политико-дипломатическое измерение».

Вступив в конфликт и развязав крупномасштабные боевые действия, и Советский Союз, и Япония стремились извлечь для себя максимальную политическую пользу и, в первую очередь, продемонстрировать свою боеспособность перед потенциальными союзниками. В Европе и США существовали довольно серьезные сомнения в способности СССР и Японии выступить в качестве надежных и боеспособных партнеров в предстоящих коалициях, состав и конфигурация которых еще не были окончательно прояснены.

Именно в эти месяцы японская дипломатия вела ожесточенный торг об условиях сотрудничества с Германией и Великобританией. В то же время Япония продолжала тяжелую войну в Китае, где несла ощутимые потери в живой силе и технике. Очевидно, что в таких условиях японцы при всей своей агрессивности не были заинтересованы в раздувании еще одной крупной войны, отвлекающей их силу от главной цели.

Возникший конфликт, который формально был четырехсторонним, — МНР и СССР против Маньчжоу-го и Японии, — фактически был выяснением отношений между СССР и Японией. Конфликт стал прекрасной возможностью для любой из сторон не только закрепить за собой спорные территории, но и значительно поднять свой военный и политический престиж на международной арене.

В этой связи возникает вопрос о том, является ли верным утверждение, что локальные по охвату территории и не переросшие в войну события на Халхин-Голе оказали серьезное влияние на последующее развитие ситуации в мировой политике. Безусловно, да.

«23 августа 1939 г. вся японская группировка была окружена и была одержана победа над японцами. И в тот же день Молотов и Риббентроп подписали Пакт о ненападении между СССР и Германией, — приводит еще один факт Е.Л. Катасонова. — Видимо, не случайно в дискуссиях о событиях на Халхин-Голе иногда задают вопрос о том, не привело ли к окончанию конфликта заключение пакта Молотова—Риббентропа или же стало одной из побудительных причин для этого.

Безусловно, это событие сыграло свою роль. Однако не только оно могло определить весь ход событий».

Далее автор статьи «Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы» делает вполне логичное предположение: «Допустим, что, если бы положение японской группировки оставалось благоприятным, т. е., если бы 20 августа не было нанесено мощнейшего удара со стороны советских войск, и японская армия не понесла тогда большие потери, вряд ли японцы остановили свои военные действия. И все дальнейшие события могли бы развиваться по иному сценарию».

И с этим трудно не согласиться...

5

На монгольской земле представитель НКО комдив Г.К. Жуков сразу же начал свою работу согласно указаниям, полученным лично от наркома обороны. В мемуарах об этом он пишет не совсем последовательно и точно: «Докладывая обстановку, А.М. Куцев сразу же оговорился, что она еще недостаточно изучена.

Из доклада было ясно, что командование корпуса истинной обстановки не знает. Я спросил Н.В. Фекленко, как он считает, можно ли за 120 километров от поля боя управлять войсками.

— Сидим мы здесь, конечно, далековато, — ответил он, — но у нас район событий не подготовлен в оперативном отношении.

Впереди нет ни одного километра телефонно-телеграфных линий, нет подготовленного командного пункта, посадочных площадок.

— А что делается для того, чтобы все это было?

— Думаем послать за лесоматериалами и приступить к оборудованию КП.

Оказалось, что никто из командования корпуса, кроме полкового комиссара М.С. Никишева, в районе событий не был. Я предложил комкору немедленно поехать на передовую и там тщательно разобраться в обстановке. Сославшись на то, что его могут в любую минуту вызвать к аппарату из Москвы, он предложил поехать со мной М.С. Никишеву.

В пути комиссар подробно рассказал о состоянии корпуса, его боеспособности, о штабе, об отдельных командирах и политических работниках. М.С. Никишев произвел на меня очень хорошее впечатление. Он знал свое дело, знал людей, их недостатки и достоинства.

Детальное ознакомление с местностью в районе событий, беседы с командирами и комиссарами частей наших войск и монгольской армии, а также со штабными работниками дали возможность яснее понять характер и масштаб развернувшихся событий и определить боеспособность противника. Были отмечены недостатки в действиях наших и монгольских войск. Одним из главных недочетов оказалось отсутствие тщательной разведки противника.

Все говорило о том, что это не пограничный конфликт, что японцы не отказались от своих агрессивных целей в отношении Советского Дальнего Востока и МНР и что надо ждать в ближайшее время действий более широкого масштаба.

Оценивая обстановку в целом, мы пришли к выводу, что теми силами, которыми располагал наш 57-й особый корпус в МНР, пресечь японскую военную авантюру будет невозмож-

но, особенно если начнутся одновременно активные действия в других районах и с других направлений.

Возвратившись на командный пункт и посоветовавшись с командованием корпуса, мы послали донесение наркому обороны. В нем кратко излагался план действий советско-монгольских войск: прочно удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить контрудар из глубины».

6

Как мы помним, Георгий Константинович утверждал, что прибыл в штаб 57-го Особого корпуса к утру 5 июня. Однако первое его донесение с оценкой боевых действий частей корпуса было направлено Маршалу Советского Союза Ворошилову шифровкой 30 мая из Тамцаг-Булака. Чтобы было понятно, штаб корпуса в то время еще находился в Улан-Баторе, а поселок Тамцаг-Булак располагался на территории Восточного аймака, в 120 км от границы МНР с Маньчжоу-го и в 930 км — от Улан-Батора. Там находился командный пункт оперативной группы штаба 57-го особого корпуса.

Итак, первое донесение Георгия Константиновича Ворошилову начиналось с краткого описания обстановки за 28—30 мая:

«...[В] течение 28.5. шел исключительно неорганизованный бой, управляемый только командирами подразделений.

К исходу дня 28.5 части закрепились [на] р. Халхин-Гол...»

Бой, проходивший в течение 28 и 29 мая, Жуков в той шифровке называет исключительно неорганизованным. Еще несколько строк с неточными цифрами, и пошел уже отчет проверяющего:

«ПЕХОТА.

Причины потерь и неудовлетворительного боя.

1. Тактически неграмотное решение и легкомысленное отношение командования и штаба 57-го стрелкового корпуса к организации боя, отсутствие учета маневренной возможности и тактики противника.

2. Передоверие организации и ведение боя полковнику Ивенкову, выброшенному на командный пункт в единственном числе и без средств связи.

3. Слабость полковника Ивенкова в решении столь ответственной задачи.

Принял меры:

1. Оказана помощь командованию корпуса в уяснении обстановки и методе действий по уничтожению противника.

2. Вместо Ивенкова на командный пункт послан Куцев со средствами связи и опергруппой.

3. По всем вопросам даны соответствующие указания командирам и комиссарам частей.

4. Проведены личные беседы с бойцами и начсоставом на поле боя.

Предложения по уничтожению наземных войск пр-ка:

1. [В] случае перехода противником госграницы — затянуть его к р. Халхин-Гол, сковать огнем с фронта и во взаимодействии с авиацией и танковой бригадой окружить и уничтожить, не дав возможности противнику отойти за госграницу.

2. До подхода 11-й танковой бригады продолжать вести борьбу (отдельными) разъездами от передовых отрядов, расположенных в 4—5 км восточнее р. Халхин-Гол».

Далее в шифровке шли основные причины плохой работы авиации, которые готовил Денисов. Чернышев коснулся лишь партийно-политической работы, которую посчитал неконкретной. Зато политико-моральное состояние наземных и воздушных сил назвал здоровым.

Глава 3

«УРОН, НАНЕСЕННЫЙ 57-МУ ОСОБОМУ СТРЕЛКОВОМУ КОРПУСУ»

1

Части Красной армии на территории Монголии были развернуты в 1937 году. Основным источником их временного пополнения на территории МНР стал 11-й механизированный корпус, из которого в течение двух лет изымались, направлялись и возвращались отдельные подразделения, части и даже соединения (Управление 11-го мехкорпуса и 32-я мехбригада были передислоцированы в Забайкалье из Ленинградского военного округа в октябре 1934 г.).

«Из состава 6-й мехбригады в Монголию были откомандированы стрелково-пулеметный батальон, артиллерийская батарея и разведрота (взамен убиавших в 6-ю мбр прибыли аналогичные подразделения из Калуги). Из состава 32-й мехбригады отправлен 3-й танковый батальон майора Швецова (на его место прибыл танковый батальон из ЛВО) и в город Соловьевск — стрелково-пулеметный батальон. В январе 1936 году на базе 3-го танкового батальона 32-й мбр и стрелкового батальона 6-й мбр был сформирован мотобронеполк, убиавший в МНР; в октябре 1936 году он вернулся обратно, оставив в Монголии матчасть, которую получил новый личный состав, прибывший из 11-го корпуса.

В мае 1936 году на станцию Дивизионная прибыл саперный батальон для 11-го мехкорпуса, в марте 1937 году он был переформирован в понтонный батальон, а уже в апреле того же года исключен из списков корпуса.

Летом 1937 году советские войска в Монголии усиливались — 19 августа 1937 года из состава 11-го механизированного корпуса по директиве Военного совета ЗаБВО № 48 593 от 16 августа 1937 г. была выведена 32-я механизированная бри-

гада полковника Малинина. Переименованная в Особую механизированную бригаду, она вошла в состав 57-го особого стрелкового корпуса на территории Монгольской Республики. За три недели бригада совершила марш из Улан-Удэ в Ундурхан; к 7 сентября передовые части бригады вышли к Чайрэну, а к 14 сентября бригада в полном составе сосредоточилась в Ундурхане (до 1989 года по-русски именовался Ундэр-Хан, еще ранее — Ундур-Хан; город в аймаке Хэнтэй Монголии, расположен в 290 км к востоку от Улан-Батора. — *Прим. автора*).

29 августа 1937 года убыл в Монголию отдельный батальон связи корпуса» (*Дриг Е. Ленинградский Краснознаменный механизированный. История 11-го механизированного [20-го танкового] корпуса*).

В общем, из этих войск и был сформирован 57-й особый корпус (приказом НКО № 0037 от 4.09.1937 г. с оперативным подчинением НКО) в составе 36-й мотострелковой дивизии, 6-й кавалерийской, 11-й танковой, 7, 8 и 9-й мотоброневых бригад и других частей и подразделений специальных войск. Что касается авиации, то первая советская смешанная авиаэскадрилья прибыла на территорию МНР летом 1935 г. Позднее, в 1936 и 1937 гг., сюда из Забайкалья были переброшены и другие эскадрильи советской авиации, образовавшие авиационный гарнизон особого корпуса. А если точнее, то 100-ю смешанную авиабригаду (100-я сабр), которая имела в своем составе два авиаполка: 70-й истребительный и 150-й бомбардировочный.

В сентябре 1937-го командиром 57-го особого корпуса был назначен комдив И.С. Конев, а через год командиром корпуса стал комдив Н.В. Фекленко.

2

Опираясь на строго документальный труд профессора В.С. Мильбаха «Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937—1938 гг. Забайкальский воен-

ный округ и 57-й особый стрелковый корпус», можно сказать, что сталинские репрессии не обошли стороной и 57-й корпус. «Более того, — как подчеркивает военный историк, — в 1937—1938 гг. органы НКВД уделяли этому корпусу повышенное внимание. Оно было вызвано как особыми условиями его дислокации (территория иностранного государства), так и состоянием войск корпуса и настроениями, царившими среди части личного состава».

В Монголии войска корпуса напрямую столкнулись с трудностями в размещении и обеспечении. Безусловно, от этого страдала и боевая подготовка. Например, казармы, склады и столовые строили военно-строительные батальоны, однако при непосредственном участии соединений и частей. «Отрыв красноармейцев на строительство, командировки и пр. в соединениях достигал 600—900 человек ежедневно, — пишет В.С. Мильбах. — Тем не менее строительство объектов шло низкими темпами, и войска зимовали с 1937 на 1938 год в палатках и землянках практически в чистом поле. По данным на октябрь, в 36 омсд приступили к строительству 28 объектов (техническая готовность 8—23 %), в особой мехбригаде — восьми домов начсостава (техническая готовность 9—25 %), четырех красноармейских казарм (техническая готовность 9—31 %) и других дополнительных объектов (техническая готовность 0—7 %), в 7-й мотоброневой бригаде — дома комсостава (техническая готовность 8—15 %), красноармейских казарм (техническая готовность 5—35 %), в кавбригаде — четырех красноармейских казарм (техническая готовность 4—20 %)».

В начале 1938 года в особом корпусе не хватало постельных принадлежностей, и бойцы спали на камыше. Иные падали от усталости на солому и укрывались полушубками. Недоставало и зимнего обмундирования. В связи с чем, отрицательные настроения среди рядовых лишь росли. А роптали, прежде всего, призванные из запаса.

В своей книге профессор Мильбах приводит высказывания некоторых командиров и начальников среднего звена, которые также были недовольны условиями своей службы в МНР: «Трудно сказать, то ли служба здесь, почетная командировка, то ли почетная каторга», «Какой черт нам нужно защищать МНР, что нам пользы от сопок и скал», «Сейчас не живешь, а гниешь на корню. Я бы согласен пешком отправиться в Европу и не получая получки», «Если еще здесь год придется прожить, то лучше покончу жизнь самоубийством, ибо так больше невозможно», «Если я когда-либо отсюда вырвусь, то наверное, с ума сойду от радости», «И разбиться не жалко от такой жизни».

Покинуть Монголию хотелось многим: «Обстановка повышенной секретности, непомерно увеличивающийся объем задач, бытовая неустроенность приводила к тому, что представители командно-начальствующего состава все чаще выражали недовольство условиями жизни. Они же продолжали ухудшаться: изнашивалась и выходила из строя техника, увеличивался падеж конского состава, снижался уровень воинской дисциплины, пробуксовывало обеспечение войск» (В.С. Мильбах).

И, тем, не менее, и солдаты, и офицеры корпуса совершали в Монголии невозможное. Как вспоминал Маршал Советского Союза И.С. Конев, «даже в годы Великой Отечественной войны у меня не было, пожалуй, таких напряженных двух суток, как те, осенью 1937 года» (*Португальский Р.М.* Маршал И.С. Конев).

3

Что касается репрессий 1937—1938 гг. на территории Монголии, то ликвидацией «врагов народа» в корпусе занимался особый отдел НКВД. «С прибытием в МНР перед Особым Отделом корпуса, — говорилось в “Справке о состоянии воин-

ских частей особого корпуса в МНР”, направленной Л.З. Мехлису, — директивой Зам. Наркома Внутренних Дел Комкоротов. Фриновского была поставлена задача: 1) Вскрыть и ликвидировать участников а/с военного заговора, попавших в части особого корпуса при их формировании предательским руководством ЗаБВО; 2) активно обеспечивать части особого корпуса от проникновения к ним агентуры противника и предотвратить вредительские и диверсионные акты извне».

О том, как выполнялись эти указания, В.С. Мильбах пишет следующее: «...под подозрением были все — от рядового до командира корпуса. При строительстве казарм и домов комнатно-состава комкор И.С. Конев приказал помощнику по материальному обеспечению дивинтенданту П.Н. Драчеву организовать работы по углублению котлованов под фундамент зданий до двух метров, так как в “период боевой обстановки они будут менее поражаемыми огнем противника... и к тому же окна этих объектов будут являться бойницами”. Но это решение сразу же получило отрицательную оценку особистов: “Данная теория Конева и Драчева ни в какой степени не соответствует действительности, во первых потому, что поражаемость этих объектов огнем противника ни сколько не уменьшится, как со стороны воздуха, так и надземных войск и во вторых — она построена на отступлении, что противоречит уставам РККА, установкам Наркома обороны — Маршала Советского Союза тов. Ворошилова “воевать на чужой территории и бить противника на его территории” и установкам тов. Сталина: “Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей не отдадим ни вершка”. (...)

Из содержания документов особого отдела прослеживается стремление сотрудников НКВД найти повод для того, чтобы бросить тень, заподозрить и обвинить того или иного командира. В одной и той же справке-докладе особисты обращали внимание на низкие темпы строительства объектов 36-й осо-

бой мотострелковой дивизии (приступили к строительству 28 объектов из 70, техническая готовность 8—23 %), мол — не дорабатывает командир дивизии, и тут же отмечали, что в соединении большой отрыв личного состава от занятий: на строительство — 131 человек, на хозяйственные работы — 164 человека и т. д.» (...)

В результате действий особого отдела НКВД по командному составу особого корпуса был нанесен жестокий удар. (...)

Не было ни одного соединения, ни одной части, где бы к октябрю 1938 г. особый отдел корпуса не раскрыл “антисоветский военный заговор”, “шпионскую группу”, участников которых арестовывали на месте».

4

В 1938 году в 36-й мотострелковой дивизии произошло чрезвычайное происшествие. В Маньчжоу-го бежал начальник артиллерии соединения майор Г.Ф. Фронт. По мнению В.С. Мильбаха, «...на этот шаг начарта подтолкнула боязнь политического преследования за то, что часть артиллерийских боеприпасов дивизии была вывезена в МНР в разукomплектованном виде. Бежавшего майора задним числом оформили как уволенного из РККА, но “заговоры” в этом соединении органы НКВД, раскрывали с особым рвением, невзирая на занимаемые должности и бывшие заслуги подозреваемых. Добившись замены практически всего руководства дивизии, арестовав при этом 86 человек и откомандировав “для дальнейших разбирательств” 255 человек, работники особого отдела продолжали работу по ликвидации антисоветской скверны. Под подозрением был буквально каждый, но особое внимание уделялось командному и политическому составу».

Е.А. Горбунов в книге «Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке» очень подробно написал о побеге начальника артиллерии дивизии: «29 мая 1938 года начальник

артиллерии 36-й мотострелковой дивизии майор Фронт Герман Францевич сел в автомобиль и отправился в одну из частей дивизии. Дивизия дислоцировалась у монголо-маньчжурской границы, и при разбросанности частей попасть из одной части в другую можно было только на колесах. Но до нужной части майор не доехал, а свернул в сторону границы, через которую благополучно переправился. Заблудиться он не мог. Местность была ровная, как стол, а Фронт был опытным командиром, отлично владеющим картой и компасом. На той стороне его радушно приняли, доставили в ближайший разведотдел, и майор, придя в себя после рискованного путешествия, начал давать показания.

Фронт окончил Военную академию имени Фрунзе, потом служил в штабе дивизии в Чите, затем отправился в МНР, где и продолжал службу. Вынужден был убежать через границу, предполагая, что «станет жертвой усмирительной работы» (так в тексте показаний), и зная, что его рано или поздно возьмут из-за его немецкой фамилии, а тогда это было возможно. Были у него и разногласия с комиссаром дивизии, а это также было тогда чревато печальными последствиями. Офицером он был информированным, знал многое и о войсках Забайкальского военного округа, и о частях 57-го особого корпуса. И, конечно, во время многочисленных допросов в японской разведке выложил все, что ему было известно. (...)

Интересна судьба показаний Фронта. Все, что он выложил сотрудникам разведотдела японского генштаба, а его, очевидно, допрашивали в Токио, было переведено на японский язык и издано в виде отдельной брошюры, которую разослали в штабы пехотных дивизий для ознакомления. (...)

Что же рассказал Фронт и что могла узнать японская разведка о наших войсках на Дальнем Востоке? Он сообщил, что в августе 1937-го из Забайкальского военного округа на территорию МНР была переброшена мощная группа подвижных во-

йск в составе 36-й мотострелковой дивизии, 6-й механизированной бригады, трех мотоброневых бригад, одного сводного бронеотряда, двух кавалерийских полков, одной авиабригады и других частей. Эта группа, численностью более 30 тысяч человек, была организована в 57-й особый корпус с дислокацией частей в Улан-Баторе и восточных районах республики. Численность, нумерация корпуса и дислокация частей были указаны им абсолютно точно. Правильно он указал и на то, что корпус подчинялся Москве, а 36-я дивизия была механизирована летом 1937-го года. Правильно он говорил и о том, что в безлюдной и пустынной местности Дзамин-Удэ расположена крупная группировка советских войск численностью свыше 7000 человек и 1500 автомашин. Группа прикрывается с воздуха — в этом районе имеется аэродром. Правильно он указал и дислокацию других частей корпуса. 36-я дивизия в районе Саин-Шанда, механизированная и мотоброневые бригады в Ундурхане, различные части и штаб корпуса в Улан-Баторе. Место нахождения складов и аэродромов было нанесено на японские штабные карты также по его показаниям.

Бомбардировочная авиация Квантунской армии получила новые цели для бомбардировок в случае военного конфликта и использовала эту информацию во время боев на Халхин-Голе. В общем, японская разведка узнала о 57-м корпусе практически все. Конечно, что-то ей было известно и до этого. Агентуру в МНР она имела, а полностью скрыть ввод крупной группировки войск на территорию другой страны было невозможно, особенно учитывая то, что вводились десятки тысяч людей и тысячи машин. Артиллерийский майор подтвердил ранее имевшуюся в разведотделе информацию и существенно ее дополнил.

Абсолютно точно (проверено автором по архивным документам) сообщил Фронт и о численности и дислокации войск Забайкальского военного округа. Две кавалерийские дивизии,

две стрелковые дивизии, механизированный корпус и все пять авиационных бригад. Не забыты были мотобронева бригада в пограничном с МНР городе Кяхта и бурят-монгольская кавалерийская бригада в Улан-Удэ, танковые и кавалерийские школы и дислокация погранотрядов. Даже о такой совершенно секретной операции, судя по архивным документам, как передислокация 93-й стрелковой дивизии из Иркутска в Читу на место выбывшей 36-й дивизии, ему было известно, и он сообщил об этом японской разведке. Очень подробно в показаниях он говорил об организации, численности и вооружении 36-й дивизии. И неудивительно, в штабе дивизии работал долго и в военных делах после академии разбирался хорошо.

Наиболее полную информацию японской разведке он передал об артиллерийском вооружении частей округа и частей 57-го корпуса. Профессиональный артиллерист хорошо знал свое дело. Типы и количество орудий, калибры и количество боеприпасов — этими цифрами забито несколько страниц его показаний. Для японской разведки это была подробная картина оснащения боевой техникой (винтовки, пулеметы, орудия) как частей округа, так и частей корпуса. Таково содержание захваченного и переведенного документа. Информация была правдивой и ценной, хотя в некоторых вопросах Фронт признавал свою некомпетентность. Но несмотря на то, что о чем-то он и не мог сказать, выданная им информация имела для японской разведки большое значение. И не только цифровые данные, но и его рассуждения о возможных действиях советских войск в Монголии. В частности, он обратил внимание японского командования на возможные действия на монгольском театре таких специфических соединений, как мотоброневые бригады, на вооружении которых были только броневые автомобили. В своих показаниях он отмечал, что «броневые бригады, имея большую маневренную силу и поворотливость по сравнению с кавалерией, по значимости и способам использования имеют

большие преимущества по сравнению с кавалерией и могут маневрировать на больших расстояниях. Их боевая сила соответствует кавдивизии. Бронепригада по сравнению с танковой бригадой не имеет большой ударной силы, поэтому используется ее маневренность, и употребляется она главным образом для окружения, обхода, расстроя тыла и т. д.»».

5

В результате рьяной работы особого отдела корпуса по вскрытию и ликвидации «врагов народа», «практически во всех соединениях, частях и подразделениях к осени 1938 г. комиссары были заменены и в некоторых случаях — по несколько раз. Временно исполняющие дела (врид) не успевали освоиться в должности, как их самих арестовывали или откомандировывали из МНР. (...)

При непосредственном участии органов НКВД был смещен со своего поста командир особого корпуса комкор И.С. Конев, 4 сентября 1938 г. он был назначен командующим 2-й отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией. Подводя итоги деятельности командования корпуса, работники особого отдела рапортовали в Москву: «Линия в работе бывшего командира корпуса комкора Конева и комиссара корпуса комдива Коровникова — проводилась, по меньшей мере, гнилая, не большевистская. Коровников и Конев на всем протяжении работы их в корпусе — не вели настоящую борьбу за то, что бы корпус был любую минуту в боевом состоянии» (В.С. Мильбах).

В августе 1938-го особисты арестовали начальника штаба 57-го корпуса комбрига В.Ф. Малышкина. В этой должности он находился практически год, и вот такой «сюрприз». Малышкина обвинили в участии в антисоветском заговоре и шпионаже. Однако на суде он отказался от данных под пытками показаний, после чего дело было отправлено на следствие.

Уже в октябре 1939 года комбрига освободили. А через два года начальник штаба 19-й армии генерал-майор Малышкин, оказавшись в окружении, попадет в немецкий плен, где заявит о готовности сотрудничать с немцами.

Генерал-лейтенант М.Ф. Лукин встречался с Малышкиным в плену и называл его грамотным начальником штаба: «Несколько медлительный в работе, но очень грамотный. Я ему говорю: “Ну чего ты-то в это дело полез?” Он говорит: “Михаил Федорович, черт его знает! Ведь я бы не сказал, что я против советской власти. Я бы не сказал, что она мне так уж ненавистна. Мне только обидно было, что меня посадили, что я сидел”. “Тебя же выпустили все же, а ведь другие и до сих пор не выпущены”».

1 августа 1946 года Василий Федорович Малышкин был повешен во дворе Бутырской тюрьмы как предатель и участник власовского движения. Но это уже другая история.

6

Профессор В.С. Мильбах в своей книге приводит следующие архивные данные по репрессированным в корпусе на 1 октября 1938 года: «За период с сентября 1937 г. по частям особого корпуса особым отделом арестовано 42 человека участников антисоветского военного заговора, 34 человека за шпионскую и диверсионную деятельность, 26 человек за вредительство и 118 человек за антисоветскую агитацию и другие проявления».

Откомандировано из МНР в Советский Союз в распоряжение УКНС РККА — 29 человек комначсостава, проходящих по материалам как участники антисоветского военно-фашистского заговора и 458 человек комначсостава и рядовых — политически неблагонадежных, иностранного происхождения».

Количественные данные по арестованным по политическим мотивам, которыми располагает архив Военной колле-

гии Верховного суда Российской Федерации, соответствуют сведениям особого отдела корпуса. Причем, по данным председателя 90-го военного трибунала особого корпуса военюриста 1 ранга Шурыгина, только «за антисоветскую агитацию» (ст. 58-10 УК) было осуждено 106 военнослужащих этого корпуса (с ноября 1937 г. по декабрь 1938 г.):

— 51 человек были осуждены за попытки дискредитации руководителей коммунистической партии и советского правительства и попытки создания недовольства отдельными мероприятиями партии и правительства;

— 24 человека — за попытки восхваления врагов народа;

— 12 человек — за антисоветскую агитацию вокруг вопросов, касающихся выборов в Верховный Совет...;

— 11 человек — за агитацию против службы в РККА...;

— 8 человек — за агитацию, направленную к восхвалению мощи фашистских государств... (...)

По фамилиям, обнаруженным в архивных документах, удалось установить, что в результате активной работы органов НКВД по раскрытию “заговоров” в штабе, соединениях, частях и отдельных подразделениях особого корпуса к октябрю 1938 г. (т. е. за 13 месяцев существования корпуса): расстреляно комначсостава — 4 человека; арестовано военнослужащих — 158 человек (в том числе комначсостава — 93 человека); откомандировано в распоряжение УНКС как изблещавшихся в принадлежности к антисоветскому военному заговору, как политически неблагонадежных и как иностранного происхождения — 370 человек (в том числе комначсостава — 92 человека).

Кроме того, на 105 представителей комначсостава корпуса имелись прямые показания, сведения органов НКВД или иного рода компрометирующий материал, достаточный для того, чтобы в период “великой чистки” осудить их по I или II категории. Достоверных данных о дальнейшей судьбе этих военнослужащих пока не обнаружено.

Политическим репрессиям был подвергнут комначсостав всех соединений и частей, входящих в 57-й корпус, советские военные советники и инструкторы в Монгольской народно-революционной армии. (...)

Таким образом, суммарный урон, нанесенный 57-му особому стрелковому корпусу по состоянию на начало октября 1938 г., в соответствии с данными особого отдела ГУГБ НКВД особого корпуса, составлял 707 человек (арестовано 220 человек, откомандировано проходивших по материалам как участники антисоветского военного заговора, политически неблагонадежные и иностранного происхождения — 487 человек) и может быть оценен как существенный. Установлено 637 человек, репрессированных в 57 ОК, в том числе по фамилиям представителей комначсостава — 296 человек, из них командный состав составлял 62 %, технический состав и тыловые работники — 28 %, политсостав — 10 %».

7

Любопытна и судьба главных особистов корпуса. Так, начальник ОО НКВД 57-го особого корпуса старший лейтенант госбезопасности Семен Александрович Иванов был осужден в феврале 1940 г. к высшей мере наказания. Его заместителя, старшего лейтенанта госбезопасности Бориса Соломоновича Керзона (в 1938 г. был арестован по подозрению в принадлежности к контрреволюционной организации, затем был признан невиновным и с 1939 г. вновь работал в органах НКВД), будет предложено осудить в мае 1943 года...

Будучи заместителем начальника ОКР «Смерш» 7-й отдельной армии Карельского фронта подполковник Керзон занимался фабрикацией уголовных дел, что выяснилось после проверки этого дела секретарем ЦК ВКП(б), начальником Главного политуправления РККА А.С. Щербаковым: «За из-

вращения в следственной работе Керзона... уволить из органов контрразведки и осудить решением Особого Совещания к 5 годам лагерей».

Глава 4

«СРЕДИ ЧАСТЕЙ НЕКТО РАСПРОСТРАНИЛ СЛУХ...»

1

Как мы помним, Г.К. Жуков в своих мемуарах обвинил командование корпуса в незнании истинной обстановки, в управлении войсками за 120 километров от поля боя. Одним из главных недостатков он называет отсутствие тщательной разведки.

Тем не менее 22 мая подразделения 57-го корпуса сумели отбросить противника к границе. Огромный урон ему был нанесен и 27 мая. А 29-го, несмотря на ожесточенные и упорные бои, советско-монгольские войска отбросили противника уже за пределы государственной границы. На весь июнь для наземных войск наступило затишье, и только в небе развернулась самая настоящая война.

Но вернемся назад и перелистаем некоторые архивные документы. 15 мая 1939 г. заместитель начальника штаба корпуса полковник Третьяков по прямому проводу разговаривал с полковником Шевченко из оперативного управления Генштаба. В частности он спросил: «Где сейчас т. Фекленко?» «Тов. Фекленко в частях будет к утру, здесь сейчас принимает решение с Чойбалсаном (маршал МНР, возглавлял монгольскую армию. — *Прим. автора*)», — кратко ответил замначальника штаба. То есть командир корпуса готовит решение, а затем собирается выехать в войска.

Следующий вопрос касался запоздавшего доклада в Москву, на что Третьяков не кривя душой доложил: «Сведения

запаздывают ввиду плохой связи с Тамцаг-Булаком, так как имеем один провод и то ненадежный, а радиосредства использовать не имеем разрешения — провод, идущий на Тамцаг, — является монгольским, и сведения по этому проводу должны поступать сразу четырем учреждениям».

Далее к разговору с Москвой подключается бригадный комиссар Никишев, а с той стороны к аппарату подходит заместитель начальника Генштаба комкор Смородинов, который передает приказ народного комиссара Ворошилова: «1. До приезда т. Фекленко никаких решений не принимать и не производить никаких действий, если не начнут действовать японо-баргуты. 2. Если по Вашему решению отданы распоряжения, их не осуществлять до приезда т. Фекленко...» То есть нарком обороны пока полностью доверяет командиру корпуса. А выявленные недостатки со связью не вызывают страшного гнева Москвы.

16 мая комдив Фекленко докладывает по прямому проводу лично Ворошилову: «Части корпуса приведены в боевую готовность. Для боя есть все»; «Все действия объединяю лично я из Улан-Батора; опергруппу штакора выбрасываю в Тамцаг-Булак». Отметим лишь: нарком не против.

Очередной разговор по прямому проводу инициирует адъютант наркома обороны СССР комкор Хмельницкий, которому Фекленко докладывает: «По утверждению плана и соображений по проведению операции народным комиссаром операцией буду руководить лично. Оперативную группу штаба под руководством начальника 1 отдела штаба полковника Ивенкова и военного советника комбрига Позднякова высылаю в Тамцаг-Булак». И снова все в порядке.

17 мая замначальника Генштаба Смородинов передает Фекленко приказ Ворошилова:

«1) Авиаразведку вести на территории МНР, отнюдь не перелетая границы.

2) Воздушную разведку противника уничтожить на территории МНР, отнюдь не перелетая границы.

3) В случае продолжения активных действий японо-баргут и дальнейшего нарушения ими границы донести немедленно народному комиссару и активных действий без его разрешения не начинать, подготавливая в то же время силы для разгрома.

4) Разведку организовать так, чтобы получить более или менее достоверные данные. В этом отношении нужно инструкторам и командирам из Ваших частей помочь монгольским частям также организовать хорошую разведку».

В этот же день командир корпуса подписывает приказ о приведении частей в боевую готовность для ликвидации противника в случае перехода им границы МНР, где в последнем пункте подчеркивает: «Общее руководство операцией буду проводить я через опергруппу штакора, возглавляемую НО-1 Ивенковым».

20 мая начальник Генштаба Шапошников передает Фекленко требование наркома: «...взять крепче управление в свои руки и не допускать безнаказанно хождение самолетов противника над территорией МНР». И это практически все.

21 мая начальник Генштаба отдает следующее распоряжение командиру корпуса: «Впредь до полного установления, где и какие силы противника находятся на территории МНР, и находятся ли они на ней вообще, нельзя планировать какие-бы то ни было действия по уничтожению противника.

Необходимо дать наземным разведывательным органам точные указания, на каком фронте они должны произвести разведку, выяснить не только фронт, но и фланги, и количество огневых средств противника на фронте». То есть разведанными в Москве не были довольны, но управление, видимо, устраивало: «Руководство всеми боевыми действиями в районе Халхин-Гола возложить на начштаба т. Куцева, которому на самолете вылететь в Тамцаг-Булак».

На следующий день Фекленко просит наркома обороны разрешить ему «действовать решительно и по-настоящему». А это значит, командир корпуса просит полной свободы действий. Однако Ворошилов пеняет ему на разведку: «С момента начала активизации японо-баргут прошло уже 10 дней, однако Вы, т. Фекленко, и ваш начальник штаба Кушев до сих пор не удосужились по-настоящему, как подобает военным людям, разведать район распространения противника, определить его силы и вообще узнать, что собою представляет это японо-баргутское нахальство.

Между тем Вы располагаете более чем достаточными для этого средствами. Более того, начальником Генштаба Вам было указано вести разведку только истребителями».

В итоге нарком заключил: «Никаких действий пока, к сожалению, разрешить Вам не могу, так как Вы, сидя в Улан-Баторе, знаете меньше нашего о противнике, а размахивать кулаками в воздухе разумным и серьезным людям не пристало». При этом Ворошилов ничуть не возмущается организацией управления боевыми действиями за 120 километров от поля боя, требуя лишь отправить утром начальника штаба Кушева «в Тамцак-Булак, приняв, разумеется, меры к тому, чтобы его японцы не сбили где-нибудь по дороге, и взять в свои руки все руководство действиями наших частей». Более того, Фекленко просит разрешения ему и штабу перейти в Матат-Сомон, но Ворошилов категоричен: «Вам и Никишеву пока никуда из Улан-Батора не переезжать».

28 мая комдив Фекленко по прямому проводу докладывает начальнику Генштаба о ходе боя после очередного вторжения противника на территорию МНР. Разговор совершенно спокойный:

— По-моему, ваши фланги держатся на месте? Необходимо срочно двинуть батальон танков на Тамцаг-Булак из Баин-Тумен и один батальон из 11-й танковой бригады —

туда же. Держится ли Ваш крайний левый фланг к востоку от р. Хайластын-Гол? — уточняет Борис Михайлович Шапошников.

— Докладываю: пока держится, думаю, что должны удержаться. Требую проверки выполнения Вашего приказа на закрепление указанного вами района. Потери передам шифром, — совершенно спокойно отвечает командир корпуса.

В конце разговора Фекленко просит начальника Генштаба дать указания на более активную и живую работу авиации, а также усилить корпус истребителями.

31 мая Фекленко подписывает оперативно-разведывательную сводку, направленную в адрес начальника Генштаба, где говорилось: «Противник после понесенных больших потерь отошел на госграницу, прикрывая свою группировку незначительными силами».

2

В это время комдив Г.К. Жуков уже находится в Монголии и работает по вопросам изучения и установления причин неудовлетворительной работы командования и штаба, а также с целью оказания им помощи на месте. Однако что мы видим? Наверх от проверяющего уходят целые абзацы критики: командир корпуса принимает тактически неграмотное решение, и вообще, командование штаба 57-го ОК легкомысленно относится к организации боя. Оно не учитывает маневренной возможности и тактики противника. Возникает вполне закономерный вопрос: а помогал ли Жуков, или же он преследовал свои, сугубо личные интересы?

Например, 1 июня Георгий Константинович докладывает Шапошникову: «Штакор очень плохо помогает Фекленко».

2 июня он еще более резок: «В штакоре сейчас хорошо работает только наштакор т. Куцев и один АБТ [отдел]. Остальные отделы работают плохо: индивидуальная подготовка штабных

командиров и сплоченность штаба в целом неудовлетворительная, особенно плохо взаимодействие отделов штаба. Прямым виновником неподготовленности штаба является командование корпуса — не выполнило Ваш приказ № 113 по подготовке штаба...

Фекленко, как большевик и человек, который безусловно предан делу партии, много старается, [в] основном мало организован и недостаточно целеустремлен. К проведению этой операции он заранее подготовлен не был, не был готов и его штаб. Более полную оценку Фекленко можем дать только после тщательного его изучения. Помогаем Фекленко и Никишеву [в] операции по уничтожению противника. Разработать и провести так [операцию], чтобы наверняка разгромить и крепко противник» (РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 202. Л. 252).

В более позднем докладе начальнику Генштаба будущий полководец, как пишет В.С. Мильбах, «характеризует действия командования и штаба 57-го особого корпуса традиционным для того времени образом: “Японцы... возлагали большую надежду на свою агентуру, которую они имели в штабе 57 ОК и МНРА в лице б. нач. штаба Кущева, быв. пом. нач. штаба Третьякова, быв. НО-1 штакора Ивенкова, быв. зам. Главкома МНРА Лупсанданой”» (РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 2. Л. 3).

Каково читать это сегодня? А ведь это уже звучало, как обвинение, которое имело самые суровые последствия.

Станным образом Георгий Константинович «не заметил» какого-либо влияния политических репрессий на организованность и воинскую дисциплину войск 57-го особого корпуса. А ведь «последствием проводимой чистки комначсостава в 57-м особом стрелковом корпусе явилась участвовавшая в 1938 г. смена командного и политического состава частей и подразделений, которая не позволяла вновь назначенным на должность даже войти в курс дел, в достаточной степени изучить подчиненных, тем более — организовать целена-

правленную работу по укреплению воинской дисциплины» (В.С. Мильбах).

Что касается так не любимого Жуковым штаба, то автор книги «Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937—1938 гг. Забайкальский военный округ и 57-й особый стрелковый корпус» рассказывает: «Развернувшиеся вскоре события на р. Халхин-Гол еще раз доказали пагубность последствий политики террора в РККА в 1937—1938 гг. Это в первую очередь отразилось на Забайкальском военном округе и 57-м особом стрелковом корпусе, принявшем на себя основную тяжесть в обеспечении и ведении боевых действий в вооруженном конфликте. Если штаб округа не был привлечен к управлению войсками, задействованными в вооруженном конфликте на р. Халхин-Гол, а занимался в основном материально-техническим обеспечением и доукомплектованием соединений и частей 57-го особого корпуса..., то штабу 57 ОК предстояло непосредственно заниматься организацией боевых действий и управлением войсками в боевой обстановке».

«По состоянию на 11 октября 1937 г. в управлении и штабе корпуса числилось 103 человека, в том числе командно-начальствующего состава — 51 человек.

Приказом командира корпуса комдива И.С. Конева № 004 от 20 февраля 1938 г. управление и штаб корпуса перешли на новый штат 32/802, в соответствии с которым в управлении состояло — 6 человек (4 %), в штабе — 36 человек (23 %), в политотделе — 18 человек (12 %), в службах — 35 человек (22 %), в команде штаба — 61 человек (39 %). Всего 156 человек, в том числе комначсостав — 97 человек (62 %).

Из обобщенных архивных данных следует, что репрессии в управлении и штабе корпуса с сентября 1937 г. по октябрь 1938 г. было подвергнуто не менее 15 человек комначсостава. К высшей мере наказания были приговорены двое, арестованы четверо, откомандированы как избаловавшиеся в участии

в заговоре и иностранного происхождения девять человек. На десять человек имелись сведения особого отдела об их причастности к антисоветской деятельности, из них девять человек были сняты с должности или переведены. Следовательно, к ноябрю 1938 г. репрессиям в управлении и штабе 57-го особого корпуса подверглось 17 % от списка комначсостава штаба 1938 г.

Штаты управления и штаба корпуса периодически (не реже одного раза в год) изменялись, как правило, в сторону увеличения. В соответствии со “Списком комначсостава 57 ОК” управление и штаб округа по состоянию на февраль 1939 г. были укомплектованы следующим образом: управление — 5 человек (3 %), штаб — 71 человек (39 %), политотдел и редакция корпусной газеты — 25 человек (14 %), службы тыловые и обеспечения — 36 человек (20 %), прокуратура, военный трибунал, особый отдел — 26 человек (14 %), младший комсостав сверхсрочной службы — 18 человек (10 %). Всего 180 человек, в том числе комначсостава — 147 человек (82 %), с прикомандированными: всего 190 человек, в том числе командиров [начальников] 150 человек (79 %). (...)

Достоверно известно, что из числа комначсостава, формировавшего корпус в 1937 г., к февралю 1939 г. были заменены на руководящих должностях управления и штаба корпуса: командир корпуса комкор И.С. Конев (переведен), военный комиссар комкор А.П. Прокофьев (расстрелян), помощник командира по МТО дивинтендант П.И. Драчев (переведен), помощник командира по технической части Шумаков (арестован), начальник политотдела и дивизионный комиссар С.С. Стельмашко (арестован), бригадный комиссар С.Д. Седов (снят с должности), начальник штаба корпуса комбриг В.Ф. Малышкин (арестован), начальник отдела ГСМ майор И.А. Сяги (расстрелян), начальник 1-го отдела штаба майор Г.П. Лиленков, начальник отдела связи майор Ткаченко, на-

чальник АБТВ майор И.Ф. Третьяков, начальник продовольственного отдела Шидко, начальник 4-го отдела капитан Гринев, начальник 6-го отдела техник-интендант 1 ранга Морозов, начальник санитарной службы военврач 2 ранга А.Л. Тamarin. Кроме того, были откомандированы: помощник начальника артиллерии капитан Величко (как участник заговора), воентехник 2 ранга Садовский (как иностранного происхождения). На всех перечисленных командиров и начальников имелась компрометирующая информация политического характера у особого отдела НКВД».

В общем, только за полтора года 31 % от первоначального состава управления и штаба корпуса был заменен на должностях только по политическим мотивам. И лишь по этой причине в феврале 1939-го в штабе корпуса временно исполняли обязанности аж девять человек.

Но что интересно, как подчеркивает В.С. Мильбах, «количество комначсостава в штабе корпуса в соответствии с новыми штатами постоянно росло. Численность комначсостава корпуса в феврале 1939 г. была увеличена в три раза по сравнению с начальным своим составом, и штаб на три четверти состоял из новых командиров, которые находились на должности менее года».

Понимал ли это будущий полководец или просто не все хотел видеть?

Примечательно, что сам Г.К. Жуков 4 июня докладывал начальнику Генштаба в шифровке: «Среди частей некто распространил слух о снятии и аресте Фекленко и прибытии в район действий т. Мехлиса.

Расследование поручено военному прокурору и нач. Особого отдела».

А ведь Жукова тогда в войсках еще не знали. Но его действия в Монголии кому-то очень сильно напомнили почерк Льва Захаровича. Дело в том, что армейский комиссар 1-го ранга

Мехлис, после начала боевых действий у озера Хасан прибыв в район боевых действий вместе с заместителем народного комиссара внутренних дел СССР М.П. Фриновским, организовал на Дальнем Востоке репрессии. И кто-то из командиров это очень хорошо запомнил...

3

На Халхин-Голе комдиву Н.В. Фекленко еще нет и тридцати восьми. Хотя по тем временам он достаточно много учился. В 1922-м окончил Ставропольские курсы политруков, в 1925-м — военно-политическую школу, в 1928-м — Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава, в 1933-м — курсы усовершенствования командного состава при Военной академии им. Фрунзе.

В его личном деле указано, что Н.В. Фекленко до Халхин-Гола прошел должности: политрука, командира кавалерийского эскадрона, начальника полковой школы, командира механизированного полка, танковой бригады и только потом был назначен командиром особого стрелкового корпуса. То есть, несмотря на политическое образование, Николай Владимирович пошел по командной линии и в 30-е годы получил опыт командования механизированными и танковыми частями. Опыт, прямо скажем, редкий и ценный по тем временам.

В 1940-м Фекленко назначен командиром 15-й танковой дивизии, а уже в марте 1941-го, в звании генерал-майора танковых войск, командиром 19-го механизированного корпуса Киевского особого военного округа. В начале войны корпус под командованием Фекленко в составе войск Юго-Западного фронта участвовал в приграничных сражениях. Только в ходе контрудара из района Ровно на Дубно он отбросил противника на 25 километров.

В августе 1941 г. Фекленко принял 38-ю армию (с 8 августа 1941 года приняла участие в обороне Киева), но по представ-

лению главкома Юго-Западного направления маршала Тимошенко в сентябре был отстранен от должности как не справлявшийся со своими обязанностями. Но, как известно, тогда не справлялись многие...

Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян вспоминал: «Генерал Николай Владимирович Фекленко встретил меня радушно. Мы старые знакомые. Еще в тридцатых годах вместе служили в 5-й кавалерийской дивизии: я — начальником штаба дивизии, он — командиром механизированного полка. Николай Владимирович уже тогда пользовался авторитетом за деловитость, прямоту, решительность. За отличную подготовку полка он был награжден орденом Ленина. В 1940 году Фекленко назначили командиром танковой дивизии, а в начале 1941 года — командиром сформированного 19-го механизированного корпуса. Николай Владимирович отличился в боях уже в первые недели войны и был удостоен ордена Красного Знамени. За неделю до нашей встречи по рекомендации генерала Кирпоноса его назначили командующим 38-й армией».

До лета 1942 года Фекленко — помощник командующего Юго-Западным фронтом по формированию, командующий войсками Харьковского военного округа, командующий войсками Сталинградского военного округа, заместитель начальника Главного автобронетанкового управления РККА.

В июне Николаю Владимировичу доверили 17-й танковый корпус, который в составе оперативной группы войск Брянского фронта участвовал в оборонительной операции на воронежском направлении. И здесь снова его ждала неудача. С занятием немцами Кулевки корпус оказался разрезанным на две части. Связь штаба корпуса с левой группой была потеряна. Создалась реальная угроза прорыва немецких частей к Воронежу. Всего за четыре дня боев потери 17-го тк составили 1661 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести, а также: 23 КВ-1, 62 Т-34, 47 Т-60, 23 орудия, 22 миномета

и 14 пулеметов. 4 июля 1942 г. остатки корпуса сдерживали наступавшие немецкие части, а ночью по приказу командования переправились на другой берег Дона.

В общем, по каким-то причинам Николай Владимирович на фронте так и не утвердился как военачальник. С июля 1942-го он — начальник учебного автобронетанкового центра, командующий войсками Тульского танкового военного лагеря, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Степного фронта, начальник Главного управления формирования и боевой подготовки бронетанковых и механизированных войск Красной армии.

После войны генерал-лейтенант танковых войск Фекленко — командующий бронетанковыми и механизированными войсками Белорусского и Прикарпатского военных округов. В июле 1951 г. был уволен в запас, а в октябре умер.

Относительно Фекленко, судя по всему, Г.К. Жуков оказался прав: «...много старается, но в основном мало организован и недостаточно целеустремлен». Но все это будущему полководцу оказалось только на руку. Ведь одно дело — подсказать, помочь, а совсем другое — постоянно «подпиливать ножки кресла командира корпуса» своими докладами в Москву. Ведь не секрет, что хватка Жукова всегда была крепкой...

4

Начальник штаба 57-го особого корпуса комбриг А.М. Кущев еще в Гражданскую успел покомандовать и ротой, и батальоном. На Халхин-Голе ему исполнился сорок один год. В 1927—1928 гг. он командовал стрелковым полком в Канске, затем учился в Военной академии РККА. После ее окончания снова получил стрелковый полк, но уже на Дальнем Востоке. А в 1936-м, с должности начальника штаба 26-й стрелковой дивизии был направлен в Академию Генштаба. Начальником штаба 57-го ОК назначен в 1939-м.

27 июня 1939 года комбриг Кушев был арестован. По версии следствия, еще в 1935 году он был завербован японскими разведывательными органами, участвовал в панмонгольской диверсионно-шпионской организации, в 1939 году проводил подрывную предательскую работу в районе боев на реке Халхин-Гол. 19 ноября 1940 г. А.М. Кушев был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58-1б на 20 лет лишения свободы, с поражением в правах, конфискацией имущества и лишением воинского звания «комбриг».

Только летом 1943 года, Постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Кушев будет досрочно освобожден из Устьвымлага. С сентября 1943 г. полковник Кушев — начальник оперативного отдела 46-й армии. В июле 1944-го он назначен начальником штаба 5-й ударной армии. Генерал Ф.Е. Боков вспоминал: «Энергичный, подвижный, Александр Михайлович Кушев, казалось, никогда не отдыхал. Человек высокой культуры, он хорошо знал и любил штабную работу, умело руководил подчиненными. В армии все знали его “конек” — контроль за исполнением приказов и боевых распоряжений Военного совета и штаба армии. Исключительно пунктуальный во всем, Кушев добивался и от других такой же высокой дисциплины. Причем делал это так, что не сковывал инициативы подчиненных ему офицеров и нижестоящих штабов».

К слову сказать, за умелую организацию штабной работы, проявленные мужество и самоотверженность указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 мая 1945 года генерал-майору Кушеву Александру Михайловичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

За время своей службы Александр Михайлович получил 11 ранений, однако продолжил свою службу и после войны. После смерти Сталина его назначили начальником штаба Приволжского военного округа, а затем представителем глав-

нокомандующего Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора в Чехословакии.

Примечательно, что полностью реабилитировали генерал-полковника (1955) Кущева только в марте 1965 года.

В 1968 году Александр Михайлович вышел в запас, а в 1975-м умер в Минске.

В своей книге про Маршала Советского Союза Г.К. Жукова генерал армии М.А. Гареев рассказывает об одном малоизвестном факте: «С прибытием Жукова в Монголию начальником штаба 57-го особого корпуса был полковник А.М. Куцев, к которому, видимо, уже “прицеливались” особые органы. Во время одной из бомбежек японской авиацией командного пункта оборвалась связь с соединениями. Момент для управления войсками был острый — без связи оставаться нельзя, и нач. штаба корпуса, несмотря на продолжающиеся вражеские бомбовые удары, выскочил из укрытия, чтобы посмотреть, что же произошло с линиями связи. Вскоре на него поступил донос, что он выбегал из укрытия для того, чтобы перерезать телефонные провода и оставить корпус без связи. Георгий Константинович вначале пытался защитить А.М. Кущева, но, почувствовав, что обостряются отношения с “органами”, не стал упорствовать, надеясь, как он говорил позже, после окончания боев переговорить об этом с наркомом Ворошиловым. Но Куцев все же был арестован и только позже освобожден».

Однако как же тогда понять слова Жукова в его докладе начальнику Генштаба: «Японцы... возлагали большую надежду на свою агентуру, которую они имели в штабе 57 ОК и МНРА в лице б. нач.штаба Кущева...»?

Когда он говорил правду — тогда, в 1939-м, или в 1955-м, когда рекомендовал маршалу Тимошенко взять к себе генерала Кущева заместителем командующего войсками округа?

В Монголии комдив Жуков сразу же невзлюбил начальника оперативного отдела штаба корпуса полковника Я.А. Ивенкова. С начала конфликта Яков Афанасьевич был начальником оперативной группы, однако проверяющий из Москвы вместо него на КП отправил начальника штаба. А позднее появился очень серьезный повод убрать Ивенкова совсем. 28 мая на командный пункт был доставлен захваченный в плен раненый японский солдат, который сумел бежать. 10 июня Жуков докладывал наркому обороны: «Полковник Ивенков, приняв пленного, не организовал доставку его в штаб группы, ограничившись приказанием оперативному дежурному лейтенанту Красносельскому организовать на ночь охрану. Лейтенант Красносельский, получив приказание Ивенкова, назначил в качестве часовых шофера Ларина и писаря Коренкова из отряда Быкова, ограничившись поверхностным инструктажем. Полковник Ивенков к организации охраны пленного отнесся халатно, даже не поинтересовавшись, кому поручена охрана пленного. В 3 часа 29 мая пленный японец бежал. При опросе часового, почему он упустил пленного и не стрелял в японца, часовой ответил, что растерялся и не знал, что надо стрелять».

Основными виновниками побега Жуков назвал полковника Ивенкова, лейтенанта Красносельского и часового, «которые халатно отнеслись к организации охраны пленного».

На следующий день член Военного совета 57-го особого корпуса М.С. Никишев результаты этого расследования отправил в адрес наркома: «28 мая к исходу дня на командный пункт стрелково-пулеметного батальона 11-й танковой бригады был доставлен инструктором 17 кавполка 6-й кд раненый в грудь японский солдат второго года службы (по данным, занимал должность командира отделения). На командном пункте сделали перевязку раны и увезли вместе с отходящим штабом этого батальона и полковником Ивенковым на зап. берег

р. Халхин-Гол, поднявшись на гору и не зная обстановки, полковник Ивенков решил сделать привал. Со штабом Ивенкова находилось 40 красноармейцев и 6 чел. среднего состава. Выставил двух часовых, которым поставлена задача охранять спящих и пленного японца. Инструктаж часовых делал лейтенант Красносельский. Часовые были красноармейцы Пестов, Ларин, Коренков, Фомиченко. Красносельский при инструктаже дал указания не стрелять, не курить, разговоры шепотом, японца посадить и не разговаривать. (...)

Через полтора часа Ларин отошел на 15 метров будить смену, а Коренков отвернулся от японца лицом к Ларину, в это время японец совершил побег. Коренков окриком предупредил Ларина и побежал за пленным, отбежав метров 200, японец бросился в яр, а Коренков вернулся и лег спать. Ларин только видел, как пробежал японец и потерял из виду.

Ивенкова разбудили, но он поднял голову и приказал разыскать и привести, сам снова уснул, вторично через минут 40 разбудили Ивенкова, и он приказал организовать поиски.

Коренков был разбужен и послан на поиски, но он спустился к берегу Халхин-Гол и лег спать в камышах.

Красноармеец Коренков с передовых позиций мною отозван и передается суду».

В общем, полковой комиссар Никишев выявил лишь одного виновного, а у проверяющего их оказалось гораздо больше, причем основным — полковник Ивенков.

Стоит отметить, что Яков Афанасьевич Ивенков все-таки был арестован и под арестом находился с 12 сентября 1939 по 17 марта 1940 года. Приговором военного трибунала его осудили по ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР на 5 лет ИТЛ(а) за злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти, а также халатное отношение к службе лица начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии, если деяния эти совершались систематически, либо из корыстных сообра-

жений или иной личной заинтересованности, а равно если они имели своим последствием дезорганизацию вверенных ему сил, либо порученного ему дела, или разглашение военных тайн, или иные тяжелые последствия, или хотя бы и не имели означенных последствий, но заведомо могли их иметь, или были совершены в военное время, либо в боевой обстановке, влекут за собой — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев; б) Те же деяния, при наличии особо отягчающих обстоятельств, влекут за собой — высшую меру социальной защиты; в) Те же деяния, при отсутствии признаков, предусмотренных пунктами «а» и «б» настоящей статьи, влекут за собой — применение правил дисциплинарного устава Рабоче-Крестьянской Красной Армии).

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 11 февраля 1940 г. приговор был отменен. До начала войны полковник Ивенков преподавал в Военной академии им. Фрунзе общую тактику, а затем службу штабов.

Яков Афанасьевич Ивенков (1901 г.р.) окончил 2-ю Московскую пехотную школу комсостава (1923), Московские мотомеханизированные курсы комсостава РККА (1933) и Военную академию РККА (1939).

В 30-е годы командовал ротой, был помощником начальника штаба полка и начальником штаба батальона. После обучения на курсах был направлен помощником начальника штаба разведбатальона 4-й механизированной бригады БВО, исполнял должность начальника строевого и помощника начальника оперативного отделений этой бригады.

После выпуска из академии Ивенкова направляют в МНР на должность начальника 1-го отдела штаба 57-го особого стрелкового корпуса.

В августе 1941-го Якова Афанасьевича назначают начальником штаба 384-й стрелковой дивизии, которая в декабре 1942 г., после тяжелых боев против Демянской группировки

противника юго-восточнее Старой Руссы, была расформирована. А Ивенков получает должность начальника штаба в 200-й стрелковой дивизии, которая в результате боев в Демянской наступательной операции (1943) прорвала передний край обороны противника, вынудив его отойти.

В октябре 1943 г. полковник Ивенков допущен к командованию 200-й стрелковой дивизией, однако во второй половине декабря был отстранен от командования «за невыполнение приказа и неумение организовать бой, за отсутствие в дивизии настоящей воинской дисциплины». До назначения заместителем командира 13-й гвардейской воздушно-десантной дивизией (переформирована в 103-ю гвардейскую стрелковую) Отдельной воздушно-десантной армии (сентябрь 1944) временно исполнял должность заместителя начальника оперативного отдела штаба фронта, а также командовал военным циклом Высших всеармейских военно-политических курсов.

В документах, характеризующих полковника Ивенкова, можно прочесть: «Во всех боях тов. ИВЕНКОВ обеспечил командованию непрерывное управление частями. Работа штаба организована четко и планомерно. В сложные и напряженные периоды боев полковник ИВЕНКОВ всегда был в частях на передовых линиях на самых ответственных участках боя», «опытный боевой командир», «в боевой обстановке решителен, смел и настойчив, обладает хорошей подготовкой, развитый и культурный командир», «лично храбр, инициативен, исполнительен».

После войны полковник Ивенков был переведен на равнозначную должность в 105-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию, а в июне 1950-го был назначен начальником штаба 201-й горнострелковой дивизии в ТуркВО.

В 1954 году Яков Афанасьевич был уволен в запас с должности старшего руководителя военной подготовки Киргизской республиканской партшколы при ЦК КП Киргизии.

Невзлюбил Г.К. Жуков и заместителя начальника штаба корпуса полковника Ф.И. Третьякова. Не будем утверждать, что именно Георгий Константинович сделал для этого все, но тем не менее карьера ЗНШ была остановлена именно на Халхин-Голе...

В начале войны Федор Иванович преподавал общую тактику в Высшей военной школе ПВО (на правах академии), которая была создана в мае 1941-го на базе факультета противовоздушной обороны Военной академии им. Фрунзе. В октябре Школа была эвакуирована в Пензу, в марте 1943 г. вернулась обратно в Москву, а летом 1946 г. была передислоцирована в Харьков. Там и обучал своих слушателей полковник Третьяков весь период Великой Отечественной войны. Хотя мог принести гораздо больше пользы на фронте, прежде всего в качестве начальника штаба дивизии, корпуса или армии. Как известно, специалистов с высшим военным образованием там явно не хватало, но в кадрах решали все...

С первых дней пребывания в Монголии, по каким-то неведомым нам причинам, комдив Жуков из всего командования корпуса хорошо отзывался только о полковом комиссаре Никишеве. Странная симпатия Георгия Константиновича. Ведь это же политработник, и не более. Как известно, Георгий Константинович их, мягко говоря, не почитал. Более того, больше командира и начальника штаба полковой комиссар знать не мог в принципе. Но тут вопрос заключается в другом. Видимо, Никишев очень хорошо знал свое дело и в дороге выложил все это проверяющему из Москвы: о состоянии корпуса, его боеспособности, о штабе, об отдельных командирах и политических работниках.

А это и было то, что нужно. Только поэтому Никишев и произвел на Георгия Константиновича хорошее впечатление. Ну, вы понимаете...

Михаил Семенович Никишев (1906 г. р.). С 1924 г. в комсомоле, с 1929 г. — в партии, с 1932 г. — в армии. Образование: Военно-политическая академия им. Толмачева. Участие в военных конфликтах — у оз. Хасан и на р. Халхин-Гол. С марта 1938 г. — начальник политотдела стрелковой дивизии, с июля 1938 г. — и. д. начальника политотдела стрелкового корпуса, с декабря 1938 г. — начальник политотдела, с апреля 1939 г. — военный комиссар. В июне 1940 г. дивизионный комиссар (1939) Никишев назначен членом Военного совета 17-й армии, а в августе — членом Военного совета 5-й армии. При отходе в направлении Лохвицы Полтавской области, в сентябре 1941-го, штаб 5-й армии был окружен, а Михаил Семенович погиб.

Глава 5

«РОЛЬ И ФОРМА ПОЯВЛЕНИЯ ВОЛЕВОГО НАЧАЛА В РУКОВОДСТВЕ»

1

Маршал Советского Союза М.В. Захаров в июне 1939-го был помощником начальника Генерального штаба РККА в звании комкора. В одной из своих книг о новом назначении Г.К. Жукова он напишет следующее: «1 июня во время доклада К.Е. Ворошилову (на этом докладе присутствовал и я) о ходе боев в районе реки Халхин-Гол Нарком обороны высказал мнение о том, что Н.В. Фекленко надо было бы заменить, поскольку он не понимает природы боев на территории Монгольской Народной Республики, где для руководства боевыми действиями подошел бы хороший кавалерийский начальник, тем более что в состав войск, действовавших против японцев, входили монгольская конница, механизированные бригады и одна стрелковая дивизия.

Начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников согласился с предложением К.Е. Ворошилова, и мы стали искать

подходящего командира. Я предложил назначить на эту должность Г.К. Жукова, который в то время служил в Белорусском военном округе инспектором конно-механизированной группы (в случае войны этой группой должен был командовать Г.К. Жуков). С Г.К. Жуковым я познакомился еще в 30-х годах в этом же округе, где он был командиром кавалерийского полка, а в последующем командовал 4-й кавалерийской дивизией и кавкорпусом. В его служебных аттестациях всегда отмечались незаурядные организаторские способности, сила воли, неукротимая энергия и хорошая оперативно-тактическая подготовка.

Через некоторое время К.Е. Ворошилов позвонил мне из Кремля и приказал срочно связаться со штабом Белорусского военного округа, чтобы передать приказ о вызове Г.К. Жукова в Москву.

2 июня Г.К. Жуков был уже в Москве; получив назначение на должность командира 57-го особого корпуса, он срочно вылетел в Монголию».

Но, как мы теперь знаем, все происходило гораздо раньше и не совсем так. А вот протекция комкора М.В. Захарова сама по себе любопытна. Судя по всему, Матвей Васильевич действительно рекомендовал кандидатуру Жукова начальнику Генерального штаба, запамятавав только даты и некоторые события.

Решение же о замене командира 57-го стрелкового корпуса было принято 11 июня 1939 года. Именно в этот день «К.Е. Ворошилов обратился к И.В. Сталину с просьбой о замене командного состава 57-го Особого корпуса в связи с тем, что комдив Н.В. Фекленко не справился с руководством корпусом в условиях начавшегося вооруженного конфликта, командующий ВВС ЗабВО комдив М.И. Изотов не подготовил вверенные ему ВВС к ведению воздушного боя, проявил нерешительность, бездеятельность, начальник ВВС 57-го Осо-

бого корпуса с апреля 1939 г. и командир 100-й авиабригады полковник Калинин не справился с самостоятельной работой, проявил растерянность. Все они по распоряжению Сталина и приказу Ворошилова были отстранены от занимаемых должностей. Командиром 57-го Особого корпуса был назначен комдив Г.К. Жуков..., командующим ВВС и членом Военного Совета ЗабВО стал комдив А.Т. Шаронов, командиром 100-й авиабригады и начальником ВВС корпуса назначен Герой Советского Союза полковник А.И. Гусев (быв. помощник командира 54-й авиабригады)» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1263. Л. 269—272).

«Приказом по 57-му Особому корпусу №03/П от 12 июня 1939 г. командир 57-го Особого корпуса комдив Н.В. Фекленко сдал командование корпусом комдиву Г.К. Жукову с 12 июня 1939 г. на основании приказа наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова № 41 от 11 июня 1939 г.» (РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 218. Л. 10).

Согласно тетрадям (журналам) записей лиц, принятых И.В. Сталиным 11 июня 1939 г., маршал Ворошилов был принят вождем в 16.05 и находился в его кремлевском кабинете около 3 часов. Что, собственно, и подтверждает санкцию Сталина на эти назначения.

Примечательно, что в мемуарах Маршала Советского Союза Г.К. Жукова все упрощено до предела: прибыли, встретились, послушали доклад, побывали на передовой, тщательно разобрались в обстановке, детально ознакомились с местностью, отметили недостатки, оценили обстановку и послали донесение наркому обороны. «На следующий день был получен ответ, — рассказывает Жуков. — Нарком был полностью согласен с нашей оценкой обстановки и намеченными действиями. В этот же день был получен приказ наркома об освобождении комкора Н.В. Фекленко от командования 57-м особым корпусом и назначении меня командиром этого корпуса».

Вроде бы все так и было, но не совсем. В 57-м корпусе будущей полководец находился две недели, прежде чем его назначили командиром. А сколько донесений он за это время отправил в Москву, сколько чернил израсходовал, никто так и не подсчитал. Однако при желании это не составит огромного труда.

2

Маршал Советского Союза К.А. Мерецков с 1935 года был начальником штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Вспоминая о том времени, Кирилл Афанасьевич писал, что служба на Дальнем Востоке оказалась для него полезной. И даже спустя десять лет, вступив в командование 1-м Дальневосточным фронтом, он использовал очень многое из того, что приобрел, работая ранее в ОКДВА.

«Одно знакомство с театром военных действий чего стоило!» — подчеркивал маршал в своих мемуарах. В долгой дороге из Ярославля в Ворошилов-Уссурийский маршал «освежал свои знания о дальневосточном театре военных действий, вспоминал службу в ОКДВА, читал захваченные из Москвы книги по истории, географии, этнографии народов Приморья, Маньчжурии и Кореи».

Ничего этого мы не сможем найти про Георгия Константиновича. Читать ему было некогда, а может, и нечего. Театр военных действий (ТВД) ему пришлось изучать на месте и в очень сжатые сроки. Однако один плюс все же был. По авторитетному мнению К.А. Мерецкова, «любой военачальник, меняя место службы и вращаясь в новую обстановку, сразу же набирается свежего практического опыта, ибо несоответствующие условия моментально заставляют изыскивать другие пути решения сходных по типу военных задач. Вот почему так важно, чтобы командиры не засиживались на одном месте. Смена впечатлений сама по себе будет расширять их кругозор, вы-

двигать перед военачальниками новые проблемы, побуждать их к тому, чтобы взглянуть на дело с незнакомой прежде стороны».

Не засиделся и Георгий Константинович...

3

Как известно, Г.К. Жуков родился в крестьянской семье, а потому и образование его не было блестящим: в 1907 г. закончил 3 класса церковно-приходской школы. Это двухклассная (трехгодичная) ЦПШ (с начала XX века), обучение в которой осуществляли священники, дьяконы, дьячки, а также учителя и учительницы, выпускники церковно-учительских школ и епархиальных училищ. В этих школах изучали Закон Божий, церковное пение, письмо, арифметику, чтение и историю.

В 1920-м Георгий Константинович сдал экстерном экзамены за 4 класса городского училища и в этом же году окончил 1-е Рязанские кавалерийские курсы, куда он поступил в марте этого же года. А в середине августа курсантов погрузили в эшелон и отправили в Москву. Уже из столицы Сводный курсантский кавалерийский полк 2-й Московской бригады выехал в Екатеринодар, где выступил на ликвидацию десанта генерала С.Г. Улагая.

После боев с этим десантом и «армией» генерала Фостикова в районе станиц Урупской, Бесскорбной, Отрадной наиболее подготовленные курсанты досрочно сдали экзамены в полевом штабе 9-й Кубанской армии в Армавире.

Следующее образование Г.К. Жуков получил в Высшей кавалерийской школе (вскоре была переименована в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава — ККУКС). В октябре 1924 г. будущий полководец сдал полк и выехал в Ленинград, а уже в августе 1925-го состоялся его выпуск.

Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян рассказывал писателю В. Карпову: «Мы были молодые, и, вполне естествен-

но, кроме учебы, нам хотелось иногда и развлечься, и погулять, что мы и делали уходили в город, иногда ужинали в ресторане, иногда ходили в театры. Жуков редко принимал участие в наших походах, он сидел над книгами, исследованиями операций Первой мировой войны и других войн, а еще чаще разворачивал большие карты и, читая книги или какие-нибудь тактические разработки, буквально ползал по картам, потому что карты были большие, они не умещались на столе, он их стелил на пол и вот, передвигаясь на четвереньках, что-то там выглядывал, высматривал и потом сидел, размышляя, нахмурив свой могучий, широкий лоб. И случалось нередко, как мы возвращались после очередной вылазки, а он все еще сидел на полу, уткнувшись в эти свои карты».

Свое последнее образование Г.К. Жуков получил в Москве, на Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава РККА при Военной академии им. Фрунзе с ноября 1929 года по январь 1930-го. О нем можно судить, например, по докладу начальника Штаба РККА М.Н. Тухачевского К.Е. Ворошилову (о мерах по реорганизации этих Курсов с целью повышения общевойсковой подготовки командных кадров в 1927 году): «В настоящее время общевойсковая подготовка в РККА отличается еще крайней не систематичностью. Это объясняется:

а) новизной практической постановки этого вопроса (с 1925—26 г.);

б) отсутствием подготовленного кадра работников в области практических вопросов общевойскового боя;

в) отсутствием в распоряжении Штаба РККА, отвечающего за общевойсковую подготовку, курсов для соответствующей подготовки общевойсковых (строевых и штабных) работников.

В области оперативно-стратегической подготовки основного кадра армейских работников мы имеем лучшее положение. В этом отношении вопросы практического оперативного

руководства прочно поставлены и в Военной академии и на КУВКе и достаточно распространены в армии. Если здесь мы не достигли еще необходимой высоты, то, во всяком случае, в процессе дальнейшей работы мы имеем основания добиться нужных нам результатов.

В отношении общевойсковой подготовки дело обстоит далеко не так. Ни в Военной академии, ни на КУВКе общевойсковая подготовка не поставлена еще на практический путь. Мы не имеем там для этого дела подготовленного кадра. Его необходимо выработать самым срочным порядком. Начиная с весны и лета 1926 года, Штабу РККА удалось сделать первые шаги в деле постановки обучения армии общевойсковому бою. Этот первый опыт (маневры) показал, как трудно осуществить намеченную программу. Ни общевойсковые командиры, ни начальники штабов и весь состав штабов к руководству боем и взаимодействию различных родов войск в бою оказались неподготовленными. Если мы в таких условиях будем добиваться высокой общевойсковой подготовки Красной Армии, для этого потребуются крайне длительный срок и мы до войны вряд ли успеем что-либо сделать».

Сложно сказать, что изменилось с тех пор на Курсах до прихода туда будущего полководца, но ясно одно: срок обучения там был слишком уж незначительный.

4

Прохождение службы у Г.К. Жукова до Халхин-Гола достойно уважения, вот только он так и остался лишь хорошим командиром-кавалеристом. Бои же в Монголии требовали от военачальника более широкой квалификации, но для этого будущему маршалу явно не хватало ни военного образования, ни соответствующего боевого опыта.

Свою армейскую службу Георгий Константинович начал в августе 1915 года рядовым в учебной команде 5-го запасно-

го кавалерийского полка (Харьковская губерния), где обучался конному делу, владению пикой и шашкой. А весной 1916-го будущего полководца направили в город Изюм для учебы на унтер-офицера (т. е. сержанта).

На Юго-Западный фронт Жуков прибыл в августе, в составе пополнения в 10-й драгунский Новгородский полк 10-й кавалерийской дивизии.

Осенью 1917-го Г.К. Жуков демобилизовался и вернулся домой.

В Красную армию Георгий Константинович записался добровольцем 1 октября 1918 г., став красноармейцем 4-го Московского кавалерийского полка Московской кавалерийской дивизии. Свой первый бой он принял в 100 километрах от Уральска. Потом были ранение, сыпной тиф, лазарет и отпуск.

На 1-х Рязанских кавалерийских командных курсах Жуков обучался с марта по август 1920 года. Там его приняли в партию, из кандидатов в члены РКП(б) — 8 мая 1920), там же выдвинули сначала помощником командира взвода, а потом и старшиной 1-го эскадрона. Кстати сказать, 31 июля курсант Жуков был отчислен «за нарушение воинской дисциплины», но уже 6 августа вновь восстановлен на курсах.

С 19 октября 1920 г. он — командир взвода 1-го кавалерийского полка кавалерийской бригады 14-й стрелковой имени А.К. Степина дивизии.

С 10 ноября 1920 г. — командир 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка 14-й отдельной кавалерийской бригады (с 1922 г. командовал эскадроном 38-го кавалерийского полка).

18 марта 1923 г. временно допущен на вакантную должность помощника командира 40-го Бугурусланского кавалерийского полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии.

8 июля 1923 г. вступил во временное командование 39-м Бузулукским кавалерийским полком. В декабре 1923 г. назначен командиром этого полка.

20 апреля 1930 г. назначен командиром 2-й кавалерийской бригады 7-й Самарской кавалерийской дивизии (под командованием К.К. Рокоссовского).

В феврале 1931 г. выдвинут на должность помощника инспектора Инспекции кавалерии РККА (приступил к исполнению с мая).

25 марта 1933 г. назначается командиром и военкомом 4-й кавалерийской Ленинградской Краснознаменной дивизии им. Ворошилова.

С 22 июля 1937 г. — командир 3-го конного корпуса, а с 9 июня 1938-го — заместитель командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии.

Таким образом, за 20 лет службы в Красной армии Г.К. Жуков сделал головокружительную карьеру: командиром полка стал в 27 лет, командиром бригады — в 33 года, в 36 лет — командир дивизии, в 40 лет — командир корпуса и в 41 год — заместитель командующего войсками округа.

26 ноября 1935 г. Жукову присвоено воинское звание «комбриг», а 16 августа 1936 г. он награжден орденом Ленина. За успехи в боевой и политической подготовке в канун празднования 20-й годовщины Красной Армии (приказом НКО № 0170/п от 22 февраля 1938 года) комбригу Г.К. Жукову было присвоено воинское звание «комдив» — «досрочно и вне очереди».

5

Читать аттестации периода 20—30-х гг. очень даже интересно. Они максимально честные. А еще в них дается оценка не только военным дарованиям и качествам командира, но и человеческим качествам. Тогда на это обращали весьма пристальное внимание. И абсолютно не зря.

В самой первой аттестации (1922 г.) на командира эскадрона Г.К. Жукова говорилось: «С 1 марта 1918 года все время на фронте. Кавалерийскую службу теоретически и практически

знает хорошо. **Общеобразовательная подготовка средняя, строевая и боевая хорошая, но иногда дерзко относится к политруку».**

Вывод командира полка лаконичен: «По своим знаниям соответствует своему назначению и может быть повышен».

Следующая аттестация датирована 1923 годом, когда будущего маршала выдвигали на должность помощника командира полка: «Тов. Жуков вполне отлично подготовлен теоретически, **вышколенно знает кав. службу**, отлично воспитан, обладает широкой инициативой, хороший администратор — хозяин эскадрона. Дисциплинирован, **но бывает иногда резок в обращении с подчиненными**. Политически подготовлен удовлетворительно. В занимаемой должности пребывает достаточно для его повышения в пом. ком. полка».

В июле 1924-го командир 2-й кавалерийской бригады 7-й кавалерийской Самарской дивизии В. Селицкий так оценил своего подчиненного: «Хороший строевик и администратор, любящий и знающий кавалерийское дело. Умело и быстро ориентируется в окружающей обстановке. Дисциплинирован **и в высшей степени требователен по службе**. За короткое время его командования полком сумел поднять боеспособность и хозяйство полка на должную высоту. **В боевой жизни мною не испытан**. Занимаемой должности соответствует».

«С аттестацией командира бригады вполне согласен. Тов. Жуков теоретически и тактически подготовлен хорошо. За короткий срок поставил полк на должную высоту Хороший спортсмен-наездник. Должности вполне соответствует», — добавил командир и военком дивизии Г.Д. Гай.

Именно после этой аттестации Жуков был направлен на учебу в Ленинград.

А вот как аттестовал за 1928 год командира 39-го кавалерийского полка следующий командир и комиссар 7-й кавдивизии Д.Ф. Сердич: «**Энергичный и решительный командир.**

Благодаря работе тов. Жукова, направленной на воспитание и учебно-боевую выучку, полк встал на должную высоту во всех отношениях. Как командир полка и единоначальник подготовлен отлично. Подлежит выдвижению на должность комбрига во внеочередном порядке».

Не менее интересна аттестация руководителя группы общевойсковой отделения Курсов усовершенствования высшего начсостава РККА 5-го созыва: «Общевойсковую тактику знает **вполне удовлетворительно** даже для общевойскового пехотного командира. Совершенно не отставал от успехов других слушателей группы.

Показал удовлетворительные знания ПУ-29, а равно и боевого устава артиллерии. В оперативно-тактических решениях обнаружил достаточную отчетливость и большую твердость.

Штабную работу знает почти удовлетворительно.

Его познания как командира-конника определять не берусь.

Отличался большой точностью (даже графической) в работе.

Метод военных игр и групповых упражнений постиг вполне удовлетворительно.

С успехом может руководить общетактической подготовкой полка и дивизии.

По наклонностям и характеру командир явно строевой (к штабной работе мало годен)».

Но самую красочную и самую объективную аттестацию на командира 2-й кавалерийской бригады Г.К. Жукова написал будущий Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский: «Сильной воли. Решительный. Обладает богатой инициативой и умело применяет ее на деле. Дисциплинирован. Требователен и в своих требованиях настойчив. По характеру немного суховат и недостаточно чуток. Обладает значительной долей упрямства. Болезненно самолюбив. В военном отношении

подготовлен хорошо. Имеет большой практический командный опыт. Военное дело любит и постоянно совершенствуется. Заметно наличие способностей к дальнейшему росту. Авторитетен. В течение летнего периода умелым руководством боевой подготовки бригады добился крупных достижений в области строевого и тактически-стрелкового дела, а также роста бригады в целом в тактическом и строевом отношении. Мобилизационной работой интересуется и ее знает. Уделял должное внимание вопросам сбережения оружия и конского состава, добившись положительных результатов. В политическом отношении подготовлен хорошо. Занимаемой должности вполне СООТВЕТСТВУЕТ. Может быть использован с пользой для дела по должности помкомдива или командира мехсоединения при условии пропуска через соответствующие курсы. **На штабную и преподавательскую работу назначен быть не может — органически ее ненавидит.**

8 ноября 1930 г.

Командир — военком дивизии: (Рокоссовский)».

Из аттестации на помощника инспектора кавалерии РККА тов. Жукова Г.К. за 1931 год, данной С.М. Буденным в октябре этого года:

«1) Тов. ЖУКОВ Г.К. приступил к исполнению настоящей должности с мая месяца 1931 года. (...)

3) В результате выполненных работ и целого ряда других отдельных поручений и заданий вполне подтверждается та положительная оценка тов. ЖУКОВА Г.К., которая давалась ему по предыдущей работе на строевых должностях, а именно, что тов. ЖУКОВ Г.К. является:

1. Командиром с сильными волевыми качествами, весьма требовательным к себе и подчиненным, **в последнем случае наблюдается излишняя жестокость и грубоватость.**

Чувство ответственности за порученную работу развито в высокой степени... (...)

2. Тактически и оперативно грамотным общевойсковым командиром, овладевшим задачами, которые были поставлены приказом № 080... (...)

3. С техническими средствами и новым оружием, имеющимся и вводимым на вооружение конницы РККА и других рядов войск, знаком...

4) Личная стрелковая подготовка не проверялась, систематически и Инспекции не проводилась.

5) Состояние здоровья вполне удовлетворительное.

6) **ОБЩИЙ ВЫВОД:**

Тов. **ЖУКОВ Г.К.** — подготовленный общевойсковой командир-единоначальник; вполне соответствует занимаемой должности и должности командира кав. дивизии и начальника нормальной кав. школы».

В 1936 г. в аттестации на Жукова отмечалось: «...дивизия в боевой подготовке вышла на первое место в округе... Волевой командир, инициативен и решителен, эти качества прививает комсоставу дивизии. Хороший организатор, твердо держит в своих руках управление дивизии».

Характеризуя своего заместителя по кавалерии, командующий войсками округа комкор Ковалев М.П. писал: «энергичный, волевой командир, способен принимать самостоятельные решения... и (что благодаря его непосредственному руководству!) конница в боевой и политической подготовке значительно выросла в этом году. (В то же время!) ... **В прошлом имели место случаи грубости в обращении с подчиненными, за что по партийной линии т. Жуков имеет выговор**, но в течение 1938 года он учел этот свой недочет и резко выправился... Может быть командующим большой армейской группы».

Имея в виду прошлый год (1937), комкор Ковалев упомянул в аттестации не зря. В личном деле Маршала Советского Союза Г.К. Жукова сохранился весьма любопытный документ:

«Сов. секретно

ВЫПИСКА

из донесений ПУОКРА и политорганов ЛВО на лиц ком. и нач. состава, проявивших отрицательные настроения и о которых поступили те или другие компрометирующие заявления военнослужащих

Московский военный округ.

Жуков — командир 4-й кавдивизии (БВО).

Группа слушателей Академии им Фрунзе из БВО и 4-й кд прямо заявляет, что Жуков был приближенным Уборевича, во всем ему подражал, особенно по части издевательства над людьми.

ВРИД начальника ОРПО ПУ РККА

дивизионный комиссар Котов.

10 августа 1937 года».

С таким вот багажом за спиной будущий полководец и отправился в командировку в Монголию.

6

Боевой опыт — это знания, умения, навыки способов или приемов боевых действий, приобретенные военнослужащим в боях и сражениях. А с каким боевым опытом будущий полководец отправился в Монголию?

Боевой опыт Г.К. Жукова в годы Первой мировой войны для Монголии никак не годился. На Юго-Западном фронте в сентябре 1916-го его 10-я кавалерийская дивизия (в т. ч. 10-й драгунский Новгородский полк) была сосредоточена в Быстрицком горно-лесистом районе, где принимала участие в наступательных боях, но чаще всего в пешем строю. Условия местности не позволяли ей производить конные атаки. Нача-

лась позиционная война с боями местного значения и вылазками в тыл. «За захват немецкого офицера» Георгий Константинович был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Вторым Георгиевским крестом 3-й степени Жукова наградили (в октябре 1916 г.) за ранение в бою: тяжелую контузию с частичной потерей слуха.

Не подходил для Халхин-Гола и боевой опыт Гражданской войны. Красноармеец Жуков сражался на Восточном, Западном и Южном фронтах против уральских казаков, под Царицыном, с войсками Деникина и Врангеля. В мае — июне 1919 г. участвовал в боях на Урале с казаками в районе станции Шипово, в июне-августе того же года — в боях за Уральск, затем в боях в районе станции Владимировки и города Николаевска. В сентябре — октябре 1919 г. воевал под Царицыном, затем между Заплавным и Средней Ахтубой, где был ранен осколками гранаты. В августе 1920-го принимал участие в боях с десантом Улагая под Екатеринодаром, в декабре 1920-го — августе 1921 г. участвовал в подавлении крестьянского восстания на Тамбовщине.

За участие в подавлении Антоновского восстания Г.К. Жукова наградили (Комэскадрона 1 кав. полка 14 бригады: Прик. РВСР № 183: 1922 г.) орденом Красного Знамени: «В бою под селом Вязовая Почта Тамбовской губернии 5 марта 1921 г., несмотря на атаки противника силой 1500—2000 сабель, он с эскадромом в течение 7 часов сдерживал натиск врага и, перейдя затем в контратаку, после 6 рукопашных схваток разбил банду».

Вот, собственно, и все.

7

Идеальным кандидатом для назначения на должность командира 57-го особого корпуса вполне мог бы стать комдив К.К. Рокоссовский. И в этом даже не приходится сомневаться.

В августе 1914-го поступил добровольцем в 5-й драгунский Каргопольский полк 5-й кавалерийской дивизии 12-й армии. Ему было уже 20, и он убавил себе два года...

Первую мировую прошел от начала и до конца (август 1914 г. — октябрь 1917 г.), каждый год заслуживая по одной награде: Георгиевский крест IV степени (8.08.1914), Георгиевская медаль IV степени (20.07.1915); Георгиевская медаль III степени (6.05.1916); Георгиевская медаль II степени (21.11.1917).

Несколько отличалось и образование Константина Константиновича: он окончил все-таки 5 классов гимназии. Военное же было точно таким же: в 1925 г. — кавалерийские КУКС в Ленинграде, в 1929 г. — КУВНАС при Военной академии им. М.В. Фрунзе. Зато какое прохождение службы: помощник начальника отряда (по август 1918 г.), командир кавалерийского эскадрона (по май 1919 г.), отдельного дивизиона (по январь 1920 г.), кавалерийского полка (по октябрь 1921 г.), кавалерийской бригады (по октябрь 1922 г.), командир кавалерийского полка (по июль 1926 г.), инструктор кавалерийской дивизии в Монгольской Народной Республике (по июль 1928 г.), командир кавалерийской бригады (по январь 1930 г.), кавалерийской дивизии (по февраль 1936 г.), кавалерийского корпуса (по июнь 1937 г.).

Впечатляет и боевой опыт Константина Константиновича: воевал всю Гражданскую войну и вплоть до 1924 года (в боях участвовал в основном на Восточном фронте против чехословаков, Колчака, Семенова и барона Унгерна). За боевые отличия был награжден двумя орденами Красного Знамени (Комкадив 30 стр. дивиз.: Прик. РВСР № 259: 1920 г.; Комполка 35 кавалерийского: Прик. РВСР № 145: 1922 г.). В 1929 г., командуя отдельной кавбригадой, участвовал в боях на КВЖД, на маньчжурском направлении, за что был удостоен третьего ордена Красного Знамени. В августе 1936 г. к ним добавилась еще одна высокая награда: орден Ленина.

Генерал М.Ф. Лукин однажды рассказал писателю К. Симонову о Рокоссовском весьма любопытную историю: «М.Ф.: Я — начальник кадров РККА. Рокоссовский командовал 15-й дивизией в Забайкалье, в Даурии. Там воды нет, в этой Даурии. Воду на конский состав возили в цистернах со станции. А дальше шла степь, как она раньше называлась — Голодная смерть, что ли, черт ее знает. Кругом нет жилья на сотни километров».

Он приехал оттуда, вышел ему срок, является ко мне. Я знакомлюсь с ним и говорю ему: “Товарищ Рокоссовский, дивизии у нас нет, сейчас мы не можем”. Он говорит: “Ну давайте бригаду”. Я говорю: “И бригады тоже нет”. — “Ну, тогда полк давайте”.

Я думаю: “Какой из командиров, пробыв, прослужив на Дальнем Востоке, в такой дыре столько лет, приезжает и просит: “Дайте мне хоть полк!” Это необыкновенный командир”.

Я говорю: “Зайдите через несколько дней, Константин Константинович”. И я ему нашел дивизию. 12-ю дивизию. Там сделали целый ряд перемещений.

К.М.: А у него что, была такая проблема — не идти на какую-нибудь штабную...

М.Ф.: Нет, подождать надо было, а он не хотел. Давайте полк.

К.М.: А, чтобы прямо сейчас, не пребывать в резерве?

М.Ф.: Да, не пребывать в резерве. И я ему нашел, потому что это был такой экземпляр командира, который редко бывает. (...)

Я говорю: “Э, это человек необыкновенный, дивизию надо найти ему”. И нашел. И Константин Константинович поехал».

Он действительно был НЕОБЫКНОВЕННЫЙ...

В ноябре 1936 года командующий войсками Ленинградского округа, будущий начальник Генштаба Красной армии

Борис Шапошников заключил служебную аттестацию комбрига Рокоссовского словами: **«Очень ценный растущий командир... тов. Рокоссовский — хорошо подготовленный командир. Военное дело любит, интересуется им и все время следит за развитием его. Боевой командир, с волей и энергией...»**

Однако время остановилось в августе 1937 года: с 17 августа 1937 г. по 23 марта 1940 г. К.К. Рокоссовский «находился под следствием, освобожден с прекращением дела». Пока боевого комдива пытали (ему выбили несколько передних зубов, сломали три ребра, молотком били по пальцам ног, а в 1939-м выводили во двор тюрьмы на расстрел и давали холостой выстрел), его бывший подчиненный и сделал свою головокружительную карьеру. Но это уже другая история.

Важно другое. С Г.К. Жуковым они были разные. И как бы кому ни хотелось сказать иначе, два полководца никогда не находили общего языка. Не могло быть между ними и дружбы. Например, в своих мемуарах Константин Константинович пишет: «Накануне войны мы встретились в ином качестве: генерал армии Жуков командовал округом, а я, в звании генерал-майора, — кавалерийским, а затем механизированным корпусом. Георгий Константинович рос быстро. У него всего было через край — и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах.

И вот на Западном фронте во время тяжелых боев на подступах к Москве мы снова работаем вместе. Но теперь наши служебные отношения порой складываются не очень хорошо. Почему? В моем представлении Георгий Константинович Жуков остается человеком сильной воли и решительности, богато одаренным всеми качествами, необходимыми крупному военачальнику. Главное, видимо, состояло в том, что мы по-разному понимали роль и форму проявления волевого начала в руководстве. На войне же от этого многое зависит».

Глава 6

«БЫЛ СПОСОБЕН, НЕВЗИРАЯ НИ НА ЧТО»

1

В своей широко известной книге «В подполье можно встретить крыс...» генерал П.Г. Григоренко значительное внимание уделил событиям на Халхин-Голе.

После выпуска из Академии Генштаба он получил назначение на должность старшего помощника начальника оперативного отдела фронтовой группы. А значит, Григоренко действительно знал очень много такого, о чем не могли знать иные.

И действительно, генерал одним из первых поведал о том, какие «узлы навязал Георгий Константинович Жуков». Среди таких узлов Петр Григорьевич называет расстрельные приговоры: «Штерн добился, что Президиум Верховного Совета СССР дал Военному Совету фронтовой группы право помилования. К этому времени уже имелось 17 приговоренных к расстрелу. Даже не юристов содержания уголовных дел приговоренных потрясали. В каждом таком деле лежали либо рапорт начальника, в котором тот писал: “Такой-то получил такое-то приказание, его не выполнил” и резолюция на рапорте: “Трибунал. Судить. Расстрелять!”, либо записка Жукова: “Трибунал. Такой-то получил от меня лично такой-то приказ. Не выполнил. Судить. Расстрелять!” И приговор. Более ничего. Ни протоколов допроса, ни проверок, ни экспертиз. Вообще ничего. Лишь одна бумажка и приговор».

В качестве примера Григоренко рассказывает следующую реальную историю: «Майор Т. Из академии мы ушли в один и тот же день — 10 июня 1939 года. Он в тот же день улетел на ТБ-3.

Прилетел он на Хамар-Дабу (место расположения командного пункта 1 АГ) около 5 часов вечера 14 июня. Явился к своему непосредственному начальнику — начальнику оперативного

отдела комбригу Богданову. Представился. Богданов дал ему очень «конкретное» задание: «Присматривайтесь!» Естественно, человек, впервые попавший в условия боевой обстановки и не приставленный к какому-либо делу, производит впечатление «болтающегося» по окопам. Долго ли, коротко ли он присматривался, появился Жуков, в надвинутой по-обычному на глаза фуражке. Майор представился ему. Тот ничего не сказал и прошел к Богданову. Стоя в окопе, они о чем-то говорили, поглядывая в сторону майора. Потом Богданов поманил его рукой. Майор подошел, козырнул. Жуков, угрюмо взглянув на майора, произнес:

— 306 полк, оставив позиции, бежал от какого-то взвода японцев. Найти полк, привести в порядок, восстановить положение! Остальные указания получите от тов. Богданова.

Жуков удалился. Майор вопросительно уставился на Богданова. Но тот только плечами пожал:

— Что я тебе еще могу сказать? Полк был вот здесь. Где теперь, не знаю. Бери, вон, броневичок и езжай разыскивай. Найдешь полк, броневичок верни сюда и передай с шофером, где и в каком состоянии нашел полк.

Солнце к этому времени уже зашло. В этих местах темнеет быстро. Майор шел к броневичку и думал — где же искать полк. Карты он не взял. Богданов объяснил ему, что она бесполезна. Война застала топографическую службу неподготовленной. Съёмки этого района не производились. Майор смог взять с карты своего начальника только направление на тот район, где действовал полк. Приказал ехать в этом направлении, не считаясь с наличием дорог. В этом районе нам мешал не недостаток дорог, а их изобилие. Суглинистый грунт степи позволял ехать в любом направлении, как по асфальту, а отсутствие карт понуждало к езде по азимуту или по направлению. Поэтому дороги и следы автомашин пересекали район боевых действий во всех направлениях. Майор не ошибся в определе-

Только это и запомнил. Дальше прострация. Что-то писал. Жаловался. Просил. Все осталось за пределами сознания.

Военный совет фронтовой группы от имени Президиума Верховного Совета СССР помиловал майора Т. Помиловал и остальных 16, осужденных трибуналом 1-й армейской группы на смертную казнь.

Штерн был инициатором ходатайства перед Президиумом Верховного Совета СССР о пересмотре дел всех приговоренных к расстрелу. Он их и помиловал, проявив разум и милосердие. Все бывшие смертники прекрасно показали себя в боях и все были награждены, вплоть до присвоения Героя Советского Союза. Таковы результаты милосердия».

Здесь следует отметить, что майор Т., о нем позднее, был назначен на должность начальника оперативного отдела корпуса. А в июне начальником штаба 57 ОК был еще не Богданов, а комбриг Куцев. Маленькая, но существенная деталь.

2

Участник Великой Отечественной войны полковник в отставке В.М. Сафир в книге «Первая мировая и Великая Отечественная. Суровая Правда войны» приводит типичный «расстрельный» жуковский документ с очень конкретным предисловием: «впервые в практике отечественного судопроизводства (при всем его очевидном формальном и реальном несовершенстве) в нарушение всех международных конвенций о защите прав человека (в т. ч. и последственных), советский военачальник, в данном случае Жуков, додумался выступить с ходатайством лишить осужденных права подать кассационную жалобу и немедленно их расстрелять (это право, как мы знаем, сохраняется даже за теми нелюдьми, которые убивали не один десяток безвинных граждан)».

Далее Владимир Михайлович подчеркивает для особо «неверующих»: «Для тех, кто “сомневается в содеянном”, текст

этого уникального “обращения” цитирую полностью, сохранив орфографию документа».

Вот он: «Обращение командования 57-го корпуса к Президиуму Верховного Совета СССР, народному комиссару обороны СССР и начальнику Генерального штаба РККА

г. Тамсак 27 июня 1939 г.

В 23 часа на полевом аэродроме Военный трибунал корпуса приговорил к расстрелу:

1. Капитан Агафонов Марк Прохорович, 35 лет, исключен из партии, в РККА с 1926 года.

2. Командир взвода лейтенант Дронов Сергей Никифорович, 23 лет, исключен из партии и из комсомола, в РККА с 1936 года.

3. Красноармеец Лагуткин Дмитрий Яковлевич, 24 лет, член ВЛКСМ, в РККА с 1937.

Агафонов, выполняя 19 июня по приказу командования боевое задание и являясь командиром отряда в составе 13 человек с бронемашинной БА-10, в полном вооружении и боеприпасами, противотанковым орудием на машине ГАЗ, одной машиной ГАЗ со снарядами, ночью, в силу преступной халатности сбился с пути и натолкнулся на заставу неприятеля. После короткого обстрела противником высланной вперед бронемашинной, не дожидаясь ее возвращения, не выяснив обстановку, Агафонов в панике бежал в тыл, оставил бронемашину с экипажем, бросил машину со снарядами, водитель которого Лагуткин первый сбежал в тыл, оставил противогаз “БС”, бросил дорогой каску, шинель и кобур с патронами. Дронов, находясь в разведке на бронемашинной, после короткого обстрела противником, вместе с водителем и башенным стрелком, ввиду того, что машина левым колесом попала в окоп, бросил машину с пушкой, двумя пулеметами, комплектом боеприпасов, формуляр машины и картой, в панике бежал в тыл. В результате трусости и предательского поведения в первую очередь Агафопова, Дронова,

Лагутина и трех других младших командиров, приговоренных к разным срокам лишения свободы, противнику сданы без боя бронемашина с боеприпасами и прочее, и грузовая машина с 260 снарядами.

В связи с боевой обстановкой и особой опасностью этого преступления, в порядке статьи 408 УПК РСФСР, ходатайствуем о непропуске кассационных жалоб Агафонова, Дронова, Лагутина и немедленного приведения приговора в исполнение.

Жуков

Никишев» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 51. Л. 120—122).

Комментарий фронтовика весьма интересен, чтобы его обойти стороной, а потому не будем этого делать и задумаемся: «Итак, вина очевидна. Наказание неотвратимо и обсуждать тут нечего. Но справедливо ли определена мера наказания? Диапазон большой: разжалование, арест, расстрел и др. Какие же обоснования послужили для членов Кассационной комиссии ВС причиной признать недостаточно убедительными как сам неоправданно суровый приговор (расстрел), так и ходатайство Жукова? Скорее всего, Комиссия могла учесть следующие обстоятельства (вариант): боевого опыта мало (или нет вообще); попали в крайне сложную боевую ситуацию, сбившись с маршрута (ориентироваться в монгольских степях сложно даже днем); нарвались ночью (самая сложная форма ведения боевых действий) на японскую засаду; броневик завалился в окоп — вести из него в таком положении бой экипаж уже не мог (от перечисления наличествующих пушек, пулеметов, формуляров и др. — его боеспособность не повышалась); в этой абсолютно проигрышной ситуации оставили (бросили) технику и отступили, “бежали в тыл”; из текста обращения не ясно, какие силы противостояли попавшим в засаду, — если считать, что они обязательно должны были погибнуть, но не отступить, то такая прямолинейная постановка вопроса во многом спорна, и т. п.

Складывается впечатление, что Жуков, жаждущий этих бедолаг обязательно расстрелять, подобного разбирательства и опасаясь, поэтому контрольную процедуру попытался исключить, не считаясь с требованиями Закона. Но на этот раз не получилось...

Дальше — больше. Я ограничусь только несколькими примерами, дабы избежать какого-либо упрека в необъективности попыток Штерна ввести Жукова в рамки “законодательного поля”. Однако из этого доброжелательного урока Жуков, похоже, никаких реальных выводов не сделал. Если на Халхин-Голе он пытался, подменяя суд и его решения, сам объявлять приговоры (“Трибунал. Судить. Расстрелять” и подпись), то в последующем он схему несколько изменил и перешел на формулировки — “расстрелять и судить”».

3

Подобный беспредел профессор В.С. Мильбах называет не иначе, как «характерной особенностью восстановления политико-морального состояния войск» «силовыми методами», применяемыми для этого командованием. Собственно, а как тут возразишь?

Цифры на этот счет говорят сами за себя: «К 19 июля 1939 г., по сведениям прокурора 1-й армейской группы О.Д. Хуторяна, “было предано суду и осуждено во всех частях участвующих в операциях 49 человек, из коих 24 приговорено к высшей мере наказания — расстрелу. Кроме того, на 19 июля 1939 г. имелось 37 арестованных, в отношении которых велось следствие, или следствие было закончено”» (РГВА. Ф. 9. Оп. 29с. Д. 433. Л. 269).

4

«Майор Т.» в книге генерала Григоренко кому-то может показаться персонажем скорее вымышленным, чем реальным. Однако извините: такой майор действительно был, как была и вся эта совершенно жуткая история с трибуналом.

В 2009 году вышла книга В.А. Новобранца «Я предупреждал о войне Сталина». Ее автор учился в Академии Генштаба вместе с Григоренко, а после выпуска был назначен начальником тылового отделения Оперативного отдела фронтовой группы. В своих мемуарах Василий Андреевич вспоминает: «Одна группа генштабистов, в том числе и мой друг Миша Тестов, вылетела самолетом, а другая — Григоренко, Ломов, Печенко и я — выехала поездом в Читу». Так вот «майор Т.» и есть Миша Тестов, а точнее — Михаил Георгиевич Тестов (1901 г. р.). После всех своих «передряг» он исполнял обязанности начальника штаба 57-го ОК (его подпись стоит рядом с подписью Жукова под боевым приказом командованию 57-го особого корпуса об отводе главных сил с восточного берега р. Халхин-Гол на западный от 13 июля 1939 г. (РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 193. Л. 18), а вообще занимал должность начальника оперативного отдела штаба корпуса и 1-й армейской группы, сменив полковника Ивенкова.

Трудно сказать, как после всего случившегося товарищ Жуков смотрел ему в глаза, но майор Тестов, судя по всему, на новом месте справлялся.

24 января 1942 г. начальник отдела кадров Генштаба РККА полковник Чернышев информировал начальника 8-го отдела Главного управления кадров НКО СССР: «...16 января с/года в 11.00, в районе расположения передовых частей левого фланга Опергруппы — осколком снаряда убит Начальник Штаба группы — Полковник т. ТЕСТОВ Михаил Георгиевич.

Тов. ТЕСТОВ М.Г. уроженец г. Лальска, Архангельской области, 1901 г. рождения, член ВКП /б/ с 1921 года, участник гражданской войны и боев у Халхин-Гола, награжден орденом “Красная Звезда” и Юбилейной медалью “XX лет РККА”.

Тело полковника т. Тестова М.Г. для похорон направлено 16.1.42 г. в гор. Волхов» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11 458. Д. 29. Л. 76).

В июле 1939 года на Халхин-Гол прибыл отдельный батальон войск НКВД под командованием майора А.Е. Булыги (начальник штаба 51-го Кяхтинского ПОГО УПВ НКВД Бурято-Монгольского округа [1937 — август 1939 г.]). В некоторых источниках его еще называют отрядом или заградительным отрядом. Однако это был именно батальон, численностью 502 человека. Он состоял из подразделений частей войск НКВД, расположенных в Средней Азии и имевших опыт действий в пустынной местности и ночью. Например, бойцы и командиры 13-го Алма-Атинского мотострелкового полка, 18-го Мервского кавполка и других частей войск НКВД. Кроме того, в батальон Булыги вошли танкисты и саперы ОМ-СДОН им. Дзержинского.

Главной задачей, которую выполнял батальон в Монголии, была охрана командного пункта 1-й армейской группы, а также центральной переправы, артиллерийского склада корпусного обменного пункта и очистки тылов от «подозрительных, сомнительных и нежелательных элементов». Только за вторую половину июля батальоном были задержаны 160 подозрительных лиц (а всего — 320 человек), среди которых были выявлены десятки японских разведчиков.

С 25 по 29 августа батальон двумя ротами участвовал в боях, понес потери, а более 100 бойцов и командиров были награждены государственными наградами. Сам Андрей Евстафьевич Булыга был награжден орденом Красного Знамени. В годы войны Булыга (полковник в 1940 г., генерал-майор в 1944 г.) командовал 6-й стрелковой дивизией ВВ НКВД, Махачкалинской стрелковой дивизией ВВ НКВД, Грозненской (с 29 марта 1944 г. — 8-й) стрелковой дивизией ВВ НКВД, 66-й стрелковой дивизией войск НКВД по охране тыла 2-го Украинского фронта и 62-й стрелковой дивизией войск

НКВД по охране тыла 2-го Украинского фронта. В апреле 1954 г. был назначен министром внутренних дел Азербайджанской ССР.

6

Когда летом 1938 г. на Дальний Восток к маршалу В.К. Блюхеру приехали «помогать» из Москвы Л.З. Мехлис и М.П. Фриновский, Василий Константинович сказал своей жене: «Приехали акулы, которые хотят меня сожрать, они меня сожрут или я их — не знаю. Второе маловероятно». Доктор исторических наук Ю.В. Рубцов в книге «Alter ego Сталина» пишет: «Непосредственно в районе боевых действий на Хасане, между командующим фронтом и начальником ПУ РККА (политуправление Красной армии) все время происходили стычки. Дело в том, что Блюхер настаивал на своей оценке пограничного инцидента, с которого начался конфликт». Сам же Блюхер так рассказывал о «стычках»: «Мехлис все время во все вмешивался, отдавал свои распоряжения, пытаясь подменять командующего».

Георгий Константинович в роли проверяющего точно так же вмешивался в оперативную деятельность командования, писал донесения в Москву и подменял командира корпуса Фекленко. Скор он был и на расправу. В общем, у Мехлиса с Жуковым был очень похожий «почерк». Однако когда Лев Захарович Мехлис приехал на Халхин-Гол, с Жуковым ему «справиться» не удалось. Правда, Льва Захаровича там вежливо «отодвинул» к его прямым обязанностям, т. е. к политработе, Г.М. Штерн, который командовал фронтовым управлением, координировавшим действия советских войск на Дальнем Востоке и Монгольской НРА. Хотя и Георгий Константинович был «сам с усам». Впоследствии Сталин именно в нем увидит волевого исполнителя своих решений, родственную «душу» в смысле решительности, силового напора и бескомпромисс-

ности. Как однажды генерал А.А. Епишев рассказывал генералу Д.А. Волкогонову, «...Жуков, по мнению Верховного, был способен, невзирая ни на что, провести его, Сталина, решения в жизнь, способен на жесткие, а иногда и жестокие шаги, волевою бескомпромиссностью».

Глава 7

«СОВЕТСКИМ ВВС... НЕ УДАЛОСЬ ПЕРЕЛОМИТЬ ХОД ВОЗДУШНОЙ ВОЙНЫ»

1

В своих мемуарах Георгий Константинович пишет о том, что, став командиром корпуса, он сразу же «обратился к наркому обороны с просьбой усилить наши авиационные части...(...)

Через день было получено сообщение Генштаба о том, что наши предложения приняты. К нам направляется дополнительная авиация и, кроме того, группа летчиков в составе двадцати одного Героя Советского Союза во главе с прославленным Я.В. Смушкевичем, которого я хорошо знал по Белорусскому военному округу».

Сложно сказать, забывчивость ли это?

Предыдущий командир корпуса Н.В. Фекленко еще 22 мая, в разговоре с Ворошиловым, докладывал: «...требуется 17 экипажей истребителей, 27 летчиков и 11 летнабов СБ. Требовал в течение апреля сам комиссар корпуса и комиссар авиабригады и положительного ответа не получили до сего времени. Разрешите узнать время прибытия истребителей, СБ из ЗАБВО».

«Куда же девались Ваши летчики, и почему Вы не сообщили мне по телеграфу?» — не без удивления спрашивает нарком обороны.

«Докладываю — Вам не доложил, в этом моя вина, рассчитывал, что штаб ВВС РККА пополнит меня летным составом в ближайшие дни, о чем я лично, будучи в Москве, докладывал

командарму Локтионову. Кроме того, имею извещение Штаба ВВС РККА на прибытие летного состава», — честно отвечает Фекленко.

«Ворошилов. Я Вас спрашиваю, куда девались Ваши летчики в таком большом количестве?»

Фекленко. После катастрофы мною была вызвана комиссия для проверки состояния здоровья летного состава, которая запретила и признала часть летного состава негодным к летной работе в скоростной авиации. После реорганизации авиабригада не пополнена» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1225. Л. 30—36).

2

Вспоминая про возросшую активность авиации противника, полководец отмечал в мемуарах, что она не была случайной: «Мы считали, что она явно преследовала цель нанести серьезное поражение нашей авиации и завоевать господство в воздухе в интересах предстоящей большой наступательной операции японских войск».

Однако все было не совсем так. Как утверждают архивные документы, для советских ВВС это был горький опыт. На начальном этапе боевых действий на Халхин-Голе превосходство в воздухе было исключительно на стороне противника. Советский летный состав боевого опыта не имел, взаимодействие между истребителями отсутствовало, также отсутствовала организация боевыми действиями (истребительная авиация использовалась без учета конкретной воздушной обстановки, вылеты производились с большим запозданием и разрозненными мелкими группами), из-за отсутствия радиосвязи с самолетами и недостаточного количества постов ВНОС на земле исключалось эффективное, гибкое и быстрое руководство боевыми действиями, не было налажено тесное взаимодействие ВВС с наземными войсками из-за удаленности более чем 100 км КП ВВС от КП общевойсковой командования.

И только с приходом группы Смушкевича все начало меняться в лучшую сторону. Вот почему полководец вспомнил его добрым словом: «Я.В. Смушкевич был великолепный организатор, отлично знавший боевую летную технику и в совершенстве владевший летным мастерством. Он был исключительно скромный человек, прекрасный начальник и принципиальный коммунист. Его искренне любили все летчики».

В то время в вопросах авиации разбирались не многие. Чего уж говорить про пехотных военачальников, если сами летчики порой не знали, что делать.

Комкор Смушкевич действительно помог новому командиру корпуса.

3

Как мы помним, 57-й корпус включал в свой состав 100-ю смешанную авиабригаду, состоявшую из двух полков (70 иап и 150 сбп). В истребительном числилось 38 машин (И-15 бис), в смешанном бомбардировочном — две эскадрильи ЛШ-5, он же Р-5Ш, по 17 машин и три эскадрильи скоростных бомбардировщиков СБ (29 машин).

В. Кондратьев в книге «Халхин-Гол: Война в воздухе» о соотой бригаде, на основе архивных документов, пишет следующее: «Бомбардировщики базировались на аэродромах в районе Баин-Тумена, более чем в 300 км от зоны конфликта, а истребители — на аэроузле Тамсаг-Булак (в документах встречаются также названия Тамцаг-Булак и Тамсак-Булак), состоящем из пяти ВПП и находящемся в 100 км от Халхин-Гола».

Истребители «относились к устаревшему пятому типу и имели двухпулеметное вооружение. На всех самолетах отсутствовали бронеспинки сидений. Кроме того, все машины, за исключением разве что СБ, были сильно изношены, многие неисправны, а от длительного хранения под открытым небом перкалевая обшивка на них начала гнить (как тогда говори-

ли — “сопрела”). В результате к 20 мая из 38 истребителей 70-го полка только 21 (13 И-16 и 9 И-15 бис) мог подняться в воздух. (...)

Боевой и летной подготовкой в полках занималось лишь 40 % пилотов. Остальные же либо болели, либо и вовсе отсутствовали. Из-за нехватки нормального жилья и скверных бытовых условий многие летчики писали рапорта с просьбами о переводе в Союз. Руководство бригадой оценивалось как “безобразное”, а дисциплина в частях — как “самая низкая”. Летчики-истребители были обучены только технике пилотирования одиночных самолетов и не владели тактикой группового боя. Большинство из них не имели навыков воздушной стрельбы».

Монгольская авиация располагала всего лишь одним смешанным авиаполком (36 самолетов Р-5 и Р-5Ш).

Что же касается противника, то там дела обстояли куда лучше: «Японские военно-воздушные силы в Маньчжурии были представлены 2-й авиационной дивизией (2-й Хикосидан) под командованием генерал-лейтенанта Тецудзи Гига. Дивизия состояла из четырех авиабригад (Хикодан). (...)

В связи с ростом напряженности на границе с Монголией генерал Гига 12 мая сформировал временную оперативную авиагруппу Риндзи Хикотай. В нее вошел 24-й истребительный сентай (две эскадрильи по 10 машин), а также одна разведывательная (шесть Ки-15) и одна бомбардировочная (шесть Ки-30) эскадрильи 10-го сентая. Авиагруппа в составе 32 самолетов 13 мая перелетела на ближайший к Халхин-Голу маньчжурский аэродром Хайлар, расположенный примерно в 160 км к северо-востоку от реки. В отличие от советской 100-й бригады, Риндзи Хикотай в основном состоял из хорошо подготовленных летчиков с 3—5-летним стажем и опытом боев в Китае. Авиагруппу возглавил командир 24-го сентая подполковник Козиро Мацумура».

Еще при Фекленко «21 мая на усиление советской авиагруппировки в Монголии началась переброска из Забайкальского военного округа (ЗабВО) 23-й авиабригады под командованием майора (впоследствии — полковника) Куцевалова. Уже 23 мая на аэродроме Баин-Тумен приземлились истребители 22-го иап майора Глазыкина: 28 И-16 тип 10 и 35 И-15 бис. Чуть позже прилетели 59 СБ из 38-го скоростного бомбардировочного полка (38 сбп) под командованием капитана Артамонова. Наземный состав и службы обеспечения прибыли автотранспортом 26 мая. (...)

Качество самолетов 22-го полка оценивалось как хорошее, но уровень подготовки летчиков — как явно недостаточный. Полку не хватало слетанности, отсутствовали навыки группового воздушного боя. Полковник Куцевалов отмечал в составленном им «Описании боевых действий ВВС 1-й армейской группы в период конфликта на реке Халхин-Гол», что летчиков 22 полка не обучали приемам воздушных боев «из-за боязни летных происшествий»».

Не сидели сложа руки и японцы: «24 мая в Хайлар прилетели две эскадрильи 11-го сентая в составе 20 Ки-27 под командованием полковника Юдзиро Ногучи».

В результате: «На 27 мая японские авиасилы на Халхин-Голе состояли из 52 истребителей, шести разведчиков и шести легких бомбардировщиков. По сильно завышенным данным советской разведки вражеская авиация выглядела намного внушительнее — 126 истребителей, 36 легких и 18 тяжелых бомбардировщиков, всего 180 машин.

Им противостояли 203 красnozвездных боевых самолета: 99 истребителей (48 И-15бис и 51 И-16), 88 скоростных бомбардировщиков и 16 «легких штурмовиков» Р-5. Таким образом, наши ВВС реально обладали более чем тройным численным перевесом. Однако по истребителям

превосходство было гораздо менее значительным, а многочисленные советские бомбардировщики в майских боях не участвовали».

5

В майских боях (с 20-го по 31-е) ВВС 57-го особого корпуса, как говорилось в одном из документов тех лет, «потерпели явно позорное поражение». Как результат: «японские бомбардировщики безнаказанно бомбили» советские войска». Это еще раз к вопросу о господстве!

28 мая командир корпуса Фекленко так и докладывал начальнику Генштаба, что «японская авиация господствует в воздухе, что наши летчики не в состоянии прикрыть наземные войска, и что удержать плацдарм на восточном берегу Халхин-Гола можно только с большими потерями от авиации противника».

А уже на следующий день, как отмечает В. Кондратьев, «с Центрального аэродрома в Монголию вылетели три новейших, только что приобретенных в США транспортно-пассажирских “Дугласа” DC-3. За штурвалами сидели выдающиеся летчики Александр Голованов (личный пилот и порученец Сталина, впоследствии — Главный маршал авиации), Виктор Грачев и Михаил Нюхтиков.

А в пассажирских салонах “Дугласов” собралась буквально вся элита советских ВВС — 48 лучших боевых летчиков и специалистов, в том числе 11 Героев Советского Союза во главе с заместителем начальника Военно-Воздушных Сил РККА комкором Я.В. Смушкевичем. Среди тех, кто летел с ним, были ветераны войн в Китае и в Испании пилоты Борис Смирнов, Евгений Антонов, Александр Гусев, Сергей Грицевец, Николай Герасимов, Григорий Кравченко, Виктор Кустов, Иван Лакеев, Александр Николаев, Леонид Орлов, Виктор Рахов.

Им предстояло взять в свои руки организацию летной и боевой подготовки авиачастей, а также лично принять участие

в боевых действиях, встав во главе полков и эскадрилий. Командору Смушкевичу было поручено возглавить советскую авиагруппировку на Халхин-Голе (в зашифрованных документах он значился под характерным псевдонимом «Отец»).

Маршрут «Дугласов» пролегал через Свердловск, Омск, Красноярск, Иркутск и Читу. Здесь летчики-истребители пересели на боевые самолеты и далее летели уже самостоятельно. Транспортники приземлились на авиабазе Баин-Тумен 2 июня».

Так что и с количеством прибывших в Монголию Героев маршал тоже ошибся.

6

В «Описании боевых действий ВВС 1-й армейской группы в период конфликта на реке Халхин-Гол», говорится, что «была налажена боевая учеба, оборудован целый ряд новых взлетно-посадочных площадок вблизи от линии фронта, улучшено снабжение авиачастей. Этому способствовало временное затишье, установившееся на фронте с начала июня. В течение почти трех недель воздушных боев не было, и руководство советских ВВС старалось в полной мере использовать передышку.

В район боевых действий перебрасывались новые эскадрильи. Изношенные и морально устаревшие машины выводились из боевого состава полков» (В. Кондратьев).

На 21 июня советские ВВС в районе Халхин-Гола насчитывали уже 4 полка (2 иап и 2 сбп) общей численностью 301 самолет (50 на 50 %). Численный же состав японской авиации оценивался советской разведкой в 260 самолетов (125 истребителей), однако эти цифры можно считать немного завышенными.

22 июня 1939 г. японская авиация произвела первый массированный налет, в котором участвовали около 120 самолетов. Со стороны советско-монгольской ей противостояли 95 истре-

бителей. Воздушный бой происходил на высотах от 2000 до 4000 м и продолжался около двух с половиной часов. В результате советские летчики сбили 31 самолет, потеряв 11 истребителей.

Рано утром 24 июня 17 советских истребителей вылетели на перехват двадцати японских. Позднее к ним на помощь поспешили еще 8 И-16. По итогам боя сбито 7 японских истребителей, потеряно 2.

В вечернем бою этого дня с советской стороны участвовали 54 самолета. На высоте 1000 метров ими была атакована японская группа численностью до 20 машин. Противник боя не принял. Не приняли японцы боя и чуть позднее...

Например, 26 июня с обеих сторон в воздушном бою участвовали более 100 самолетов. Так воздушная война в Монголии продолжалась до 29 июня, до тех пор, пока не ухудшилась погода.

Опираясь на архивные документы, В. Кондратьев констатирует: «Подводя итоги июньских боев, надо отметить, что, несмотря на значительный рост численности и улучшение качественного состава, советским ВВС пока не удалось переломить ход воздушной войны. Однако японские летчики стали вести себя более осторожно, и сообщений о “безнаказанных бомбардировках” советских войск уже не звучало».

Глава 8

«НЕОБХОДИМОСТЬ ВСЕ УВЯЗАТЬ»

1

Кто читал книгу «Тень Победы», тот должен помнить, как ее автор хлестко иронизировал по поводу одного беспямятства полководца: «В своей книге Жуков вспомнил имена врачей, которые героически лечили раненых. Жуков назвал по именам целый табун политработников, вспомнил полдюжины

московских писателей и фотокорреспондентов, которые были на Халхин-Голе: К. Симонов, Л. Славин, Вл. Ставский и прочие. Правда, и тут была особая причина. В преддверии Второй мировой войны молодые коммунистические агитаторы оттачивали на Халхин-Голе свои перья. Начинаящий Константин Симонов, например, в то время строчил книгу о грядущем мировом господстве коммунистов. Жуков был горячим сторонником идеи захвата коммунистами мирового господства, потому всех, кто эту идею проповедовал, он проталкивал вперед и вверх к номенклатурным благам.

И все-таки странно: какого-то Константина Симонова Жуков помнит, а начальника своего штаба — нет. А ведь за этой забывчивостью что-то кроется».

И действительно: а что кроется за этой забывчивостью?

2

В книге о маршале Жукове генерал армии М.А. Гареев совершенно правильно заостряет свое внимание на отношении полководца к штабам. В частности он пишет: «До сих пор ходят различные толки об отношении Жукова к штабам», — и тут же приводит цитату из аттестации, подписанной командиром 7-й кавдивизии К.К. Рокоссовским (1930 г.): «На штабную и преподавательскую работу (назначен) быть не может — органически ее ненавидит».

А дальше военачальник дает свое пояснение, которое звучит по-военному четко: «Последующая деятельность Георгия Константиновича не подтвердила такого его отношения к штабной работе. Просто он как к командирам, так и к штабам предъявлял чрезмерно повышенные требования, к чему они тогда были еще не готовы. А главное, ненавидел и терпеть не мог штабную суету, бюрократизм, оторванность штабов от жизни воинских частей».

Но так ли было на самом деле?

Если говорить по первому «толку», то на Халхин-Голе Георгий Константинович, судя по фактам, по-прежнему ненавидел штабную работу и в частности штабных работников. О некоторых мы уже говорили, а о других еще скажем.

В Монголии Г.К. Жуков получил свой самый первый боевой опыт военачальника в масштабе особого корпуса и армейской группы. И там, на Халхин-Голе, вместо того чтобы дорожить теми кадрами (с высшим военным образованием), которые или уже работали в штабе 57 ОК, или прибыли после выпуска из академии, будущий полководец всегда находил повод быть ими недовольным, все время загоняя под трибунал...

Что же касается второго «толка», то именно после Халхин-Гола Жукову пришлось изменить свое отношение к штабам на 180 градусов. Во-первых, боевые действия в Монголии его кое-чему научили, а во-вторых, после Халхин-Гола карьера Георгия Константиновича резко пошла вверх. 7 июня 1940 г. он назначается командующим войсками Киевского особого военного округа, а уже 14 января 1941 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О начальнике Генерального штаба и командующих войсками военных округов» генерала армии Жукова назначат на должность начальника Генерального штаба РККА, которую он будет занимать по июль 1941-го.

Теперь «ненавидеть» штаб было бы как минимум бездарно, а про Генштаб и вовсе говорить не приходится.

Тем не менее генерал армии Гареев утверждает: «В действительности на протяжении всей своей службы Жуков высоко ценил работу штабов, дружно сотрудничал с коллективом Генерального штаба».

Увы, все это произойдет гораздо позже, в годы Великой Отечественной войны. И многое из того, о чем пишет известный военачальник и маститый ученый, действительно имело место: «Будучи в Москве или на фронтах, он постоянно поддерживал связь с Генштабом. Советовался с его основными

сотрудниками. Поддерживал Генштаб при рассмотрении важнейших вопросов в Ставке ВГК. Как член Ставки и командующий войсками фронта он много уделял внимания подготовке и слаживанию штабов во всех звеньях. Он подчеркивал, что отношение к штабам как основным органам управления объективно вытекает из характера современной вооруженной борьбы. Управление войсками при подготовке и ведении операций и боевых действий стало исключительно сложным делом. Возросли количество и объем вопросов, которые при этом надо одновременно охватить, а времени на их решение отводится все меньше, стали более трудными сам процесс и условия деятельности по управлению войсками, особенно при резких и неожиданных изменениях обстановки.

В таких условиях не только не уменьшается, а еще больше возрастает значение единоначалия, роль командующих и командиров в процессе управления войсками. Но именно в связи с возрастанием личной ответственности командующих и командиров, значения своевременного и качественно принятого решений, их организаторской деятельности по выполнению поставленных задач — необходимы штабы как творческие, полноценные органы управления, способные обеспечить четкое, оперативное управление войсками, а следовательно, и наиболее полное и эффективное проявление единоначалия.

Жуков считал, что во взаимоотношениях со своим штабом полководцу следует соблюдать два простых правила: никогда не пытаться самому делать работу штаба и не позволять штабу становиться между ним и войсками. Каждый штаб бывает доволен, когда он получает ясные и определенные указания, детали которых он разрабатывает сам без дальнейших вмешательств. Подчиненные командиры и войска любят, когда военачальник поддерживает с ними постоянный контакт и не смотрит на все глазами штаба. Чем меньше времени военачальник

будет сидеть в канцелярии и чем больше будет находиться среди войск, тем лучше».

Как известно, Махмут Ахметович начал войну в декабре 1942 года заместителем командира стрелкового батальона, а закончил ее старшим офицером оперативного отдела штаба 5-й армии на Дальнем Востоке. И его мнение имеет определенную ценность, но уже как военачальника послевоенной эпохи. А ведь были и непосредственные свидетели и очевидцы, которые не только видели, но и работали вместе с Г.К. Жуковым. К одному из таких мы можем отнести генерал-полковника А.П. Покровского, бывшего начальника штаба Западного и 3-го Белорусского фронтов.

Например, ему много пришлось работать с Г.К. Жуковым в должности начальника оперативного управления штаба фронта. И вот что Александр Петрович поведал писателю К. Симонову в майской беседе 1968-го: «Жуков ценил штаб, понимал значение штаба в работе командующего, не мыслил свою работу в отрыве от работы штаба. И штаб при нем работал спокойно и регулярно. Подписав вечером итоговое донесение, он больше не дергал штаб. Подводились итоги вечером, во время составления итогового донесения, определялись задачи на следующий день, и с утра можно было спокойно работать в штабе, зная, что не будет дерготни, напоминаний, вопросов. Во всяком случае, первые несколько часов утренней работы.

Работникам штаба Жуков доверял. Доверял их донесениям, суждениям. И, пока он доверял, работать с ним было хорошо. Но с людьми, раз выходившими у него из доверия, он бывал крут, и если учесть огромные полномочия, которые он имел, огромные права,— это грозило, могло грозить тяжелыми последствиями».

Однако повторимся: такое отношение к штабу у Жукова сложилось именно в годы войны или, точнее, к ее началу, но никак не ранее. При этом «особый» стиль полководца не изменился

и теперь: «Надо сказать, что стиль разговоров с командармами в штабе фронта в период командования Жукова установился грубый. Неправильно, на мой взгляд. И Жуков, и Булганин, и Соколовский, начальник штаба, были грубы с командармами и по телефону в случае неудачи или неполного успеха, словом, всего того, где происходившее не соответствовало первоначальным планам, — по телефонам шла грубая ругань, и иногда можно было услышать больше разговоров о том, что снимут голову, чем разговоров о том, как поправить дело. А ведь умение руководить и умение снимать голову — это разные умения.

К тому, что я сказал, все, конечно, не сводилось, но это имело место и имело чисто отрицательное значение, на мой взгляд».

3

19 июля 1939 года нарком обороны подписал «Приказ об улучшении работы штабов» № 0104, в котором говорилось: «Подготовка и работа войсковых и оперативных штабов продолжают оставаться на исключительно низком уровне».

На вопрос «почему?» в этом документе подчеркивается особо: «Командование, как правило, само штабной службы не знает, подготовкой своих штабов не занимается, работой их не руководит и контролировать ее не может».

И только потом говорится о вине самих начальников штабов: «Начальники штабов по-настоящему организовать работу штаба и руководить ею, и особенно в условиях, приближенных к боевым, не умеют».

Далее все там же говорится: «Штабы как органы управления не подготовлены, организовать бой не умеют, с работой по управлению войсками в ходе боя не справляются» (РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 22. Л. 164).

С одной стороны все предельно понятно: виноваты командиры, затем начальники штабов и т. д. Но не спешите с вы-

водами. Следующий приказ маршала Ворошилова куда интереснее. А именно «О реорганизации оперативного управления Генерального штаба и оперативных отделов штабов военных округов, войсковых соединений». Дата та же, а номер — следующий по порядку.

Так вот о чем говорится в этом документе: «Главный военный совет на своем заседании 5 июля с. г., обсудив вопросы управления войсками, пришел к выводу, что существующая организация Генерального штаба РККА, штабов округов (армий), армейских групп и корпусов не обеспечивает должной оперативности в деле организации управления войсками».

Как оказалось, на начало июля 1939-го «...первые (оперативные) отделы, подчиненные, как правило, наряду с другими отделами заместителям начальников штабов, отодвинуты от непосредственного руководства начальника штаба и вообще должного руководства в своей работе не получают.

Вместе с тем первые отделы, лишённые непосредственного влияния на органы связи и шифровальной службы, т. е. средств, с помощью которых организуется управление войсками, и отстраненные от отработки разведывательных данных, по существу превратились в технический аппарат. **Значение оперативных управлений и отделов как органов, ведущих и организующих работу штабов в целом, оказалось утерянным.**

В результате даже в мирных условиях — на маневрах, полевых поездках и учениях — штабы не могут обеспечить непрерывного руководства войсками».

Отсюда и соответствующий вывод: «Исходя из этого Главный военный совет признал **необходимым изменить существующее положение и поднять значение оперативных управлений и отделов штабов, возложив на них полностью всю ответственность за организацию оперативной связи, руководство штабной шифровальной службы и за отработку всех разведывательных данных.**

Упразднить существующее наименование первых отделов и в дальнейшем во всех штабах иметь **оперативные отделы**, в ведение которых должны войти вопросы: **организации работы штаба по управлению войсками в целом, организации оперативной связи, отработки разведывательных данных и руководства шифровальной службой.**

Начальники оперативных управлений и отделов одновременно являются заместителями начальников штабов» (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3312. Л. 131—132).

4

Как вы думаете, почему реорганизация оперативного управления Генштаба и оперативных отделов штабов военных округов и войсковых соединений объявлялась именно 19 июля?

А сделано это было исходя из начального боевого опыта халхин-гольского конфликта. Одним росчерком пера поднималось значение оперативных управлений и отделов штабов, что было весьма важно. А во-вторых, в ходе предстоящей реорганизации (переход необходимо было произвести к 1 августа), вслед за штабом военного округа (армии) неожиданно появилась и армейская группа.

Приказом НКО № 0036 от 19 июля 1939 г. 57-й особый корпус переформировывался в 1-ю армейскую группу. Соответственно Г.К. Жуков переназначается на должность командующего этой группой, а 31 июля 1939 г. ему будет присвоено очередное воинское звание — «комкор».

К слову сказать, до начала операции по окружению и разгрому группировки японских войск (20 августа) оставалось очень мало времени. Соответственно реорганизация оперативного отдела 57-го особого корпуса (1-й армейской группы) проводилась до 1 августа второпях, в ходе боевых действий. Параллельно шла подготовка и к самой операции. Соответ-

ственно, пользы от такой скороспелой реорганизации было немного, а проблем хватало всем командирам и начальникам.

Мучился штаб, нервничал и командующий.

5

Как мы уже говорили, начальником оперативного отдела 57-го особого корпуса, вопреки всем смертям, был назначен майор Тестов. Одно время он даже заменил снятого с должности начальника штаба комбрига Кущева. Но все более или менее, наладилось, когда в июле к новому месту службы прибыл новый начальник штаба комбриг Богданов.

Михаил Андреевич имел неплохое по тем временам образование: 1-е Вологодские пехотные курсы (1919), повторные курсы (1922), стрелково-тактические курсы «Выстрел» (1925) и Военная академия им. Фрунзе (1931).

Участник Первой мировой (старший унтер-офицер команды разведчиков) и Гражданской (командир роты и батальона) войн. В марте 1931-го, после окончания академии по 1-му разряду, был оставлен в должности начальника 2-го сектора штаба академии.

В дальнейшем командовал полком (стажировка), проходил службу в должностях начальника 1-й части штаба 4-го стрелкового корпуса, начальника штаба 4-й стрелковой дивизии, начальника штаба 4-го стрелкового корпуса. В мае 1937-го временно исполнял должность начальника штаба Белорусского округа, а затем был назначен командиром 37-й стрелковой дивизии. С сентября 1937 г. находился в Испании, исполняя должность старшего советника отдельной армии «Леванта» (в апреле 1938 г. награжден орденом Ленина). После возвращения снова вступил в должность командира дивизии и лишь затем был направлен в Монголию.

Словом, грамотный штабной работник со свежим боевым опытом, полученным совсем недавно в Испании.

Вот только «хозяйство» ему досталось тяжелое. Так, в своем труде В.С. Мильбах отмечает: с 1937 г. по февраль 1939 г., то есть «за полтора года не менее 31 % от первоначального (1937 г.) состава управления и штаба 57-го особого стрелкового корпуса было заменено на должностях (арестовано, снято с должности, переведено и т. д.) именно по политическим мотивам. Ряд должностей, ставших вакантными, временно заменили молодыми, но менее опытными кадрами.

По состоянию на февраль 1939 г. в штабе корпуса временно исполняющие обязанности находились на девяти должностях... (...)

Численность комначсостава корпуса в феврале 1939 г. была увеличена в три раза по сравнению с начальным своим составом, и штаб на три четверти состоял из новых командиров, которые находились на должности менее года».

В связи с этим В.С. Мильбах делает вполне логичный вывод: «Вероятно, в условиях мирного времени 57 ОК в обновленном составе каким-то образом справлялся с объемом возложенных на него задач. В боевой же обстановке были выявлены недостаточная профессиональная подготовленность большинства работников штаба, отсутствие слаженности в работе отделов штаба, отсутствие самой системы практической подготовки штаба как органа управления войсками. Об ограниченной способности штаба корпуса на высоком уровне организовать боевые действия и управлять войсками свидетельствуют недостатки, вскрывшиеся в ходе боев в период вооруженного конфликта на р. Халхин-Гол».

При этом нельзя забывать о том, что «управленческий аппарат соединений и частей 57 ОК пострадал в ходе политических репрессий более значительно, чем штаб корпуса».

А ведь основной орган в штабе — оперативный отдел — как раз-таки и занимался планированием боевых действий, разработкой приказов и распоряжений, доводил их до командиров

соединений и частей, поддерживал связь с подчиненными штабами, представлял в вышестоящий штаб донесения о текущей обстановке, а также осуществлял контроль за тем, как выполняют войска армейской группы приказы и распоряжения.

И каково было работать в тех условиях штабу с более пострадавшим от репрессий управленческим аппаратом?

Например, вот что мы можем узнать из акта проверки хода боевых действий и подготовки частей 1-й армейской группы, подписанного 26 июня 1939 г. заместителем наркома обороны, командармом 1-го ранга Куликом:

«5. Управление.

Управление боем организовано плохо, оно зиждется на делегатах и проволочной связи СП — командование группы. Проволочной связи командного пункта с частями до сих пор не установлено из-за отсутствия средств; это ставит под большую угрозу управление.

Фактически т. Жуков управляет боем с КП через порученцев. Начальник штаба комбриг Богданов еще не сумел организовать работу штаба и наладить управление, не твердо руководит отделами штаба, нач[альниками] родов войск и служб, нечетко ставит им задачи и не организовал систематической проверки выполнения; не чувствуется в штабе 1-го [оперативного] отдела, как важнейшего звена штаба.

Информация внутри штаба поставлена слабо, большая часть командиров штаба используется в качестве порученцев. Порядок на КП не налажен, часто бывает скопление людей и машин, в результате 23.VII КП был обстрелян артиллерией противника. Это может повториться еще в большем размере и в критический момент боя может быть парализовано управление.

Штаб уже давно находится на КП у г. Хамар-Даба, но до сих пор не созданы благоприятные условия для работы командования и штаба (не вырыты до сих пор хорошие блиндажи для работы и отдыха).

Отдых командиров еще не налажен...»

Лишь оговоримся. Г.И. Кулик данный акт только подписал, а сочиняли его особо подготовленные командиры из его группы. Вот только некоторые обвинения звучат в нем, что называется, не по адресу. Например, как вспоминал начальник тылового отделения оперативного отдела фронтовой группы майор В.А. Новобранец, «Штаб Жукова в дни сражений напоминал штаб Наполеона: здесь всегда были толпы офицеров-делегатов связи от частей. Командарм Жуков игнорировал технические средства связи и использовал для этой цели только офицеров, как это делал в свое время Наполеон. Поэтому мы и прозвали его тогда “Бонапартом”. Но, в отличие от наполеоновских времен, офицеры “скакали” не на конях, а ехали на автомашинах. Делегаты связи, возвращаясь к месту боев, плутали по бескрайним степям, петляя вокруг песчаных “обо”, или погибали под огнем японцев. Приказы командующего или не доходили до командиров частей, или безнадежно опаздывали, когда обстановка требовала уже другого решения. Бывали случаи, когда делегатов связи от частей не хватало, и тогда Жуков рассылал по фронту офицеров своего штаба. Иногда в штабе оставался только командующий со своим начальником штаба».

Все-таки комбриг Богданов был первым заместителем командующего и беспрекословно выполнял все приказы своего начальника. И только попробовал бы начальник штаба хоть немного возразить Георгию Константиновичу. Помните, как сказал генерал Покровский: с людьми, хоть раз выходившими из доверия, полководец бывал крут, и это могло грозить весьма тяжелыми последствиями! Комбриг Богданов не мог не знать об этом.

Другой характерный пример привел в своих мемуарах генерал Григоренко, который был старшим помощником начальника оперативного отдела фронтовой группы: «Прямо

с чемоданами мы отправились в штаб и пошли представляться начальству. Принял нас прибывший за несколько дней до нашего приезда только что назначенный начальником штаба фронтовой группы преподаватель нашей академии, комбриг Кузнецов. Аппарата у него пока никакого не было. Поэтому мы сразу получили различные задания. Меня Кузнецов очень хорошо знал и первого попросил подойти к нему:

— Вот приказ 1-й армейской группы. Прошу нанести его на карту.

Я взял в руки объемистую пачку листов папиросной бумаги с текстом на ней и удивленно спросил:

— Это все приказ? Армейский приказ?

Я взглянул на последнюю страницу. Там стояла цифра «25».

— Да, армейский приказ, — едва заметно улыбнулся Кузнецов. — Вот его вы и нанесете на карту. И побыстрее. Нам с командующим и членом военного совета, прежде чем выезжать в армию, надо разобраться в обстановке по карте.

Я шел в отведенную мне комнату и старался догадаться, что же можно написать в приказе, чтобы заполнить 25 машинописных страниц. 2—3 страницы — это еще куда ни шло, а 25!.. Так и не додумавшись, разложил карту и начал читать. Тут-то я и понял. Приказ отдавался не соединениям армии, а различным временным формированиям: “Такому-то взводу, такой-то роты, такого-то батальона, такого-то полка, такой-то дивизии с одним противотанковым орудием, такого-то взвода, такой-то батареи, такого-то полка оборонять такой-то рубеж, не допуская прорыва противника в таком-то направлении”. Аналогично были сформулированы и другие пункты приказа. В общем, армии не было. Она распалась на отряды. Командарм командовал не дивизиями, бригадами, отдельными полками, а отрядами. На карте стояли флажки дивизий, бригад, полков, батальонов, а вокруг них море отря-

дов, подчиненных непосредственно командарму. И тут я снова вспомнил Русско-японскую войну...(...)

Этот куропаткинский “опыт” знал любой военно-грамотный офицер. Опыт этот был так едко высмеян в военно-исторической литературе, что трудно было предположить, что кто-то когда-то повторит его. Жуков, который в академии никогда не учился, а самостоятельно изучить опыт Русско-японской войны, видимо, было недосуг, пошел следами Куропаткина. Японцы и в эту войну оказались весьма активными. И снова с этой активностью борьба велась временными отрядами.

Я позвонил Кузнецову и пошел к нему с картой. Он взглянул на нее:

— Я так и думал. Пойдемте к командующему.

Мы пришли к Штерну. Я представился и разложил карту.

— Ну, потрудились японцы, — усмехнулся Штерн. Ну что ж. Придется дать команду: “Всем по своим местам, шагом марш!”

На следующий день Штерн с группой офицеров вылетел в 1-ю армейскую группу. Он долго говорил с Жуковым наедине. Жуков вышел после разговора раздраженным. Распорядился подготовить приказ. Приказ на перегруппировку войск и на вывод из непосредственного подчинения армии всех отрядов, на возвращение их в свои части».

Таким образом, командующий руководил войсками исключительно по своему «уразумению». О чем и говорят вышеизложенные примеры. А штабу приходилось «подстраиваться», чтобы не попасть под трибунал. Иначе это и не объяснишь.

Что оставалось делать начальнику штаба? От этого он наверняка чувствовал неуверенность в работе, но терпел, как мог. Эта неуверенность, несомненно, передавалась всему коллективу. И дружной работы не получалось.

Обвинение начальника штаба в том, что он «не твердо руководит отделами штаба, начальниками родов войск и служб» также не выдерживает никакой критики. Генерал Покровский авторитетно рассказывал писателю К. Симонову: «— На плечах начальника штаба... лежит необходимость все увязать, все сомкнуть. Хотя начальники родов войск, командующие артиллерией, бронетанковыми войсками, командующие воздушной армией — люди, не подчиненные начальнику штаба, а подчиненные командующему... (...), но они все связаны со штабом. Вот сомкнуть, увязать деятельность всех этих служб, всех родов войск — это должен штаб. Поэтому при подготовке любой операции, после выработки плана, директивы, все службы идут в штаб, все идет к тебе, все один за другим приходят, решают вместе с тобой и со штабом все необходимые вопросы, которые требуют уточнения, доработки, увязки.

Бывало, конечно, и так, что иногда начальники родов войск игнорировали штаб. Бывало так, что человек хочет себя поставить в независимое по отношению к начальнику штаба положение, обходит его, действует сам, подчеркивает свою самостоятельность, но где-то в конце концов становится туго, и он в этом, как правило, раскаивается, у него возникает необходимость, вернее, понимание той необходимости, которая бывает с самого начала реальной, — увязка всех своих действий со штабом, работа в тесном контакте со штабом фронта. В конце концов такой момент приходит для каждого, даже для того, кто хотел бы по субъективным причинам игнорировать штаб.

Очень важно поставить себя как начальника штаба в правильное положение во взаимоотношениях со всеми родами войск и их командующими, начальниками. Очень важно, чтобы люди, они сами, их начальники штабов шли к тебе, звонили тебе, давали правдивую информацию по своей линии. У штаба артиллерии идет информация по штабу бронетанковых во-

йск, по штабу воздушной армии, по штабу тыла. Очень важно, когда ты имеешь возможность проверять информацию и пополнять информацию, полученную тобой непосредственно от своих штабных работников, информацией, полученной от работников штабов родов войск.

Ну а трудность, повторяю, в том, что начальники родов войск не подчинены тебе. Как бы и подчинены, а в то же время нет».

Например, одним из таких начальников служб в 57 ОК, а затем в армейской группе был начальник артиллерии комбриг Корзин. Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов вспоминал: «Больших трудов стоило мне убедить начальника артиллерии Ф.Г. Корзина в необходимости планировать боевые действия артиллерии в масштабе всей группы войск, а противобатарейную борьбу взять целиком в свои руки. Возражения его были обычными: зачем зря голову ломать, куда прикажут, туда и бить будем! Пришлось мне прийти на командно-наблюдательный пункт и самому приняться за разработку плана боевых действий артиллерии. Подействовало! Корзин и его помощники устыдились, взялись за карты и документы. И надо сказать, хорошо справились с делом». А ведь тогда Воронов носил петлицы комкора и был начальником артиллерии РККА, находясь на Халхин-Голе в составе специальной комиссии. Что тогда говорить про комбрига Богданова, которому договориться с Корзиным было еще сложнее. Какая тут увязка?

И, тем не менее, комбриг Богданов на заключительном этапе операции с 20 по 31 августа 1939 г. командовал левым крылом армейской группы (награжден орденом Красного Знамени). По окончании боевых действий в сентябре 1939-го его назначили заместителем командующего 1-й армейской группой, а затем председателем советско-монгольской делегации в Смешанной комиссии по разрешению спорных вопросов о государственной границе между МНР и Маньчжурией в рай-

оне конфликта: «В конце переговоров в результате провокации с японской стороны М.А. Богданов совершил “грубейшую ошибку, нанесшую ущерб престижу СССР”, за что был предан суду. 1 марта 1940 г. Военной коллегией Верховного суда СССР он был осужден по ст. 193—17 п. «а» на 4 года исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). До 23 августа 1941 г. содержался в исправительно-трудовом лагере на Дальнем Востоке» (Комдивы. Том 1).

В дальнейшем его карьера, можно сказать, не сложилась. Командовал 69-й стрелковой дивизией. Во второй раз пережил арест. Приговором военного трибунала Западного фронта от 4 марта 1943 г. был осужден по ст. 193-17 п. «а» на 10 лет ИТЛ: «После дополнительного изучения обстоятельств произошедшего членом Военного совета фронта Н.А. Булганиным решение военного трибунала не было реализовано, а в конце марта М.А. Богданов назначается командиром 127-го стрелкового полка 42-й гвардейской стрелковой дивизии» (Комдивы. Том 1).

Уже в конце мая его назначили заместителя командира 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, а с сентября 1943-го исполнял должность командира 8-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Войну закончил командиром своего соединения, переименованного в 107-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которая успешно участвовала в Венской и Пражской наступательных операциях.

Свою службу генерал-майор (1942) Богданов окончил в 1959 году в Казахском сельскохозяйственном институте, где был начальником военной кафедры. Умер Михаил Андреевич в Риге в мае 1969 года в возрасте 70 лет.

Так почему же маршал и полководец забыл упомянуть в мемуарах своего начальника штаба и других штабных командиров?

Можно лишь предположить, что за забывчивостью Г.К. Жукова кроется нежелание вспоминать «старое». И свое неумелое руководство, и свою излишнюю жестокость, и свою грубоватость, и свое упрямство.

Да и зачем делить лавры главного победителя на р. Халхин-Гол с каким-то неудачником?

Две судимости, поднялся не выше генерал-майора, сильно прокололся в Монголии, а последние 7 лет вообще возглавлял военную кафедру в двух казахских высших учебных заведениях. И это — выпускник Военной академии им. Фрунзе по 1-му разряду!

Глава 9

«БАИН-ЦАГАНСКОЕ ПОБОИЩЕ»

1

Гора Баин-Цаган находилась от маньчжурской границы километрах в пятнадцати и господствовала над местностью. Именно за эту высоту и разыгрались ожесточенные бои в первых числах июля 1939 года.

2 июля две тактических группы японской армии перешли в наступление с целью охвата фланга советских войск на территории Монголии.

Группа генерала Кобаяши, а это были главные силы командира 23-й пехотной дивизии генерала Комацубара (два пехотных полка 23-й дивизии, артиллерийский полк, инженерный полк и пехотный полк 7-й дивизии в резерве), должна была разгромить противника в районе высоты 721, после чего перейти реку Халхин-Гол и последующим броском на юг по западному берегу реки перехватить переправы, перерезав снабжение советско-монгольских сил.

В это же время тактическая группа генерала Ясуоки (пехотный полк 7-й дивизии, один батальон пехотного полка

23-й дивизии, два бронетанковых полка, полк полевой артиллерии и инженерный полк) должна была атаковать противника на восточном берегу реки Халхин-Гол.

В дальнейшем эти тактические группы должны были соединиться, окружить и уничтожить советские войска.

Доктор Эдвард Дж. Дри подчеркивает в своей монографии: «План отличался от предыдущего плана... в двух отношениях. Во-первых, японцы считали, что их движение во фланг заставит советские войска отойти с восточного берега Халхи. Во-вторых, японский маневр предусматривал нарушение международно признанной границы, которую сами японцы считали границей между Маньчжоу-го и Монголией».

И надо сказать, что сначала все шло, как «по нотам»: «Северная японская тактическая группа захватила высоту 721 2 июля в соответствии с планом, и той же ночью переправилась через Халху. Японские войска добились успеха, заняв высоту Баин-Цаган, и продвинулись на юг вдоль гряды холмов почти на 6 км. Однако дальше к югу наступающие японцы попали под сильный огонь превосходящей советской артиллерии, который велся с высоты Дунгар-Обо».

В оперативном приказе командира 23-й японской пехотной дивизии от 2 июля 1939 г. (17.00) говорилось:

«1. Пр-к на правом берегу р. Халхин-Гол подавлен нашим решительным наступлением и, по-видимому, накапливает силы на высотах левого берега.

2. Дивизии главными силами перейти реку Халхин-Гол в районе севернее выс. Хара и уничтожить противостоящего пр-ка.

3. Частям, ведущим наступление на левом берегу (придан 3-й дивизион), сегодня, 2.7, с заходом солнца главными силами немедленно форсировать реку Халхин-Гол в р-не ю.-в. Мередене-Обо и к рассвету выйти на высоту, что западнее Баин-Цаган-Обо, в дальнейшем наступать в направлении Ко-

матсу и уничтожить пр-ка. Частью сил прикрывать правый фланг и тыл.

4. Наступающим частям, посаженным на колеса, с наводкой моста инженерными частями переправить на правый берег приданную им артиллерию. Прорваться в направлении Коматсу с внешнего фланга частей наступающих на левом берегу, отрезать пути отхода пр-ка и уничтожить его.

5. Отряду Ясуока (вновь придать 2-й артдивизион) с рассветом 3.7 выступить на исходный рубеж для наступления. Главными силами прорваться в направлении центральной переправы в р-не, что к северу от р. Хайластын-Гол, и уничтожить пр-ка на правом берегу р. Халхин-Гол. Командиру артотряда на выс. Фуи к 19.00 2.7 придаю отдельный полк полевой артиллерии.

6. Артотряду своими главными силами прикрывать форсирование реки главными силами дивизии. С окончанием наводки моста форсируют реку части, посаженные на колеса, после чего взаимодействовать в бою с частями, ведущими наступление на колесах...» (РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 208. Л. 25—27).

А вот что писал в этот же день военный служащий Касавр семье в Японию: «В этой скучной, пустынной и бесплодной местности, где на смену большим холодам приходит большая жара, нельзя найти ни одной капли чистой воды. Кое-где встречающиеся озера покрыты беломутной пеной, и волны с треском обмывают соляные берега. На берегу этих озер водятся гуси, напоминающие своим криком чаек на берегу моря. Их крик напоминает мне Тихий океан, отца и мать, по которым я очень скучаю. Я становлюсь сентиментальным и чувствительным, как женщина, и вот стоит только здраво поразмыслить, зачем нужно было третьей стране переходить границу и вступать в это место, где не ступала нога человека, и можно прийти к твердому убеждению, что за этим кроется какая-то безжалостная, захватническая политическая хитрость.

Эти захватнические военные действия явились результатом внутренней кровавой политики и движения внутри этой третьей страны, что и завершилось переходом границы» (РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 208. Л. 114—115).

2

В своих мемуарах Г.К. Жуков подтвердит, что действительно «японцы в течение июня сосредоточивали свои войска в районе Халхин-Гола и готовили их для проведения операции под названием “Второй период намонханского инцидента”, вытекавшей из плана их военной агрессии. Ближайшей целью операции японских войск являлось:

- окружение и разгром всей группировки советских и монгольских войск, расположенных восточнее реки Халхин-Гол;
- переправа через реку Халхин-Гол и выход на западный берег реки с целью разгрома наших резервов;
- захват и расширение плацдарма западнее Халхин-Гола для обеспечения последующих действий».

Весьма любопытно свидетельство полководца о том, как он узнал о новом наступлении японских войск: «Перед рассветом 3 июля старший советник монгольской армии полковник И.М. Афонин выехал к горе Баин-Цаган, чтобы проверить оборону 6-й монгольской кавалерийской дивизии, и совершенно неожиданно обнаружил там японские войска, которые, скрытно переправившись под покровом ночи через реку Халхин-Гол, атаковали подразделения 6-й кавдивизии МНР. Пользуясь превосходством в силах, они перед рассветом 3 июля захватили гору Баин-Цаган и прилегающие к ней участки местности; 6-я кавалерийская дивизия МНР отошла на северо-западные участки горы Баин-Цаган.

Оценив опасность новой ситуации, Иван Михайлович Афонин немедленно прибыл на командный пункт командующего советскими войсками (вскоре, к 15 июля, 57-й корпус был раз-

вернут в 1-ю армейскую группу) и доложил сложившуюся обстановку на горе Баин-Цаган. Было ясно, что в этом районе никто не может преградить путь японской группировке для удара во фланг и тыл основной группировки наших войск».

А далее следует хорошо известное решение командующего 1-й армейской группой, после которого весь военный механизм приводится в действие: «Ввиду осложнившейся обстановки все наши резервы были немедленно подняты по боевой тревоге и получили задание сразу же выступить в общем направлении к горе Баин-Цаган и атаковать противника, 11-я танковая бригада под командованием комбрига М.П. Яковлева получила приказ атаковать противника с ходу. 24-му мотострелковому полку, усиленному дивизионом артиллерии, под командованием полковника И.И. Федюнинского было приказано атаковать противника, взаимодействуя с 11-й танковой бригадой, 7-я мотоброневая бригада под командованием полковника А.Л. Лесового предназначалась для удара с юга. Сюда же подтягивался броневой дивизион 8-й монгольской кавдивизии.

Рано утром 3 июля советское командование прибыло в район горы Баин-Цаган. Тяжелому артиллерийскому дивизиону 185-го артиллерийского полка было приказано выбросить разведку к горе Баин-Цаган и открыть огонь по японской группировке. Одновременно был дан приказ артиллерии, расположенной за рекой Халхин-Гол (поддерживавшей 9-ю мотоброневую бригаду), перенести свой огонь по противнику на горе Баин-Цаган. По тревоге была поднята в воздух вся наша авиация.

В 7 часов утра подошли первые группы нашей бомбардировочной и истребительной авиации, начавшие бомбить и штурмовать гору Баин-Цаган. Нам было очень важно сковать и задержать противника ударом авиации и артиллерийским огнем на Баин-Цаган до подхода сюда резервов для контрудара.

Чтобы затормозить дальнейшую переправу и сосредоточение сил противника в районе горы, было приказано усиленно

бомбить и непрерывно обстреливать артиллерийским огнем переправу через реку Халхин-Гол.

Около 9 часов утра начали подходить передовые подразделения авангардного батальона 11-й танковой бригады. (...)

Таким образом, главным нашим козырем были бронетанковые соединения, и мы решили этим незамедлительно воспользоваться, чтобы с ходу разгромить только что переправившиеся японские войска, не дав им зарыться в землю и организовать противотанковую оборону. Медлить с контрударом было нельзя, так как противник, обнаружив подход наших танковых частей, стал быстро принимать меры для обороны и начал бомбить колонны наших танков. А укрыться им было негде — на сотни километров вокруг абсолютно открытая местность, лишенная даже кустарника».

Бывший адъютант Жукова в своей книге о полководце так дополняет командира 57-го корпуса: «В 10 час. 45 мин. главные силы 11-й танковой бригады развернулись и с ходу атаковали японцев, нанося удар с северо-запада. Один ее батальон, во взаимодействии с бронедивизионом 8-й кавалерийской дивизии МНРА, с дивизионом 185-го тяжелого артиллерийского полка, атаковал противника с юга. Принимая такое решение, М.П. Яковлев не допускал мысли, что 24-й мотострелковый полк не выйдет к указанному времени на свой рубеж, и танкам придется сражаться одним без пехоты по времени больше, чем предполагалось. В результате 11-я танковая бригада по существу оказалась расчлененной японцами на две части, так как в разрыве боевого порядка должны были действовать полк Федюнинского и бригада Лесового, ввод в бой которых задержался. Это отрицательно сказалось на управлении, организации службы эвакуации и восстановлении выведенных из строя танков. Неустойчивая радиосвязь командиров батальонов и рот, отсутствие радиосвязи во взводе усложняли управление в этом важном звене, насчитывавшем 5 танков. Недостатки в управлении снижали боевые возможности танковых подразделений и увеличивали

потери в личном составе и боевой технике. Однако внезапность и четкая организация танковой атаки, быстрота и натиск, неудержимое стремление танкистов к победе, инициатива и взаимовыручка в бою огнем и маневром ошеломили захватчиков.

Полторы сотни наших танков без пехоты ринулись на противника. Г.К. Жуков принимает энергичные меры по оказанию помощи атакующим танкам огнем артиллерии и ударами авиации. Следом вступила в бой 7-я мотоброневая бригада и 8-й бронедивизион монгольской армии. Удар был настолько неожиданным, что японцы стали бомбить наступающие колонны только тогда, когда они уже вышли в район Баян-Цагана. А артиллерийский огонь по танкам открыли только через 10 минут после начала атаки.

— Где 24-й мотострелковый полк? — спросил командующий начальника войск связи А.И. Леонова²⁷.

— С ним связь потеряна...

— Дайте карту, — потребовал от меня Жуков.

Я подал ему свою карту. Она была чистой, без каких-либо пометок. Георгий Константинович прочертил рубеж выхода и от него стрелой обозначил направление наступления. Такова была задача 24-го полка.

— Садитесь в броневичок, найдите полк и вручите его командиру эту карту. Здесь все написано. Полк должен быть вот здесь, — показал он рукой. — Командир — майор Федюнинский. Только не попадите к японцам. Где идет бой, видите сами. По возвращении доложите.

Полк был найден мною довольно быстро и вскоре своей атакой активно поддержал продвижение танков».

Опираясь на воспоминания военачальников всегда опасно. И это притом, что мемуары свои они «писали» исключительно на основе архивных документов. Например, генерал армии

И.И. Федюнинский на Халхин-Голе командовал 24-м моторизованным полком. Командовал успешно и даже был удостоен звания Героя Советского Союза. И вот в книге «На Востоке» он пишет: «2 июля японцы перешли в наступление, нанося главный удар в направлении горы Баин-Цаган...

Наши красноармейцы и монгольские цирики героически отстаивали каждый метр земли. Отважно сражались советские артиллеристы. Выкатив орудия на прямую наводку, они метким огнем отбивали танковые атаки врага.

Однако к исходу дня 2 июля на плацдарме восточнее реки Халхин-Гол противник ввел в бой до 80 танков. Это позволило ему сбить боевое охранение 149-го стрелкового полка и 9-й мотобронебригады, оттеснить на юго-запад левый фланг советско-монгольских частей и вклиниться в их боевой порядок».

Как не поверить известному военачальнику! Но если внимательно прочитать «Боевое донесение штаба 57-го Особого корпуса в Генштаб РККА о начавшемся наступлении танков и пехоты противника» за 2 июля 1939 года, то картинка будет выглядеть уже несколько иной: «1) В 18 часов 30 минут до 40 танков противника перешли границу в районе двух озер (6 км северо-западнее Номон Кан Бурд Обо), прорвались в тыл 3/149-го сп, СПБ 9-й мотобронебригады и, разделившись на две группы по 20 танков каждая, атаковали тылы и боевой порядок этих частей. Встреченный артиллерийским огнем противотанковых батарей и полковой артиллерии, противник вынужден отойти в том же направлении, потеряв до 10 танков (подробности его потерь выясняются)...

2) В 20 часов 2 июля до полка пехоты с 40 бронемашинами и танками вновь повели наступление на левый фланг 9-й бригады из района родник (4 км юго-восточнее озера Яньху). Углубившись на нашу территорию на 3—4 километра, противник остановлен огнем наших противотанковых орудий и бронема-

шин в 200 метрах от переднего края обороны. Бой продолжается. Частям приказано упорно обороняться на занимаемом рубеже» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 83. Л. 126—127).

Чувствуете неточность? Все-таки 80 и 40 танков — разница огромная...

«Однажды ночью я замешал телефониста у аппарата, — вспоминал российский и советский искусствовед, профессор, член-корреспондент Российской академии художеств, ведущий научный сотрудник и член Ученого совета Эрмитажа Н.Н. Никулин. — Тогдашняя связь была примитивна, и разговоры по всем линиям слышались во всех точках, я узнал как разговаривает наш командующий И.И. Федюнинский с командирами дивизий: “Вашу мать! Вперед!!! Не продвинешься — расстреляю! Вашу мать! Атаковать! Вашу мать!”... Года два назад престарелый Иван Иванович, добрый дедушка, рассказал по телевизору октябрятам о войне совсем в других тонах...»

В общем, про Баин-Цаганское сражение точнее поведают документы. Так надежнее.

Одним из таких документов может служить исторический формуляр 11-й танковой бригады, где черным по белому написано: «Бригада по тревоге выступила в район высоты Баин-Цаган (западный берег р. Халхин-Гол) и в 10.00 с марша, без пехоты и артиллерии вступила в бой с двумя полками японской пехоты (71-й и 72-й пп 23-й пд, четыре батареи ПТО, 23-й инж. полк), так называемым отрядом генерал-майора Кобаяси, только что переправившимися и окапывающимися на западном берегу р. Халхин-Гол.

Противник был атакован с юга 2-м ТБ, с запада — 3-м ТБ и северо — запада — 1-й ТБ бригады. Танки врезались в боевой порядок противника, давили его гусеницами, расстреливали огнем пушек и пулеметов, наводили ужас на японцев огнеметанием химических танков. Бой длился с 10.00 до

24.00 3 июля. Следовавший в этом же направлении 24-й сп 36-й сд и 7-я МББр подошли к полю боя в 15.00 3 июля.

Соотношение сил, считая и 24-й сп 36-й сд и 7-ю МББр, — противник имел превосходство в пехоте в 10 раз, в орудиях БА и ПТО в 7,5 раза, в орудиях ПА и ДА и тяжелым в 2 раза. У нас абсолютное превосходство в танках.

С рассветом 4 июля бой разгорелся вновь, и к 3.00 5 июля западный берег был очищен. В этот раз бригада в бою не участвовала.

За два дня боя противник понес потери ориентировочно 3500—4000 человек убитыми и ранеными. У противника захвачено много оружия, боеприпасов и снаряжения. Уничтожен понтонный мост. Операция противника, рассчитанная на окружение наших частей, сорвана. Потери бригады: из 162 танков, участвовавших в бою, сгорело 47, подбито 45, из 11 химтанков сгорел 1, подбито 5. В людях: убитыми — старший комначсостав — 2 чел., средний комначсостав — 24 чел., мл. комначсостав — 73 чел., рядовой состав — 42 чел. Ранеными: ст. комначсостав — 3 чел., средний комначсостав — 10 чел., мл. комначсостав — 4 чел., рядовой состав — 21 чел.

Пропало без вести: ср. комначсостав — 3 чел., млад. комначсостав — 4 чел., рядовой состав — 3 чел [...] Большие потери являются следствием того, что с 10.00 до 15.00 бригада вела бой одна без пехоты и артиллерии» (РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 634. Л. 1—5).

4

«Через Халху переправились приблизительно в 5 часов, — зафиксирует в своем дневнике японский солдат Накамура 3 июля. — Благодаря хорошим переправам, наведенным нашими саперами, мы быстро форсировали р. Халху, не вступив в бой с противником. Как только мы перешли на монгольскую территорию, мы начали усиленное наступление, наши резерв-

ные части, двигавшиеся рассыпным строем и прикрывавшее наступление передовых частей, столкнулись с большой частью с 10 танками противника. На этот раз уничтожено около 10 танков. 2-й раз резервные части были атакованы 10 танками противника. 6—7 из них было уничтожено. Третье нападение произошло как раз во время большого привала (часовой отдых), несколько десятков танков противника внезапно напали на наши части. У нас произошло странное замешательство — лошади заржали и разбежались, таща за собой передки орудий, автомашины помчались во все стороны.

Однако и в этот раз было уничтожено около 20 танков противника. Таким образом, общее количество уничтоженных танков доходит до 50 штук» (РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 208. Л. 120—130).

Старший унтер-офицер Отани был артиллеристом и тоже сделал запись в дневнике 3 июля: «Эта переправа через Халху была действительно большим событием. Во многом мы обязаны нашим саперам. После переправы мы сели в машины и отправились разыскивать танки противника, двигаясь все вперед и вперед. С 9.30 начался бой.

В этом бою погибло 2 человека, которые на всю жизнь останутся в памяти... Первый бой окончен. Мы снова продвинулись вперед и прошли... в глубь монгольской территории. В 13 часов первому и четвертому отделениям было приказано подобрать раненых...

Очень хотелось есть, и несколько человек, стоя на машинах, быстро доедали остатки своего обеда. Вдруг прибыло донесение о приближении спереди около 20 танков противника, но отделения все же выехали выполнять задание. Не успели проехать 300 метров, как столкнулись с танками пр-ка, обстреливавшими нас слева.

Мы не могли вытерпеть. Тотчас же сняли орудия с автомашин, откатали их на 100 метров и сейчас же начали обстрел

танков противника. На один миг два танка пр-ка замолкли, но сейчас же мы были осыпаны градом пуль из пулеметов. Я был как во сне. Когда немного очнулся, то оказалось, что около нашего орудия лежали два окровавленных тела, Хакуяма и Ахиара. Этот час я никогда не забуду. Мы сейчас же переместились к высоте № 3 и продолжали обстрел. (...)

От сегодняшнего боя осталось очень глубокое впечатление, осколком снаряда был убит также командир взвода автомобильного отряда. В каждой части много убитых и раненых. Кажется, что и его превосходительство командир дивизии тоже ранен. Бой достиг своего кульминационного пункта. Когда стемнело, наша батарея, прикрывая штаб дивизии, отступила к пункту переправы. Батарея была разбита по взводам во время боя: поэтому собрать все взводы было нелегко. На передовой линии осталось много разного военного имущества, и штаб дивизии нас торопил. Наши автомашины двинулись за имуществом, но мы здорово намучились, т. к. не могли найти дорогу. По пути встретили артиллерийскую часть, переправляющуюся через Халху, и связались с ней. Эта часть нам сообщила, что мост как будто уже захвачен пр-ком.

Тихо и осторожно движется командира дивизии машина. Луна освещает равнину — светло как днем. Ночь тиха и напряжена, так же, как и мы. Халха освещена луной, и в ней отражаются огни осветительных бомб, бросаемых пр-ком, находящимся на маньчжурской территории. Картина ужасная. Наконец мы отыскали мост, благополучно закончили переправу на рассвете. Я удивился, каким образом мы забралась так глубоко. Говорят, что наши части были окружены большим количеством танков пр-ка и стояли перед лицом полного уничтожения» (РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 208. Л. 140—145).

Из дневника командира 26-го пехотного полка полковника СУМИ Синичиро: «3 июля удалось перебросить только батальон майора Адачи. Остальные подразделения полка достигли

противоположного берега перед рассветом следующего дня (4 июля). Мы развернулись в качестве второй линии за батальоном Адачи.

Через некоторое время мы подверглись неистовым атакам группы примерно 300 вражеских танков. Расстояние составляло около 800 метров, и наши пехотные орудия могли добиться эффективного попадания лишь каждым третьим выстрелом. Вражеская бронетехника смогла приблизиться прежде, чем мы успели сделать более чем несколько выстрелов; у нас не было времени продолжать огонь, и 300 вражеских средних танков ворвались на наши позиции... Мои солдаты лихорадочно метали “коктейль Молотова” в танки со смертельной точностью. Танки вспыхивали как спичечные коробки в пламени. Я насчитал 84 выведенных из строя вражеских танка.

Это был наш первый и последний успех в Номонханском инциденте.

На обширных пространствах Внешней Монголии температура поднялась до 42 °С. Время от времени нас обстреливала вражеская тяжелая артиллерия; мы едва могли укрыться, отрывая ячейки в песке» (Халхин-Гол: бои за гору Баин-Цаган. Интернет).

5 июля солдат Накамура записывает в дневник: «На рассвете стрелки противника были уже совсем близко, и наша группа отступила и вернулась к пункту переправы. Здесь мы заняли позиции и подготовились к встрече пр-ка. В 6 часов мы опять подверглись нападению танков, но сейчас же были устроены укрытия...

Противник обстрелял наши убежища газовыми снарядами, и нам приходилось несколько раз надевать противогазы. Немного позже было произведено несколько бомбардировок со стороны противника. Снаряды непрерывно ложились поблизости около наших укрытий, и настроение личного состава, так же как и вчера, резко ухудшилось.

В 8.30 наша артиллерия тоже начала сильный обстрел. С самого утра над позициями кружили наши самолеты и самолеты пр-ка. С наступлением темноты артогонь прекратился. Группа в 12 часов дня отступила на маньчжурскую территорию по понтонам, наведенным нашими саперами. В 16 часов прибыли на высоту 752 (что севернее Номонхан)».

Очередную запись делает и старший унтер-офицер Отани: «Облачно. Небольшой дождь. Проснувшись рано на рассвете, мы сразу не могли разработать направление, не знаем также и название нашего места нахождения. На сегодня получили задачу — уничтожить противника, находящегося в пункте слияния рек Халха и Хайластын-Гол. Мы выступили после полудня, шел дождь, было холодно.

В 7.30 мы расположились в 400 метрах за штабом дивизии, около позиции зенитной артиллерии, однако опасались бомбардировок. В этом пункте мы передвинулись еще на 300 метров. Идет дождь. Холодно, а у нас шинелей и другой теплой одежды нет. (...)

Гул артиллерии противника не прекращается. Мы мокнем под дождем, потеряв связь с нашими частями. Не знаем направления — куда нам двигаться...

Сегодня ночью в районе штаба дивизии организовано сильное охранение, так как предполагалось ночное нападение со стороны противника. Перед штабом дивизии большое скопление наших танков».

И наконец, важное свидетельство для истории оставляет командир 26-го пехотного полка: «5 июля вражеские танки, понесшие столь большие потери от нашего “молотовского коктейля”, перестали приближаться. Вместо этого они время от времени стреляли с большого расстояния; корпуса танков были зарыты в песок, торчали только башни. От этого обстрела мы понесли тяжелые потери, так как у нас не было соответствующего вооружения, чтобы ответить на этот огонь. Вскоре

около трети моих людей были убиты или ранены. 5 июля мы начали отходить на маньчжурскую территорию. Тем временем на правом берегу Халхи 64-й пехотный полк постигла та же судьба, что и нас — он находился под сильным огнем тяжелых орудий и танков.

Противник продемонстрировал свое материальное превосходство».

5

3 июля нарком обороны Ворошилов вышел по прямому проводу на комкора Смушкевича, у которого лично поинтересовался обстановкой в районе горы Баин-Цаган:

«Ворошилов: Что у вас?

Смушкевич: Только что разговаривал с командирами штаба, находящимися на фронте. Японский полк, усиленный танками, бронемашинами, прорвавшийся на западный берег р. Халхин-Гол, известное вам место, полностью окружен нашими частями.

Японцы ведут отчаянный бой, стремясь выйти из окружения. Туда выехал Жуков.

По данным авиаразведки, японцы подтягивают сильные резервы на помощь этому полку. В основном главное действие происходит севернее горы Баин-Цаган. Все части, находящиеся на восточном берегу р. Халхин-Гол, находятся на месте и ведут бои».

Примечательно, что 4 июля командир 23-й пехотной дивизии генерал Комацубара в своем приказе отмечал:

«1. Наступление дивизии развивается успешно, особенно на фронте части Ясуока, приближается момент уничтожения армии пр-ка на правом берегу р. Халхин-Гол.

2. Как и предполагалось, дивизия имеет задачей развернуть главные силы в р-не отряда Ясуока и уничтожить пр-ка на правом берегу р. Халхин-Гол.

3. Отряду Ясуока по-прежнему вести наступление, разрушить центральную переправу, уничтожить пр-ка, нарушившего границу, и сосредоточиться в его тылу. Часть..., находящаяся под командованием генерал-майора Кобаяси, переходит в Ваше распоряжение» (РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 208. Л. 33—35).

В отличие от него, командиру 57-го корпуса было еще далеко до оптимизма. В очередном боевом донесении в Генштаб Жуков сообщал: «...В течение ночи и до настоящего времени идут ожесточенные бои, доходящие до рукопашных схваток на всем фронте от горы Баин Цаган до р. Хайластын-Гол, особенно упорные бои идут в районе гора Баин-Цаган 5 км южнее, и юго-восточнее Брод конный, где противник, пользуясь исключительно выгодной местностью, использует свое фланговое положение. Группировка противника в районе горы Баин-Цаган на западном берегу р. Халхин-Гол в основном ликвидирована. Сейчас добывает остатки, которых считаю не более двух рот, с большим количеством снайперов. Эта группа держится, цепляясь за 2-километровый участок западного берега. Своим левым флангом она сомкнулась с обороной противника на песке, что 5 км восточнее горы Баин-Цаган, правым флангом эта группа упирается в Халхин-Гол».

Из второй части телеграммы командира корпуса следует, что «попытка переправиться 6-й кд на восточный берег реки в тыл противника отбивается огнем. Сейчас продолжается бой за полную ликвидацию Баин-Цаганской группы противника, эту задачу выполнит 24-й мотополк. Танки участия принять не могут из-за неудачной местности.

11-я танк. бригада имеет много потерь, сейчас отводится для приведения в порядок.

9-я и 7-я мотобронеполки ведут очень медленное наступление в северном направлении...

149-й полк, медленно продолжая наступление, перед атакой уничтожил до роты противника, захватив две противотанковые

пушки, противник пытался проникнуть по реке Хайластын-Гол в стык 149-го полка и 3-го стрелкового пулеметного батальона...»

По авиации: «Наша авиация непрерывно бомбит группировку противника. Противник до 18 часов произвел 15 бомбометаний. Главный удар наносит по 24-му сп — гора Баин-Цаган».

Выводы командира корпуса не менее интересны: «Противник перешел к упорной обороне, особенно на фронте правого фланга... Противник продолжает подтягивание резервов. Возможно завтра его наступление».

5 июля свежую обстановку в Генштаб доложил комкор Смушкевич: «Ночью часть пехоты продолжала оставаться на западном берегу в районе Баин-Цаган. Противник сосредоточил не менее полка пехоты, полка конницы с танками на восточном берегу р. Халхин-Гол и вел сильный бой в этом районе для того, чтобы обеспечить выход своих частей с западного берега.

Ночью было затишье. С обеих сторон, по мнению Жукова, войска устали до крайности. Сегодня в 8.00 (монг. времени) Жуков сообщил, что противник двумя полками пытался прорваться на западный берег р. Халхин-Гол от Бр. конный, что против Развалины. Полчаса тому назад Жуков сообщил, что в этом районе атака противника отбита, и на западном берегу в этом районе противника нет. Сейчас уточняю авиаразведкой. По-видимому, противник ночью произвел перегруппировку и главный удар с утра наносит на наш левый фланг...»

5 июля в 13.50 по московскому времени (17.15 по монгольскому) командир 57-го корпуса доложил наркому обороны: «Прорвавшиеся части противника на западный берег р. Халхин-Гол в районе Баин-Цаган в 3 часа 5 июля с большими потерями отошли на восточный берег, полного окружения и уничтожения осуществить не удалось. Особенное

поражение противник понес от артогня, удара 11-й танкбригады и авиации. На фронте 9-й и 7-й мотобронепригод, что восточнее горы Баин-Цаган, идут ожесточенные бои с переменным успехом, но первоначальное положение, которое 9-я мотобронепригада занимала к утру 5 июля, полностью восстановлено. Таким образом, все части, занимавшие оборону восточнее р. Халхин-Гол, занимают все выгодные и первоначальные позиции».

Следует отметить, что японская сторона все-таки ощутила на себе всю мощь советских контрударов с трех направлений. И, как подчеркивает Эдвард Дж. Дри, «...задействовав в бою более 450 танков и броневосмобилей, вследствие чего японское наступление было остановлено. Тяжелые бои на западном берегу привели к большим потерям японцев в технике и личном составе и значительному расходу боеприпасов, резервы которых быстро истощались. Единственный понтонный мост, наведенный японцами через Халху, не справлялся с усилиями по подвозу снабжения, в котором нуждались подразделения японской армии, чтобы продолжать бой с полным напряжением сил. Оказавшись под угрозой окружения, японские войска отошли на восточный берег, завершив это отступление 5 июля. В течение тех же самых трех дней тактическая группа Ясуоки вела бои против столь же упорно сражавшихся советских войск на восточном берегу Халхи».

6

Фронтосик В.М. Сафир атаку советских танковых частей на Баин-Цагане называет не иначе, как «неподготовленной примитивно-лосовой».

В «Отчете об использовании бронетанковых войск на р. Халхин-Гол» говорится несколько иначе: «...такая атака допустима как крайний случай, вызванный оперативными сообщениями». Комментируя это утверждение, М. Барятинский

пишет: «Переправа японцев и захват ими горы Баин-Цаган явились неожиданностью для советского командования. Времени для подтягивания стрелковых частей и артиллерии не было — японцам нельзя было дать закрепиться на западном (“нашем”) берегу Халхин-Гола. В этих условиях удар 11-й бригады был единственным выходом из положения, единственным способом сковать японцев боем. Наши танки, ведя шквальный огонь из пушек и пулеметов, в буквальном смысле “проутюжили” японскую оборону. Сильным оказался и психологический эффект от такой массивированной танковой атаки».

Генерал армии И.И. Федюнинский вообще назвал Баин-Цаганское сражение «образцовой операцией». Его объяснение простое: «Противник хотел окружить нас, но сам попал почти в полное окружение. Советско-монгольские войска, измотав его активной обороной, на плацдарме восточнее реки Халхин-Гол сами перешли в решительное наступление против переправившихся японских войск, широко используя подвижные части, окружили его с трех сторон (с четвертой была река) и наголову разбили врага. После этого японцы не решались больше переправляться через реку Халхин-Гол.

Не умаляя высоких боевых качеств пехоты и артиллерии, все же считаю, что главную роль в разгроме противника на Баин-Цагане сыграли танки. Здесь они еще раз доказали, что в умелых руках являются мощным боевым средством не только в наступлении, но и при ведении активной маневренной обороны».

Вывод генерала Федюнинского весьма оригинален: «Операция у горы Баин-Цаган лишней раз подтвердила, что во время встречного боя не всегда есть возможность получить исчерпывающие данные о противнике, но, несмотря на это, решение надо принимать быстро».

Однако с такими аргументами и доводами категорически не согласен полковник в отставке, участник войны В.М. Сафир:

«С момента вступления Жукова в командование 57-м корпусом (12 июня 1939 г.) до перехода 2 июля японцев в наступление (а это без малого 3 недели!) возможности организации успешного ведения боевых действий подчиненными частями (в условиях “активной обороны”) были использованы комкомром не полностью. Поэтому у него и возник вариант бросить в бой “с ходу”, без должной подготовки танковые бригады».

Добавим лишь. Г.К. Жуков вступил в командование действительно 12 июня, но в боевую обстановку он вращал с момента своего прибытия на Халхин-Гол. А это еще плюс две недели. Учитывая, что сам конфликт длился всего несколько месяцев, то одного месяца для военачальника такого уровня, каким был Георгий Константинович, вполне должно было хватить, чтобы узнать противника. Как утверждал известный советский генштабист генерал армии С.М. Штеменко, знание противника является первейшей задачей военачальника: «Оно, разумеется, включает сведения о количестве и качестве его войск, их моральном состоянии, вооружении и снабжении. Однако, в отличие от штаба, главное для полководца должно заключаться в отчетливом понимании возможностей противника и — что важнее всего — правильном представлении о его замыслах».

В общем, тогда, в первых числах июля, командир корпуса правильного представления о замыслах противника не имел. И это можно назвать главным его просчетом на тот момент.

Например, в конце июня соотношение сил и средств противостоящих сторон было в пользу японских войск: в личном составе 1:3, в орудиях 1:2,8, в самолетах в 1:2,7. И только преимущество в танках и бронемашинах оставалось за советской стороной (танков — 186, бронемашин — 266, а у японцев — только 135 танков).

Интересно, а что бы делал командир 57-го корпуса, если бы японцы превосходили его войска и по количеству бронетехники?

В своей документальной книге «Крах 1941 — репрессии ни при чем! “Обезглавил” ли Сталин Красную Армию?» историк А.А. Смирнов заостряет внимание на том, что «высшие командиры часто и вовсе игнорировали необходимость организовать взаимодействие родов войск!». В качестве примера историк приводит «Баин-Цаганское побоище», особо подчеркивая безграмотность командира 57-го корпуса: «Речь идет о его знаменитом приказе 11-й легкотанковой бригаде от 3 июля 1939 г. на атаку противотанковой обороны японцев на горе Баин-Цаган без поддержки пехоты и артиллерии. Вначале, правда, предполагалось, что с танками будет взаимодействовать 24-й стрелковый полк 36-й стрелковой дивизии — но он должен был поддерживать только один из трех атакующих танковых батальонов (*Желтов И., Павлов И., Павлов М. Танки БТ. Ч. 2. Колесно-гусеничный танк БТ-5. М., 1999*). А после того, как выяснилось, что полк к назначенному времени на исходные позиции не вышел, Жуков приказал танкистам атаковать и вовсе без пехоты. Что до артиллерии, то против японских войск на Баин-Цагане перенацелили 185-й артполк РКК и артиллерийские подразделения, находившиеся на восточном берегу Халхин-Гола, но никакого взаимодействия между ними и танковыми батальонами организовано не было, и атака танков проходила и без артиллерийской поддержки... (*Барятинский М., Коломиец М. Легкие танки БТ-2 и БТ-5 // Бронеколлекция. 1996. № 1*).

В «Воспоминаниях и размышлениях» Георгий Константинович объяснял свое решение тем, что «медлить с контрударом было нельзя, так как противник, обнаружив подход наших танковых частей, стал быстро принимать меры для обороны и начал бомбить колонны наших танков. А укрыться им было негде — на сотни километров вокруг абсолютно открытая местность, лишенная даже кустарника». Однако эта версия не выдерживает критики. К моменту принятия Жуковым решения

на атаку без пехоты «меры для обороны» японцы уже приняли и оборону (и в том числе противотанковую) уже организовали. Правда, из донесения начальника особого отдела 57-го корпуса от 9 июля 1939 г. можно заключить, что Жуков об этом не ведал: согласно донесению, «в атаку на мощную противотанковую оборону противника» 11-я бригада оказалась брошена «в результате неверной информации» «со стороны инструктора I отдела штаба МНРА (Монгольской народно-революционной армии. — А.С.) Афонина» (Цит. по: *Дайнес В.О.* Указ. соч. С. 95.) По Дайнесу, это донесение датировано 9 июня, однако в свой первый бой 11-я легкотанковая пошла только 3 июля. Да и из дальнейшего текста донесения видно, что речь идет именно об июльском «Баин-Цаганском побоище»: «около половины танков БТ» в 11-й легкотанковой было выведено из строя именно в результате атаки 3 июля (см. прим. 27 к настоящей главе). Кроме того, именно полковник И.М. Афонин был первым советским командиром, обнаружившим, что японцы переправились через Халхин-Гол и заняли гору Баин-Цаган. Соответственно использовать его в качестве информатора при подготовке к атаке на «мощную противотанковую оборону» и Жукову, и командиру 11-й легкотанковой бригады комбригу М.П. Яковлеву [согласно донесению, Афонин информировал непосредственно Яковлева] был резон именно в июле, накануне Баин-Цаганского сражения). Но из текста состоявшейся в октябре 1950 г. беседы Г.К. Жукова с писателем К.М. Симоновым видно, что, приказывая атаковать Баин-Цаган одними танками, Жуков все-таки знал, что японцы уже успели укрепиться на горе и создать там противотанковую оборону. «Перетащили дивизию, — рассказывал он Симонову об обстановке, в которой принимал решение, — и организовали двойную противотанковую оборону — пассивную и активную. В-первых, как только их пехотинцы выходили на этот берег, так сейчас же зарывались в свои круглые противотанковые ямы.

Вы их помните. А во-вторых, перетащили с собой всю свою противотанковую артиллерию, свыше ста орудий. (...) Я принял решение атаковать японцев танковой бригадой Яковлева: Знал, что без поддержки пехоты она понесет тяжелые потери, но мы сознательно шли на это. (...) Она развернулась и пошла. Понесла очень большие потери от огня японской артиллерии, но, повторяю, мы к этому были готовы [т.е. знали, что японцы уже организовали оборону, насыщенную противотанковой артиллерией. — А.С.]» (Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К. Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 6).

Ложно и утверждение Жукова о начатой противником бомбежке 11-й легкотанковой бригады. Реконструируя картину действий советской и японской авиации утром 3 июля 1939 г., В.И. Кондратьев не обнаружил в советских источниках упоминаний об ударах японских бомбардировщиков по советским танкистам; таким ударам в то утро подверглась лишь 6-я кавалерийская дивизия монголов... (Кондратьев В. Халхин-Гол. Война в воздухе. М., 2002).

В беседе с К.М. Симоновым в октябре 1950 г. Г.К. Жуков дал другое, более убедительное объяснение своему решению бросить танки на Баин-Цаган без поддержки пехоты: «создавалась угроза», что японцы «сомнут наши части» на западном берегу Халхин-Гола и «принудят нас оставить плацдарм» на восточном берегу. «А на него, на этот плацдарм, у нас была вся надежда. Думая о будущем, нельзя было этого допустить» (Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К. Жукова). Действительно, при отсутствии плацдарма наступление с целью разгрома японской группировки пришлось бы начинать с такой крайне сложной задачи, как форсирование водной преграды. Но, так или иначе, эффекта принятое Жуковым решение все равно не дало. Разгромить японскую группировку на Баин-Цагане атакой не поддержанных пехотой и артиллерией танков не удалось. Советские войска сумели сделать это только

после двух суток ожесточенных боев, утром 5 июля — и только после того, как танки поддержал подошедший наконец 24-й стрелковый полк! Задержать продвижение противника вдоль западного берега Халхин-Гола (и соответственно выход его в тыл советской группировке на восточном берегу) атака танковых батальонов, по-видимому, смогла — но вряд ли эта задержка имела принципиальное значение для исхода задуманной японцами операции. В самом деле, после подхода пехоты баин-цаганскую группировку удалось разгромить даже при том, что 11-я легкотанковая после самоубийственной атаки 3 июля осталась менее чем с половиной танков. Рискнем поэтому утверждать, что при использовании полнокровной и взаимодействующей с пехотой и артиллерией бригады разгром состоялся бы даже и в том случае, если бы японцы вышли на какое-то время в тыл советским войскам, находившимся на восточном берегу...»

7

В очередном донесении наркому, датированном 5 июля, комкор Смушкевич докладывает: «В ночь с 4-го на 5-е был у Жукова. Донесением Вам Жуков донес. Подробно разобрались в обстановке.

Самое сильное у японцев — много пехоты и авиации. Выдумали хорошее средство для поджигания танков».

И тут же просит: «Обстановка требует помощи пехотой, артиллерией и танками БТ-7...»

В этот же день маршал Ворошилов подписывает приказ об образовании фронтовой группы и назначении ее командующим командарма 2 ранга Г.М. Штерна.

К чему бы все это, если японцы с большими потерями отошли на восточный берег?

Например, профессор В.Г. Дацышен не случайно называет описание Г.К. Жуковым событий, последовавших за Баин-

Цаганом, «еще более противоречивой картиной»: «5 июля к 3 часам утра сопротивление японцев было окончательно сломлено, и они... обратились в бегство... Баин-Цаганская операция закончилась разгромом главной группировки японцев... В ночь на 7 июля японцы провели ряд внезапных ночных атак...» Вообще в воспоминаниях говорится, что еще 3 июля японские разведчики и диверсанты вынудили отступить передовые дозоры советских войск. А в ночь на 8 июля японцы атаковали советские позиции, части Красной армии несли серьезные потери, возникала сумятица и паника, «отдельные стрелковые роты в темноте открывали огонь друг по другу». Командир 5-й стрелково-пулеметной бригады полковник И.П. Федорков был разжалован и был приговорен военным трибуналом к расстрелу. 8 июля в бою погиб командир 149-го стрелкового полка майор И.М. Ремизов. 12 июля там же погиб командир 11-й танковой бригады комбриг М.П. Яковлев».

И действительно, только с 13 июля в боевых действиях наступило долгожданное затишье, которое и советская, и японские стороны использовали для наращивания своих сил. Исходя из этого, доктор исторических наук Дацышен делает следующий вывод: «Таким образом, можно предположить, что в начале июля советским войскам удалось лишь сбить наступательный порыв японцев, и приказом от 16 июля за подписью командира 57-го особого корпуса Г.К. Жукова “корпус переходит к упорной обороне занятого нами плацдарма на восточном берегу р. Халхин-Гол...” 23 июля началось новое безуспешное наступление японцев, продолжавшееся до 25 июля».

Не случайно директива наркома обороны и начальника Генштаба с анализом и оценкой боевых действий 57-го особого корпуса и войск противника за истекший период боев на р. Халхин-Гол появляется только 12 июля. В этом документе черным по белому написано:

«Первое. Японцы в бою действуют организованнее и тактически грамотнее, чем мы. Будучи потрепанными, понеся значительные потери, они, прикрывшись сильными заслонами, окопавшимися на удобных позициях, главные силы оттянули к границе для отдыха и приведения в порядок.

Второе. Противник выставляет впереди снайперов стрелков и снайперские орудия, которые наносят нам большой вред.

Третье. Японцы своими непрерывными мелкими наскоками днем и ночью изматывают наши войска.

Четвертое. Японцы держат инициативу в своих руках, пользуются ею умело.

Действия корпуса за последние дни были неправильны.

Противник 5 июля отступил, понеся потери. Наши части были также потрепаны, переутомлены. Нужно было воспользоваться сложившейся обстановкой для приведения себя в порядок и отдыха.

Об отдыхе людей вы не заботитесь, а это — один из главных факторов успешных действий на фронте. Отдохнувший противник в ночь с 7 на 8 вновь атаковал, и вам нужно было отбить противника на основном рубеже обороны. Вместо этого 9 июля вы перешли в общее наступление, невзирая на мое предупреждение этого не делать. Я предупредил вас также не вводить в бой головного полка 82-й сд прямо с похода; вы и этого не выполнили, хотя и согласились с моими указаниями. Я понимаю ваше желание вырвать инициативу у противника, но одним стремлением “перейти в атаку и уничтожить противника”, как Вы об этом часто пишете, дело не решается. Считаю недопустимо легкомысленным использование наших танков. Танки — могучее средство при правильном их использовании и легкая добыча, если их бросать ротами и батальонами на закрепившегося противника, что вы делали неоднократно. Сочетать оборону и короткие удары по слабым местам про-

тивника мы не умеем. Совершенно неизвестно, что делает наша противотанковая артиллерия, которая способна не только губительно поражать танки, бронемашину, но и снайперские гнезда врага. Вы жалуетесь на неподготовленность пятой мотомехбригады и головного полка 82-й сд, но ведь вы ничего не сделали, чтобы исподволь ввести их в бой, “обстрелять”, дать комначсоставу и бойцам “принюхаться” к бою, обстановке. Вы эти части бросили наряду с другими в атаку, на них сделали ставку и хотели с их помощью “уничтожить” противника.

Вы жаловались, что не спите седьмые сутки, это тоже один из элементов дезорганизованности и непонимания обстановки.

Вы обязаны спать столько и тогда, сколько и когда это нужно и возможно, иначе вы оставите войска без командования. Мы несем огромные потери в людях и матчасти не столько от превосходства сил противника и его “доблестей”, сколько от того, что вы все, командиры и комиссары, полагаете достаточным только желание и порыв, как противник будет разбит. Этого далеко не достаточно, хотя это и важно. Необходимо выдержка, организованность, продуманность действий. Мы слабо используем нашу артиллерию. Снарядов расходует много, а боевого эффекта мало.

Взаимодействие родов войск почти отсутствует, особенно слабо увязана работа авиации с наземными войсками» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 54. Л. 112—114).

Как мы видим, ошибок у Г.К. Жукова (а их четко подчеркнул не кто иной, как сам начальник Генштаба Б.М. Шапошников) в должности командира особого корпуса было немало. Ошибки, надо сказать, очень серьезные. В таком случае и правда “Баин-Цаганское сражение” на самом деле было “Баин-Цаганским побоищем”. Вот только говорить об этом долгое время было не принято...

Каждая новая книга о маршале Жукове, безусловно, интересна, если в ней есть хоть что-то новое, неизвестное ранее. Наконец, только что рассекреченное. Но когда мы имеем дело с пересказом мемуаров самого полководца или его «вылизанной», общепринятой биографией, где одни только победы и подвиги, то становится, ей-богу, скучно. И еще скучнее становится при чтении исторических опусов, в которых Георгия Константиновича называют не иначе, как «кризис-менеджером». То есть если конкретно, то специалистом, который способен вывести предприятие из состояния кризиса или банкротства. Чудеса, да и только! Кстати, неплохая тема для написания очередной диссертации. В этом отношении А.В. Исаев большой историк (Мифы и правда о маршале Жукове).

Например, «роялем в кустах» он называет использование танковых батальонов 11-й танковой бригады М. Яковлева. Хорош «рояль» с огромными потерями, ставшими следствием того, что с 10.00 до 15.00 бригада вела бой в районе высоты Баин-Цаган одна, без пехоты и артиллерии. При этом Исаев потери танкистов 11-й танковой бригады «в решительной атаке плацдарма по приказу Жукова» называет «более чем оправданными». Но кто дал такое право судить про потери этому человеку?

Жаль, нельзя спросить об этом погибших танкистов...

Генерал армии М.А. Гареев в книге «Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства» вообще сравнил действия Жукова с действиями Суворова «в сражении под Рымником в 1789 г.». Вот только сражение при Рымнике, как известно, — одно из главных сражений Русско-турецкой войны, окончившееся полным разгромом турецкой армии. Это одна из наиболее блистательных побед знаменитого полководца. Там действительно были и воен-

ное искусство, и минимальные потери, и великая победа. Чего нельзя сказать про «Баин-Цаганское побоище». Ведь, как известно, японцы продолжали атаковать советские войска вплоть до 12 июля. И иногда у них это неплохо получалось...

9

В книге о Жукове его бывший адъютант приводит один любопытный пример, как шеф после успехов и неудач занимался самоанализом: «При подготовке донесения о Баян-Цаганском сражении излагались данные о потерях в танках и бронемашинах. Позднее, когда решался вопрос о пополнении бронетанковой техникой соединений, Г.К. Жуков сказал М.С. Никишеву: “При хорошей организации управления огнем танков и бронемашин больших потерь могло и не быть. По сути танкисты дрались в одиночку, общим чехом. Стремительному продвижению не доставало организованного огня”».

10

Несколько слов о японских военачальниках. Ясуока Ма-саоми (1886 г. р.) с 1922 года командовал пехотными полками (3 года) и был начальником штаба трех дивизий (10 лет). В 1935 г. его произвели в генерал-майоры и назначили командиром 30-й пехотной бригады. В 1936—1937 гг. — комендант танкового училища, затем командир 1-й отдельной смешанной бригады, генерал-лейтенант. 9 июля 1939 г. его отстранили от командования. До 1941-го генерал Ясуока командовал 3-й учебной дивизией, а затем вышел в отставку. Однако уже в 1942-м дал свое согласие занять пост генерал-губернатора Сурабаи в оккупированной японцами Голландской Ост-Индии. После капитуляции Японии был арестован голландскими властями, предстал перед военным трибуналом за совершение

военных преступлений и приговорен к смертной казни (приведен в исполнение 12 апреля 1948 года).

Кобаяши Коити (1888 г. р.) в 1935—1937 гг. командир полкового района (полковник), затем командир 78-го пехотного полка, пехотной группы 23-й дивизии (генерал-майор). В августе 1939-го был тяжело ранен. С декабря 1940-го — комендант крепости Токийского залива, генерал-лейтенант. В 1943 году вышел в отставку. В 1945-м арестован. Умер в советском лагере для военнопленных в 1950 году.

И наконец, Мититаро Комацубара (1886 г. р.). В ноябре 1905 г. окончил Военную академию Императорской армии. С 1906 г. проходил службу в 34-м пехотном полку. В 1909—1910 гг. занимал должность помощника военного атташе в России, свободно говорил по-русски. После возвращения в Японию служил в Генеральном штабе армии Японской империи и Высочайшем военном совете. В 1914 г., во время Первой мировой войны участвовал в японской военной экспедиции при осаде германской колонии в Китае Циндао британскими и японскими войсками.

В 1915 г. окончил Высшую военную академию Императорской армии. Командовал 34-м пехотным полком. С 1919 г. работал в военной разведке, где курировал советскую ветвь 4-й секции 2-го бюро Генерального штаба армии. В 1927—1929 гг. — военный атташе в Москве.

В 1932 г. Комацубара возглавил Харбинское управление контрразведки (Японская военная миссия) в Маньчжоу-го. С 7 июля 1938 по 6 ноября 1939 г. генерал-лейтенант Комацубара — командир 23-й пехотной дивизии Квантунской армии, дислоцированной близ Хайлара в Маньчжоу-го (в своих мемуарах Г.К. Жуков называет его командующим 6-й армией японских войск). В январе 1940 г. генерал был уволен в запас как ответственный за поражение на Халхин-Голе. 6 октября 1940 г. совершил харакири.

Глава 10

«КОМБРИГ ЯКОВЛЕВ» И «ПОЛКОВНИК АФОНИН»

1

Командир 11-й легкой танковой бригады, или, по Исаеву, командир «рояля в кустах», комбриг М.П. Яковлев погиб 12 июля 1939 года. В беседе с писателем К.М. Симоновым Маршал Советского Союза Г.К. Жуков поведал об этом следующее: «Комбриг Яковлев тоже был очень храбрый человек и хороший командир. И погиб тоже нелепо. В район нашей центральной переправы прорвалась группа японцев, человек триста. Не так много, но была угроза переправе. Я приказал Потапову и Яковлеву под их личную ответственность разгромить эту группу. Они стали собирать пехоту, организовывать атаку, и Яковлев при этом забрался на танк и оттуда командовал. И японский снайпер его снял пулей, наповал. А был очень хороший боевой командир».

Однако существует версия, что комбриг погиб в подбитом танке. Так в Центральном музее Вооруженных Сил хранятся наручные часы командира — с выбитым силой взрыва стеклом...

В этот день противник после сильной артподготовки перешел в наступление. «Советские части, измотанные предыдущими боями, понеся большие потери, были вытянуты в одну тонкую нитку и, не имея резервов, с трудом держали фронт. Один из батальонов 3-го сп 82-й сд оставил позиции и побежал к переправе через Халхин-Гол. Дрогнули и части 5-й СПбр. И тоже начали отступать. Противник фактически прорвал фронт и пытался занять переправу. Принятыми мерами, вплоть до расстрела на месте паникеров, бригада была остановлена и брошена в бой совместно с подошедшими танками 11-й тбр. Только к вечеру японское наступление было остановлено» (Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол).

В связи с чем в своем донесении наркому обороны от 14-го числа командарм 1-го ранга Г.И. Кулик писал: «12 июля являлось критическим днем и могло кончиться для нас потерей техники, артиллерии и также значительной части людского состава, если бы противник повторил контратаку, потому что мы занимали кольцеобразный фронт, уцепившись за западные скаты бугров, и наступление противника на переправу грозило полным пленением и разгромом наших сил, так как никаких резервов для парирования удара не было» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Л. 55. Л. 92—93).

В общем, и 57-й особый корпус, и его командира комбриг Яковлев выручал не однажды. Правда, обычно вспоминают почему только Баин-Цаган.

2

Михаил Павлович Яковлев (1903—1939) родился в деревне Горушка ныне Старорусского района Новгородской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1924 года. Окончил 4 класса, работал в Ленинграде на заводе подручным литейщика.

В РККА с 1920 года. В 1925-м окончил Рязанскую военную пехотную школу, а в 1937-м — бронетанковые курсы усовершенствования командного состава. С 1935 года командовал стрелковым батальоном в 9-й механизированной бригаде. С 1938-го — командир 33-й стрелковой бригады. С сентября 1938-го — командир механизированной бригады. Комбриг (9.09.1938).

Участник боев на реке Халхин-Гол с 11 мая 1939 года. Похоронен в городе Чита.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1939 года 11-я танковая бригада, которой он командовал, была награждена орденом Ленина, и ей присвоено имя М.П. Яковлева.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 года за умелое и мужественное командование танковой бригадой и личный героизм, проявленный в Баин-Цаганском сражении с японскими милитаристами, комбригу Яковлеву Михаилу Павловичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

3

Комбриг Яковлев был похоронен в Чите на Старочитинском кладбище, которое занимало обширную площадь, очерченную улицами Столярова, Баргузинской и Петровско-Заводской.

К слову сказать, официально это кладбище было закрыто еще в 1941 году, а в 1965 году Читинский городской исполнительный комитет принял решение о его застройке. Утверждают, что склепы, надгробия и памятники были безжалостно снесены бульдозерами и после обработки использованы в качестве паркетов площади Декабристов...

Летом 1979 года в газету Забайкальского военного округа «На боевом посту» написал письмо кандидат биологических наук, краевед, историк, почетный гражданин г. Нерчинска (участник боев на р. Халхин-Гол, военврач) Евгений Дмитриевич Петряев. В нем он рассказал, как вместе с председателем одного из обкомов профсоюзов И.М. Щетининым они ходили «на старое читинское кладбище и долго стояли у заброшенных могил комбрига Яковлева, летчика Рахова и других героев Халхин-Гола». Далее он подчеркивает: «В 1959 году я писал о разрушении памятников в газете “Забайкальский рабочий” (27 марта), теперь их вообще не стало.

Пора бы назвать имена негодяев, которые уничтожают памятники славы нашего народа» (ГАКО. Ф. Р-139. Оп. 1а. Д. 11. Л. 174—175).

Вот только негодяи не найдены до сих пор, а могила комбрига Яковлева считается утраченной.

И еще один примечательный факт, обнаруженный на просторах Интернета: «Одним из первых воинских мемориалов РККА в районе боевых действий стало дивизионное кладбище 36-й мотострелковой дивизии. Оно расположено на крутом левом берегу Халхин-Гола в двух километрах к западу от места расположения центральной переправы советско-монгольских войск. В 1939 году этот погост находился вблизи главной дороги, по которой шло основное перемещение советских войск и материального обеспечения, особенно во время майских и июльских боев. Практически всех бойцов и командиров погибших в ходе боев 28—29 мая 1939 года похоронили именно на этом воинском кладбище. Воинов, умерших от ран на этапе санитарной эвакуации в районе Центральной переправы, как правило, хоронили здесь же. Можно смело утверждать, что это кладбище является самым крупным воинским захоронением халхин-гольской войны. Сейчас оно называется “Мемориалом 90 героев”. На вопрос, почему 90 героев, ответа нет.

В 1954 году, к 15-летию победы советско-монгольских войск в боях на Халхин-Голе, Правительством Монгольской Народной Республики на дивизионном кладбище был установлен монументальный мраморный обелиск, на котором были увековечены имена некоторых советских воинов — героев Хал-хингольской войны. Всего на обелиске увековечены имена 54 человек: 15 удостоенных звания Героя Советского Союза (посмертно), 17 награжденных орденом Ленина (посмертно) и 22 награжденных орденом Красного Знамени (посмертно). По какому принципу отбирались фамилии бойцов и командиров для увековечения на монументе, навсегда останется загадкой. Подавляющее большинство похороненных здесь воинов РККА (не менее 2000 чел.) остались безымянными. При этом на самом обелиске можно прочитать имена людей, которые не имеют к этому мемориалу никакого отношения. Особо сто-

ит отметить одну фамилию. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29.08.1939 г. орденом Красного Знамени (посмертно) был награжден командир батальона 7-й мотобригады майор Стрекалов Владимир Северьянович. Парадокс, но этот человек пережил не только халхин-гольскую, но и Великую Отечественную войну. Участник боя 3 июля на горе Баин-Цаган майор Стрекалов в бессознательном состоянии попал в плен к японцам, 27 сентября 1939 года при обмене пленными был возвращен и после непродолжительной проверки уволен из РККА. С июля 1941 г. в армии, участвовал в обороне Ленинграда, был дважды ранен. Во время Великой Отечественной войны был награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалями “За оборону Ленинграда” и “За победу над Германией”. Из рядов Советской армии уволен в декабре 1951 г. [1, стр. 145]. В год торжественного открытия обелиска на “Мемориале 90 героев” ему исполнилось 50 лет. Каким образом фамилия живого человека затесалась в перечень к мертвым, остается загадкой» (Мемориал 90 героев. Интернет).

5

Согласно мемуарам Г.К. Жукова, именно И.М. Афонин (старший советник монгольской армии) совершенно неожиданно обнаружил на горе Баин-Цаган японские войска, которые, скрытно переправившись под покровом ночи через реку Халхин-Гол, атаковали подразделения монгольской кавдивизии.

А раз Георгий Константинович не забыл об этом, подчеркнул в своей книге, то, значит, благодарность его И.М. Афонину не знала границ. А это, скажем так, особое расположение Жукова на века...

На Халхин-Голе Афонину было всего 35 лет. В 1930-м окончил кавалерийскую школу. С 1933 по 1936 г. учился в Военной академии РККА им. Фрунзе.

За участие в боях на Халхин-Голе был награжден орденом Красного Знамени и орденом Боевого Красного Знамени МНР. Правда, имел воинское звание «капитан» и до Монголии состоял в распоряжении Разведуправления РККА.

Уже в декабре 1939 года был назначен помощником начальника и врид начальника специальной группы для особы поручений при Военном совете Одесского округа. В сентябре 1940-го он — старший помощник инспектора пехоты, а с февраля 1941-го — командир стрелкового полка.

До 1943 года Иван Михайлович временно исполнял должность командира 333-й стрелковой дивизии, был начальником штаба 5-го кавалерийского корпуса, командовал 300-й стрелковой дивизией.

И наконец, с февраля 1943-го полковник Афонин находится в распоряжении Маршала Советского Союза Г.К. Жукова для особо важных оперативных поручений, пока в апреле его не назначат командиром 18-го гвардейского стрелкового корпуса.

6

12 апреля 1944 г. командир корпуса генерал Афонин расстрелял начальника разведки 237-й стрелковой дивизии майора Андреева. По поводу чрезвычайного происшествия начальник Главного управления кадров Красной армии генерал-полковник Ф.И. Голиков 30 апреля писал секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову: «Маршал Советского Союза тов. Жуков (шифровкой № 117396 от 28 апреля с. г.) донес на имя Народного комиссара обороны Маршала Советского Союза тов. Сталина о собственноручном расстреле командиром 18 стрелкового корпуса генерал-майором начальника разведывательного отдела 237 стрелковой дивизии майора Андреева.

Представляю Вам по этому вопросу копию моего доклада на имя тов. Сталина» (РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 29, Л. 100).

Этот документ датирован 29-м числом: «Маршал Жуков Вам донес о собственноручном расстреле командиром 18 стрелкового корпуса генерал-майором Афониним начальника Разведывательного отдела 237 стрелковой дивизии майора Андреева (корпус Афонина входил в 1-й Украинский фронт, которым командовал Жуков).

Несмотря на то что этот самочинный расстрел был совершен 12 апреля с. г., донесение было сделано только 28 апреля, то есть через 16 суток. Вопреки ходатайства маршала Жукова — не предавать Афонина суду Военного трибунала, а ограничиться мерами общественного и партийного воздействия, я очень прошу Вас предать Афонина суду.

Если, вопреки всем уставам, приказам Верховного Главнокомандования и принципам Красной Армии, генерал Афонин считает для себя допустимым ударить советского офицера, то едва ли он вправе рассчитывать на то, что каждый офицер Красной Армии (а тем более боевой) может остаться после такого физического и морального оскорбления и потрясения в рамках дисциплины, столь безобразно и легко нарушенной самим генералом.

К тому же после убийства Андреева, едва ли можно принять на веру ссылку генерала Афонина на то, что Андреев пытался нанести повторный удар и вел себя дерзко. Что же касается положительных качеств генерала Афонина, из-за которых маршал Жуков просит последнего не судить, то генерал-полковник Черняховский дал мне на днях на Афонина следующую характеристику (устно): легковесный, высокомерный барин, нетерпимый в обращении с людьми; артиллерии не знает и взаимодействия на поле боя организовать не может; не учится; хвастун, человек трескучей фразы.

Тов. Черняховский (командующий 60-й армией, в которую входил корпус Афонина) (по его словам) все это высказывал об Афонине лично маршалу Жукову.

У маршала Жукова Афонин работал порученцем в начале 1943 года и в штабе группы на Халхин-Голе».

7

Про майора К.И. Андреева, которого в 1944 году застрелил генерал-майор Афонин, вспомнили только в 1956 году. Вопрос касался продолжения выплаты пенсии его семье.

По запросу Челябинского областного военкомата в марте началась проверка, которая длилась по меркам тех лет недолго, и уже 21 мая 1956 года полковник Голованов из Главного управления кадров подготовил достаточно обстоятельный документ:

«ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ
тов. ЛОБОДА В.Ф.

СПРАВКА-ДОКЛАД

По уточнению судьбы майора
АНДРЕЕВА Константина Ивановича.

Приказом ГУК № 01 849 от 23.7.47 г. по представлению отдела кадров Прикарпатского военного округа исключен из списков Советской Армии, как убитый 11 апреля 1944 года, исполняющий должность начальника 2 отделения штаба 237 стрелковой дивизии капитан АНДРЕЕВ Константин Иванович. Обстоятельства смерти в представлении не были указаны. В соответствии с этим приказом Челябинский ОВК семье АНДРЕЕВА К.И. выплачивает пенсию.

Сейчас, по ходатайству Челябинского облвоенкома, установлено, что АНДРЕЕВ К.И. в апреле 1944 года имел воинское звание «майор» (присвоено пр. № 0717 от 4.11.43 г. 1 Украинский фронт). Занимал должность начальника 2 отделения штаба 237 Пирятинской стрелковой дивизии и 12 апреля 1944 г.

был расстрелян без суда и следствия бывшим командиром корпуса генерал-майором АФОНИНЫМ за пререкания и рукоприкладство.

Челябинский облвоенком просит уточнить формулировку приказа об исключении АНДРЕЕВА из списков Советской Армии, чтобы иметь возможность продолжать выплату пенсии семье АНДРЕЕВА К.И.

Учитывая, что майор АНДРЕЕВ К.И. был расстрелян командиром корпуса противозаконно, полагал бы возможным приказ ГУК № 01849—1947 года, которым АНДРЕЕВ К.И. исключен из списков Советской Армии, как убитый 11 апреля 1944 года, оставить в силе. Внести в него поправку — «Полагать АНДРЕЕВА К.И. погибшим 12 апреля 1944г. при исполнении служебных обязанностей, в воинском звании «майор».

Исправленную выписку из приказа выслать Челябинскому облвоенкому для продолжения выплаты пенсии семье АНДРЕЕВА К.И.

Прошу Вашего решения или решения начальника Главного управления кадров...» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 871 438. Д. 27. Л. 329).

Несколько слов о майоре. Константин Иванович Андреев родился в 1913 году в Усть-Каменогорске. Член партии с 1943 года. В Красной армии походил службу в 1935—1936 гг. и с 1941-го. Образование общее-среднее и военное-пехотное училище в 1941 году. На фронте с 13 июля 1942 г. Был ранен. Звание «капитан» присвоено 1 марта 1943 г. и очередное «майор» — 4 ноября 1943 г. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени. В должности начальник разведывательного отделения дивизии с мая 1943-го. Из наградного представления на капитана Андреева можно узнать, что работал он хорошо, благодаря чему командование всегда

располагало «всеми точными данными о силах, укреплениях и огневых средствах противника. В период наступления Андреев, «находясь в боевых порядках пехоты, лично организовывал и направлял специальные разведгруппы». Там, «где противник оказывал наиболее сильное сопротивление, капитан АНДРЕЕВ лично возглавил разведгруппу, установившую расположение противника, количество сил и огневых средств и их место нахождения, чем дал возможность успешно выбить врага с занимаемых позиций» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686 044. Д. 916. Л. 106).

И вот 12 апреля 1944 года (по официальным данным) боевого и успешного начальника разведки дивизии в звании майора расстреливает сам командир корпуса. Г.К. Жуков в это время командует войсками 1-го Украинского фронта (2 марта — 24 мая). Но почему тогда донесение о самоchinном расстреле было сделано только 28 апреля, то есть через 16 суток? Возможно, по одной простой причине. С 22 по 28 апреля 1944 г. Георгий Константинович работал в Ставке ВГК и Генштабе по плану летне-осенней кампании 1944 года. И именно в последний день этой работы кто-то то ли подсказал, то ли приказал оформить это чрезвычайное происшествие с убийством майора. А кто мог приказать первому заместителю наркома обороны СССР и заместителю Верховного главнокомандующего? Только сам Верховный, то есть Сталин.

В общем, Георгий Константинович генерала Афонина отстоял. Ведь одним майором больше или меньше, не суть важно. Главное — «спас» героя Халхин-Гола. В итоге, как оказалось, «не зря». Войну Афонин закончил в Праге Героем Советского Союза и генерал-лейтенантом. А еще «спасенный» от трибунала вошел в историю, пленив в ходе Советско-японской войны в августе 1945-го в Мукдене императора Маньчжоу-го Пу И.

Свою службу Иван Михайлович закончил в академии Генштаба старшим преподавателем кафедры тактики высших соединений в 1968 году.

Умер генерал в 1979 году — в 74 года.

Глава 11

МАРШАЛ МАРШАЛА В БЕДЕ НЕ БРОСИТ

1

Согласно свидетельству адъютанта Г.К. Жукова М.Ф. Вороникова, комиссия из Москвы во главе с заместителем наркома обороны СССР командармом 1-го ранга Г.И. Куликом, прибыла в Монголию «разобраться в причинах значительных потерь в бронетанковой технике» после «Баин-Цаганского побоища». В состав комиссии входили: начальник артиллерии РККА комкор Н.Н. Воронов, начальник бронетанковых войск комкор Д.Г. Павлов и другие.

Именно Н.Н. Воронов спустя годы обратит внимание на «особые условия», в которых находился 57-й особый корпус и в которых оказалась серьезная московская комиссия: «Бескрайние голые монгольские степи. Кое-где небольшими островками поднимаются над ними невысокие песчаные барханы. Редко-редко можно встретить озеро с соленой водой. Днем жара достигает 50—60 градусов, а ночью бывает подчас очень холодно.

В ближайших тылах у японцев — железная дорога, от нас же до железнодорожных путей 650—700 километров. Большие трудности испытывались с подвозом продовольствия, боеприпасов, горючего, воды, топлива: Вокруг сыпучий песок, прочных укрытий в нем не построить. На подвоз лесных материалов рассчитывать не приходилось.

С заходом солнца мириады комаров набрасывались на все живое. От их укусов пухли лицо, шея, руки.

Японские солдаты имели марлевые накомарники, на руках перчатки, у нас ничего этого не было. Сравните пребывание в “секрете” японского солдата и нашего красноармейца. Первый может наблюдать спокойно, а наш боец непрестанно хлопает себя по лицу, отгоняя комаров, и выдает свое присутствие.

Срочно передали в Москву просьбу прислать накомарники. В ответ пришла встречная просьба: прислать рабочие чертежи или образцы японских накомарников. Дело кончилось тем, что первые сетки неважного качества прибыли из Москвы только к концу боев.

Меня спасли наши артиллеристы. Видя мои мучения, они подарили трофейный накомарник».

Но вернемся к Г.И. Кулику. Маршал Советского Союза М.В. Захаров, будучи помощником начальника Генштаба, очень хорошо запомнил «довольно курьезный, но поучительный факт, который связан с пребыванием в Монголии командарма 1-го ранга Г.И. Кулика, командированного в район боевых действий»: «Не имея веских оснований, он в ночь на 14 июля потребовал отвести главные силы корпуса с восточного берега реки Халхин-Гол на западный в целях якобы приведения в порядок частей, их доукомплектования и перегруппировки для активных действий. Удержание же плацдарма на восточном берегу возлагалось на усиленные отряды.

С таким решением командир 57-го особого корпуса комдив Г.К. Жуков не согласился, так как отводить войска в данной обстановке было нецелесообразно и даже пагубно. Однако о случившемся он немедленно доложил Наркому обороны Маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову.

14 июля распоряжение Г.И. Кулика, как неправильное, было отменено Ворошиловым, а ему объявлялся выговор за самоуправство, выразившееся в отдале без ведома и санкции Наркома обороны директивы командованию 57-го стрелкового корпуса об отводе главных сил с восточного берега реки Халхин-Гол. При

этом указывалось, что недопустимый с его стороны акт был совершен в момент, когда противник, измотанный нашими войсками, перестал представлять собой серьезную силу, и только ничем не оправданный отход советских войск спровоцировал японцев на новые, хотя и слабые действия. И действительно, в ходе отвода войск мы потеряли высоты Песчаную и Ремизова, которые имели важное для нас оперативно-тактическое значение.

Главный военный совет обязал Г.И. Кулика впредь не вмешиваться в оперативные дела корпуса, предоставив заниматься этим командованию корпуса и Г.М. Штерну. Ему предписывалось ограничить свою работу инструкторскими функциями и 20 июля, закончив дело, выехать в Москву».

Совершенно о том же говорит и генерал армии Гареев: «Однажды, когда в результате отчаянных атак японцев для наших войск, действовавших на восточном берегу р. Халхин-Гол, создалось опасное положение, прибывший из Москвы маршал Г.И. Кулик потребовал отвести войска на западный берег реки. И в первую очередь убрать с плацдарма артиллерию (чтобы она не могла попасть к противнику), оставив тем самым одну пехоту без артиллерийской поддержки».

Георгий Константинович сразу же дал телеграмму Сталину и Ворошилову о недопустимости такого решения и обратился с просьбой дать ему возможность самому командовать войсками и оградить его от вмешательства других должностных лиц. Московское руководство было вынуждено согласиться с Жуковым, и он избавился от некоторых советчиков, которые влезали во все дела, но ни за что не хотели отвечать».

Но так ли все было на самом деле?

2

13 июля 1939 года командир 57-го особого корпуса Жуков отдает боевой приказ об отводе главных сил с восточного берега р. Халхин-Гол на западный для перегруппировки и под-

готовки к активным действиям (РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 193. Л. 18).

14 июля Георгий Константинович отправляет шифровкой боевое донесение, об отводе главных сил корпуса с восточного берега р. Халхин-Гол на западный, наркому обороны СССР Ворошилову. В нем командир корпуса четко докладывает в Москву о принятом им решении: «3. Учитывая утомленность войск корпуса, понесенные потери в предшествующих боях, подход 82-й сд и необходимость последующей перегруппировки сил в целях организации наступления с подходом 82-й сд и 6-й танковой бригады, артиллерийского усиления, я решил: **в ночь с 13.7 на 14.7 отвести главные силы с восточного берега р. Халхин-Гол на ее западный берег**» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 55. Л. 86—87).

В этот же день в 12.55 по московскому времени (сразу же после того, как расшифровали донесение командира корпуса) начальник Генштаба Б.М. Шапошников начинает переговоры по прямому проводу с Жуковым:

«Шапошников: Мы только, что получили три первых Ваших пункта боевого донесения, присланного на 1 час 14.7. 1939 г. о предпринятой Вами перегруппировке известной Вам.

По этому боевому донесению за № 158 противник активности не проявлял. Сочи (нарком) считает, что Ваше решение совершенно неправильное, Вам нужно было оставаться на той линии, которую Вы занимали до перегруппировки, и приказывает восстановить положение до 1 часу 14.7 (Вашего времени). Ясно ли Вам это?

Жуков: Мне не ясно, я никогда не доносил Сочи (наркому) об оставлении занимаемого рубежа, части оставлены на том рубеже, на котором они и были. О каком моем донесении и об отходе Вы говорите, мне не ясно.

Шапошников: Ваше боевое донесение с КП 14.7 в 1.30. Конца у нас нет, а есть только три пункта, в 3-м пункте Вы го-

ворите об отводе главных сил на известное Вам место и уменьшении сил на прежнем месте. Ясно?

Жуков: На прежнем рубеже оставлены необходимые силы по указанию Лепеля (тов Кулика), остальные оттянуты для подготовки к известному Вам мероприятию. Сейчас обстановка на правом участке показывает — необходимо кое-что предпринять, но уже в иной обстановке. Если Сочи (нарком) считает, что я не должен был ничего отводить, то прошу указать, как мне готовить и приводить в должный порядок части к предстоящим действиям. Последнее указание, изложенное в телеграмме Сочи (наркома), я понял именно так нужно было поступить, выведя части из-под пулеметного и артиллерийского огня» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1225. Л. 155—156).

Таким образом, никакого «хозяина положения» еще не было и быть не могло. Во-первых, Кулик был выше Жукова и по должности, и по воинскому званию на несколько порядков. Все-таки заместитель наркома обороны. А будущий полковдец очень хорошо освоил субординацию. Это вам не майоров по Монголии гонять. Во-вторых, он и сам был согласен с командармом 1-го ранга Куликом. И это согласие четко прослеживается в его разговоре с начальником Генерального штаба.

В результате 14 июля в 13.40 по московскому времени в адрес Жукова уходит конкретная директива наркома обороны Ворошилова: «Ваш приказ об отводе главных сил с восточного берега Халхин-Гол на западный, как неправильный, отменяю. Приказываю немедленно восстановить прежнее положение, т. е. снова занять главными силами пункты, которые были ослаблены отводом большей части войск.

Приведение в порядок и отдых войск организуйте на восточном берегу, поскольку противник не активен. Восточный берег должен быть удержан за нами при всех обстоятельствах. Подготовку ведите с учетом этого неперемennого условия» (РГВА. Ф. 37977. Оп. Д. 54. Л. 121).

Командарм 1-го ранга Кулик категорически не согласился с этим приказом наркома (№ 105/ш) и в 22.30 14 июля в очередном донесении Ворошилову попытался его переубедить: «...12 июля являлось критическим днем и могло кончиться для нас потерей техники, артиллерии и также значительной части людского состава, если бы противник повторил контратаку, потому что мы занимали кольцеобразный фронт, уцепившись за западные скаты бугров, а выход противника на переправу грозил полным пленением и разгромом наших сил, так как никаких резервов для парирования удара не было.

В ночь с 13 на 14 июля была подтянута 6-я тб, но ввод ее в бой для парирования удара на восточном берегу явился бы разбитием бригады по частям. Повторилась бы история с 11-й бригадой. (...)

Считаю, что в создавшейся обстановке решения правильны, так как могут получиться и разгром наших сил, и отдача техники противнику.

Прошу отменить приказ № 105, выполнение его равноценно разгрому наших сил и ни к чему не приведет. Посланные штакором оперативные и разведывательные сводки, а также о состоянии наших частей, как видимо неправильно Вас ориентировали.

Считаю:

1) Необходимо сейчас перейти к обороне на западном берегу Халхин-Гол;

2) Дополнить кадровыми частями за счет 76-го сп 36-й сд. 76-й сп пополнить за счет стройбатальонов не менее 4000 человек. Имея ввиду, что он нам будет служить пополнением на дальнейшее.

3) Немедленно прислать просимый мною кадровый стрелковый полк;

4) Приступить к обучению 82-й сд, заменив частично переменный начальствующий состав кадровым;

5) 20—22 июля перейти в наступление с задачей полного окружения и уничтожения противника...

Жду указаний» (РГВА. Ф. 37977. Оп. Д. 55. Л. 92—96).

4

После подготовки своего донесения Григорий Иванович Кулик тут же связался с наркомом, и у них состоялся следующий разговор:

«КУЛИК. В течение двух дней наблюдал действия наших войск, а также действия войск противника, изучал местность и все вам изложил в шифротелеграмме, которую сейчас передадут. Решение Жукова было принято согласно моему личному указанию, которое вытекало из общей обстановки.

ВОРОШИЛОВ. Шифротелеграмму передайте по радио.

КУЛИК. Шифротелеграмма будет после нашего разговора.

ВОРОШИЛОВ. Распоряжение Жукова, хотя бы и основанное на вашем прямом указании, безусловно, неправильное и сугубо вредное.

КУЛИК. Положение могло кончиться очень печальными для нас последствиями. В шифротелеграмме все будет изложено. Поправить положение было трудно.

ВОРОШИЛОВ. Почему вы не выполняете мое распоряжение № 105?

КУЛИК. Поправить положение было трудно теми силами, которые сейчас имеются, учитывая их состояние. Это — дать возможность противнику разбить нас.

ВОРОШИЛОВ. Вы поменьше болтайте всякой чепухи. Скажите, вы можете выполнить немедленно мою директиву № 105? Отвечайте прямо, без болтовни.

КУЛИК. До подхода того, что идет, с теми силами, что имеются на месте, трудно иметь шансы на успех. Требуется не-

сколько дней для того, что бы организовать действия. Выполнить ваш приказ № 105 — это равносильно втянуть...

ВОРОШИЛОВ. Я вижу, что вы без болтовни объяснить толком ничего не можете. Передайте немедленно шифротелеграмму. Все. Мой приказ № 105 остается в полной силе. Ворошилов.

КУЛИК. Как прикажете относительно вашего приказа № 105: выполнять сейчас?

ВОРОШИЛОВ. Приказ № 105 остается в полной силе.

КУЛИК. Ваш приказ № 105 начнем выполнять. Прошу мою шифротелеграмму, которую сейчас передадут, разобрать и взвесить обстановку. Она полностью отражена точно как есть и заслуживает серьезного внимания. Еще раз прошу учесть мою шифротелеграмму...» (*Краснов В. Неизвестный Жуков*).

5

Получив донесение Кулика, в котором тот просил «отменить приказ №105», считая его выполнение «равноценным разгрому наших сил», Маршал Советского Союза Ворошилов был взбешен. Его следующая реакция была соответствующей:

«[...] объявляет Правительство Вам выговор за самоуправство, выразившееся в отдаче директивы 57-му Особому корпусу об отводе главных сил с восточного берега р. Халхин-Гол без ведома и санкции Наркомата обороны [...].

Главный Военный Совет обязывает Вас впредь не вмешиваться в оперативные дела корпуса, предоставить заниматься этим Командованию корпуса и Штерну. Вы должны ограничить Вашу работу инспекторской функцией и 20.7 закончить дела и выехать в Москву» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 54. Л. 199).

Григорий Иванович все-таки выехал в Москву не 20-го, а 26-го...

Григорию Ивановичу Кулику везло долго. Украинец с Полтавщины ушел служить в 1912-м. В Первую мировую воевал в артиллерии. В партию большевиков вступил в 1917-м, в чине старшего фейерверкера. Во время Гражданской служил под начальством самого Ворошилова. Со Сталиным познакомился во время обороны Царицына. Был начальником артиллерии знаменитой 1-й Конной армии. А дальше его карьера словно бежала наверх: начальник артиллерии Северо-Кавказского военного округа, помощник начальника артиллерии РККА, заместитель председателя Военно-промышленного комитета ВСНХ, в 1926—1929 гг. — начальник Главного артиллерийского управления РККА, в 1936 г. под псевдонимом Генерал Купер принимал участие в качестве военного советника в Гражданской войне в Испании, с 23 мая 1937 г. по предложению И.В. Сталина снова был назначен начальником Артиллерийского управления РККА, а в январе 1939 г. — заместителем наркома обороны. Несмотря на недоразумение на Халхин-Голе, в 1940 году «за образцовое выполнение боевых заданий командования в Советско-финляндской войне» ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Пиком же его военной карьеры стало присвоение (7 мая 1940 г.) звания Маршала Советского Союза (почти в 50 лет).

Несмотря на обучение в Военной академии им. М.В. Фрунзе, Григорий Иванович не сильно продвинулся вперед от четырех классов дореволюционной школы, так и оставшись малообразованным человеком с большими амбициями. Например, маршал артиллерии Воронов так вспоминал о своем начальнике: «Моя работа в роли первого заместителя начальника ГАУ была не из легких, она требовала большого внимания и осторожности. Г.И. Кулик был человеком малоорганизованным, много мнившим о себе, считавшим все свои действия непогрешимыми. Часто было трудно понять, чего он хочет, чего добивается. Лучшим методом своей работы он счи-

тал держать в страхе подчиненных. Любимым его изречением при постановке задачи указаний было: “Тюрьма или ордена”. С утра обычно вызывал к себе множество исполнителей, очень туманно ставил задачи и, угрожающе спросив “понятно?”, приказывал покинуть кабинет. Все, получавшие задания, обычно являлись ко мне и просили разъяснений и указаний».

7

С началом Великой Отечественной войны везение словно изменило маршалу Кулику. Хотя, если быть точным, то именно война проверила его на прочность...

Отправленный на помощь командованию Западного фронта, Григорий Иванович попал в окружение и, оставшись без связи, вышел к своим только через две недели. Как утверждали очевидцы, маршал вел себя тогда не самым лучшим образом.

Уже в сентябре Кулик принял командование 54-й отдельной армией, которая должна была прикрыть Ленинград с востока и не допустить прорыва войск противника к Ладожскому озеру. Однако немцы взяли Шлиссельбург и замкнули кольцо блокады. Армия под командованием Кулика, так и не закончив развертывания, была вынуждена приступить к проведению Синявинской операции. Вот только эта и все последующие попытки взломать оборону противника и соединиться с войсками Невской оперативной группы оказались тщетными.

Командующий войсками Ленинградского фронта генерал армии Жуков давил на Григория Ивановича, как только мог: «Топтание на месте правофланговой и центральной группировок 54-й армии может сорвать всю операцию... Я категорически прошу немедленного захвата Синявино», «В третий раз Ставка ВГК приказывает вам принять все меры к незамедлительному занятию Синявино и соединения с ленинградскими войсками. Личная ответственность за выполнение этого возлагается на маршала Кулика».

Но что мог сделать Григорий Иванович в той ситуации, когда на подготовку очередного наступления не было ни времени, ни сил, ни средств? Более того, в один прекрасный момент со своей армией он мог оказаться в окружении. Но ведь он уже там был! В итоге Г.К. Жуков, желая снять с себя ответственность, свалил всю вину на маршала.

В октябре Кулику поручили формирование отдельной армии, а в ноябре Сталин лично направил его в Керчь на помощь командованию 51-й армии. В результате в феврале 1942-го он был лишен звания Героя Советского Союза, трех орденов Ленина, трех орденов Красного Знамени и других наград, а также звания Маршала Советского Союза (постановлением Совета народных комиссаров СССР от 17 марта 1942 года Кулику Г.И. было присвоено воинское звание генерал-майора).

«Кулик Г.И., бывший Маршал, Герой Советского Союза и заместитель наркома обороны, будучи в ноябре 1941 года уполномоченным Ставки Верховного Главнокомандования по Керченскому направлению, вместо честного и безусловно выполнения приказа Ставки “удержать Керчь во что бы то ни стало и не дать противнику занять этот район”, самовольно, в нарушение приказа Ставки и своего воинского долга без предупреждения Ставки, отдал 12 ноября 1941 года преступное распоряжение об эвакуации из Керчи в течение двух суток всех войск и оставлении Керченского района противнику, в результате чего и была сдана Керчь 15 ноября 1941 года.

Кулик, по прибытии 12 ноября 1941 года в город Керчь, не только не принял на месте решительных мер против панических настроений командования крымских войск, но своим пораженческим поведением в Керчи только усилил панику и деморализацию в среде командования крымских войск.

Такое поведение Кулика не случайно, так как аналогичное его пораженческое поведение имело место также при самовольной сдаче в ноябре 1941 года города Ростова, без санкции

Ставки и вопреки приказу Ставки», — говорилось в приказе народного комиссара обороны СССР от 2 марта 1942 года.

В апреле 1943 г., благодаря заступничеству Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, Кулика повысили в воинском звании до генерал-лейтенанта и назначили командующим 4-й гвардейской армией (в июне 1944-го по ходатайству Г.К. Жукова в ЦК ВКП(б) генерал-лейтенанту Кулику были возвращены три боевых ордена). Но и этого хватило ненадолго. В сентябре Григория Ивановича отстранили от командования армией и перевели в распоряжение Главного управления кадров. С января 1944-го по апрель 1945-го он был заместителем начальника Главного управления формирования и укомплектования РККА.

В апреле 1945-го Г.И. Кулик был отстранен от работы «за бездеятельность», исключен из партии, а в июне снова понижен в звании до генерал-майора. В 1947-м его арестовали и в августе 1950 года приговорили к расстрелу. 11 апреля 1956 г. Военная коллегия Верховного суда СССР прекратила уголовное дело в отношении Кулика Г.И. за отсутствием в его действиях состава преступления. 28 сентября 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Г. он был восстановлен в воинском звании Маршала Советского Союза, в звании Героя Советского Союза и в правах на государственные награды.

За этой реабилитацией стоял сам министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, устами которого такой шаг объяснялся просто: маршал маршала в беде не бросит!

Глава 12 **«ВОЙСКА, РУКОВОДИМЫЕ ШТЕРНОМ, ПОРАЖЕНИЙ НЕ ЗНАЛИ»**

1

Как известно, с июля 1939 года фронтовую группу возглавил командарм 2-го ранга Г.М. Штерн, о чем позднее. А пока пого-

ворим о Григории Михайловиче, которого до сих пор спрятали за широкой спиной командира 57-го корпуса и 1-й армейской группы. А биография его, нужно сказать, весьма любопытна.

Г.М. Штерн родился в 1900 году в Киевской губернии в семье земского врача (есть версия, что в семье купца). Еврей. В 1918-м с золотой медалью окончил гимназию. Для несведущих лишь отметим, что окончившие курс гимназии получали аттестаты зрелости и соответственно доступ во все высшие учебные заведения с правом поступления на государственную службу. Лучшие же ученики награждались медалью (золотой или серебряной). Словом, перспектива у Штерна была вполне завидной. Однако вмешалась революция, а потом и Гражданская война. Здесь-то и началась карьера забытого военачальника. Сначала, правда, политическая: в 1919—1920 гг. он — военный комиссар бригады, военный комиссар отдельного кавалерийского дивизиона, заведующий политотделом бригады; в 1921—1923 гг. — военный комиссар стрелкового полка и штаба стрелковой дивизии. В феврале Штерна назначают военкомом штаба 1-го конного корпуса, а в декабре — военкомом и начальником политотдела 2-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады. Следующие должности: начальник политотдела Хорезмской группы войск и командующий частями особого назначения.

Первый боевой орден Красного Знамени Григорий Михайлович заслужил: «за отличие 8 февраля 1924 года при пленении курбаши Ярмат-Максума и за энергичную боевую работу по очищению Маргеланского района от басмачества».

Летом 1925-го с должности военкома и начальника политотдела 7-й Самарской кавалерийской дивизии Штерн направляется на курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии им. Фрунзе. Через год получает под свое командование кавалерийский полк, а еще через год он уже слушатель восточного факультета Академии им. Фрунзе.

Очевидцы утверждали, что за время учебы бывший гимназист выделялся незаурядными лингвистическими способностями и свободно овладел тремя языками: немецким, английским, французским. Кроме того, выступал перед слушателями академии с лекциями на китайском языке. Но особый интерес у слушателя Штерна вызывала военная история. Также любимыми предметами были стратегия и тактика...

С 1929 по 1936 г. Григорий Михайлович — на большой «кабинетной» работе в Москве: помощник начальника 4-го отдела 4-го Управления Штаба РККА, с декабря — в распоряжении наркома по военным и морским делам СССР (был командирован на учебу в Германию), с ноября 1931-го (при содействии И.Э. Якира и Я.Б. Гамарника поступил в секретариат наркомата обороны, где стал одним из ближайших советников К.Е. Ворошилова) — секретарь наркома обороны СССР, с мая 1933-го — начальник Управления делами народного комиссара по военным и морским делам СССР и Реввоенсовета СССР (с декабря 1934 года — наркома обороны СССР), с февраля 1935-го состоял для особо важных поручений при наркоме обороны СССР. Воинское звание «комдив» ему присвоено (20 ноября 1935 г.).

2

В одном из своих приказов (март 1936 г.) Маршал Советского Союза Ворошилов писал о Штерне следующее: «Работая со мной более пяти лет, товарищ Штерн проявил себя способным, инициативным и точным. Товарищ Штерн должен идти в войска для непосредственного командования, и только поэтому я вынужден его освободить от той работы, которую он так умело и добросовестно выполнял».

Григорий Михайлович буквально рвался в строй. С его образованием и опытом это было вполне разумное желание.

Итак, в марте 1936-го он получает под свое командование 7-й Самарскую кавалерийскую дивизию.

Из аттестации за 1936 год, подписанной командиром 3-го кавалерийского корпуса комдивом Д.Ф. Сердичем: «Тов. Штерн дивизией командует 7 месяцев. За период командования дивизией **показал себя с хорошей стороны**. В некоторых специальных вопросах конной подготовки и техники конного дела нет достаточного практического опыта, **но упорной работой старается постичь и уже имеет заметный сдвиг**. **Дисциплинированный и выдержанный командир, с большим кругозором, желанием учиться и работать...**»

Ниже в документе резолюция заместителя командующего войсками Белорусского военного округа комкора И.Р. Апанасенко: «За короткое время командования дивизией **показал себя: грамотный, культурный командир конницы, тактически подготовлен и может учить части**. **Хорош(ий) большевик**. **Хорошо знает хозяйство и заботится о нем**. **Дисциплинирован, требователен**. После дивизии может работать на большой штабной работе».

3

В Испании (1937—1938 гг.) комдив Штерн сменил на посту главного военного советника командования республиканской армии (псевдоним Григорович) самого Я.Н. Берзина и очень быстро завоевал авторитет не только там, но и у самого Сталина. В своем выступлении 2 июня 1937 г. на расширенном заседании Военного совета при наркомате обороны последний дал ему высокую оценку: «...Штерна вы знаете? Всего-навсего был секретарем у т. Ворошилова. Я думаю, что Штерн не намного хуже, чем Берзин, может быть, не только хуже, а лучше...»

И это были не пустые слова. «В июле 1937 года при участии комдива Штерна была разработана и проведена Брунетская наступательная операция республиканских войск (5—27 июля 1937 г.), — пишет Т.В. Бортаковсий (Расстрелянные Герои

Советского Союза). — Ее целью было окружение и разгром мадридского корпуса мятежников. Республиканское командование рассчитывало ослабить нажим противника на северном фронте и сорвать готовившееся им наступление на юге. По плану предполагалось нанести два встречных удара в общем направлении на Брунете. Главный удар должны были нанести 2 корпуса из района северо-западнее Мадрида, вспомогательный — из района юго-восточнее Мадрида в направлении Навалькарnero.

5 июля 1937 года с целью отвлечь внимание противника началось наступление республиканцев на вспомогательном направлении. Продвинувшись на 3 км, они были остановлены сильными контратаками мятежников. В ночь на 6 июля началось наступление на направлении главного удара. Сосредоточив на участке шириной 12 км 6 пехотных дивизий, около 100 орудий, 80 танков и 30 бронемашин, республиканские войска прорвали оборону мятежников. Развивая прорыв, пехота и танки республиканцев к исходу 6 июля овладели г. Брунете — важным узлом коммуникаций в тылу противника.

Генерал Франко был вынужден перебросить значительные силы с северного фронта в район Кихорна, Брунете, в результате чего продвижение республиканских частей было остановлено. 24 июля 1937 года противник нанес сильный контрудар в направлении Брунете, Кихорна, заставив республиканцев отойти в северном направлении и перейти к обороне.

В ходе Брунетской операции республиканскому командованию не удалось достигнуть конечной цели. Для решения поставленных задач имевшихся сил и средств оказалось недостаточно. Были допущены просчеты и в организации операции. Участвовавшие в ней войска использовались в одном эшелоне. В состав ударной группировки не было выделено необходимых сил для развития тактического успеха в оперативный. Тем не менее Брунетская операция сорвала планы мятежников и ин-

терветов относительно сроков ликвидации северного фронта, они также были вынуждены отказаться от наступления на южном фронте — в Эстремадуре. (...)

В конце 1937 года при участии комдива Штерна была разработана и проведена Теруэльская наступательная операция (15 декабря 1937 г. — 8 января 1938 г.). Ее целью была ликвидация теруэльского плацдарма мятежников, дававшего возможность выхода их войскам к Средиземному морю, и срыв готовившегося франкистским командованием наступления на Мадрид.

В наступлении со стороны республиканских войск участвовало 5 корпусов, в том числе части маневренной армии, развернутые на территории так называемого испанского Леванта (восточная часть Испании). К операции привлекалась почти вся авиация, 135 орудий, 92 танка и 60 бронемашин. Замысел Теруэльской операции заключался в нанесении трех ударов по сходящимся направлениям, окружении и уничтожении 52-й пехотной дивизии противника, оборонявшейся в Теруэльском выступе.

Скрытно сосредоточив крупные силы, 15 декабря 1937 года республиканские войска перешли в наступление. Внезапности удара благоприятствовали погодные условия: мороз достигал -20°C , видимость ухудшали непрерывные метели.

Прорвав оборону мятежников, части республиканцев при поддержке авиации в результате 2-дневных боев смогли их окружить. Используя две дивизии, республиканцы создали внешний фронт окружения, на котором перешли к обороне. Продолжая наступать остальными соединениями на внутреннем фронте, 21 декабря республиканские войска ворвались в Теруэль. Мятежники оказывали яростное сопротивление и удерживали центр города. Стремясь помочь окруженному гарнизону Теруэля, генерал Франко перебросил к городу 6 пехотных дивизий. К исходу 31 декабря 1937 года мятежникам

при поддержке авиации удалось прорвать оборону республиканцев на внешнем фронте и выйти на подступы к Теруэлю. Но смелые и решительные действия правительственных войск не позволили мятежникам соединиться с окруженным гарнизоном.

Республиканское командование под руководством комдива Штерна, введя из резерва 5-й армейский корпус (2 пехотные дивизии), смогло отразить удар противника. Наступление франкистов на внешнем фронте было остановлено. Одновременно правительственные войска продолжали штурм Теруэля. Ведя упорные уличные бои, они медленно продвигались к центру города. Крупные здания, где засели франкисты, были взорваны. Республиканские войска, преодолев сопротивление мятежников, 7 января 1938 года вынудили их сдаться. Победа в Теруэльской операции подняла международный авторитет республики, боевой дух ее армии, привела к равновесию сил республиканцев и мятежников. Генерал Франко был вынужден перебросить крупные силы под Теруэль и на время отложить очередной штурм Мадрида».

Из Испании Г.М. Штерн вернулся в звании комкора, заслужив не только два ордена (Ленина и Красного Знамени), но удостоверение депутата Верховного Совета СССР 1-го созыва.

4

Очередные должности молодого военачальника — начальник штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии и начальник штаба Дальневосточного фронта.

Когда летом 1938 года японская армия вторглась на советскую территорию у озера Хасан и захватила высоту Безымянная, маршал Ворошилов назначил Штерна командиром 39-го стрелкового корпуса (3 августа), приказав ему подготовить операцию по разгрому японцев в районе Хасана и восстановлению государственной границы. 4-го Штерн про-

извел переброску, перегруппировку войск и их пополнение боеприпасами, а 5-го отдал боевой приказ № 01: «Задача корпуса с приданными частями 6 августа овладеть высотой Заозерная и уничтожить врагов, посмевших вторгнуться на нашу советскую землю».

Утром 6 августа началось наступление советских войск. Советская же территория была полностью освобождена от японских захватчиков 9-го. 11 августа от имени Советского правительства комкор Штерн подписал перемирие с Японией.

Третий орден Красного Знамени — это была абсолютно заслуженная боевая награда, как и предыдущие...

Судите сами. Смелый и оригинальный план операции, разработанный Штерном, был достаточно прост. Комкор принял решение привлечь для наступления две стрелковые дивизии и механизированную бригаду. 32-й Саратовской дивизии предстояло нанести удар севернее озера Хасан, а 40-й стрелковой — южнее озера Хасан, в направлении высоты Заозерная. Части 2-й механизированной бригады побатальонно придавались на усиление стрелковых соединений.

И снова слово автору книги «Расстрелянные Герои Советского Союза»: «Войскам были поставлены следующие задачи: 32-й стрелковой дивизии с 3-м танковым батальоном 2-й механизированной бригады овладеть высотой Безымянная и ударом с северо-запада совместно с 40-й стрелковой дивизией — высотой Заозерная; 40-й дивизии со 2-м танковым и разведывательными батальонами той же бригады овладеть высотой Пулеметная Горка и ударом с юго-востока совместно с 32-й дивизией — высотой Заозерная; 39-й стрелковой дивизии со 121-м кавалерийским полком, мотострелковым батальоном и 1-м танковым батальоном 2-й механизированной бригады обеспечить правый фланг корпуса по линии Ново-Киевка — высота 106,9. Прикрытие наземных войск возлагалось на авиацию, бомбовые удары которой по противнику должны были

явиться сигналом для начала артиллерийской подготовки всей корпусной артиллерией. При проведении боевой операции пехоте и танкам запрещалось переходить государственную границу Маньчжурии и Кореи. План операции был доложен командующему фронтом, а затем и народному комиссару обороны, которые одобрили общий замысел ее проведения».

4 сентября 1938 года в своем приказе № 0040 нарком обороны маршал Ворошилов особо подчеркнул:

«Японцы были разбиты и выброшены за пределы нашей границы благодаря боевому энтузиазму наших бойцов, младших командиров, среднего и старшего командно-политического состава, готовых жертвовать собой, а также благодаря умелому руководству операциями против японцев т. Штерна и правильному руководству т. Рычагова действиями авиации».

5

После Хасана Штерну было присвоено воинское звание «командарм 2-го ранга», а новая должность (или пост, как тогда было принято говорить) называлась: командующий 1-й Особой Краснознаменной Дальневосточной армией.

Как вспоминал генерал А.Н. Первушин («Созвездие полководцев»), именно после ликвидации этого конфликта его назначили к Григорию Михайловичу офицером для особо важных поручений: «Григорий Михайлович был человеком среднего роста, статным, очень красивым; запомнились его большие карие глаза, высокий лоб, черные густые волосы с проседью. Было ему в то время тридцать девять лет. Старше меня он был совсем не намного, но его большой жизненный и боевой опыт, широкие всесторонние знания не только в военном деле, но и в области искусства, литературы и истории вызывали к нему глубокое уважение.

Откуда же все это у него взялось? От живого ума, ума необычайно пытливого и очень восприимчивого. Я не встречал человека с такой всеобъемлющей памятью, какая была у Григория Ми-

хайловича. По натуре своей он был не очень-то разговорчив, но если возникала беседа, то, был ли предмет ее военный, исторический или общественно-политический, Штерн в подтверждение своих доводов мог чуть ли не страницами цитировать по памяти когда-то давно им прочитанные источники — и смолкали подавленные глубиной его знаний оппоненты. Впрочем, Григорий Михайлович никогда не “затыкал” рта собеседнику, пользуясь положением старшего. Наоборот, он с большей охотой слушал, чем говорил. И никогда не считал свои знания завершенными, у каждого старался что-либо подчеркнуть для себя».

Генерал-майор А.Н. Первушин (1905—1975) был всего на пять лет моложе своего командарма. Окончил 15-е Алма-Атинские кавалерийские курсы (1922), повторные кавалерийские курсы и Туркестанские курсы при Высшей военной школе востоковедения (1926), курсы по подготовке моб. работников при штабе ПриВО (1928) и кавалерийские КУКС РККА в г. Новочеркасске (1934).

С 1919-го по 1939-й прошел следующие должности: командир взвода, начальник полковой школы, начальник штаба полка, помощник начальника разведчасти штаба группы, помощник начальника штаба кавалерийского полка, начальник и политрук полковой школы, помощник начальника штаба полка, начальник штаба полка, врид начальника штаба дивизии, помощник начальника штаба дивизии, командир кавалерийского полка и с августа 1939 г. состоял для особых поручений при командующем фронтовой группы ЗабВО.

Дороги Штерна и Первушина разошлись лишь в апреле 1941-го, когда Первушина назначили заместителем командира стрелковой дивизии. А с декабря он вступил в командование 44-й армией Закавказского (Кавказского фронта) и участвовал в подготовке и проведении Керченской-Феодосийской десантной операции. Однако уже 16 января 1942 г. Алексей Николаевич был тяжело ранен и после излечения был признан

ограниченно годным к военной службе. Последняя должность генерала Первушина — помощник командующего войсками ПриБВО по военно-учебным заведениям. В конце 1953-го он был уволен в отставку по болезни.

6

Вспоминая свою службу под командованием Штерна, генерал Первушин подчеркивал, что «его подчиненные всегда удивлялись штерновскому умению сочетать безукоснительную командирскую требовательность с теплым и сердечным отношением к окружающим его людям. Он обладал огромной выдержкой и тактом, уважал человеческое достоинство и особую слабость питал к труженикам, к тем, кто сполна отдается работе, не жалеет своих сил ради успешного завершения дела. Встречаясь с такого рода людьми, Штерн мягчал на глазах; независимо от характера их работы, от степени ее ценности он внимательнейшим образом выслушивал собеседников, подробно расспрашивал о причинах тех или иных неудач, хвалил за успехи. Вместе с тем Григорий Михайлович очень ревниво следил за тем, как используются его советы. Он был жестоко придирчив, если замечал, что офицер недостаточно расторопно и четко выполняет свои обязанности».

Далее генерал приводит наиболее характерный пример: «Я помню, в оперативном отделе штаба армии работал полковник С.П. Котов. Он отличался огромной трудоспособностью и к делу относился с исключительной добросовестностью. Но по характеру своему он был малоорганизованным человеком, часто не успевал своевременно и достаточно глубоко изучить необходимый материал. Командарм всякий раз, когда происходило подобное, очень раздражался. “Какого черта вы делаете?” (Это было наиболее крепкое ругательство у Штерна, он употреблял его только в крайних случаях). Котову командарм не раз возвращал подготовленные им материалы на доработку

с массой всевозможных замечаний. Нам казалось, что вот-вот Григорий Михайлович откажется от полковника как офицера оперативного отдела. Но Котова он не отпустил, упорно продолжая добиваться исправления его недостатков. Усилия Григория Михайловича принесли свои плоды. В Великую Отечественную войну Котов хорошо командовал корпусом».

В своих воспоминаниях Первушин почему-то называет Котова — С.П. На самом деле Котов был Григорием Петровичем, то есть Г.П. Что же касается его службы при Штерне, то это действительно интересная страница. Г.П. Котов попал в штаб ОКДВА после окончания академии в 1936 году. Сначала он проходил службу в должности помощника начальника и начальника 1-го отделения 1-го отдела. А с мая 1938-го временно исполнял должность начальника 1-го (оперативного) отдела штаба Дальневосточного фронта. В июле Штерн его оставил при себе «для особых поручений», а в феврале 1939-го — назначил заместителем начальника штаба армии. В июле Котов снова при Штерне: начальник оперативного отдела штаба фронтовой группы войск. В декабре 1939-го — начальник штаба 8-й армии Северо-Западного фронта, которой командовал Григорий Михайлович. В июле 1940-го — начальник оперативного отдела в штабе Дальневосточного фронта. Их дороги разошлись только в марте 1941 года, когда Котова отправили в Военную академию РККА преподавателем.

Надо сказать, хорошо подготовил Котова командарм Штерн. С началом войны Григорий Петрович командовал стрелковой дивизией. С февраля 1942 г. исполнял должность начальника штаба 51-й армии. В мае вступил в командование 47-й армией. С октября исполнял должность заместителя командующего 44-й армией. С января 1943 г. исполнял должность заместителя командующего 58-й армией. С апреля — заместителя командующего 46-й армией. С декабря генерал-майор Котов командовал 6-м гвардейским стрелковым корпусом. Вот толь-

ко 7 ноября 1944 г. при совершении марша к р. Дунай, во время налета союзной авиации на колонну штаба корпуса в Югославии, генерал-лейтенант Котов погиб.

1 апреля 1943 года «за правильное понимание боевой обстановки, руководство войсками с выездом в части и личное мужество» Григория Петровича наградили орденом Красного Знамени. Орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени — «за умелую организацию взаимодействия пехоты и средств усиления, за настойчивое преследование отступающего противника, что дало возможность овладеть крупным промышленным центром УССР — г. Кривым Рогом». Орденом Кутузова 2-й степени — «за выход к румынской границе, захват 15 900 пленных и уничтожение более 14 тысяч солдат противника в боях с 20 по 31 августа 1944 года». И только орденом Отечественной войны 1-й степени — посмертно.

Но были у генерала Котова еще два ордена: Красной Звезды — за Халхин-Гол и Красного Знамени — за финскую войну. Можно сказать, от самого учителя и командарма 2-го ранга Штерна...

Как писал генерал Первушин: «Единственно верной и безусловной оценкой таланта военачальника являются результаты самого высокого в военном деле экзамена — боя, сражения, им руководимого». Как тут не согласишься. Но бывший порученец хотел сказать только о конкретном человеке, добавив: «Войска, руководимые Штерном, поражения не знали».

Глава 13

ЛИКВИДИРОВАТЬ ПРЕИМУЩЕСТВО

1

В книге генерала армии М.А. Гареева можно без труда найти одно весьма сомнительное утверждение, а именно: «По мере усиления авиации Жуков активизирует ее действия и до-

бивается завоевания господства в воздухе». Далее известный военачальник и академик пишет о том, как японские войска перешли в наступление 3 июля и т. д.

В общем, подобного рода заявления ничего, кроме удивления, вызывать не могут. Во-первых, авиацией на Халхин-Голе руководил комкор Смушкевич. Во-вторых, как (хотя бы и) Жуков мог добиться завоевания господства в воздухе, например, в июле, если из акта проверки комиссии Кулика известно следующее (26 июля): «...Действия нашей авиации часто диктуются поведением авиации противника, обычно она навязывает способ действий.

Часто безнаказанно бомбит наши части в обороне и переправы на реке. Целыми часами висит аэростат противника и безнаказанно корректирует артогонь.

Аэростат противника сожжен нашими истребителями только благодаря тому, что звено истребителей находилось в 10 км от фронта. Вследствие того, что противник ведет воздушный бой большими группами и умело использует облака и солнце, умеет сосредоточить численное превосходство и наращивать силы в воздушном бою — наша авиация несет потери. Вступая в воздушный бой с противником, наша авиация иногда не доводит его до конца, и когда разбитый в воздухе противник рассыпается, наши истребители не закрепляют успех преследованием, а сразу уходят с поля боя на аэродром.

Наша авиация способна бомбардировать и штурмовать в тылу противника, но действовать в интересах наземных войск еще не умеет» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 78. Л. 86—99).

2

Для понимания предмета разговора достаточно усвоить, что такое «господство в воздухе».

Под господством в воздухе, как известно, понимают такую воздушную обстановку, при которой вооруженные силы и тыл

одной из воюющих сторон могли бы успешно выполнять свои задачи, не встречая существенного противодействия авиации противника, в то время как другая сторона была лишена такой возможности.

В зависимости от целей, размаха, состава привлекаемых сил и уровня руководства ими борьба за господство в воздухе велась в стратегическом, оперативном и тактическом масштабах. Соответственно этому господство в воздухе подразделялось на виды: стратегическое, оперативное и тактическое.

Судя по боевым действиям на Халхин-Голе, мы можем говорить о борьбе за тактическое господство в воздухе. Например: «Борьба за тактическое господство в воздухе велась в интересах успешного выполнения частями и соединениями Сухопутных войск, ВВС или ВМФ важной тактической задачи (проведения войсками контратак и форсирования водных преград, нанесения групповых ударов силами бомбардировочной и штурмовой авиации и т. п.). Цель борьбы — исключить серьезное противодействие нашим войскам и авиации со стороны авиации противника и его средств ПВО. Борьба за тактическое господство в воздухе велась непосредственно над полем боя или в ограниченном районе в течение короткого промежутка времени. Тактическое господство в воздухе достигалось, главным образом, силами истребительной авиации и войсковой ПВО, а также специально выделенными силами ударной авиации и артиллерии» («История военного искусства ВВА им. Гагарина»).

Если говорить о способах борьбы, то они были следующими: уничтожение самолетов противника в воздухе, уничтожение самолетов противника на аэродромах, вывод из строя взлетно-посадочных полос аэродромов, разрушение складов авиационного топлива, боеприпасов и других средств материально-технического обеспечения, уничтожение и подавление средств ПВО, а также пунктов управления

авиацией. При этом самыми важными оставались первые два способа: уничтожение самолетов в воздухе и на аэродромах.

3

Численность японской авиации в начале июня оценивалась советской разведкой в 312 самолетов (168 истребителей и 144 бомбардировщика), но, как подчеркивает В. Кондратьев, «эти цифры, как и раньше, были завышены почти втрое». Советская же авиация в Монголии, наоборот, получила первые образцы новой техники: «На аэродром Тамсаг-Булак прилетела из Союза эскадрилья новейших истребителей И-153 “Чайка” в составе 15 машин. Правда, новейшими их можно назвать лишь по годам разработки и выпуска, а фактически они являлись очередной модификацией биплана И-15 с убирающимся шасси, более мощным мотором и рядом других доработок. Но по скорости и скороподъемности “Чайка” заметно превосходила своего предшественника И-15бис, и это не могло не сказаться на результатах боев.

Эскадрилью “Чаек” возглавил капитан Сергей Грицевец...

В дальнейшем прибыли еще несколько десятков “Чаек”. Некоторое время они считались строго секретными, и их пилотам категорически запрещалось летать за линию фронта, но уже к концу месяца этот запрет был снят.

Еще одной советской новинкой, поступившей на фронт в начале июля, стала эскадрилья из семи истребителей И-16П, вооруженных, помимо двух синхронных пулеметов, двумя крыльевыми 20-миллиметровыми пушками ШВАК. Пушечные истребители решили использовать в первую очередь в качестве штурмовиков, для атак против наземных целей. Эскадрилью включили в состав 22-го иап. Ее первым командиром стал... капитан Евгений Степанов».

Численность советских ВВС в районе конфликта на 1 июля составляла 280 самолетов (в т. ч. 138 истребителей).

Опираясь на труд В. Кондратьева, можно говорить о том, что, «во время “Второго этапа номонханского инцидента”, то есть с 2 по 6 июля, истребители 1-го, 11-го и 24-го сентаев одержали 94 воздушные победы. Еще пять самолетов записали зенитчикам. Реальные советские потери составили 16 машин. Нашим истребителям за те же пять дней засчитали 32 победы, однако японцы признали гибель только четырех самолетов».

Словом, до господства в воздухе советской авиации было еще очень далеко! При этом: «Из-за больших потерь в первых числах июля советским бомбардировщикам пришлось в дальнейшем повысить рабочий потолок с 2500—3000 метров до 6800—7500. На этих высотах они надолго стали неуязвимыми как для зениток, так и для истребителей. Правда, и точность бомбометания, естественно, снизилась. 8-го, 9-го, 13-го, 14-го и 15 июля экипажи СБ бомбили японские войска на линии фронта и в оперативном тылу. Все эти налеты прошли без потерь, а насколько эффективными они оказались, сказать трудно».

Нельзя не сказать и о боевом применении в Монголии тяжелых бомбардировщиков ТБ-3. Свои первые боевые вылеты они совершили в ночь с 7 на 8 июля: «Три самолета сбросили 16 100-килограммовых бомб на город Ганчжур. По донесениям экипажей, в результате бомбардировки “центр города был покрыт дымом”. Несколькими днями ранее эскадрилья “ТБ третьих” из 4-го тяжелого бомбардировочного авиаполка (4 тбап) Забайкальского военного округа, перелетела на монгольский аэродром Обо-Сомон. В эскадрилью входили шесть “боевых кораблей”, как в документах той поры называли эти огромные машины. Позже к ним добавилось еще несколько эскадрилий, так что к концу июля на халхин-гольском ТВД действовали уже 23 четырехмоторных гиганта. Эскадрилью, а впоследствии — группу ТБ-3 возглавлял майор Егоров.

Поскольку низкие летные данные в сочетании с большими размерами делали ТБ-3 слишком уязвимыми как для зениток,

так и для истребителей, эти бомбардировщики применялись только в темное время суток. Боевые вылеты обычно совершались одиночными машинами, реже — парами. Как правило, экипажи стартовали в 17—18 часов, то есть еще до темноты, и пересекали линию фронта с наступлением ночи. Средняя продолжительность боевого вылета составляла 7—8 часов.

Бомбы сбрасывали с высот не более 2500 метров (обычно — 1000—1500 м). Применялись в основном боеприпасы небольшого калибра (ФАБ-10, ФАБ-32, ФАБ-50 и осветительные), реже — ФАБ-100. Бомбили по площадям. Главной задачей было изматывание противника, хотя иногда случались и удачные попадания, после которых японцы собирали убитых и тушили пожары.

На случай вынужденных посадок между Тамсаг-Булаком и горой Хамар-Даба оборудовали запасной аэродром с прожектором, однако воспользоваться им не пришлось. Хотя практически в каждом налете японцы открывали беспорядочный зенитный огонь и пытались поймать бомбардировщики лучами прожекторов, за все время боев в ТБ-3 не попали ни разу. Наши летчики в этой связи отмечали неважную выучку японских зенитчиков и несогласованность действий между зенитной артиллерией и прожектористами.

Лишь однажды на одной машине осколком снаряда повредило двигатель. Но самолет вернулся в Обо-Сомон и нормально сел на трех моторах.

Налеты продолжались до 26 августа каждую ночь, когда позволяла погода. За это время ТБ-3 совершили 160 боевых вылетов, потеряв только один бомбардировщик, разбившийся при посадке в ночь на 28 июля из-за одновременного отказа двух двигателей. Погиб находившийся в передней кабине комиссар 100-й авиабригады Кириллов, остальные члены экипажа не пострадали.

Помимо боевой работы, ТБ-3 активно привлекались к транспортным перевозкам. Из района боевых действий в Читу они

возили раненых (в фюзеляже и крыльях помещалось до 20 человек), а обратно летели с медикаментами, боеприпасами, корреспонденцией и другими срочными грузами» («Война в воздухе»).

12 июля документы зафиксировали очередной крупный воздушный бой. В. Кондратьев отмечает: «С советской стороны в нем участвовали 39 И-16 из 22-го иап, а также девять И-16 и 15 И-15бис из 70-го полка; с японской, по словам наших пилотов, — “до 50” И-97. Советские летчики заявили 16 воздушных побед, японские — 11.

На самом деле наши потеряли один самолет (летчик спасся на парашюте), а японцы — три». Вот и вся арифметика того времени!

4

«С 12 по 21 июля над Халхин-Голом царило затишье, вызванное очередным ухудшением погоды, — констатирует В. Кондратьев. — В разрывах облаков изредка появлялись только разведчики и звенья СБ, бомбившие с больших высот. Воздушных боев не было, во всяком случае, о них не упоминается ни в работах зарубежных историков, ни в советских архивных документах.

Обе стороны занимались реорганизацией и наращиванием сил. 15 июля по приказу Наркома Обороны СССР 57-й особый корпус был преобразован в Первую армейскую группу (1 АГ)... Командующим ВВС 1-й АГ стал полковник А.И. Гусев, а командующим истребительной авиацией группы — майор И.А. Лакеев. (...)

К середине июля на Халхин-Голе действовали уже две японские авиабригады в полном составе — 9-й и 12-й хикодан. 9-м бомбардировочным хикоданом командовал генерал-майор Иккаку Симоно, а 12-м смешанным — генерал-майор Эйдзи Азума».

Это всего 148 самолетов. Тем не менее «японцам пока удалось поддерживать на прежнем уровне и даже слегка увеличить число истребителей. Однако численность ударного компонента авиагруппировки оставалась явно недостаточной, несмотря на подтягивание трех новых полков. Появление на фронте устаревших бипланов Ки-4 говорило о том, что противник начинает испытывать трудности с пополнением и его резервы на исходе.

Между тем численный перевес советских ВВС продолжал нарастать. В состав 22-го и 70-го иап вливались новые эскадрильи и отдельные летчики, прибывавшие с территории Советского Союза. В частности, в июле на аэродром Баин-Тумен прилетела сводная эскадрилья морских истребителей, набранная из лучших летчиков Черноморского и Балтийского флотов. В нее вошли 10 пилотов с Балтики и пятеро с Черного моря. Возглавил эскадрилью летчик-балтиец майор Новиков» («Война в воздухе»).

А уже 21-го числа в воздухе разгорелось самое крупное с начала конфликта воздушное сражение: «С нашей стороны в битве участвовали 157 самолетов — 95 И-16 и 62 И-15бис из 22-го и 70-го полков, с японской — более 40 истребителей 1-го и 24-го сентаев (по нашим данным, от 130 до 150 машин, что, вероятно, связано с “двойным” и “тройным” подсчетом одних и тех же самолетов). Бой, завязавшийся в 9.45 в районе горы Баин-Хошу, вскоре распространился на большую территорию по обе стороны от линии фронта и распался на ряд отдельных схваток, которые продолжались более полутора часов.

Наши летчики заявили об уничтожении 12, а японцы — 39 вражеских самолетов. В действительности было сбито пять И-15бис и четыре Ки-27. Одного из японцев сбил таранным ударом командир 2-й эскадрильи 22-го иап старший лейтенант Витт Скобарихин. Согласно “классическому” советскому описанию, Скобарихин совершил лобовой таран,

спасая ведомого, молодого летчика В. Вусса. На самолете с поврежденным крылом он благополучно совершил посадку на своем аэродроме.

В бою погибли четверо советских пилотов, еще трое получили ранения. Трое сбитых японцев сумели воспользоваться парашютами, но один из них (в звании капитана) опустился на советской территории и при попытке захвата в плен — застрелился. Остальные двое вернулись в часть».

В итоге советские ВВС потеряли на Халхин-Голе за июль 88 самолетов (79 — боевые потери и 9 — небоевые). Японские же боевые потери составили 41 самолет. В оперативной же сводке штаба 1-й армейской группы за 25 июля говорилось: «Противник держит инициативу в своих руках на земле и в воздухе» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 88. Л. 169—170).

То есть и на этот раз говорить о господстве советской авиации в воздухе не приходится.

5

Полковник А.И. Гусев (1910—1978) был назначен на должность командующего ВВС 1-й армейской группы после переподготовки на курсах при Академии Генштаба РККА.

Всего за 7 лет, с момента окончания 2-й военной школы летчиков им. Осоавиахима СССР в 1931 году (в Военно-теоретическую школу ВВС РККА поступил в 1928 г.), прошел должности младшего и старшего летчика, командира звена, отряда (1935), командира эскадрильи и авиагруппы в Испании (1937—1938), помощника командира 59-й истребительной авиабригады (ВВС ЛенВО).

Одним из первых открыл счет сбитых самолетов противника. Воевал на истребителе И-16. Был тяжело ранен, но продолжал летать. Совершил свыше 100 боевых вылетов, участвовал в 32 воздушных боях, в которых сбил 4 самолета, в т. ч. 3 лично и 1 в паре.

В ноябре 1938-го А.И. Гусеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

В дальнейшем Александр Иванович получил назначение на должность зам. командующего ВВС БОВО, был заместителем командующего ВВС 8-й армии Северо-Западного фронта, командующим ВВС 15-й армии и командующим ВВС ОдВО.

Осенью 1940-го генерал-майор авиации (1940) Гусев командовал 30-й авиадивизией, затем 17-й смешанной авиадивизией. В ноябре 1941 г. получил назначение на должность командира 106-й авиадивизии, а войну закончил заместителем командующего 1-й воздушной истребительной армии.

До выхода в запас (1960) возглавлял военную кафедру Московского лесотехнического института.

И.А. Лакеев (1908—1990) еще в мае 1939 г. был командирован в Монголию, где был назначен заместителем командующего Отдельной армией МНР. При этом свое летное образование он завершил только в 1933 году (14-я военная школа в г. Энгельсе, с 1931-го — Военно-теоретическая школа ВВС РККА в Ленинграде).

С октября 1936 по август 1937 г. младшим летчиком отдельной авиаэскадрильи принимал участие в войне в Испании. По некоторым данным, за время командировки лично сбил 12 самолетов противника и 16 — в группе.

В ноябре 1937 г. И.А. Лакееву было присвоено звание Героя Советского Союза.

В дальнейшем работал летчиком-испытателем на авиазаводе № 1, затем был назначен командиром эскадрильи 24-й авиабригады ВВС МВО в г. Люберцы. Но уже с марта 1938-го командовал 16-м истребительным авиаполком, с декабря — исполнял должность начальника отделения отдела боевой подготовки истребительной авиации ВВС Красной армии.

После Халхин-Гола комбриг Лакеев был направлен в Киев, где получил должность зам. командующего ВВС КОВО по

истребительной авиации. С весны 1940-го он — заместитель начальника Летно-технической инспекции 1-го управления Главного управления ВВС РККА, с октября — исполняющий должность зам. генерал-инспектора Инспекции ВВС РККА. В марте 1941 г. генерал-майор авиации (1940) Лакеев был заместителем командира 14-й смешанной авиадивизии, работал представителем штаба ВВС фронта по обороне Киева, исполнял должность зам. командующего ПВО фронта по авиации, а с января 1942-го даже командовал 524-м истребительным авиаполком. Только в марте 1943-го Ивану Алексеевичу доверили 235-ю истребительную авиадивизию, которой он командовал до конца войны.

До увольнения в запас (1955) генерал Лакеев занимал должность помощника командующего 22-й воздушной армией.

6

Не удивительно, что главной фигурой от ВВС на Халхин-Голе был Я.В. Смушкевич. В отличие от прекрасных летчиков и не особенно выдающихся командиров, героев Испании, Яков Владимирович был человеком огромных талантов и беспримерного мужества.

В 1939-м комкору (1937) Смушкевичу было 37 лет. Но это была поистине великая жизнь, где чаще всего один день шел за несколько...

В горниле Гражданской войны сын рабочего-портного оказался в 16 лет. Сначала красноармеец, затем политбоец и, наконец, комиссар коммунистического батальона Смушкевич в боях под Барановичами получил сабельное ранение ноги и был взят в плен белополяками. Вскоре им заинтересовалась польская контрразведка, из-за чего последовал перевод в вильненскую тюрьму. Только через тринадцать месяцев (весной 1920 г.) Якову удалось осуществить побег: спрятавшись в прачечной среди бельевых корзин, он был вывезен с территории тюрьмы.

Вернувшись в Красную армию, Смушкевич начал все с нуля: рядовым бойцом в обычном стрелковом полку. Но уже летом 1920-го восемнадцатилетний политрук роты принимает участие во взятии Сморгонского укрепленного района. В бою за Пултуск он заменил раненого комиссара полка.

В августе 1921 года комиссар стрелкового полка Смушкевич был уволен в долгосрочный отпуск по состоянию здоровья. Работал уездным уполномоченным ЧК города Клиницы Гомельской губернии, где отличился при уничтожении крупной банды. Но все это оказалось ненадолго.

С апреля 1922 г. он снова в армии: помощник военкома стрелкового полка, с июля 1922 г. — политрук школы стрелковой дивизии в Смоленске. И вдруг новый резкий поворот: в октябре 1922-го Яков — организатор партработы 9-й авиаэскадрильи в Смоленске.

Говорят, что новая служба полностью захватила его. Летное дело Смушкевич освоил непосредственно в части и стал много летать. Военком эскадрильи, политрук отряда отдельной авиаэскадрильи, военком отдельных корпусных авиаотрядов и командир эскадрильи Смушкевич настойчиво совершенствовал свое мастерство. Когда эскадрилью развернули в бригаду и Яков Владимирович (Вульфович) стал ее военкомом, он был уже одним из лучших пилотов.

Например, в 1928 г. он одним из первых в бригаде вылетел на самолете-разведчике Р-5, а затем освоил высший пилотаж на новейшем истребителе Р-3. В 1930-м он занял первое место по стрельбе из пулемета и точной бомбардировке. А в 1931-м всего за 39 дней прошел полный курс летной подготовки в Качинской военной школе летчиков. Получив свидетельство летчика, Яков Владимирович был назначен командиром легкобомбардировочной авиабригады (Витебск). За короткое время ему удалось сделать ее лучшим соединением Белорусского военного округа.

В Испанию комбриг Смушкевич отправился с первой группой летчиков, где под псевдонимом Дуглас руководил всеми воздушными силами республиканцев, где завоевал непререкаемый авторитет и всеобщее уважение. Ведь и о себе не забывал, поражая всех храбростью и боевым мастерством: за восемь месяцев в Испании общий налет Смушкевича составил 223 часа, в том числе — 115 часов боевых вылетов на И-15.

За образцовое выполнение специальных заданий правительства и проявленный при этом героизм комкор (звание присвоено досрочно) Смушкевич в июне 1937-го был удостоен звания Героя Советского Союза. В том же году окончил Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии им. Фрунзе и вступил в должность заместителя начальника Управления ВВС РККА.

А 30 апреля 1938 года случилась трагедия. Во время тренировочного полета на самолете Р-10 Смушкевич попал в аварию. Его буквально вытащили из-под обломков с переломанными ногами (от ступней до бедер), с тяжелейшими ранениями головы, сотрясением мозга и обожженной спиной.

Как вспоминала Б.С. Смушкевич, «30 апреля, накануне парада, Яков Владимирович стал жертвой крупной аварии. В одиннадцать часов вечера за мной прислали машину и отвезли в Боткинскую больницу. Там в перебинтованном человеке я не могла узнать Смушкевича. Лицо изуродовано, а сам без сознания. Только часа в два ночи пошевелил губами. Поднял руки к лицу, открыл ими заплывший глаз и сказал:

— Не плачь, утром поедem домой, — и опять впал в беспамятство.

Через несколько дней сознание возвратилось к нему и состоялся консилиум врачей. Было установлено, что требуется срочная операция тазобедренного сустава. Профессора предупредили, что, возможно, придется ампутировать ноги. Но бла-

Комкор Г.К. Жуков на Халхин-Голе

Командарм 2-го ранга Г.М. Штерн, маршал МНР Х. Чойбалсан и комкор Г.К. Жуков на командном пункте Хамар-Даб

Командующий 1-й армейской группой советских войск в МНР комкор Г.К. Жуков среди командиров РККА во время боев на Халхин-Голе

Комкор Г.К. Жуков совещается с командирами во время боев на Халхин-Голе

Японский офицер ведет наблюдение

Маршал МНР Х. Чойбалсан с монгольскими солдатами и офицерами во время боев на реке Халхин-Гол

Монгольские кавалеристы

Японские кавалеристы кормят лошадей

Советские артиллеристы у орудия

Красноармейцы наблюдают за воздушным боем

Офицеры 11-й советской танковой бригады на горе Баин-Цаган перед атакой

Японские военнослужащие позируют с захваченными трофеями

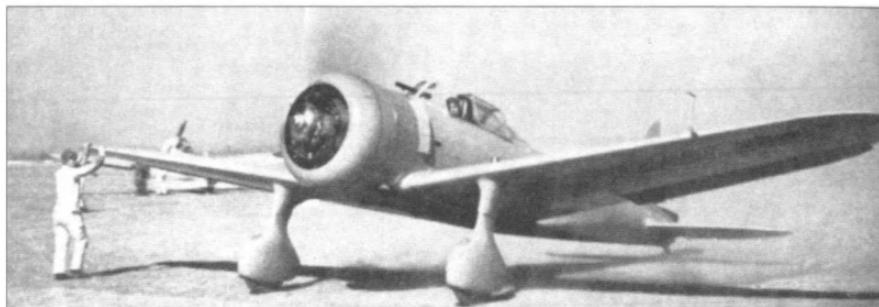
*Командарм 2-го ранга Г.М. Штерн на наблюдательном пункте
у реки Халхин-Гол*

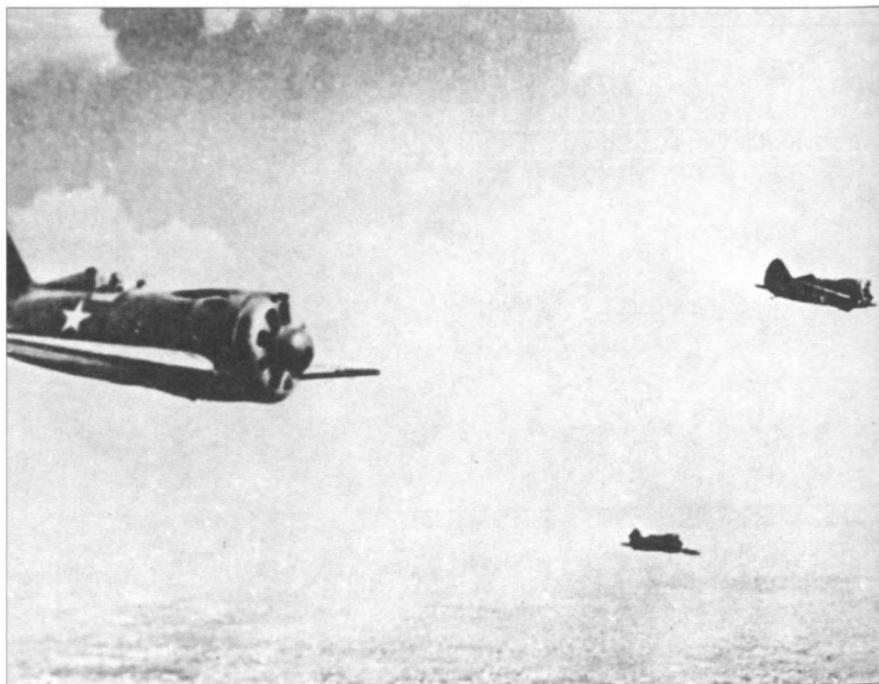
Инструктаж японских танкистов

Советские танкисты осматривают захваченный японский танк

Истребители «Накадзима» Ki-27 во время боев на Халхин-Голе

Звено советских истребителей И-16 в небе

Командиры ВВС РККА С.И. Грицевец, И.А. Прачик, Г.П. Кравченко, П.Т. Коробков, А.И. Смирнов, участвовавшие в боях на Халхин-Голе

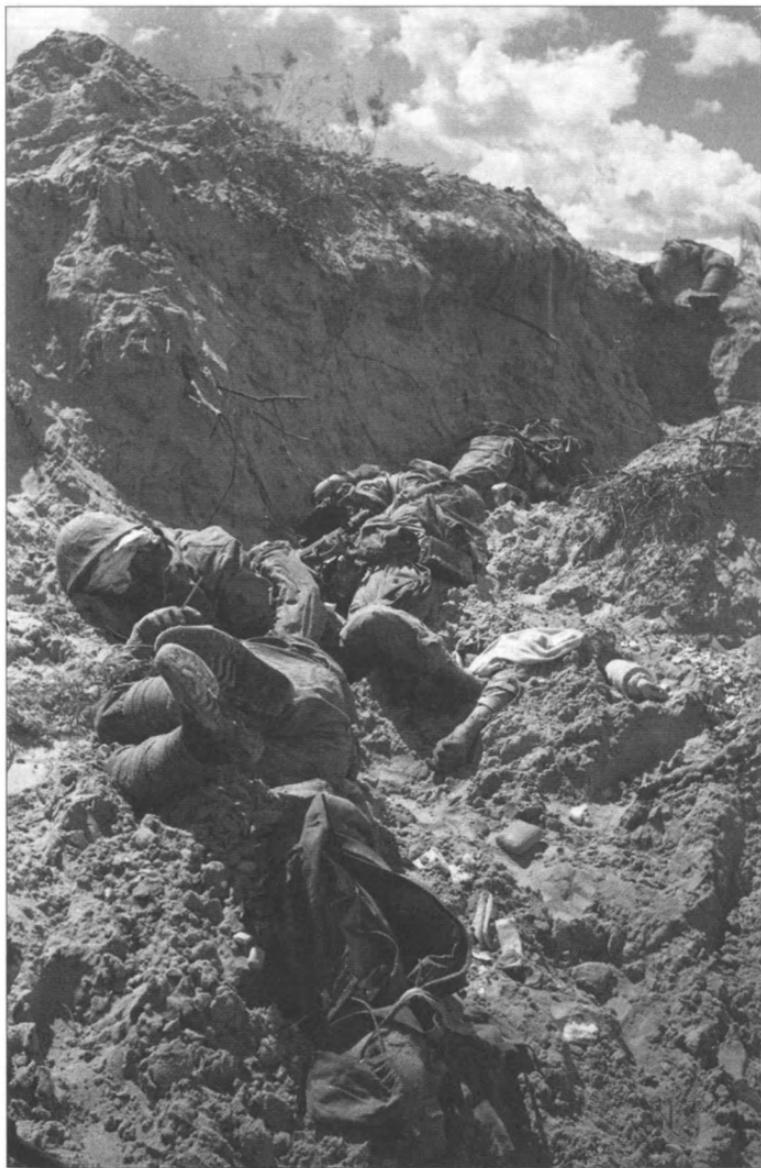
Японские летчики у аэродромного стартера во время боев на Халхин-Голе

Японские военные осматривают фрагменты сбитого на Халхин-Голе советского самолета

Советский офицер и солдаты осматривают остатки японского самолета во время боев на Халхин-Голе

Тела погибших в бою японских солдат

*Советские и японские офицеры на переговорах о прекращении огня
на Халхин-Голе*

*Советские и японские представители во время перемирия
в районе реки Халхин-Гол*

Пленный японский солдат

Пленный японский летчик

Японские солдаты, попавшие в советский плен на Халхин-Голе

*Командир 22-го истребительного
авиаполка майор Г.П. Кравченко
на Халхин-Голе*

*Раненый красноармеец, оставшийся
в строю во время боев на реке
Халхин-Гол*

*Маршал Х. Чойбалсан вручает орден Красного Знамени старшему
лейтенанту Л.А. Орлову*

годаря искусству профессора М.Д. Фридмана операция прошла блестяще. Правда, одна нога стала короче.

Позже, когда я читала “Повесть о настоящем человеке” и смотрела фильм о подвиге Мересьева, в моей памяти ярко и зримо возникали картины борьбы Якова Владимировича за возвращение в строй. Первое, что его интересовало после операции, сумеет ли он летать.

Профессор ответил:

— Все зависит от вас. Будете выполнять предписания врачей, надеюсь, сможете.

Смушкевич стал форсировать лечение. Профессор назначил массаж, но Яков Владимирович не удовлетворялся одним сеансом и заставлял по несколько раз в день массировать ему ноги.

Врачи прописали покой, а он тяготился бездействием. Попросил прислать ему работу в Барвиху, и его комната превратилась в филиал штаба ВВС. Туда без конца приезжали товарищи и по делам, и просто навестить Якова Владимировича.

Работал он полулежа на диване. Врачи удивлялись его выдержке и силе воли. Профессор Фридман говорил, что Смушкевич должен испытывать ужасные боли, особенно во время лечебной гимнастики, но он никогда не жаловался.

Трудно описать, сколько упорства проявил Смушкевич, чтобы заставить свои ноги слушаться. Вскоре он бросил костыль и стал опираться только на палку. Им овладела мечта сесть в самолет и самостоятельно подняться в воздух.

Несмотря на запрет врачей, он стал упорно, методически готовить себя к этому. Начал упражняться на автомобиле. Бывало, заведет машину и пробует нажимать на педали и переключать скорости. Превозмогая нечеловеческие боли, он мог упражняться часами.

Я никогда не забуду его счастливого лица, когда наконец автомобиль, послушный ему, тронулся с места. Все обошлось

благополучно. Но когда он вышел из машины, холодный пот градом катился по его лицу.

После этого Смушкевич стал выезжать на машине каждый день. Этим его тренировки не ограничивались. Дома он бросал палку и учился ходить без нее.

После настоятельной просьбы врачи разрешили ему поехать на аэродром и посмотреть полеты. На аэродроме он не вытерпел, сразу же сел в самолет и взлетел...» («Крылатое племя»).

Так и уехал в очередную командировку Яков Владимирович, не долечившись...

Очевидцы утверждали, что в небе Монголии он почти не летал, ибо ходить мог с трудом. Раны кровоточили.

Жена Смушкевича очень хорошо запомнила, как встречали героев Халхин-Гола: «На аэродроме были Нарком обороны, члены правительства.

Яков Владимирович вышел из самолета хромя, одна нога его была забинтована, и к ней привязана сандалия.

— Что случилось, ты ранен?

Он, смеясь, отвечает:

— Нет, москиты искусаи, и я расчесал ногу».

На самом деле все было не так весело. Посмотревший рентгеновский снимок профессор Фридман сказал: «В тазобедренном суставе у него не кости, а творог. Я не представляю себе, как он на ногах-то стоит».

Не мудрено, что Г.К. Жуков в своих мемуарах, в отличие от других, от души хвалит прославленного авиационного военачальника и героя, называя его «великолепным организатором», «отлично знавшим боевую летную технику» и в «совершенстве владеющим летным мастерством». Просто командир Смушкевич не был ему конкурентом, не мешал его славе победителя на Халхин-Голе, а еще Яков Владимирович «академиев не кончал» и вроде как был схожим с Георгием Кон-

стантиновичем самородком из народа. Но самое главное — Смушкевич сделал в Монголии весьма важное дело: помог ликвидировать преимущество японских ВВС и завоевать господство в воздухе.

Глава 14

«ЭТИМ ЗАНИМАЛСЯ ШТАБ...»

1

В Халхин-гольских записках К. Симонов вспоминает: «Во время одного из заездов своих на Хамардабу мне пришлось впервые столкнуться в военной среде с теми же самыми спорами о талантах и способностях и притом почти в той же непримиримой форме, в какой они происходят у братьев писателей».

Писатель подчеркивает, что даже не предполагал встретиться с этим на войне и очень удивился. Однако на войне, как известно, бывает всякое...

«...я сидел в одной из штабных палаток и разговаривал с командирами-кавалеристами. Один из них — сейчас уже давно генерал, а в то время совсем молодой еще полковник, служивший с Жуковым чуть ли не с Конармии, — убежденно и резко говорил, что весь план окружения японцев — это план Жукова, что Жуков его сам составил и предложил, а Штерн не имел к этому плану никакого отношения, что Жуков — талант и что все это именно так, потому что — он это точно знает — никто, кроме Жукова, не имел отношения к этому плану», — свидетельствует Симонов, а дальше он лишь смягчает резкие слова неизвестного полковника: «Разговор не носил личного характера. Если бы это было так, о нем не стоило бы и вспоминать. В словах полковника была та же увлеченность и безапелляционность, которая нередко бывала в наших собственных разговорах, когда мы, молодые

питомцы Литературного института, категорически настаивая на талантах своих любимых поэтов и учителей, попутно развенчивали всех остальных».

Примечательно, что точно так же думал и сам Георгий Константинович. В своих мемуарах он не просто так останавливается на первой встрече со Сталиным. После победы на Халхин-Голе, а прием состоялся 2 июня 1940 года в присутствии Молотова, Микояна и Кагановича в течение всего лишь 30 минут, полководец подробно приводит разговор с вождем и с Калининым (?). В частности, там есть и про Штерна: «— Скажите, а с какими трудностями пришлось столкнуться нашим войскам на Халхин-Голе? — вступил в разговор М.И. Калинин.

— Главные трудности были связаны с вопросами материально-технического обеспечения войск. Нам приходилось подвозить все, что нужно для боя и жизни войск, за 650—700 километров. Ближайшие станции снабжения были расположены на территории Забайкальского военного округа. Даже дрова для приготовления пищи, и те приходилось подвозить за 600 километров. Кругооборот машин составлял 1300—1400 километров, а отсюда колоссальнейший расход бензина, который также надо было доставлять из Советского Союза.

В преодолении этих трудностей нам хорошо помог Военный совет ЗаБВО и генерал-полковник Штерн со своим аппаратом. Большую неприятность причиняли комары, которых на Халхин-Голе великое множество. По вечерам они буквально заедали нас. Японцы спасались специальными накомарниками. Мы их не имели и изготовили с большим опозданием».

Вот только не было на этом приеме в кабинете вождя товарища Калинина, да и 30 минут было слишком маловато для того, чтобы в них поместился весь указанный разговор. Но больше удивляет жалоба на накомарники. Сама по себе проблема здесь выглядит гораздо серьезнее помощи Военного совета и Штерна с его штабом.

Сегодня мы можем лишь предположить, что все написанное автором знаменитых мемуаров было сочинено им задним числом и не совсем соответствует действительности.

2

Если говорить о роли и месте командарма 2-го ранга в победе на Халхин-Голе, то и здесь нужно опираться прежде всего на документы.

Первый такой документ — это приказ наркома обороны СССР об образовании фронтовой группы № 0030 от 5 июля 1939 года. В нем говорится: «Во исполнение решения Главного Военного Совета РККА от 5 июля 1939 г., для объединения и направления действий 1-й и 2-й Краснознаменных армий, Забайкальского военного округа и 57-го Особого корпуса — образовать Фронтовую группу с расквартированием в г. Чита.

1. Командующим Фронтовой группы назначить командующего 1-й ОКА командарма 2 ранга т. Штерна Г.М., освободив его от занимаемой должности...

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командующему Фронтовой группы тов. Штерну Г.М. немедленно выехать в Читу и вступить в исполнение своих обязанностей.

2. Начальнику Генерального Штаба РККА тов. Шапошникову Б.М. разработать и представить на утверждение штаты и Положение Фронтовой группы к 8 июля с. г.

3. Заместителям народного комиссара обороны тт. Щаденко и Мехлису в 5-дневный срок подобрать и представить мне на утверждение личный состав Фронтовой группы...» (РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 21. Л. 28).

Положение об управлении фронтовой группой будет утверждено начальником Генштаба 9 июля. В нем черным по белому сказано: «На командующего фронтовой группой возлагается:

1. Объединение и направление действий 1 и 2 Краснознаменных армий, Забайкальского округа и 57 особого корпуса.

2. Руководство оперативной деятельностью войск, входящих в состав группы...» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 28. Л. 17—21).

Уже 11 июля Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов отдает командующему фронтовой группой приказание следующего содержания:

«т. Штерну

Повод Вам представляется на 6 час., что пока вполне не срочно.

Руководство 57-го СК с Вашей стороны определено самим приказом. Как осуществить этот приказ на деле, Вы должны это обдумать.

Лично полагаю, что сначала необходимо получше изучить положение дел в ЗАБВО, после чего следовало бы побывать у Жукова. Самым тяжелым вопросом для 57-го СК являются его тылы. Питание, эвакуация раненых и подбитой материальной части, ремонт магчасти на месте, подброска пополнений и пр. пр. Все это тесно перекликается с ЗАБВО и должно быть изучено на месте.

Донесите, что предпримите.

В ближайшие дни Жуков будет занят Куликом и его группой, Вы можете вылететь к нему через три-четыре дня...» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 54. Л. 107—107 об.).

12 июля Штерн как старший начальник получает директиву Ворошилова и Шапошникова с анализом и оценкой боевых действий 57-го корпуса Жукова и войск противника за истекший период боев.

13 июля Штерн докладывает Ворошилову о необходимости усиления 1-й и 2-й ОКА и 57-го ОК в связи с сосредоточением сил и подготовкой противника к наступлению на восточном берегу р. Халхин-Гол:

«4) Управление штаба 57-го ОК примитивное, а тылами совершенно неорганизованное.

5) Наши части занимают невыгодные позиции на обратных скатах высот, что восточнее реки.

6) У нас много материальной части на восточном берегу, а переправ только две.

7) Река серьезное препятствие, броды сейчас непроходимы. Нелегко судить и делать выводы, не будучи самому на месте, но мне представляется опасным сейчас положение наших частей на восточном берегу. Я полагаю необходимым, чтобы т. Кулик без задержки выехал на фронт, быстро оценил обстановку и донес Вам или сам принял бы решение, не будет ли целесообразно, пока подойдут и новые части и подтянутся слабые, уменьшить число наших частей на восточном берегу, но прочно занять два небольших плацдарма, обеспечивающие переправы, прикрыв их с западного берега максимумом артиллерии и подготовив точно для помощи войскам на подступах к этим плацдармам всю авиацию, подвести к целям штурмовиков, на которых командиры, чтобы проглядели их с земли. В последующем перейти в наступление с этих плацдармов или в других местах, которые подлежат отрекогносцировке» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 26. Л. 27—30).

Чувствуете, кто в «доме» хозяин?

И еще один примечательный факт, который пропустить просто невозможно. Свидетельствует Маршал Советского Союза А.М. Василевский: «Во время событий на Халхин-Голе в 1939 году, как известно, советским командованием из советских и монгольских войск была создана 1-я армейская группа под управлением комкора Г.К. Жукова, а для координации действий этих войск на базе Забайкальского округа была образована фронтовая группа под командованием командарма 2-го ранга Г.М. Штерна. Своевременному прибытию его из Москвы в Монголию — в район боевых действий — правительством и наркомом обороны придавалось большое значение. Организация перелета была возложена на Генеральный

штаб, а непосредственное и ежечасное наблюдение за перелетом было поручено начальником Генштаба временно исполнявшему должность начальника Оперативного управления В.Д. Иванову. Пользуясь информацией Иванова, Б.М. Шапошников периодически докладывал о ходе полета правительству и И.В. Сталину. В назначенный день и час Штерн долетел до Читы, с тем, чтобы сразу же перелететь в конечный пункт, для чего требовалось всего лишь менее часа времени».

Но и это еще не все. «На следующее утро Б.М. Шапошников, когда ему позвонил Сталин, доложил, что Штерн уже находится на месте, то есть доложил то, что ему только что было доложено Ивановым. Прошло какое-то время, и снова Сталин звонит Шапошникову и начинает гневно выговаривать:

— Ваши люди лгут. У меня в руках телеграмма от Штерна, он еще в Чите. Разберитесь, и виновного под трибунал.

В.Д. Иванов был уверен, что пустячный по расстоянию перелет от Читы в Монголию совершен, не проверил этого, тогда как разыгравшаяся в Чите и на трассе буря задержала самолет.

В трибунал В.Д. Иванова все же не передали, судили судом чести и отчислили из Генштаба, а в дальнейшем он был назначен начальником штаба одной из дальневосточных армий».

Думается, теперь точно нетрудно понять, кем был на самом деле командарм 2-го ранга Штерн...

3

Несколько слов о двух самых главных помощниках Штерна по фронтовой группе.

Одним из них был член Военного совета фронтовой группы войск Н.И. Бирюков (1901—1974). Окончил 27-е Орловские пехотные курсы (1922), повторные курсы при Московской пехотной школе (1927), курсы «Выстрел» (1931) и Военно-политическую академию имени В.И. Ленина (1938).

В 1922—1931 гг. — на командной и политической работе в РККА (командир отделения, старшина роты, командир взвода, командир роты, командир батальона, инструктор политотдела дивизии). С апреля 1931-го — преподаватель танковой школы, с мая 1935-го — помощник начальника сектора в Командном управлении Главного Управления РККА, с февраля 1935-го — командир и военный комиссар стрелкового полка. С июля 1938-го — член Военного совета 2-й армии, с августа 1938-го — член Военного совета 1-й Отдельной Краснознаменной армии.

После Халхин-Гола — член Военного совета Дальневосточного фронта, но уже в феврале 1941 г. снят с должности, а на XVIII конференции ВКП(б) в феврале 1941 г.) выведен из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) «как не обеспечивший выполнение обязанностей кандидата в члены ЦК ВКП(б)».

В апреле 1941 г. назначен членом Военного совета 3-й армии Западного особого военного округа. В июне—июле вместе с командующим армией генералом В.И. Кузнецовым с боями вывел из окружения 498 вооруженных красноармейцев и командиров частей 3-й армии и организовал выход из окружения двух стрелковых дивизий. В связи с этим был упомянут в качестве положительного примера в Приказе Ставки Верховного Главного Командования Красной армии от 16 августа 1941 г. № 270.

С августа 1941 года — член Военного совета Главного автобронетанкового управления Красной армии, затем член Военного совета бронетанковых и моторизованных войск Красной армии (БТ и МВ). На этой должности руководил формированием танковых и механизированных частей Красной армии. После окончания Военной академии Генштаба (1951) командовал бронетанковыми и механизированными войсками Забайкальского военного округа. В 1954 году Николай Иванович в звании генерал-полковник танковых войск вышел в отставку.

Другим помощником Штерна был начальник штаба фронтовой группы войск М.А. Кузнецов (1896—1941). Окончил Александровское военное училище (1917), курсы «Выстрел» (1925), Военную академию им. Фрунзе (1929), Академию Генштаба РККА (1938).

В старой армии — командир роты, прапорщик. В Красной армии с 1919-го: адъютант батальона и полка, начальник команды разведчиков, командир роты и батальона. В 1924-м за участие в ликвидации банды Матчинского награжден орденом Красного Знамени.

С 1925-го — начальник оперативно-строевой части штаба крепости Кушка, с 1930-го — зам. начальника 1-го отдела, а с 1933-го — начальник 1-го сектора 1-го отдела штаба округа. После окончания Академии Генштаба (одновременно адъюнктом) оставлен в ней в должности старшего преподавателя.

После Халхин-Гола Михаил Андреевич был утвержден в должности начальника штаба Дальневосточного фронта. В декабре 1941 года участвовал в Совещании высшего руководящего состава РККА, где выступил по докладу командующего войсками Киевского особого военного округа генерала армии Г.К. Жукова «Характер современной наступательной операции», по вопросам ее планирования...

В частности, генерал-майор Кузнецов тогда сказал: «По опыту халхин-гольской операции и операций японцев в Китае можно рассчитывать на успех наступления с решительной целью окружения и полного уничтожения противника, имея равенство в пехоте, но при обязательном превосходстве в авиации, танках и артиллерии.

Исходя из этого, подсчитав соотношение сил, можно предопределить, в каком районе, на какой глубине и какую часть сил противника мы можем уничтожить. Отсюда определяется глубина операции и на какую глубину командованию армии

и фронта приходится организовывать одновременное оперативное взаимодействие всех родов войск.

Второй вопрос — я немного не согласен с генералом армии т. Жуковым, когда он говорит, что, пожалуй, нет смысла объединять и пускать в одной и той же полосе армейский и фронтовой ЭРП. Изучая материалы из опыта операций в Северной Франции, я считаю, что целесообразнее армейским и фронтовому ЭРПам действовать в одной полосе одной-двух ударных армий на главном направлении наступления фронта. Армейские и фронтовой ЭРПы, действующие в одной общей полосе наступления, имеют разные объекты удара и на различной глубине: армейский ЭРП — до 50—75 км, фронтовой — на 100—150 км.

Голос из зала: Такая операция должна перерасти из армейской во фронтовую.

М.А. Кузнецов: На этой глубине 50—75 км армия может бить противника одним ударом, в одном и том же оперативном построении. Если брать глубже, то армии нужно перестраиваться.

Фронтовой ЭРП имеет более глубокие задачи: он расширяет фронт прорыва и бьет более сильные резервы противника. Задача фронтового ЭРП — отрезать большой участок фронта противника и уничтожить противника. Я считаю целесообразным иметь боевой состав фронтовых ЭРП вдвое-втрое сильнее, чем армейские для того, чтобы наращивать силу оперативного удара. За ЭРП армий и фронта должны немедленно устремиться армейские и фронтовые резервы.

С этими поправками все тезисы генерала армии т. Жукова я принимаю полностью» (РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Л. 93—97).

«Немного не согласившись» с генералом армии Жуковым, генерал Кузнецов уже в январе 1941 г. был зачислен в распоряжение наркома обороны, а затем назначен с понижением — командиром 126-й стрелковой дивизии Прибалтийского особого военного округа.

Дальнейшая судьба Михаила Андреевича оказалась печальной. Оказывая помощь соединениям и частям 51-го стрелкового корпуса по выходу из окружения в районе западнее г. Невеля, генерал Кузнецов получил тяжелое ранение, организовав одну из контратак, и 6 августа 1941 года умер от ран.

4

До сих пор не смолкают споры о том, кто является автором «плана окружения японцев» в 1939 году? Достаточно привычно, без всяких сомнений, называется имя Г.К. Жукова. Но, опять-таки, все это — с его собственных слов. А на деле? А на деле все не так просто, как это может показаться на первый взгляд...

Командующий 1-й армейской группой комкор (воинское звание присвоено 31 июля 1939 г.) Жуков после получения задачи сверху (а это Ворошилов и Штерн) принимает решение на операцию. Начальник штаба 1-й армейской группы комбриг Богданов в свою очередь отрабатывает текстуальный план, который утверждается выше (командующим фронтовой группой), а в последующем решение (оформляется на карте с пояснительной запиской) и план должны уточняться и детализироваться.

Что же касается процесса выработки решения, то он, бесспорно, является сложным и творческим и включает: уяснение задачи, оценку обстановки, выработку замысла (идеи) решения, постановку задач подчиненным (ориентирование), соответствующие расчеты, выработку решения поставленной задачи и его оформление.

Замысел решения, по сути, выражает основные пути достижения целей предстоящих боевых действий, обусловленных поставленной задачей и конкретными условиями ее выполнения. Словом, замысел является основой решения на выполнение поставленной задачи. С окончанием выработки замысла

отдаются предварительные распоряжения войскам, которые имеют целью обеспечить целенаправленную подготовку сил к предстоящей операции.

Как отмечал командующий армией генерал К.Н. Галицкий, «уясняя задачу, поставленную перед армией, особо важно глубоко понять ее смысл, перспективу развития наступления, вероятные трудности и препятствия. (...)

Ведь правильное решение приходит не сразу. Оно зреет в процессе глубокого мышления, осмысливания мельчайших деталей, в ходе непрерывной оценки обстановки. Здесь, пожалуй, нет мелочей, которые прямо или косвенно не влияли бы на выработку решения».

Для тех кто не знает, оценка обстановки — это оценка противника, оценка своих войск, оценка района предстоящих боевых действий и оценка времени. При этом при всем командующий 1-й армейской группой в процессе своего управления опирался на штаб, своих заместителей, политорганы, начальников родов войск и т. д. Вот только штаб являлся для него самым первым помощником в руководстве войсками. Ведь это важнейший центр планирования, организации и руководства. Соответственно начальник штаба был главным организатором, стержнем работы всех органов 1-й армейской группы по обеспечению непрерывного руководства войсками в период подготовки и в ходе операции. А потому работа командующего и начальника штаба должна была строиться исключительно на основе взаимопонимания, творческого и делового контакта. Судите сами: если командующий оценивает обстановку (по элементам обстановки или элементам решения), то его заместители, начальники служб и офицеры штаба готовят ему к установленному сроку необходимые данные, расчеты и предложения по выполнению задачи в части, их касающейся. Начальник штаба руководит работой офицеров управления и готовит командующему обобщенные выводы из оценки об-

становки и предложения по решению. Командующий при необходимости заслушивает выводы и предложения начальника штаба, других лиц по интересующим его вопросам, а затем выбирает оптимальный вариант задачи и окончательно формулирует решение. Офицеры штаба оформляют решение, которое докладывается старшему начальнику (Штерну) и т. д.

В сущности, проведение решения командующего в жизнь всегда являлось результатом деятельности большого числа подчиненных. Не иначе!

О чем же пишет маршал Жуков: «**Командование советско-монгольских войск тщательно готовилось к проведению не позже 20 августа генеральной наступательной операции с целью окончательного разгрома войск, вторгшихся в пределы Монгольской Народной Республики.**

Для ее проведения по просьбе Военного совета в 1-ю армейскую группу войск спешно перебрасывались из Советского Союза новые силы и средства, а также материально-технические запасы. Дополнительно подвозились две стрелковые дивизии, танковая бригада, два артиллерийских полка и другие части. Усиливалась бомбардировочная и истребительная авиация.

Для проведения предстоящей весьма сложной операции нам нужно было подвезти по грунтовым дорогам от станции снабжения до реки Халхин-Гол на расстояние в 650 километров следующее:

- артиллерийских боеприпасов — 18 000 тонн;
- боеприпасов для авиации — 6500 тонн;
- различных горюче-смазочных материалов — 15 000 тонн;
- продовольствия всех видов — 4000 тонн;
- топлива — 7500 тонн;
- прочих грузов — 4000 тонн.

Для подвоза всех этих грузов к началу операции требовалось 4900 автомашин, в то время как в распоряжении армей-

ской группы было только 2636 автомашин. После 14 августа на подвоз встало еще 1250 бортовых машин и 375 автоцистерн, прибывших из Советского Союза. Не хватало еще нескольких сотен бортовых и наливных машин.

Основная тяжесть перевозок ложилась на войсковой автомобильный транспорт и на строевые машины, включая артиллерийские тягачи. Мы решились на такую крайнюю меру, так как, во-первых, у нас не было другого выхода и, во-вторых, потому что считали оборону своих войск достаточно устойчивой.

Чудо-богатыри — шоферы делали практически невозможное. В условиях изнуряющей жары, иссушающих ветров кругооборот транспорта в 1300—1400 километров длился пять дней!

В устройстве тыла, в организации подвоза нам очень помог Забайкальский военный округ. Без него мы, наверное, не справились бы с созданием в кратчайший срок материально-технических запасов, необходимых для операции.

Решающим фактором успеха предстоящей операции мы считали оперативно-тактическую внезапность, которая должна будет поставить противника в такое положение, чтобы он не смог противостоять нашему уничтожающему удару и предпринять контрманевр. Особенно учитывалось то, что японская сторона, не имея хороших танковых соединений и мотомехвойск, не сможет быстро перебросить свои части с второстепенных участков и из глубины против наших ударных группировок, действующих на флангах обороны противника с целью окружения 6-й японской армии.

В целях маскировки, сохранения в строжайшей тайне наших мероприятий Военным советом армейской группы одновременно с планом предстоящей операции был разработан план оперативно-тактического обмана противника, который включал в себя:

— производство скрытных передвижений и сосредоточений прибывающих войск из Советского Союза для усиления армейской группы;

— скрытные перегруппировки сил и средств, находящихся в обороне за рекой Халхин-Гол;

— осуществление скрытных переправ войск и материальных запасов через реку Халхин-Гол;

— производство рекогносцировок исходных районов, участков и направлений для действия войск;

— особо секретная отработка задач всех родов войск, участвующих в предстоящей операции;

— проведение скрытной доразведки всеми видами и родами войск;

— вопросы дезинформации и обмана противника с целью введения его в заблуждение относительно наших намерений.

Этими мероприятиями мы стремились создать у противника впечатление об отсутствии на нашей стороне каких-либо подготовительных мер наступательного характера, показать, что мы ведем широко развернутые работы по устройству обороны, и только обороны. Для этого было решено все передвижения, сосредоточения, перегруппировки производить только ночью, когда действия авиаразведки противника и визуальное наблюдение до предела ограничены.

До 17—18 августа было категорически запрещено выводить войска в районы, откуда предполагалось нанесение ударов с целью выхода наших войск во фланги и тыл всей группировки противника. Командный состав, производивший рекогносцировки на местности, должен был выезжать в красноармейской форме и только на грузовых машинах.

Мы знали, что противник ведет радиоразведку и подслушивает телефонные разговоры, и разработали в целях дезинформации целую программу радио- и телефонных сообщений. Переговоры велись только о строительстве обороны и подготовке

ее к осенне-зимней кампании. Радиообман строился главным образом на коде, легко поддающемся расшифровке.

Было издано много тысяч листовок и несколько памяток бойцу в обороне. Эти листовки и памятки были подброшены противнику, с тем чтобы было видно, в каком направлении идет политическая подготовка советско-монгольских войск.

Сосредоточение войск — фланговых ударных группировок — и вывод их в исходные районы для наступления были предусмотрены в ночь с 19 на 20 августа. К рассвету все должно было быть скрыто в зарослях вдоль реки в подготовленных укрытиях.

Материальная часть артиллерии, минометы, средства тяги и различная техника тщательно укрывались маскировочными сетками, приготовленными из местных подручных материалов. Танковые части выводились в исходные районы мелкими группами с разных направлений, непосредственно перед началом артиллерийской и авиационной подготовки. Их скорости позволяли это сделать.

Все ночные передвижения маскировались шумом, создаваемым полетами самолетов, стрельбой артиллерии, минометов, пулеметов и ружейных выстрелов, который велся частями строго по графику, увязанному с передвижениями.

Для маскировки передвижения нами были использованы звуковые установки, превосходно имитирующие различные шумы: забивание кольев, полет самолетов, движение танков и прочее. К имитационному шуму мы начали приучать противника за 12—15 дней до начала передвижения ударных группировок. Первое время японцы принимали эту имитацию за настоящие действия войск и обстреливали районы, где слышались те или иные шумы. Затем, не то привыкнув, не то разобравшись, в чем дело, обычно не обращали внимания уже ни на какие шумы, что для нас было очень важно в период настоящих перегруппировок и сосредоточений.

Для того чтобы к противнику не просочились сведения о наступательной операции, разработку плана генерального наступления в штабе армейской группы вели лично командующий, член Военного совета, начальник политотдела, начальник штаба, начальник оперативного отдела. Командующие и начальники родов войск, начальник тыла работали только по специальным вопросам, по плану, утвержденному командующим. К печатанию плана операции, приказов, боевых распоряжений и прочей оперативной документации была допущена только одна машинистка.

По мере приближения срока начала операции различные категории командного состава были последовательно ознакомлены с планом операции, начиная с четырех и кончая одними сутками до начала боевых действий. Бойцы и командиры получили боевые задачи за три часа до наступления.

Дальнейшие события и весь ход нашей наступательной операции показали, что особые меры по дезинформации и маскировке, а также другие мероприятия по подготовке внезапной операции сыграли важнейшую роль, и противник действительно был захвачен врасплох.

В подготовке августовской операции особое внимание было уделено организации тщательной разведки противника. Многие командиры, штабы и разведывательные органы в начале боевых действий показали недостаточную опытность. Перед разведкой ставились многочисленные задачи, часто невыполнимые и не имеющие принципиального значения. В результате усилия разведорганов расплылись в ущерб главным разведывательным целям. Часто и сами разведчики вводили командование в заблуждение своими предположительными выводами, построенными только на основе тех или иных признаков и умозаключений.

Конечно, в истории боев, сражений и операций бывали случаи, когда подобные предположения и оправдывались, но мы

не могли строить серьезную операцию на сомнительных данных. В предстоящей операции окружения и уничтожения армии противника нас интересовало главным образом его точное расположение и численность. (...)

Однако, несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, нам удалось организовать разведку и получить от нее ряд ценных сведений. (...)

Наиболее слабым местом в японской группировке мы считали фланги обороны и отсутствие у противника подвижных резервов. Что же касается местности, то она всюду была тяжелой для наступающих войск. (...)

На подготовительном этапе предусматривалось главным образом обеспечение тех мероприятий, которые проводил Военный совет армейской группы по сосредоточению сил и средств для предстоящей операции, работа среди войск, прибывающих из глубины страны, передача им боевого опыта. Для выполнения этой важнейшей задачи от всех коммунистов, политработников и командиров требовалось усилить активность непосредственно в отделениях, взводах и ротах. Нужно было уделить больше внимания органам тыла, от которых во многом зависело своевременное материально-техническое обеспечение операции». И все!

5

28 июля 1939 года нарком обороны получает донесение командования фронтовой группы с оценкой сил противоборствующих сторон и замысле наступления войск 1-й армейской группы (№ 1731). В нем командарм 2-го ранга Штерн докладывает маршалу Ворошилову: «Условия перехода наступления.

1. Японцы сильно укрепились против нашего фронта — имеют 3 линии обороны. Наступать перед нынешним фронтом надо снизу вверх, драться за каждый бархан.

2. Большая трудность река — вся перед фронтом под артогнем японцев, мало переправ, узкий плацдарм на восточном берегу для развертывания, особенно танков.

3. Силы — можно использовать для наступления свежие 57-ю сд. 6-ю тб, часть 11-й [танк] бригады, после пополнения вытянуть с фронта еще максимум до 2 пехполков, одну бронебригаду.

Использовать 6 и 8 кд МНКА — активно около 1000 сабель. В резерве остается только авиадесантная бригада. В данных условиях местности, соотношения сил, отдаленности от глубоких резервов и баз снабжения, открытых флангов несомненно [чтобы избежать] больших потерь при преодолении японской обороны, необходимо:

1. Начать наступление с ограниченной целью, разбить один их флангов противника, потом бить другие части его боевого порядка. Более удобным представляется неглубокий обход правого фланга японцев, что еще надо уточнить рекогносцировкой.

2. Немедленно начать перевозку еще одной кадровой пехотной дивизии, готовить переброску вслед за ней второй кадровой дивизии из европейских округов.

Наступление можно начать до полного сосредоточения первой из дивизий, но после влития идущего пополнения и накопления хотя бы 5 боекомплектов и 6—7 заправок для авиации и танков.

3. Прислать из кадровых дивизий запада 5000 стрелков и пулеметчиков и младшего командного состава для пополнения убыли частей и для укрепления 82-й сд.

4. Срочно перебросить 3 формируемых для Жукова мотострелковых батальона, о коих извещал Генштаб.

5. Имеющиеся СБ плюс шаталовский полк, который на два дня сюда перебросим — достаточно. Необходимо всемерно усилить истребителей (иметь 220—230 И-16 и “Чаек” в строю

в соответствии с телеграммой моей и Смушкевича от 26 июля). Принимаемыми мерами рассчитываю по 2—3 августа иметь около 200 И-16 и “Чаек” в строю. Необходим резерв летчиков и машин для поддержания боевого состава в соответствии с той же телеграммой.

6. Прислать Жукову еще один понтонный батальон.

7. Немедленно утвердить организационные и материальные заявки по общевойсковому и авиационному тылу с учетом всех боевых частей.

8. Считаю необходимым, чтобы не дать японцам тянуть к границе МНР силы из всей Маньчжурии, и сосредоточение у границы войск 1-й и 2-й армии и ЗАБВО, хотя бы частично отобюрокразированных в порядке сборов за счет местных ресурсов.

Мы много не знаем в международной обстановке, но мы думаем, что если даже для помощи нашей группе войск в МНР был бы в соответствующий момент произведен авиацией 1-й и 2-й армий и ЗАБВО удар по ряду японских авиабаз и железнодорожных объектов, то еще не означало бы непременно открытия Японией войны в полном объеме» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 26. Л. 101—109).

6

Генерал А.Н. Первушин вспоминал, как еще по пути в Читу, «работая над картой возможного района военных действий, Григорий Михайлович сказал:

— Видите, в чем главная трудность. От Борзи, ближайшей железнодорожной станции, до района боевых действий — семьсот пятьдесят километров. И проходит этот путь по ровной, безлесной равнине. Единственные коммуникации здесь — проселочные дороги, и счастье наше, если во время движения войск не пойдут дожди. Размоет дороги — не выбраться. Это первое. Второе, на всем пути плохо с питьевой водой. Вот тут дождичек не помешал бы. Чувствуете, какой парадокс?

— Да... Японцы не зря выбрали район Халхин-Гола. Учли эти наши трудности. Как и на озере Хасан.

— Здесь, — заметил Штерн, — трудностей, судя по всему, будет неизмеримо больше. Вот я попрошу вас тщательнее познакомиться с относящимися к делу справками и документами. Нужно иметь абсолютно ясное представление обо всех особенностях тех условий, в которых придется действовать войскам. Да и войскам противника тоже.

Григорий Михайлович обратил наше внимание и на район восточнее реки Халхин-Гол. Проходящая через Маньчжурию КВЖД находилась в ста километрах от района начавшихся боевых действий. К расположению японских войск из тыла прокладывалась из Салуня на Ганьчжур новая железнодорожная ветка с ближайшей к Халхин-Голу станцией Хандагай. От нее до места боев было шестьдесят километров. Кроме того, из Хайлара к границе Монголии вели две грунтовые дороги.

— Короче говоря, — закончил командарм, — обстановка на плацдарме крайне неблагоприятна для советско-монгольских войск. И тем не менее ликвидировать конфликт необходимо в самые короткие сроки».

Бывший порученец Штерна хорошо запомнил, как в Чите их оперативная группа задержалась только на сутки: «Мы ознакомились лишь с тем, как организовано боевое обеспечение войск, действующих в Монголии. (...)

...Японское наступление, как установила наша разведка, было намечено на 24 августа.

Необходимо было предупредить удар противника, развернуть решительное контрнаступление и выбросить японских захватчиков за границу МНР».

Прекрасно запомнил генерал Первушин, и как его начальник работал буквально без отдыха: «Он постоянно курсировал между Читой, где обосновался штаб фронтовой группы, и Хамардабаем — там, на реке Халхин-Гол, находился командный

пункт Г.К. Жукова. Надо было принять участие не только в разработке плана предстоящей операции (этим занимался штаб армейской группы), но и решать сложнейшие задачи срочной переброски в район боевых действий новых войск и техники, материально их обеспечить в пути и на месте». К словам «этим занимался штаб армейской группы» можно лишь добавить только одно: под руководством начальника штаба бригады Богданова.

Глава 15

«ДАЛ УКАЗАНИЯ ЖУКОВУ»

1

Как мы уже поняли, несмотря на утверждение Жукова, главной заслугой Г.М. Штерна во время боев у реки Халхин-Гол было не только решение важных вопросов материально-технического обеспечения войск 1-й армейской группы. По сути, это была лишь одна из его заслуг... Григорий Михайлович занимался не только организацией МТО, не только решением сложнейшей задачи срочной переброски в район боевых действий новых войск и техники, но и принимал непосредственное участие в разработке и планировании советского контрнаступления в августе 1939 года. И в этом не приходится сомневаться.

Однажды Г.М. Штерн был вынужден доложить маршалу Ворошилову: «Никакой продуманной организации тыла... не существовало. Была полнейшая импровизация и стихия» (РГВА. Ф. 35083. Оп. 1. Д. 1. Л. 19).

Начальник тылового отделения оперативного отдела фронтовой группы майор В.А. Новобранец после войны напишет, что это ему лично поручили «очень ответственную и по условиям Забайкалья и Монголии весьма нелегкую задачу по организации снабжения действующей армии вооружением,

боеприпасами, горючими продовольствием, т. е. организовать армейский фронтовой тыл». А это как раз и есть та самая заслуга, что приписали Штерну. Вот только Штерн был прежде всего командующим, военачальником, а не главным тылови-ком Читинской фронтовой группы!

Но продолжим. Далее майор Новобранец вспоминает следующее: «А условия такие: от наших основных баз в Забайкалье на станциях “Соловьевское” и “79-й разъезд” железных и шоссейных дорог в общепринятом понимании не было. Была степь, в которой неопытный шофер мог заблудиться так же легко, как в глухой нехоженной тайге. Были “обо” — песчаные холмы, похожие друг на друга, как в Москве стандартные дома. А по степи можно ехать куда хочешь на любой скорости, только не теряй курса и не перепутай одни “обо” с другими.

Фронт от наших баз находился на расстоянии 1100 км. Вот и снабжай целую армию и организуй ее тыл!

Дорожное строительство благодаря характеру монгольской степи можно было сократить до минимума. Необходимо было только продумать и реально помочь шоферам преодолевать огромные расстояния в условиях почти тропического зноя летом и жутких морозов зимой, ветров и пыльных бурь. Нужны были ориентиры. В помощь водителям мы организовали пункты отдыха (этапы) для шоферов с заправкой горючим и текущим ремонтом.

В моем распоряжении было 12 автобатальонов. О своей работе в должности начальника тылового отделения оперативно-го отдела штаба фронта группы по материальному снабжению войск полагаю ограничиться одной фразой: ни разу за время боев ни одна часть не испытывала недостатка в вооружении, боеприпасах, горючем и продовольствии, а я, как начальник тылового отделения фронта, не получил ни одного замечания от командования и был награжден медалью “За боевые заслуги”.

Должен сказать, что мне пришлось поломать все догмы и представления о фронтовом и армейском тыле. Из-за отсутствия железной дороги станции снабжения пришлось организовывать на грунте, и вместо военной дороги были только грунтовые участки длиной в 1000 км от распределительной станции “Соловьевское” (“79-й разъезд”) до самых войск. Планировать подвоз запасов приходилось на несколько дней вперед. Причем выгружать их приходилось прямо из железнодорожных вагонов, движущихся в Читу из глубины страны, ибо никаких запасов на месте уже не было. Снабжение войск висело на “ниточке”. Достаточно было японской авиации разбомбить одну-две станции на Транссибирской магистрали, и наши войска в Монголии остались бы без горючего и боеприпасов».

Неудивительно, что командующий 1-й армейской группой мог и не знать обо всем этом в подробностях, легко переложив заслуги майора на командарма 2-го ранга. За спиной старшего начальника чаще всего не видно его подчиненных. Тем более что именно эта заслуга вполне устраивала «единственного победителя» японцев.

2

То же самое можно сказать и о деятельности большого числа подчиненных самого командующего 1-й армейской группой, которые непосредственно повлияли на проведение его решения.

Одним из главных мероприятий, проводившихся командованием, штабом и службами 1-й армейской группы в период подготовки к наступательной операции, было планирование боевых действий частей и соединений. В нем участвовали все отделы и службы штаба 1-й армейской группы. **Ведущая роль при этом отводилась оперативному отделу штаба. И еще раз подчеркнем а организатором всей работы был начальник штаба комбриг Богданов.**

Что касается начальников отделов и служб, то назовем лишь некоторых. Например, начальником связи армейской группы был А.И. Леонов (1902—1972). Это будущий маршал войск связи (1961). В Монголию прибыл после окончания Военной электротехнической академии РККА. После боев получил назначение на должность начальника отдела связи в штабе Забайкальского военного округа, а затем был назначен начальником управления связи Дальневосточного фронта. С октября 1942-го — в действующей армии на фронтах Великой Отечественной войны: начальник управления связи ряда фронтов. В 1958 году назначен начальником войск связи Министерства обороны СССР.

К слову сказать, полковник Леонов за Халхин-Гол был награжден орденом Красного Знамени. А деятельность его в Монголии действительно была плодотворной, о чем можно узнать из книги «Войска связи Советской Армии в боях у реки Халхин-Гол»: «До начала боевых действий проводная связь с Москвой осуществлялась через узел связи в Улан-Баторе по постоянным линиям связи. Положение резко изменилось с выдвижением частей Красной Армии к восточной границе Монголии. Командный пункт 1-й Армейской группы располагался на горе Хамар-Даба, на расстоянии 1100 км от Улан-Батора. Преодолеть такое расстояние средствами частей связи было невозможно. Местные же средства связи, вследствие неподготовленности театра военных действий, оказались неразвитыми. Так, между горой Хамар-Даба и населенным пунктом Тамцак-Булак (расстояние около 100 км) вообще никаких постоянных линий не было. Линия связи монгольских пограничников от Тамцак-Булак до Улан-Батора находилась в неудовлетворительном состоянии, к тому же на некоторых участках она имела всего лишь один провод.

Таким образом, частям связи, обслуживавшим штаб 1-й Армейской группы, сразу же пришлось столкнуться с большим

объемом строительных и ремонтных работ, производство которых осложнялось из-за полного отсутствия строительных и линейных материалов. Ближайший пункт заготовки столбов находился на расстоянии более чем 500 км, а провод и арматура доставлялись из Советского Союза.

Для установления связи с Генеральным штабом необходимо было построить новую линию на участке Тамцак-Булак — гора Хамар-Даба и увеличить ее емкость, восстановив старую линию пограничных войск. Вся эта работа потребовала больших усилий строительных частей связи, которые до решающих боев построили свыше 500 км постоянных линий, подвесили и отремонтировали свыше 1000 км проводов.

В боях на реке Халхин-Гол для управления войсками использовались все имевшиеся тогда средства связи — радио, проводные, подвижные и сигнальные.

Проводная связь с фланговыми группировками советских войск и с частями, наступавшими с фронта, осуществлялась по полевым кабельно-шестовым линиям. Штаб 1-й Армейской группы имел по две кабельно-шестовые линии к штабам северной и южной групп и к каждой дивизии, действовавших на центральном участке Армейской группы. Штабы Северной и Южной групп, а также штабы соединений центрального участка, помимо прямых связей с подчиненными им частями, поддерживали между собой связь по фронту. Созданная система при нарушении прямых связей обеспечивала получение обходных путей. Кроме того, она давала возможность ведения телефонных переговоров на одну инстанцию ниже. Так, например, командующий 1-й Армейской группой комкор Г.К. Жуков, используя узлы связи подчиненных штабов, мог вести переговоры непосредственно с командирами частей.

Управление авиацией с начала операции осуществлялось с командного пункта командующего ВВС, развернутого в Тамцак-Булаке. На командном пункте командующего 1-й Армейской

группой находился авиационный представитель, который имел телефонную связь с командующим и штабом ВВС. Связь командующего и штаба ВВС группы со штабом соединения скоростных бомбардировщиков поддерживалась по телефону и телеграфу (Морзе), а с остальными авиачастями — только по телефону. Отсутствие постоянных линий связи, а также средств и сил для их постройки вынуждало использовать наличные линии для связи с несколькими штабами одновременно.

В ходе боев радиосвязь широко использовалась во всех родах войск. Были созданы радиосети для управления стрелковыми и бронетанковыми соединениями, частями и подразделениями, радиосети артиллерийских и авиационных начальников. Радиосвязь штаба 1-й Армейской группы с Генеральным штабом, Читой, со штабом Южной группы и 9-й мотоброневой бригадой, совершавшей маневр на окружение противника, осуществлялась по направлениям. Радио явилось единственным средством для связи с авиацией в воздухе и для управления подразделениями танковых и бронебригад в бою. Хорошо работали радиостанции РБ, которые только что начали поступать на вооружение нашей армии.

Радиосеть взаимодействия, созданная в Южной группе, обеспечивала взаимную информацию в бою штабов 57-й стрелковой дивизии, 6-й и 11-й танковых и 8-й броневой бригад. Это был первый опыт применения таких радиосетей в боевой практике.

Большое значение для управления имели подвижные средства связи и хорошо организованная служба офицеров связи (их тогда называли делегатами связи). Отправка этих офицеров в соединения и части производилась через начальника связи 1-й Армейской группы, который имел для этой цели 17 машин бронероты 406-го отдельного батальона связи».

Майор Я.П. Горшков (1907—?) до своего назначения в Монголию окончил специальный факультет Военной акаде-

мии им. Фрунзе (1938) и некоторое время после выпуска был секретным уполномоченным 2-го отдела Разведуправления РККА (с сентября 1938 г.). Владел английским и японскими языками. Разведотдел 57-го особого корпуса возглавил в январе 1939-го. Это его подчиненные сыграли значительную роль в определении срока начала наступательной операции 1-й армейской группы. Благодаря разведке во внимание были приняты некоторые особенности быта войск противника. Обычно в субботу на все воскресенье японские офицеры уезжали в глубокий тыл, оставляя за себя фельдфебелей. А, кроме того, в воскресенье в гости к солдатам и унтер-офицерам привозили женщин легкого поведения. Все это и сыграло свою роль в принятии решения начать наступление на рассвете в воскресенье 20 августа.

Как рассказывал адъютант командующего армейской группой М.Ф. Воротников, «разведке боем уделялось особое внимание. Она проводилась всегда, когда требовалось получить наиболее достоверные данные. К началу наступления готовилась разветвленная сеть наблюдательных пунктов подразделений, частей, соединений, особенно наблюдательных пунктов артиллерии. По приказу командующего, артиллерийской разведкой занимался командующий артиллерией армейской группы войск комбриг Ф.Г. Корзин. Он сам прикладывался к стереотрубе, оценивал систему артогня противника, руководил наблюдательными пунктами, особенно теми, что непосредственно входили в его подчинение.

Результаты прорывывания противника анализировались командирами, ведущими разведывательный бой, штабами, начальниками родов войск, обобщались разведотделом, наносились на карты, схемы и докладывались командующему с соответствующими выводами. Нередко Г.К. Жуков заслушивал начальников родов войск персонально. Он добивался максимума точности и достоверности, с неослабевающим напряжением

изо дня в день анализировал данные о противнике, ставил перед разведорганами дополнительные задачи. Ни одна деталь в изменении разведывательных данных от него не ускользала, и какая-нибудь нередко служила добрую службу в раскрытии планов и замыслов японского командования.

Но группировка, силы и средства, состав войск противника в целом только разведкой боем не могли быть вскрыты. Поэтому разведывательная авиация также принимала активное участие в решении этой задачи. Небольшие группы засылались в глубину обороны противника. Но, к сожалению, толку от них было немного, так как японцы были весьма бдительны и хорошо маскировались».

В начале войны подполковник Горшков был назначен заместителем начальника разведывательного отдела штаба Северного фронта (Ленинградский военный округ), затем начальником разведотдела штаба 8-й армии. С 1942 года — на военно-дипломатической работе. В 1949-м — военный атташе при посольстве СССР в Великобритании.

Майор И.Ф. Дударев (1901—1966) назначение на должность начальника автобронетанковых войск 57-го особого корпуса получил после повторного окончания Ленинградских бронетанковых курсов усовершенствования комсостава. Во время «Баин-Цаганского побоища» находился в отъезде, а когда вернулся и узнал, что его танки были брошены в бой без поддержки пехоты, не сдержался, воскликнув: «Какой идиот это сделал?» Сначала в его штабе воцарилось молчание, а потом ему очень тихо назвали имя Г.К. Жукова. Уже позднее во время танца комкор Жуков шепнул на ухо жене (работала в госпитале санитаркой) Ильи Федоровича: «У вашего мужа длинный язык».

«Тетя потом рассказывала, — вспоминает племянник генерала Дударева, — что большего ужаса она никогда не испытывала. Через некоторое время дядю пригласили на учебу в Москву. А он не поехал! Интуиция у него была развита сильно».

После окончания боевых действий И.Ф. Дударев командовал мотоброневой бригадой и мотострелковой дивизий. В 1942-м принял под командование гвардейскую стрелковую дивизию, а затем получил назначение на должность заместителя командующего 1-й ударной армией Северо-Западного фронта. Но впоследствии карьера его не задалась. В марте 1943-го вступил в командование 2-й гвардейской воздушно-десантной дивизией. Участвовал в боях в районе Демянска, в Курской битве, в освобождении Киева, в Корсунь-Шевченковской операции.

9 февраля 1944 года за срыв выполнения боевого приказа генерал-майор И.Ф. Дударев был отстранен от должности и состоял в распоряжении командующего войсками 1-го Украинского фронта. К слову сказать, с 1 января по 18 февраля маршал Жуков координировал действия 1-го и 2-го Украинских фронтов. Но, возможно, это всего лишь совпадение.

После окончания войны Илья Федорович был назначен заместителем командира 24-го стрелкового корпуса Львовского военного округа, а в октябре 1946-го вышел в отставку. Некоторое время в Киеве работал председателем Центрального оргбюро Министерства социального обеспечения Украинской ССР. Позднее переехал в Москву.

Начальник артиллерии Ф.Г. Корзин (1985—1955) звание комбрига получил 31 июля 1939 года. По утверждению комкора Н.Н. Воронова, представляющего на Халхин-Голе наркомат обороны и начальника артиллерии РККА, с ним было работать не просто. Об этом он лишь упомянул в мемуарах. А вот что пишут В.В. Дятлов и В.С. Мильбах в статье «Советская артиллерия в конфликте на реке Халхин-Гол»: «Боевые действия против соединений японской Квантунской армии вскрыли недостатки в организации управления артиллерией корпуса (1-й армейской группы). Отдельные советские издания утверждали, что управление артиллерией было центра-

лизованным и сосредоточено в руках начальника артиллерии армейской группы комбрига Корзина... Но здесь же допускали противоречие: у последнего не было своего штаба. Поэтому для планирования огня и руководства артиллерией им был использован штаб артиллерии одной из дивизий.

Комбриг Ф.Г. Корзин в одном из боевых донесений так оценивал подготовленность подчиненных органов управления в начале вооруженного конфликта: подготовка артиллерийских штабов оставляет желать много лучшего. Большинство штабов состояло из случайно набранных лиц, в ряде случаев к штабной работе не способных.

Недостатки в управлении артиллерией вскрылись сразу же после первых боев. Как свидетельствуют документы, борьба с артиллерией противника велась в условиях отсутствия корректировочной авиации... и отсутствия карт крупного масштаба, взаимодействие артиллерии с танковыми и мотоброневыми частями не организовывалось, попытки применить радиосвязь показали, «что командиры не овладели работой на радиостанциях.

Отсутствие централизации в управлении огнем артиллерии и взаимодействия артиллерии с другими родами войск с целью решения единых задач, особенно в мае-июле 1939 года, отметил представитель управления фронтовой группы майор Первушин в докладе командующему группой командарму 2-го ранга Г.М. Штерну: артиллерия увлекается больше стрельбой и главным образом дульной, без всякой преднамеренной подготовки к боевым действиям наземных войск. Товарищ Жуков отдал очень жесткий приказ об экономии и запрещении всяких артиллерийских стрельб без санкции начальника артиллерии.

Одним из существенных недостатков действий советских войск было отсутствие эффективного взаимодействия артиллерии с пехотой и танками. Это подтверждают описанные

в мемуарной литературе случаи, когда присутствовавший в районе конфликта начальник артиллерии РККА Н.Н. Воронов вынужден был отправляться в боевые порядки стрелковых войск и организовывать повторную атаку после дополнительного огневого налета по противнику. Недостатки взаимодействия артиллерии с танковыми частями и подразделениями были и в ходе августовского наступления советских войск.

Тем не менее комбриг Корзин «за образцовое выполнение боевых заданий командования» был награжден орденом Красного Знамени и орденом Красного Знамени Монголии.

В годы войны Федор Григорьевич командовал артиллерией 17-й армии Забайкальского фронта и был заместителем командующего артиллерией 33-й армии 1-го Белорусского фронта.

3

9 августа 1939 года командарм 2-го ранга Штерн отправляет из Читы, на имя наркома обороны маршала Ворошилова, донесение с изложением плана на операцию по ликвидации группировки противника на восточном берегу р. Халхин-Гол. Именно этот план и называют «планом Жукова», но, как мы уже говорили, готовился он штабом 1-й армейской группы под руководством комбрига Богданова и при участии Штерна, Жукова, а также других командиров фронтовой и армейской групп.

«ТОВ. ВОРОШИЛОВУ

1) В непосредственном соприкосновении с нашими частями на участке Нурен-Обо, высоты 5 км юго-западнее озера Яньху японцы имеют передовые части от 5-го, 12-го кп баргут, 71-го, 4-го, 26-го и 72-го пп. Главные силы этих частей занимают позиции главного сопротивления 2—4 км юго-западнее линии госграницы.

Японцы имеют хорошо подготовленную и развитую глубину обороны — полевой укрепленный район с круговой обо-

роной, в их резерве предположительно 25-й, 27-й и 28-й пп 7 пд в районе Денден-Сумэ, озеро Узур-Нур и в районе 10 км северо-западнее Джинджин-Сумэ.

Документальных данных о других японских войсках не имею.

Перед фронтом действует 200 истребителей типа И-96, И-97, 50 разведчиков и корректировщиков типа 95 и 97 и дневных 60 легких бомбардировщиков с бомбовой нагрузкой 350—400 кг. Кроме того, в районе Цицикар и юго-восточнее до 100 различных типов тяжелых бомбардировщиков.

Японские наземные войска оцениваю по реальному наличию: штыков чистых 9300, сабель 1000, пулеметов 930, пехотных орудий 130, среднего калибра 72, тяжелых 24, танков до 100, бронемашин 100.

2) Мною одобрена схема решения комвойск Жукова уничтожить указанную группировку противника, нанося главный удар на нашем правом фланге и вспомогательный удар на левом фланге, одновременно активно наступая с конкретными задачами каждой части в центре.

3) Группировка сил:

а) Южная ударная группа: 57-я сд, 11-я тб (без одного батальона), 6-я тб, 8-я мбб, 8-я кд.

Артиллерия — два артполка 57-й сд и группа ДД — два дивизиона 107 мм и два дивизиона 152 мм.

Наносят удар с фронта, прикрываемого 8-й кд, наступая на Бр. конный (14 км юго-западнее выс. Хулат Улинь-Обо), Нурен-Обо в направлении песков (8 км юго-западнее Номун Хан Бурд Обо) в дальнейшем Номун Хан Бурд Обо, обеспечивая 8-й кд, усиленной танками, свой правый фланг со стороны Джинджин-Сумэ.

б) Северная группа — 601-й сп, 7-я мотобронепригада, батальон 11-й танк. бригады, 6-я кд.

Артиллерия — 175-й ЛАП, 82-й ГАП.

Наносит удар на участке гора Баин-Цаган, развалины в направлении Номун Хан Бурд Обо, обеспечивая свой левый фланг 6-й кд в районе озера Яньху.

в) Части центра — 82-я сд (без 601-го сп), 36-я сд в составе 24-го, 149-го сп и стр.-пул. Бригады.

Артиллерия — 82-й ЛАП и дивизион 5-й СПБР. Наносят удар с фронта искл. Нурен-Обо, искл. Гора Баин-Цаган, имея общую задачу овладеть высотами 4 км юго-западнее линии государственной границы.

Детальные задачи здесь не перечисляю.

г) Особая группа в сотрудничестве с 5-й кд и бронепригодной (монгольской) сосредотачивается в районе К. Улан-Худук (10 км юго-западнее озера Буи-Нур), имея задачей обеспечить направление Тамсык-Булак.

д) Резерв Армейской группы — 212-я авиадесантная бригада, 9-я мотобронепригодная. Батальон 6-й танковой бригады — сосредотачиваются 5 км ю.-з. г. Хамар-Даба, имея ввиду развитие успеха южной группы или действуя по обстановке.

4) Управление:

а) КП Армейской группы на прежнем месте.

б) Управление Южной группы объединяется заместителем командующего Армейской группы полковником Потаповым с комиссаром зам. начполитотдела Цебенко, при котором создается оперативный штаб со средствами управления.

в) Командование Северной группы объединяет командир 7-й мотобронепригодной полковник Шевников.

г) Частями центра командуют командиры 82-й и 36-й сд на своих участках.

д) Особой группой командует советник МНРА комбриг Поздняков.

5) На участках Южной группы наводятся ночью перед началом наступления три переправы, из них две понтонных. На

центральном остается три переправы, из них одна понтонная, и на северном — две понтонных.

Резерв составляют два понтонных парка.

Танки переправляются по подготовленным бродам (вода значительно спала) на широком фронте.

6) В операции участвует вся бомбардировочная и истребительная авиация, имея главной задачей подавление артиллерии, системы обороны противника и уничтожение его резервов во взаимодействии с ударной группой.

Удары по ВВС противника организуем до большой операции.

7) К началу операции принимаем все меры сосредоточения около 5—6 б/к основных видов боеприпасов, 10 заправок горючего для истребительной авиации, 4 заправки для СБ и 4 заправки для танковых частей. Разбивается в районе действий госпитальная сеть на 1400 коек, и приказал усилить средствами эвакуации.

8) В Баин-Тумен для прикрытия тыловой базы 11.8 сосредотачиваю усиленный 32-й кп, дивизион ПВО из состава ЗАБВО и эскадрилью И-15-БИС.

9) О сроке начала операции донесу особой маскированной шифротелеграммой.

10) Готовность частей тылов: (...)

11. В итоге считаю, авиации, танков, артиллерии достаточно, пехоты недостаточно, учитывая, что 36-ю и 82-ю сд нельзя снять с занимаемого фронта, ибо создается угроза всего положения на восточном берегу (снимем с фронта 601-й сп, 7-ю, 8-ю мбб). Правильной пропорции между техникой и пехотой нет.

В случае упорного сопротивления японцев вся 57-я сд втягивается в затяжной бой, не останется должных сил для наращивания удара и парирования неожиданностей. Очень большая нагрузка в связи с этим ляжет на танки и броневи-

ки, поэтому возможны в них большие потери. Все командиры дивизий, танковых и бронепригод, полков, батальонов просят одного — штыков.

Тов. Кулик считал, что нужно для разгрома японцев еще 3 кадровых дивизии, я считаю необходимым иметь на подходе минимум одну дивизию. При всех условиях необходимо подождать подхода следующих к Жукову трех стрелково-пулеметных батальонов для постоянных совместных действий с броневиками и танками. Считаю, они будут сосредоточены к 13—14.8. О стрелковой дивизии прошу Вашего решения.

Начать наступление можем до ее подхода, ибо иначе все слишком затянется. Не имею точных данных, когда прибудет в ЗАБВО 46-я сд, можно ли на нее рассчитывать.

12. Пока что на случай необходимости быстрой поддержки считаю необходимым иметь в ЗАБВО в готовности с началом операции к немедленному наступлению в поход 1-й тб и 1-го сп. Если решите дать еще дивизию, в танковой бригаде нужды не будет.

13. Для обеспечения наиболее выгодных условий развития намечаемой операции желательно принять меры, чтобы японцы не притянули на фронт новые войска и авиацию.

Прошу обсудить мероприятия для этого:

а) подтянуть к границам часть сил 1-й и 2-й армии (при согласии план и возможные задачи для них представляю).

б) организовать групповые налеты авиации 1-й и 2-й армий в районе границы.

в) организовать дезинформацию японцев о наших намерениях на Дальнем Востоке.

14. Разрабатываем детальный план маскировки идеи и срока операции. (...)

15. Со всех сторон обдумали Вашу шифротелеграмму № 139/ш. В связи с этим Вашим указанием возможен второй вариант — сильным ударом с вводом в дело частей 57-й сд

овладеть высотами, занимавшимися 57-м ск в июне, прочно на них закрепиться, после чего вывести максимум возможного в резерв для дальнейших действий по Вашему указанию.

В случае принятия этого варианта прошу учесть, что дальнейшее наступление после овладения этими высотами до полного вытеснения японцев с территории МНР потребует тяжелой борьбы за каждый шаг продвижения вперед с укрепившимися японцами.

Прошу срочных указаний.

№ 134. Штерн, Бирюков» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 26. Л. 140—148).

Нарком обороны после консультации с начальником Генштаба одобрил представленный план наступательной операции по ликвидации противника, **но не переходя границы**. 10 августа он отправляет шифровку (отметим лишь) на имя Штерна с указанием **«немедленно»**: «1. В Вашу задачу входит занятие господствующих высот на восточном берегу р. Халхин-Гол на расстоянии 8—10 км от переднего края наших войск, и на них, не переходя границы, прочно закрепиться.

Исходя из этого, необходимо подготовить операцию.

2. С Вашим предложением о нанесении главного удара правым флангом и вспомогательного левым флангом согласен, но при этом нужно глубину удара ограничить указанной выше задачей, т. е. не переходя границы, закрепиться на командных высотах в 4—5 км, не доходя границы.

3. Проведению операции должно предшествовать предварительное уничтожение артогнем и авиацией огневых точек и живой силы противника во избежание излишних потерь при атаке. Этому вопросу уделите самое серьезное внимание, продумайте, как следует, всю систему артподготовки и пр. Было бы выгодно после захвата района южнее реки Хайластын-Гол расположить артиллерию на удобных позициях южного берега

Хайластын-Гол и бить противника во фланг и тыл его основных позиций.

4. Подтягивание к границам сил 1-й и 2-й армий и организация групповых налетов авиации этих армий в районе границы, как Вы предлагаете — несвоевременны и нами не предусматриваются.

5. 46-я сд не успеет прибыть к началу операции, и на нее не рассчитывайте.

6. **Ваши решения срочно донесите. Затягивать операцию больше нельзя...**» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 28. Л. 28).

Как свидетельствует генерал А.Н. Первушин, «в первых числах августа Штерн обосновался на командном пункте 1-й армейской группы. Последние перед наступлением дни проходили в окончательной увязке и уточнении плана операции. Григорий Михайлович посещал штабы соединений и частей, знакомился с положением в войсках, с их состоянием. К этому он привлекал и всех членов оперативной группы. Мы обязаны были, направляясь в войска, бывать не только в дивизиях и полках, но доходить до батальонов и рот. Командарм особое значение придавал личной, непосредственной связи с войсками.

— Обязательно повидайтесь с командирами батальонов и рот. Все разузнайте об обстановке на их участках, нужды и пожелания запишите, — каждый раз поучал он».

В этот период однажды японцы внезапно атаковали наши войска в районе переправы. Как вспоминал порученец Штерна, «в наступившей темноте трудно было разобраться, где теперь наши части, а где японцы. На командный пункт поступали самые разноречивые сведения. Ясно было одно: единственная наша переправа через Халхин-Гол находится под угрозой.

Командарм приказал мне и майору А.Л. Гетману... отправиться на место, выяснить обстановку и до рассвета вернуться с точными данными о сложившемся положении. Приказ

мы выполнили и, за час-полтора до рассвета вернувшись на командный пункт, доложили обстановку. Во время доклада в штабе армейской группы находились представители народного комиссара обороны Г.И. Кулик, Н.Н. Воронов, Д.Г. Павлов.

— Георгий Константинович, как далеко находится отряд пограничников? — спросил Штерн у комкора Жукова.

— В десяти-двенадцати километрах от переправы, не дальше, — последовал короткий и точный ответ комкора.

— Надо поднять их по тревоге, посадить на машины — и к переправе. Удержать переправу во что бы то ни стало...

А вас, Николай Николаевич, — обратился он затем к Н.Н. Воронову, — я прошу принять участие в подготовке огня всей армейской артиллерией по вклинившемуся неприятелю. Огонь должен быть открыт с наступлением рассвета. Затем войска, расположенные в районе прорыва, нанесут контрудар и восстановят положение.

Через несколько часов положение в районе переправы было восстановлено».

Пройдут годы, и никто не захочет вспоминать роль и место командарма Штерна на Халхин-Голе. А ведь он и был там самым старшим начальником. Работал не покладая рук, вникал во все мелочи, отдавал приказы и распоряжения. Вот только очень скоро все это, странным образом, исчезнет из памяти очевидцев, и останется только один командующий 1-й армейской группой.

4

Вспоминая свою службу командиром 4-й кавалерийской дивизии в 1935 году, Г.К. Жуков отметит, что ему «пришлось неоднократно участвовать в окружных маневрах». И, как он сам утверждал, «особо ценный оперативно-тактический опыт я получил, участвуя в больших окружных маневрах». Далее

в мемуарах следуют благодарности командующему, начальнику штаба округа, начальнику отдела боевой подготовки и всему окружному аппарату: «они умели поучительно организовать маневры, мастерски провести розыгрыш действий сторон и разобрать итоги».

Так-то оно так, но, как пишет историк А.А. Смирнов, «Данных о степени овладения “предрепрессивным” высшим составом РККА “маневренным” мышлением, умением брать противника во фланг и тыл в обнаруженных нами источниках нашлось крайне мало. Нельзя, однако, не вспомнить, что в марте 1935-го “значительная еще склонность командиров и штабов к фронтальному маневру и недостаточная оригинальность и смелость в тактическом маневре” обнаружилась даже при проверке на односторонней военной игре командиров и штабов шести соединений БВО — округа, где, по уже цитировавшемуся нами утверждению К.Е. Ворошилова, служили “наиболее квалифицированные, более подготовленные” командиры РККА. При этом одним из двух командиров дивизий, которые, по оценке руководившего игрой начальника 2-го отдела Штаба РККА А.И. Седякина, “не использовали обстановку для маневра во фланг противника” и “приводили войска к лобовому удару”, был... командир 4-й кавалерийской дивизии Г.К. Жуков (додумавшийся даже до того, чтобы бросить в лобовую атаку на танковые части... сабельные эскадроны!). А вторым — Г.С. Иссерсон — не только командир “ударной” 4-й стрелковой Краснознаменной дивизии имени Германского пролетариата, но и видный военный писатель, чей труд о Восточно-Прусской операции 1914 г. являл собой одну большую иллюстрацию тезиса о выгоде “маневренного мышления” и фланговых ударов! Если мы вспомним также, что командиром 16-й механизированной бригады БВО, который еще и 3 октября 1936 г., на больших тактических учениях под Полоцком долго не решался на обходной маневр, был...

известный теоретик боевого применения танковых (т. е. подвижных!) войск полковник С.Н. Амосов, то должны будем заключить, что стремление добиваться успеха не фронтальными, а фланговыми ударами в среде высшего комсостава “предрепрессионной” РККА прививалось крайне трудно и медленно. И что, следовательно, халхин-гольские лобовые удары с большой степенью вероятности могли бы иметь место и в том случае, если бы этот конфликт произошел до начала массовых репрессий...»

А ведь Георгий Константинович последний раз был командирован на курсы усовершенствования высшего начсостава в Москву в конце 1929 года. Эту учебу он хвалил, называя ее «высоким уровнем». В его мемуарах что-то говорится про военную науку, военную теорию, «мозг армии» Шапошникова и даже про книгу В.К. Триандафиллова «Характер операций современных армий». И все же курсы были хоть и не пулеметными, многого они дать не могли. Георгию Константиновичу явно недоставало академического образования и боевого опыта. Поэтому, когда господин Исаев восхищается планом августовской операции «своего рода модернизация жуковского замысла флангового контрудара периода боев на Баин-Цагане», то ничего, кроме улыбки, это умозаключение вызвать не может. Мы уже не говорим про некую «жуковскую изюминку» — быстроту сосредоточенных ударных группировок: «И северная, и южная ударные группировки переправлялись на западный берег Халхин-Гола только в ночь на 19 июля. Тем самым была обеспечена внезапность удара утром 20 июля».

Мы уже говорили о том, что план халхин-гольской операции в окончательном варианте был результатом коллективного труда командарма 2-го ранга Штерна, комбрига Богданова, комкора Жукова и других офицеров фронтовой и армейской групп. Однако главным исполнителем плана был и остается начальник штаба армейской группы Богданов, а его главным

творцом, вне всяких сомнений, мог быть только командарм 2-го ранга Штерн. Как утверждал еще в 1966 году доктор исторических наук, профессор полковник (впоследствии генерал-майор) В. Мацуленко («Развитие тактики наступательного боя»): «Теория глубокого боя была проверена в ходе боевых действий, в частности на реке Халхин-Гол (1939 год). К недостаткам наших предвоенных теоретических взглядов на тактику наступательного боя следует отнести: деление боевого порядка стрелковых войск на ударную и сковывающую группы, ликвидацию боевого порядка подразделений “цепь”, слабую разработку вопросов встречного боя и ночных действий». При этом он явно побоялся при жизни маршала Г.К. Жукова уточнить, что эти идеи Триандафиллова были впервые использованы в операции по разгрому японских войск у реки Халхин-Гол именно М.А. Богдановым. О роли Штерна тогда и вовсе не заикались.

Освещая в своей статье предвоенные взгляды на ведение наступательного боя, профессор Мацуленко был хоть и краток, но зато предельно конкретен: «Первые теоретические взгляды по организации и ведению боя Красной Армии были изложены в уставах 1918 и 1925 годов. Оба устава отражали достижения военного искусства и военной теории и нацеливали войска в основном на маневренный характер действий. Уже в Полевом уставе 1918 года бой рассматривался как общевойсковой. Главным видом боевых действий признавалось наступление.

В 1929 году вышел Полевой устав (ПУ-29), в котором наши тактические принципы были приведены в соответствие с уровнем технического оснащения войск.

Устав требовал от командиров сосредоточивать основные силы и средства для удара в решающем направлении, оставляя на второстепенных участках меньшие силы для сковывания врага; смелого, стремительного натиска и искусного маневра, четкости и быстроты отдаваемых распоряжений, внезапности

действий, взаимодействия войск. В уставе подчеркивалось, что только решительное наступление на главном направлении, завершаемое неотступным преследованием, приводит к полному уничтожению сил и средств противника.

В 1932 году в качестве дополнения к Полевому уставу 1929 года была принята к руководству “Инструкция по ведению глубокого боя”. Это явилось большим шагом вперед в развитии тактики советских войск и отвечало передовому характеру теории советского военного искусства. Глубокий бой, говорилось в Инструкции, это бой с массовым применением новых подвижных и ударных средств для одновременной атаки противника на всю глубину его боевого порядка с целью полного его окружения и уничтожения. Главная роль в бою отводилась пехоте, и в интересах ее организовывалось взаимодействие всех родов войск.

Более подробно организация и ведение глубокого боя были изложены в Полевом уставе 1936 года. Он являлся основным руководством в боевой подготовке войск. Наступательный бой рассматривался в нем как решающее средство победы над врагом, как основной вид боя. “Только решительное наступление и прорыв фронта противника, завершаемые окружением и неотступным преследованием, — говорилось в Уставе, — приводит к полному уничтожению сил и средств врага”.

Накануне войны высшим тактическим соединением был стрелковый корпус. Стрелковая дивизия считалась основным общевойсковым тактическим соединением. При прорыве подготовленной обороны противника она могла получить: на главном направлении полосу шириной 2,5—3 км, а на вспомогательном — 5—6 км. В полосе шириной 3 км тактическая плотность на 1 км фронта составляла 3 стрелковых батальона. Это обеспечивало двойное-тройное превосходство в силах и средствах над противником, необходимое для успешного прорыва обороны.

Боевая задача стрелкового корпуса и дивизии обычно делилась на ближайшую и последующую. Ввиду того что стрелковый корпус строил боевой порядок в один эшелон, глубина его задачи совпадала с глубиной задач дивизии. Ближайшая задача стрелкового корпуса и стрелковой дивизии состояла в прорыве главной полосы обороны (глубина 6—8 км), последующая — в прорыве второй полосы обороны (глубина 15—20 км). Ближайшая задача стрелкового полка заключалась в захвате позиции полковых резервов (глубина 3—4 км), последующая — в прорыве позиции дивизионных резервов (глубина 6—8 км).

Боевой порядок стрелкового корпуса и стрелковой дивизии подразделялся на боевые эшелоны, артиллерийские группы, группы танковой поддержки. Кроме того, он включал общевойсковой, танковый и противотанковый резервы. Боевой порядок стрелковой дивизии строился в один-два эшелона, стрелкового полка — в два-три эшелона, стрелковой роты и взвода — в два эшелона. Кроме эшелонирования в глубину боевой порядок войск делился на сковывающую и ударную группы. В ударную группу включалось до двух третей всех сил. Сковывающая группа активных действий не вела.

Артиллерийские группы в дивизии подразделялись на группы поддержки пехоты (по числу полков 1-го и 2-го эшелона), дальнего действия и зенитную артиллерийскую группу. Общий резерв командира стрелкового корпуса и дивизии включал одну девятую часть сил. Танковый резерв создавался в том случае, если боевые порядки частей были достаточно насыщены танками. В стрелковом корпусе и дивизии предусматривалось выделение подвижного противотанкового резерва для усиления войск при отражении контратак танков противника.

Артиллерийское обеспечение боя состояло из артиллерийской подготовки продолжительностью 1,5 часа и более, артиллерийской поддержки одинарным огнем валом на глубину 1,5—2 км или методом последовательного сосредоточения

огня (ПСО). Танки, приданные стрелковому корпусу (дивизии), составляли одну группу танков поддержки пехоты (ТПП). Их рекомендовалось использовать на направлении главного удара для усиления первых эшелонов.

Авиация должна была воспрещать подход к полю боя вражеских резервов, особенно танковых и моторизованных, и вести борьбу с контратакующими группами противника.

Пехота начинала наступление с исходного рубежа, удаленного на 800—1000 м от переднего края противника. Рубеж атаки выбирался на удалении 300 м от переднего края обороны врага...»

Есть такая книга «Жуков. Портрет на фоне эпохи». Так вот ее авторы Жан Лопез и Лаша Отхмезури не без труда попытались разобраться не только в авторстве плана операции, но и «притянуть за уши» «глубокий бой» к «жуковскому стилю» образца 1939 года (решительность, жестокость, скрытность, внимание к деталям и превосходное владение оперативным искусством). Например: «В том, что халхин-гольская операция несет на себе характерные черты жуковского полководческого стиля, нет ничего удивительного, поскольку именно он руководил ею, а Москва предоставила ему широкую, во всяком случае по советским меркам, свободу действий. Но он ли разработал план операции? Константин Симонов свидетельствует, что советские офицеры, воевавшие в Маньчжурии, разделились по этому вопросу на сторонников Штерна и сторонников Жукова. Майор Григоренко, будущий диссидент 1960-х годов, служивший в 1939 году в штабе Штерна, дает понять, что план на все 100 % результат труда Штерна. Григоренко всячески чернит Жукова, который был для него самым ярким воплощением типа сталинского генерала, и слишком откровенно симпатизирует жертвам сталинизма, вроде Штерна. Однако его свидетельство отчасти подтверждается датированной 10 августа директивой, предписывающей перейти в наступление: она

подписана Штерном и Богдановым, его начальником штаба. Если Жуков, в согласии со Штерном и Ворошиловым, попросил в июле назначить Богданова к нему начальником штаба, то, возможно, сделано это было потому, что тот лучше других знал все детали плана, а также владел всей полнотой информации по снабжению войск. Тем не менее невозможно отказать Жукову в значительной доле участия в разработке плана. Классический советский метод заключался в пересылке планов операции от штаба командующего фронтом Штерна командующему группой Жукову и обратно. У последнего было огромное преимущество: знание местности, противника и реального состояния собственных сил. Значит, план Халхин-гольской операции в окончательном виде был результатом совместных трудов Штерна, Богданова и Жукова».

И еще один небольшой отрывок из их книги: «Бой, согласно доктрине, будет разворачиваться в глубину. Это означает, что атака будет не линейной, то есть не ограничится перестрелками на фронте шириной от 3 до 4 км. Она охватит всю зону тактической обороны Комацубары в 10—15 км. Жуков подтянул тяжелую артиллерию с дальностью стрельбы до 12 км и сосредоточил значительные силы авиации, чтобы дотянуться до зоны, не досягаемой для артиллерийского огня. Наконец, он запросил воздушно-десантную бригаду, чтобы в случае необходимости высадить ее в тылу 23-й японской дивизии и, замкнув кольцо, отрезать ей все пути к отступлению. Последняя мера относится уже не к “глубокому бою”, а к “глубокой операции” (20—70 км), которая должна закрепить результат предыдущего. Понимание Жуковым проблемы находится в полном соответствии с полевым уставом Красной армии, разработанным Тухачевским и принятым в декабре 1936 года.

Меры секретности при подготовке наступления были доведены до максимума. Маскировка — отличительная черта советской военной школы — призвана ввести противника в за-

блуждение относительно даты, места и цели атаки, а также средств, которые будут в ней задействованы. В этом нет ничего нового: военное искусство во все времена советовало заставлять врага врасплох. Но именно под влиянием Жукова меры маскировки были интегрированы в операцию, для нее были выделены значительные средства, а в крупных операциях формировался даже руководивший ею специальный аппарат.

Жуков уделял огромное внимание понятию “кульминационного момента” сражения. Речь шла о том, чтобы уловить в сражении тот момент, когда напряжение обеих участвующих в нем армий достигает высшей точки, после чего наступит вызванный усталостью спад. Чтобы быть уверенным, что для противника этот момент наступит раньше, чем для его собственных войск, Жуков — и все советские военачальники — обеспечивали себе мощный резерв — второй, а иногда и третий эшелон войск. Очень часто эти резервы составляли от 25 до 40 % всех сил, выделенных для боя. Комацубара, действуя “по-немецки”, бросит в бой все силы, оставляя лишь тактический резерв: батальон или эскадрон. Чтобы сформировать второй эшелон, Жуков запросил и получил крупные подкрепления, прибывшие к нему в течение июля: две стрелковые дивизии (82-ю и 57-ю), воздушно-десантную бригаду, 6-ю танковую бригаду, группу тяжелой артиллерии, еще одну зенитной, монгольскую кавалерийскую дивизию, 100 истребителей И-16 и И-153 “Чайка”.

Ключевым моментом оперативного искусства является последовательность действий. Поэтому Жуков заранее рассмотрел, точнее, спланировал различные фазы будущего наступления. Первая — авиационное наступление, поддержанное локальными атаками сухопутных сил с целью улучшения их позиций. Второй — взлом тактической обороны противника. Третий — ввод в прорыв мобильных соединений с выходом их в тыл японцев. Четвертый — создание двойного кольца окру-

жения: пехота на внутреннем для уничтожения противника, моторизованные соединения на внешнем, чтобы не подпустить к окруженным помощь извне. Наконец, завершающая фаза: уничтожение противника. Разрабатывались и более дальние планы на случай, если политическое руководство позволит перейти границу».

В итоге авторы книги или не разобрались, или не захотели это сделать. Причины для этого могут быть самые разные. Однако нельзя не заметить, что Георгий Константинович на Халхин-Голе находился в роли командира, а затем командующего — стажера. Отсутствие академического образования, а самое главное — боевого опыта, который некоторыми его коллегами был приобретен в Испании, сказывалось во всем. Попробуйте поставить себя на его место, и вы сразу поймете, что это не попытка оскорбить и унижить полководца задним числом, а абсолютно достоверный факт.

Например, Михаил Андреевич Богданов окончил Военную академию им. Фрунзе в 1931 году (по 1-му разряду). Прошел должности начальника штаба дивизии, корпуса и даже начальника штаба Белорусского военного округа. Командовал стрелковой дивизией. А самое главное — целый год воевал в Испании (1937—1938), исполняя должность старшего советника отдельной армии «Леванта», был награжден Орденом Ленина.

Григорий Михайлович Штерн Военную академию им. Фрунзе окончил в 1929 году. В 1931-м учился в Германии. Помимо иных должностей, командовал дивизией. В 1937—1938 гг. был одним из руководителей вооруженных сил Испанской республики во время Гражданской войны. Принял участие в Харамской оборонительной операции. Участвовал в крупной операции испанской республиканской армии под Гвадалахарой, в результате которой был разбит итальянский экспедиционный корпус. В июле 1937 года участвовал в разработке и проведе-

нии Брунетской наступательной операции республиканских войск. Был награжден орденами Ленина и Красного Знамени. Кроме того, в августе 1938 года Штерн возглавил 39-й корпус и руководил успешной операцией против войск Японии, вторгшихся на советскую территорию в районе озера Хасан.

А теперь сравните образование и боевой опыт Штерна и Богданова с образованием и боевым опытом Жукова...

Так зачем сочинять сказки, когда все совершенно и предельно ясно? Это командарм Штерн и комбриг Богданов были учителями комкора Жукова. Но так ли он их воспринимал, теперь уже неизвестно. Сам же Георгий Константинович, к величайшему сожалению, был не способен самостоятельно отработать план наступательной операции. И не потому, что это не «царское дело», а в силу объективных обстоятельств... Доказательством тому служит всего лишь один характерный пример.

После Халхин-Гола, осенью 1940 года, когда Г.К. Жуков командовал войсками Киевского особого военного округа, из Генштаба пришло сообщение «о том, что в декабре в Москве по указанию Центрального Комитета партии состоится совещание высшего командного состава армии», а самому командующему поручался доклад на тему: «Характер современной наступательной операции». Как утверждал Георгий Константинович, «ввиду сложности темы и высокого уровня совещания пришлось работать над докладом целый месяц по многу часов в сутки». И тут же добавил: «Большую помощь при этом мне оказал начальник оперативного отдела штаба округа Иван Христофорович Баграмян».

Спасибо, конечно. Но только это была не помощь, а самая настоящая работа, в которой участвовал не один Баграмян, но и еще один командир с высшим военным образованием.

О том, как все было, Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян написал в своих мемуарах «Так начиналась война» (почти ничего не скрывая).

После окончания Академии Генштаба Иван Христофорович был оставлен в ней старшим преподавателем. Однако рвался в войска. По предложению однокашника написал Жукову письмо, которое было предельно кратким: «Вся армейская служба прошла в войсках, имею страстное желание возвратиться в строй... Согласен на любую должность».

Ответная телеграмма пришла прямо в Кисловодский санаторий: «Генерал армии Жуков сообщал, что по его ходатайству нарком назначил меня в войска Киевского Особого военного округа. Мне предписывалось немедленно выехать в Киев» (Иван Христофорович был назначен начальником оперативного отдела штаба 12-й армии).

Полковник Баграмян находился в отпуске и вполне мог еще немного отдохнуть. К чему такая спешка? Но все объяснялось очень просто...

«Знакомый по прежним посещениям просторный кабинет, — вспоминал Баграмян. — Командующий сидел за столом и размашисто писал резолюцию на каком-то документе. Рядом лежала раскрытая папка с бумагами, дожидаящимися своей очереди. Увидев меня, Жуков бросил на стол карандаш. Суровое его лицо смягчилось улыбкой. Встал, протянул руку:

— Здравствуй, Иван Христофорович. Давненько мы с тобой не виделись. (...)

Встреча с бывшим товарищем по учебе началась официально. Я держался строго по-уставному. Поблагодарил командующего за то, что быстро откликнулся на мою просьбу. Он, хмурясь, отмахнулся:

— Ну ладно... Я сделал это не только для тебя, но и на пользу службе. Нам сейчас крайне нужны в войсках командиры с хорошей не только общевойсковой, но и оперативной подготовкой. Думаю, в своем выборе я не ошибся.

Официальность встречи улетучилась. Оба неожиданно увлеклись воспоминаниями о Ленинграде, о времени, когда

были совсем молодыми, добрым словом отозвались о товарищах по учебе. Наконец снова перешли к делам. Я попросил командующего разрешить мне выехать к месту новой службы, в штаб 12-й армии.

— Э, нет, — **возразил Жуков.** — **Придется повременить.** В декабре состоится совещание руководящего состава Наркомата обороны и всех военных округов. Оно обещает быть широким по составу и важным по задачам. — Помолчав, он добавил: — Нам известно, что сам Сталин примет в нем участие. Основной доклад об итогах боевой и оперативной подготовки за истекший год сделает начальник Генерального штаба. Содокладчики — генерал-инспектор пехоты, начальники Управления боевой подготовки и Автобронетанкового управления, генерал-инспектор артиллерии. По вопросам оперативного искусства и тактики выступят некоторые командующие военными округами. На меня возложен доклад по основному вопросу — «О характере современной наступательной операции». Ты, насколько я знаю, четыре года провел в стенах Академии Генерального штаба: и учился, и преподавал в ней... **Догадался захватить с собой академические разработки?**

— Захватил, товарищ командующий.

— Ну вот, — **оживился Жуков,** — **поможешь в подготовке доклада.**

И Георгий Константинович с увлечением стал излагать свою точку зрения. Все должно строиться на учете реальных возможностей. Успехи немцев на Западе, основанные на массированном применении танковых и моторизованных войск и авиации, заставляют о многом задуматься. У нас, к сожалению, пока нет таких крупных оперативных механизированных объединений. Наши механизированные корпуса находятся еще только в стадии формирования. А война может вспыхнуть в любую минуту. Мы не можем строить свои оперативные пла-

ны, исходя из того, что будем иметь через полтора-два года. Надо рассчитывать на те силы, которыми наши приграничные округа располагают сегодня...

— Будем вместе думать, — сказал, завершая разговор, командующий. — Если возникнут вопросы, приходи ко мне без стеснения. **Возьми себе помощь любых командиров из оперативного отдела штаба округа. И завтра же приступай к работе.**

— **Завтра воскресенье...**

— Ну и что же: воскресенье для нас, а не мы для воскресенья, — отшутился Жуков».

Словом, полковник назначен начопером 12-й армии, ему бы выехать на место, принять должность и приступить к работе, но нет... Сначала нужно «отработать» доклад для большого начальника. А ведь всегда так было да так, видимо, и будет!

В общем, Ивану Христофоровичу выделили комнату для работы и выдали постоянный пропуск в штаб округа. К делу он приступил «без промедления». А вот большую помощь ему оказал прибывший в округ на стажировку выпускник Академии Генштаба подполковник Г.В. Иванов.

Кстати сказать, а почему именно подполковник Иванов? А потому, что в 1937-м он окончил Военную академию механизации и моторизации. Теперь учился в Академии Генштаба. Для доклада то, что нужно!

«Жил я без семьи, работал, как говорится, с подъема до отбоя, — рассказывал позднее маршал Баграмян. — Мы с Ивановым довольно быстро справились с заданием. Много трудившийся над докладом командующий остался доволен нашим старанием. В конце сентября Георгий Константинович внес последние поправки и дополнения и, вручив мне материал, распорядился:

— Внимательно проверь еще раз после перепечатки. И готовься к отъезду...»

В августе дни летели быстро. До начала предстоящей наступательной операции оставалось совсем немного... 11 августа командующий 1-й армейской группой отправляет в адрес наркома донесение о ее плане. Но план ли это, по сравнению с тем планом, который уже доложил Штерн, получив согласие Ворошилова и Шапошникова? Это же донесение начинается весьма любопытно: «1) Краткие соображения по ликвидации противника на территории МНР Вам доложены командармом **т. Штерном, утвердившим мои соображения впредь до Ваших указаний**» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 60. Л. 132—134).

И все-таки утвердил командарм Штерн! Запомним эти слова.

Еще через пять дней (17-го) Жуков ставит свою подпись под боевым приказом войскам 1-й армейской группы о переходе в «решительное наступление». Этот приказ был разослан командующему фронтовой группы, командующим северной и южной группами, командирам 82-й и 36-й сд, 9-й МББР, командующему ВВС, начальнику артгруппы и начальнику политотдела группы.

В этом совершенно секретном документе говорилось: «Войска 1-й Армгруппы утром 20.8.39 переходят в решительное наступление с целью окружить и полностью уничтожить японо-баргутские части на территории МНР — между Халхин-Гол и госграницей, нанося удар с юга в общем направлении пески-восточнее Нурен-Обо, Номун-Хан-Бурд-Обо, с севера в направлении пески 4 км с.-в. г. Баин-Цаган, оз. (5 км с.-з. Номун-Хан-Бурд-Обо)» (РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 670. Л. 30—36).

Задачи артиллерии: «...Продолжительность артподготовки — 2 ч. 45 мин. Последние 15 мин мощный налет всей артиллерии по переднему краю. Начало артподготовки, конец — будут указаны особо».

Задачи ВВС: «а) До артподготовки произвести одновременный мощный удар 163-мя скоростными бомбардировщиками с целью уничтожения живой силы и материальных средств пр-ка в районах, указанных в плановой таблице взаимодействия.

б) Перед началом атаки повторить налет не менее, чем 6 девятками СБ, уничтожая артиллерию и скопления войск пр-ка в тех же районах.

в) С 9.30 20.8 бомбардировочной авиации быть в готовности к действиям по резервам пр-ка с целью их разгрома».

Кстати сказать, этот приказ Жуков читал внимательно: вычеркивал отдельные слова, вписывал другие, подчеркивал волнистой чертой и т. д. То есть немного поработал после своего штаба...

А 19 августа командующий фронтовой группой докладывает наркому о сосредоточении войск 1-й армейской группы в исходное положение (шифровка была передана 20 августа в 7.22, принята в 2.35, а расшифрована в 3.07): «Войска сосредоточены в исходном положении, кроме трех СПБ, запоздавших из-за плохих дорог, находятся два на подходе к фронту, один — на подходе к Тамсык-Булак. Заканчивает бомбежку 150 СБ, по личному наблюдению, работа хорошая, противник весь в дыму, видны пожары. Дальнобойная артиллерия бьет по японской зенитной артиллерии, пушечные И-16 их атакуют. Началась артподготовка. С 8.45 до 9.00 — шквальный огонь артиллерии и налет еще 6 девяток СБ. В 9.00 атака по всему фронту...» (РГВА. Ф. 34725. Оп. 2. Д. 1. Л. 30).

В общем, утром 20 августа советско-монгольские войска перешли в решительное наступление по всему фронту, по плану.

Доктор исторических наук В.В. Ионов пишет: «К началу наступления командованию советской группировки удалось достичь почти трехкратного превосходства в танках

и в 1,7 раза — в самолетах на направлении главного удара, несмотря на общее превосходство в силах и средствах японской стороны. Для проведения наступательной операции были созданы двухнедельные запасы боеприпасов, продовольствия и ГСМ. (...)

Наступающие войска были разделены на три группы:

Южную (полковник М.И. Потапов)... Северную (полковник И.В. Шевников)... Центральную (комбриг Д.Е. Петров)...

Главный удар наносился Южной группой, вспомогательный удар — Северной группой. Центральная группа должна была сковать силы противника в центре, на линии фронта, тем самым лишить их возможности маневра».

Михаил Иванович Потапов (1902—1965). Считается, что значительную роль в его карьере сыграла встреча с Г.К. Жуковым, которая произошла в мае 1937 года: Потапов командовал полком, а Жуков — дивизией. Михаил Иванович имел неплохое образование: командные кавалерийские курсы (1922), химические КУКС (1925), Военная академия механизации и моторизации РККА (1936). До 1925-го был командиром отделения, взвода, эскадрона. Затем — начальником химической службы полка, начальником полковой школы, врид начальника штаба кавалерийского полка, командиром механизированного полка, командиром танковой бригады. В июне 1939 г. назначен заместителем Жукова на Халхин-Голе. Через год Потапов — командир 4-го мехкорпуса, а с января — командующий 5-й армией. Воевал успешно, а в сентябре 1941-го, тяжело раненный осколком снаряда, без сознания попал в плен. После освобождения и прохождения спецпроверки продолжил службу в армии: слушатель ВАК Высшей военной академии Генштаба, помощник командующего войсками 6-й гвардейской механизированной армии ЗаБВО, командующий бронетанковыми и механизированными войсками 25-й армии, помощник командующего 25-й армией, командующий 5-й танковой арми-

ей. С 1958 г. — заместитель командующего войсками Одесского военного округа.

Генерал-полковник (1965) Потапов умер в 1965 г. из-за ошибочного решения о проведении лучевой терапии.

Вспоминая о своем сослуживце, Г.К. Жуков отмечал: «Мы понимали друг друга в “боевой обстановке”, с полуслова». И еще: «Комбриг Михаил Иванович Потапов был моим заместителем. На его плечах лежала большая работа по организации взаимодействия соединений и родов войск, а когда мы начали генеральное наступление, Михаилу Ивановичу было поручено руководство главной группировкой на правом крыле фронта». Но что же больше всего импонировало Жукову в своем заместителе на Халхин-Голе? На это он также ответил в своих мемуарах: «М.И. Потапов отличался невозмутимым характером. Его ничто не могло вывести из равновесия. Даже в самой сложной и тревожной обстановке он был абсолютно спокоен, и это хорошо воспринималось войсками».

Не повезло только полковнику Шевникову. Так, адъютант командующего 1-й армейской группой М.Ф. Воротников пишет: «Я уяснил, что после оглашения плана наступательной операции и проигрыша его на картах командующий дал указание, в частности, полковнику И.В. Шевникову — командующему Северной группой — организовать взаимодействие между соединениями и родами войск. Георгий Константинович определил время и место сбора, куда приедет и он сам.

К сожалению, И.В. Шевников проявил неорганизованность, поставленные задачи решить не сумел, а, между тем, светлого времени оставалось совсем мало. Это сильно взволновало командующего. Я впервые увидел комкора таким суровым и разгневанным. Каждый из присутствовавших понял, к каким губительным последствиям могла привести допущенная оплошность. Характерным в стиле работы Г.К. Жукова было — любые недостатки, ошибки в действиях подчиненных

или промахи выправлять незамедлительно, аргументированно, бесповоротно.

Провинившийся И.В. Шевников тут же был отстранен от командования Северной группой войск. Жуков лично отработал все вопросы, касающиеся организации наступления Северной группы.

Забегая вперед, хочу подчеркнуть: 20 августа командующему доложили, что И.В. Шевников ходил в атаку на бронемашине как рядовой. С 21 августа командующим Северной группой войск был назначен командир 11-й танковой бригады полковник И.П. Алексеенко».

Иван Владимирович Шевников (1895—1967) из унтер-офицеров Первой мировой войны. В Гражданскую воевал против Деникина, Махно, Григорьева и подавлял восстание на Тамбовщине. Участвовал в боях с басмачами. К марту 1933-го дослужился до командира батальона. В 1937-м направлен на Дальний Восток, затем в Монголию, где был назначен командиром отдельного разведбатальона 7-й мотобронебригады, затем помощником командира этой бригады. В октябре 1939 года стал командиром 9-й мотобронебригады. В годы войны командовал отдельной танковой дивизией в Забайкалье, автобронетанковыми войсками 36-й армии, был заместителем командира Тульского военного лагеря. В отставку в 1946 году генерал-майор (1944) Шевников вышел с должности командира гвардейской механизированной дивизии.

Илья Прокофьевич Алексеенко (1899—1941) воевал в Гражданскую войну и до 1932 года проходил службу в пехоте. После окончания бронетанковых курсов сразу же возглавил отдельный танковый батальон, затем учебный танковый батальон мехбригады и механизированный полк кавалерийской дивизии. Этот семилетний опыт весьма пригодился ему на Халхин-Голе. Как писал в его аттестации комкор Г.К. Жуков, «в период наступления 20—31 августа 1939 г. командовал Се-

верной группой, командовал твердо и уверенно. В бою держит себя мужественно. Инициативен и энергичен...»

Уже в июне 1940-го Алексеенко — командир 17-й танковой дивизии 5-го механизированного корпуса, а с марта 1941 г. — командир этого корпуса.

Генерал-майор танковых войск (1940) Алексеенко 2 августа 1941 г. был ранен в районе Соловьевской переправы во время минометного обстрела, а на следующий день умер от ран в Вязьме.

Даниил Ефимович Петров (1893—1949). Из унтер-офицеров Русской императорской армии. В Гражданскую воевал командиром взвода, роты и помощником командира полка. С 1930 по 1936 г. был командиром стрелкового полка. Затем командовал 1-й мотострелковой бригадой, был помощником командира танкового корпуса. С января 1939 г. — командир 204-й воздушно-десантной бригады, а с июня — командир 36-й мотострелковой дивизии на Халхин-Голе. Комбриг (17.2.1938). Командовал Центральной, сковывающей, группой. С января 1941-го — командир 12-го стрелкового корпуса в ЗабВО, с июля 1941 года — зам. командующего, а затем — начальник тыла 17-й армии в Забайкалье. С 1942 года командир 2-го стрелкового корпуса. В 1945-м принимал участие в Советско-японской войне в качестве зам. командира 2-го стрелкового корпуса. С 1947 г. генерал-майор (1940) Петров в отставке.

Итак, Южная, Северная и Центральная. Потапов руководит главной группировкой на правом крыле фронта. На левом крыле... Северной группой — полковник Алексеенко. И снова — белое пятно! С 20 по 31 августа 1939 г. комбриг Богданов командовал левым крылом армейской группы. А если точнее, то начальник штаба в период наступления помогал Алексеенко. И это абсолютно нормально, однако об этом нигде практически не пишется.

Но отвлечемся ненадолго только ради одной исторической фигуры. Начальник Главного управления политической пропаганды Красной армии и заместитель наркома обороны СССР Лев Захарович Мехлис все же оказался на Халхин-Голе. Как пишет Ю.В. Рубцов, «учитывая провокации японцев, Мехлис еще из Москвы 26 июня 1939 года дал указание политуправлению Забайкальского военного округа немедленно прервать отпуска политработников, а также вернуть в свои части тех, кто находится в командировках, на разного рода курсах и работах. На деле повысить бдительность. Провести разъяснительную работу среди красноармейцев в связи с японскими провокациями на границе и необходимостью приведения частей в полную боевую готовность. Политотделы и газеты соединений должны быть готовы к походу.

Внедрение в сознание воинов Красной Армии мысли, что скоро, возможно, придется воевать, проводилось всеми имеющимися средствами агитации, устной и печатной пропаганды. Однако, как и на Хасане, был допущен серьезный просчет: неверной оказалась первоначальная политическая установка, определявшая содержание пропаганды в среде личного состава. Красноармейцам предлагалось воодушевляться идеей освободительной миссии: РККА, как известно, действовала против японцев на территории Монголии. По признанию самого Мехлиса, этот тезис оказался неудачным, многими непонятым. Пришлось вносить поправку, сформулировав основной лозунг следующим образом: «защищая границы МНР, Красная Армия обороняет территорию Советского Союза от Байкала до Владивостока, препятствует Японии превратить МНР в плацдарм для войны против СССР». На разъяснение нового лозунга были брошены все силы, которыми располагали политорганы. (...)

На Халхин-Голе и сам Мехлис, и руководимые им политорганы приобрели первый реальный опыт ведения контрпро-

паганды. Еще до решающих событий в июне 1939 года Лев Захарович утвердил программу 15-дневных сборов редакций и типографий газет на иностранных языках. Перед руководителями сборов ставилась задача ознакомить приписной состав с географией, экономикой и политическим положением страны, на языке которой будет выходить газета, с организацией, тактикой, вооружением и политико-моральным состоянием армии вероятного противника; обучить сотрудников редакций методам разложения армии и тыла противника. По его инициативе приказом наркома обороны в мирное время формировались редакции и типографии газет на языках стран, сопредельных с Советским Союзом, а также вероятных противников. Один перечень языков, на которых предполагалось выпускать газеты, впечатляет — японский, китайский, немецкий, польский, финский, корейский, монгольский, эстонский, латышский, румынский, турецкий, фарси.

Но вернемся непосредственно в район, где у монгольской реки сошлись две армии — советская и японская. На Халхин-Гол Мехлис приехал перед генеральным наступлением, запланированным на конец июля. По его приказу здесь уже действовала группа по разложению войск противника во главе с полковым комиссаром М.И. Бурцевым, недавним выпускником Военно-политической академии. По существу, настоящей работы не было: группа дислоцировалась в городке Тамцаг-Булак в 120 км от фронта, не имела ни переводчиков, ни типографии, ни редакции газеты. Все осталось в Чите, за 700 км от Монголии.

Как только начальник ПУ узнал об этом, он тут же распорядился перевести из Читы все три находившиеся там редакции газет на японском, монгольском и китайском языках. Плюс к этому он вызвал из Москвы единственный тогда звуковещательный отряд, очень мощный, размещенный на пяти машинах. Звук был слышен за 8—10 км. Вскоре отряд сыграл

большую роль, во-первых, в дезинформации противника — имитировались оборонительные работы в то время, как наши части готовились к наступлению; а во-вторых, уже в ходе наступления — в распропагандировании японцев, маньчжуров и барбутов.

Энергия и распорядительность начальника ПУ нередко вступали в противоречие с самонадеянностью и неспособностью к трезвой самооценке. В беседе с автором генерал-майор в отставке Бурцев вспоминал в связи с этим, как Мехлис сам написал текст первых четырех листовок, обращенных к японским солдатам. “Мне сразу же, — рассказывал генерал, — как человеку, более или менее знакомому с интернациональной пропагандой, стало ясно, что он слишком упрощенно подходит к делу. Он обращался к японцам так, как привык обращаться к нашим солдатам — в тех же выражениях, с теми же аргументами, применяя открытый классовый, революционный подход. В одной из листовок, характеризуя японского императора, не удержался: он-де сукин сын, агрессор, грозит Советскому Союзу, словом, враг он японскому народу.

Когда мы показали листовку военнопленным, те за голову схватились: как можно? Император не может быть неправым, это — божественное существо. Не он виноват в войне, а генералы — им нужны чужие земли, походы, ордена. Император же — нет. От таких листовок японцы, особенно офицеры, становились только злее. К сожалению, подобные просчеты преследовали Мехлиса и на финской войне, и в первые месяцы Великой Отечественной”».

И еще одно свидетельство относительно Л.З. Мехлиса. Вспоминает порученец командарма 2-го ранга Штерна генерал Первушин: «Я помню, как перед общим августовским наступлением на реке Халхин-Гол по заданию начальника Главпура Л.З. Мехлиса была написана листовка для наших войск. Весь

тираж ее уже был отпечатан, когда Мехлис показал листовку вернувшемуся из поездки по дивизиям и полкам Штерну. Не помню сейчас подробности их разговора, но в результате его Мехлис (а человек он был властный, не терпящий возражений) согласился с доводами Штерна, и листовку пришлось переделывать».

А ведь Мехлис на Халхин-Голе был больше чем заместитель наркома обороны. Во-первых, член ЦК ВКП(б) (1937—1953), во-вторых, член Оргбюро ЦК (1938—1952) и, в-третьих, армейский комиссар 1-го ранга (соответствовало воинскому званию генерала армии). Даже Штерн имел звание на ранг ниже. Поэтому, когда встречаются утверждения, что на Халхин-Голе привычное стремление Мехлиса вмешаться в оперативное управление войсками жестко пресек Г.К. Жуков, то все это — не более чем очередная сказка. Тогда комкор Жуков еще ничего не мог «пресечь». У него был еще не тот уровень для таких «подвигов». И это только мягко сказать.

7

«20 августа 1939 года советско-монгольские войска начали генеральную наступательную операцию по окружению и уничтожению японских войск, — вспоминал командующий 1-й армейской группой. — Был воскресный день. Стояла теплая, тихая погода. Японское командование, уверенное в том, что советско-монгольские войска не думают о наступлении и не готовятся к нему, разрешило генералам и старшим офицерам воскресные отпуска. Многие из них были в этот день далеко от своих войск...

В 6 ч. 15 м. наша артиллерия открыла внезапный и мощный огонь по зенитной артиллерии и зенитным пулеметам противника. Отдельные орудия дымовыми снарядами обстреляли цели, которые должна была бомбить наша бомбардировочная авиация.

В районе реки Халхин-Гол все больше и больше нарастал гул моторов подхлотившей авиации. В воздух поднялись 153 бомбардировщика и около 100 истребителей. Их удары были весьма мощными и вызвали подъем у бойцов и командиров.

В 8 ч. 45 м. артиллерия и минометы всех калибров начали огневой налет по целям противника, доведя его до пределов своих технических возможностей. В это же время наша авиация нанесла удар по тылам противника. По всем телефонным проводам и радиостанциям была передана установленным кодом команда — через 15 минут начать общую атаку.

В 9 ч. 00 м., когда наша авиация штурмовала противника, бомбила его артиллерию, в воздух взвились красные ракеты, означавшие начало движения войск в атаку. Атакующие части, прикрываемые артиллерийским огнем, стремительно ринулись вперед.

Удар нашей авиации и артиллерии был настолько мощным и удачным, что противник был морально и физически подавлен и не мог в течение первых полутора часов открыть ответный артиллерийский огонь. Наблюдательные пункты, связь и огневые позиции японской артиллерии были разбиты.

Атака проходила в точном соответствии с планом операции и планами боя, и лишь 6-я танковая бригада, не сумев полностью переправиться через реку Халхин-Гол, приняла участие в боях 20 августа только частью своих сил. Переправа и сосредоточение бригады были полностью закончены к исходу дня».

А вот выдержка из приказа войскам 1-й Армгруппы о продолжении начавшегося наступления: «1. Противник после мощного удара нашей авиации и артиллерии под натиском пехоты отходит, оказывая более серьезное сопротивление перед фронтом 82-й и 36-й с.д.

2. Части южной группы, выполняя задачу окружения и уничтожения группировки противника южнее р. Хайластын-Гол, к 18.00 вышли передовыми частями на фронт — северная кромка больших песков 10 км ю.-в. Номон Хан Бурд Обо, северная кромка малых песков, 10 км южнее Номон Хан Бурд Обо.

3. Части 82-й сд продвинулись своим правым флангом на 2 км, центром на 600—800 м и левым на 2 км.

4. Части северной группы, действуя вяло и нерешительно (601-й сп и 7-я МББр), продвинулись на 1—1,5 км в ю.-в. направлении.

6-я кд, точно выполняя приказ командования, отбросила пр-ка с территории МНР, захватив пленных и два орудия». (РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 670. Л. 57—59).

22 августа следует очередной боевой приказ войскам 1-й армейской группы, подписанный Жуковым: «1. Противник еще оказывает упорное сопротивление перед фронтом 82-й и 36-й сд. Перед нашими флангами пр-ка дрогнул и местами бежит. Группировка пр-ка южнее р. Хайластын-Гол окружена, севернее р. Хайластын-Гол полуокружена.

2. Наши части, преодолевая сопротивление пр-ка, вышли:

а) Южная группа — 6-я тбр. И 8-я МББр. Передовыми частями на южный берег р. Хайластын-Гол, отрезав пр-ку пути отхода на восток;

б) 57-я сд, заняв своими частями большие и малые песчаные бугры, сжимает кольцо, взаимодействуя с частями 82-й сд;

в) 82-я сд, тесня пр-ка с фронта и на своем левом фланге, вдоль р. Хайластын-Гол, отрезает пр-ку пути отхода на север;

г) 36-я сд, продолжая теснить пр-ка своим левым флангом — 24-й сп, вошла в огневую связь с частями северной группы;

д) части северной группы. Преодолевая сопротивление пр-ка, вышли: 9-я МББр в район к западу от оз. Узур-Нур. Одним

спб прикрыла себя с востока и с.-в., 601-й сп подошел к северной кромке песков 4 км с.-з. Номон-Хан-Бурд-Обо;

е) 7-я МББр, овладев узлом сопротивления 5 км с.-в. г. Баин-Цаган, продвигается к зап. кромке песков 4 км с.-з. Номон-Хан-Бурд-Обо;

ж) 6-я и 8-я кд — на прежних рубежах.

3. Задача частей 1-й Армгруппы на 22.8 — закончить окружение и полное уничтожение пр-ка по обоим берегам р. Хайластын-Гол, согласно ранее отданных приказов, для чего пехоте с танками прочесать окруженные районы, уничтожая и захватывая окруженного пр-ка. Артподготовка 1 час. с 8.30 до 9.30. атака в 9.30...» (РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 670. Л. 66—67).

В общем, из приказа следует: «Противник еще оказывает упорное сопротивление перед фронтом 82-й и 36-й сд. Перед нашими флангами пр-к дрогнул и местами бежит». Но ведь буквально накануне в оперативной сводке штаба 1-й Армгруппы для Москвы о том же самом говорилось несколько иначе: «Противник на всем фронте оказывает упорное сопротивление, оказывал особое сопротивление на фронте 36-й и 82-й сд, где имеет хорошие огневые точки и блиндажи» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 60. Л. 80—85). Но это так, к слову...

Интересно другое. В беседе писателя Симонова с Жуковым, осенью 1965 года, полководец сам «коснулся проблемы своих взаимоотношений с находившимися на Халхин-Голе старшими начальниками». Речь, конечно же, пошла о Штерне. Большой вопрос, судя по всему... «— На третий день нашего августовского наступления, когда японцы зацепились на северном фланге за высоту Палец и дело затормозилось, у меня состоялся разговор с Г.М. Штерном. Штерн находился там, и по приказанию свыше его роль заключалась в том, чтобы в качестве командующего Забайкальским фронтом обеспечивать наш тыл, обеспечивать группу войск, которой

я командовал, всем необходимым. В том случае, если бы военные действия перебросились и на другие участки, перерастая в войну, предусматривалось, что наша армейская группа войдет в прямое подчинение фронта. Но только в этом случае. А пока что мы действовали самостоятельно и были непосредственно подчинены Москве.

Штерн приехал ко мне и стал говорить, что он рекомендует не зарываться, а остановиться, нарастить за два-три дня силы для последующих ударов и только после этого продолжать окружение японцев. Он объяснил свой совет тем, что операция замедлилась и мы несем, особенно на севере, крупные потери. Я сказал ему в ответ на это, что война есть война и на ней не может не быть потерь и что эти потери могут быть и крупными, особенно когда мы имеем дело с таким серьезным и ожесточенным врагом, как японцы. Но если мы сейчас из-за этих потерь и из-за сложностей, возникших в обстановке, отложим на два-три дня выполнение своего первоначального плана, то одно из двух: или мы не выполним этот план вообще, или выполним его с громадным промедлением и с громадными потерями, которые из-за нашей нерешительности в конечном итоге в десять раз превысят те потери, которые мы несем сейчас, действуя решительным образом. Приняв его рекомендации, мы удешевим свои потери.

Затем я спросил его: приказывает ли он мне или советует? Если приказывает, пусть напишет письменный приказ. Но я предупреждаю его, что опротестую этот письменный приказ в Москве, потому что не согласен с ним. Он ответил, что не приказывает, а рекомендует и письменного приказа писать мне не будет. Я сказал: "Раз так, то я отвергаю ваше предложение. Войска доверены мне, и команду ими здесь я. А вам поручено поддерживать меня и обеспечивать мой тыл. И я прошу вас не выходить

из рамок того, что вам поручено”. Был жесткий, нервный, не очень-то приятный разговор. Штерн ушел. Потом, через два или три часа, вернулся, видимо, с кем-то посоветовался за это время и сказал мне: “Ну что же, пожалуй, ты прав. Я снимаю свои рекомендации”».

В литературе про Халхин-Гол не однажды можно встретить, как «23 августа Жукову пришлось ввести в бой на Центральном участке свой последний резерв: 212-ю авиадесантную бригаду и две роты пограничников. Это был с его стороны немалый риск...» и т. д. Кстати, в мемуарах Георгия Константиновича такие эпизоды отсутствуют. И про командарма Штерна, и про последний резерв. Не правда ли, удивительно?

Дело в том, что 23 августа, докладывая в Генштаб самому Шапошникову, Жуков ничего не говорит о вводе в бой своего последнего резерва: «... После артподготовки в 11.00 войска Южной группы (82-я сд и 36-я сд), продвигаясь вперед, уничтожают отдельные группы и очаги обороны противника. К 12.00 перед фронтом Южной группы и 36-й сд противник начал отход мелкими группами в северном и северо-восточном направлении. К 8.00 резерв Армгруппы, 212-АДБ — сосредоточилась в районе родника 4 км сев.-зап. горы Баин-Цаган. К 12.00 войска 1-й Армгруппы занимают положение...» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 60. Л. 111—113).

Нет ничего об этом и в донесении командования фронтовой группой К.Е. Ворошилову об обстановке на фронте к исходу четвертого дня операции от 24 августа. Например, про 212-ю АДБ Штерн докладывал наркому следующее: «**{212-ю} АДБ (которая кстати сказать написала уже две коллективки с обидой и просьбой дать бить японцев) поставить в резерв также на вост[очном] берегу 5—6 км севернее Баин-Цаган**» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 26. Л. 126).

Просто все было совсем не так. Когда 21 и 22 августа японские войска пришли в себя и начали упорно обороняться, в бой

была введена 9-я мотоброневая бригада из резерва. 22 августа Жуков докладывал Ворошилову, что усилил Северную группу 21-го числа из резерва армгруппы 9-й мббр, одним спб, ротой танков, к исходу дня еще одним СПБ с ротой танков и ротой пограничников и далее: «...левым флангом 9-я МББР, усиленная стрелково-пулеметным батальоном, обойдя оборону противника с северо-запада вдоль границы, вышла 2 км сев.-зап. северного безымянного озера, что 7 км северо-западнее Номун Хан Бурд Обо» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 60. Л. 91—93). А в оперативной сводке штаба 1-й армейской группы от 22 августа — о выполнении ей поставленной боевой задачи: «...9-я мббр сосредоточилась в районе к западу от двух озер 6 км с.-восточнее Номун Хан Бурд Обо. В 8.30 разогнала до двух рот противника, пытавшегося пробиться в юго-западном направлении Караулам Нам Хун Горот, в 10.30 захватила в Номун Хан Бурд Обо склад боеприпасов, который зажгла, и склад горючего, из которого заправились. В то же время вошла в связь с танковой разведкой 6-й танковой бригады» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 60. Л. 100—104). То есть речь шла не о последнем резерве.

А теперь о разговоре Жукова со старшим начальником Штерном. Например, об этом в своей книге пишет генерал армии М.А. Гареев: «Произошло у него столкновение с командующим фронтовой группой Г. Штерном. На третий день наступательной операции на Халхин-Голе, когда японцы оказывали упорное сопротивление на северном фланге и наступление затормозилось, Штерн порекомендовал командующему 1-й армейской группой “не увлекаться”, остановиться, перегруппировать силы, а потом продолжать наступление. Жуков с этим не согласился...»

Несколько свободнее описывает этот факт В. Краснов («Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца»): «Деятельность командования фронтовой группой, степень ее влияния

на развитие событий на реке Халхин-Гол часто неадекватно оценивается военными историками. На самом деле, несмотря на то что в район боевых действий съехалось много высшего начальства, Жуков не дал себя подмять, решительно руководил войсками сам...»

Но все это абсолютно бездоказательно и основано исключительно на воспоминаниях самого маршала, лица, заинтересованного в такой подаче исторических фактов. А правда одна. **Над комкором Жуковым стоял прежде всего командарм 2-го ранга Штерн, а уже потом — маршал Ворошилов.** Жуков не был фигурой самостоятельной. Да и принцип единоначалия (основополагающий принцип руководства, при котором командир наделен всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным) никто не отменял. Подтверждают это и документы.

Из донесения командования фронтовой группы К.Е. Ворошилову об обстановке на фронте к исходу четвертого дня операции по окружению и уничтожению группировки противника на южном и северном берегах р. Хайластын-Гол от 24 августа. Под документом подпись Штерна: **«Вчера приказал поставить три дивизиона, выдвинуть наблюдательные пункты вплотную к пехоте с артиллерией и смести все артогнем, что сегодня выполнено. Защитники перебиты — масса трупов, подробностей еще нет, ибо взяли уже в темноте...»**

Таким образом, японцы окружены. (...)

...Характер боев — настоящая мясорубка, так в плен кроме одиночек не сдаются, драка пока идет только на смерть. Наше наступление явилось внезапным, отличным налетом 150 СБ и одновременно хорошая артподготовка, более 200 орудий нанесли японцам огромные потери, особенно в материальной части и запасах огнеприпасов, нарушило управление. (...)

...Мы имеем большие потери... (...)

Вчера приказал Жукову назначить специального командира и несмотря на острую нужду в транспорте выделить 10 грузовиков и 3 трактора для вывоза трофеев.

Сегодня собирают уже лучше. (...)

...Оценка обстановки. Мы получили уже большой настоящий успех. 23-я пд и приданные ей части, в том числе многочисленная техника разных дивизий и из Японии разбита, половина пехотной дивизии, может быть и больше физически уничтожена.

Это уже примерно третий состав 23-й дивизии. Противник окружен. Наши войска полностью на границе, на нашей территории лишь группа изолированных очагов отчаявшихся и осатанелых японцев. Когда мы уничтожим эти очаги и зайдем, как Вами указано, оборону по линии границы, только тогда для попытки снова ударить по нам здесь японцам надо три полных пехотных дивизии. (...)

...Сегодня даны Жукову следующие главные указания:

а) 24.8 полностью уничтожить японцев на южном берегу р. Хайластын-Гол. Выйти 57-й сд передовыми частями на реку. 82-ю сд после очистки южного берега вывести в резерв в район восточнее Нурен Обо.

б) 24.8 на северном берегу реки не атаковать, если японцы не будут пытаться уйти. Снизить 601-й сп на юг к пескам до соприкосновения с японцами. Частью 7-й МБР и пограничниками усилить фронт 9-й мотобронебригады. Провести 24.8 части северной группы в полный порядок.

в) На 25.8 готовить решительный удар для уничтожения японцев на северном берегу реки силами всей нынешней северной группы, 36-й и 57-й сд, большей частью артиллерии, 6-й танковой бригады.

г) Прибывший полк 152-й сд поставить в резерв на восточном берегу реки севернее отметки 690 в кустарник. (...)

е) **Авиацию приказано использовать завтра очень экономно с основными задачами...**» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 26. Л. 126).

8

В памяти писателя К. Симонова навечно сохранился такой эпизод: «Первого или второго сентября я был с Ортенбергом на Хамардабе. Наверху, на возвышенности, толпилось много военных. Только что был получен указ о победе, ликвидации японской группировки и о награждениях. Стоял оживленный шумок, все разговаривали; на всех лицах было ощущение удачи и важности момента.

Посредине группы стоял Штерн в форме командарма. Он был подтянут, официален и сияющ. На нем было много орденов, блестела и хрустела совершенно новая португепя, сияли хорошо начищенные сапоги.

А рядом стоял летчик, комкор Смушкевич; являя всем своим внешним видом противоположность Штерну, он стоял с непокрытой курчавой головой и с длинным печальным лицом, в серой коверкотовой гимнастерке, заложив обе руки за спущенный низко, по-крестьянски, ремень. На нем были такие же, как гимнастерка, коверкотовые брюки навывпуск и сандалии на босу ногу. Он недавно разбился, ноги у него были переломаны, и он не мог носить сапоги».

Именно благодаря комкору Смушкевичу и его «группе» в ходе боев на Халхин-Голе советская авиация захватила господство в воздухе. Как подчеркивает автор замечательной книги «Война в воздухе» В. Кондратьев, «...развернувшиеся на Халхин-Голе воздушные битвы с участием 200—300 самолетов являлись беспрецедентными в истории авиации вплоть до начала знаменитой “Битвы за Англию”. Да и во времена Второй Мировой сражения такого масштаба происходили нечасто.

“Авиации было много с обеих сторон, причем первые два месяца превосходство было на стороне японцев, и только на третий месяц после упорной борьбы оно перешло к нам. К концу боев с нашей стороны было собрано особенно много авиации. В первые сутки нашего августовского наступления мы подняли в воздух без малого тысячу самолетов. Что касается происходивших над степью воздушных боев, то я никогда потом не видел такого количества самолетов в воздухе сразу в обозримом глазом пространстве. Во время последнего сентябрьского воздушного боя, предшествовавшего мирным переговорам, когда японцы сделали последний звездный налет на наши аэродромы, воздух просто кипел самолетами: их было несколько сот одновременно”.

Так выразил свои впечатления от воздушной войны на Халхин-Голе непосредственный очевидец событий известный советский писатель и журналист Константин Симонов»...

С советско-монгольской стороны в боевых действиях участвовали в общем счете свыше 900 самолетов, с японской — более 400. Максимальная единовременная концентрация авиасил составляла примерно 580 советских и до 200 японских самолетов. При этом надо учесть, что все они действовали на относительно небольшом участке, не превышавшем 60—70 километров. Таким образом, на каждый километр фронта приходилось по 10—12 самолетов, что в несколько раз больше аналогичных средних показателей времен Великой Отечественной войны».

28 августа 1939 года в 8.30 по монгольскому времени комкор Смушкевич докладывал наркому обороны Ворошилову: «...Наша авиация, особенно истребительная, в период операции действовала очень интенсивно и напряженно. Как правило, истребители делали по 5—8 боевых вылетов день. Действия авиации были всегда увязаны с войсками. Авиация противника понесла решающее поражение. Оправиться про-

тивник сумеет только при большом пополнении. **Господство в воздухе завоевано нами полностью, и японская авиация подавлена.** Как правило, японская авиация последние дни от боя уклоняется, даже при численном перевесе.

Выводов из этой операции для нашей боевой подготовки и материальной части очень много. Разрабатываем и пришлем дополнительно. Настроение у всего состава отличное. Все рады, что авиация выполнила Ваше задание» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 86. Л. 220—224).

В общем, не Г.К. Жуков добился на Халхин-Голе завоевания господства в воздухе, как это утверждают некоторые наши большие военные специалисты, а это удалось сделать благодаря группе лучших советских летчиков во главе со знаменитым комкором Я.В. Смушкевичем. Все они сыграли важную роль в боях с японскими войсками на Халхин-Голе. Сам же Яков Владимирович занимал должность заместителя начальника Управления ВВС РККА и был членом Военного совета при народном комиссаре обороны СССР. Георгию Константиновичу он никаким образом не подчинялся. Факт, не требующий доказательств.

9

По утверждению генерала Первушина, «Григорий Михайлович отличался исключительной скрупулезностью в подготовке организации и руководстве боевыми операциями или полевыми учениями войск. Он неоднократно обращал наше внимание на то, что **каждая операция разворачивается в своей, особой обстановке. Не может быть единой шаблонной схемы даже для двух операций, пусть и основанных на самых блестящих исторических примерах. Положительный и отрицательный опыт войны и сражения должен глубоко изучаться, систематизироваться и учитываться для наилучшего его использова-**

ния в условиях трезвого учета складывающейся реальной обстановки».

И это были не только слова. Всей своей полководческой деятельностью Г.М. Штерн доказал свое умение использовать исторический опыт войн и сражений применительно к создавшейся обстановке — будь то в Испании, где был он главным военным советником, в боях у озера Хасан, или на реке Халхин-Гол, или в Финляндии, где Григорий Михайлович командовал 8-й армией, наступавшей на Петрозаводском направлении».

28 августа 1939 года в 4 часа по монгольскому времени командарм 2-го ранга Штерн докладывал маршалу Ворошилову: «...сегодня был в Северной группе: в 7-й мотобронеполку, 11-й ТБ и 601-м СП в районе севернее и северо-восточнее Ремизовской высоты. На эту высоту собрались остатки всех разгромленных на северном и частично южном берегу Хайластын-Гол японских частей. Высота окружена вплотную кольцом нашими частями... (...)

Докладывают, что на высоте есть бетонированные блиндажи с броневыми дверями, лично не думаю, что это правда, хотя на других взятых японских узлах видел сам отдельные мешки с цементом...

Дал указание Жукову:

а) ночью еще приблизить окружающие части к высоте;
б) собрать отовсюду 45-мм и полковые пушки и минометы (не менее 100—120), с рассветом точно распределить между ними цели и начать жестокий огонь прямой наводкой, после чего атаковать гранатами и где возможно танками (большая часть скатов недоступна для танков). Возможно, отдельные отсеки будут взяты этой ночью.

2) Кроме Ремизовской высоты есть еще два очага японцев. Первый севернее высоты в 3 км, где сидит прорвавшаяся группа человек 50 с минометами и одним ПТО. Второй на южном берегу р. Хайластын-Гол, доносят, до батальона, думаю мень-

ше — человек 200. Оба очага обложены кругом и взяты под сильный огонь. Эти два будут ликвидированы завтра в первой половине дня» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 26. Л. 163).

Командарм сказал — командарм сделал...

28 августа 1939 года в 24 часа шифром Сталину, Молотову и Ворошилову было отправлено особое донесение командования фронтовой и 1-й армейской групп о ликвидации сопротивления противника: «...Доносим: 28 августа в 22 часа 30 минут штурмом взята Ремизовская высота. Японские войска, действовавшие перед фронтом Первой Армейской группы, уничтожены. Линия границы полностью восстановлена...» (РГВА. Ф. 34725. Оп. 2. Д. 1. Л. 48). И подписи: Штерн, Богданов, Жуков, Никишев.

Последние бои с окруженными группами противника продолжались еще 29 и 30 августа. К утру 31-го территории Монголии была полностью очищена от японских войск. Правда, 4 и 8 сентября японские войска предприняли новые попытки проникновения на территорию МНР, но сильными контрударами их отбросили за линию государственной границы.

Глава 16

«ТЕПЕРЬ У ВАС ЕСТЬ БОЕВОЙ ОПЫТ»

1

В памяти Михаила Федоровича Воротникова «навсегда осталась яркая личность полководца — Георгия Константиновича Жукова»...

На Халхин-Голе он служил командиром взвода во 2-й танковой роте 11-й легкой танковой бригады 57-го особого корпуса под командованием М.П. Яковлева.

Еще накануне боев старшего лейтенанта Воротникова поощрили шевретовыми сапогами, а затем сам комбриг пред-

ложил его кандидатуру на должность адъютанта командира 57-го особого корпуса. Это был конец июня 1939 года.

Но закончатся боевые действия, комкор Жуков улетит в Москву Героем Советского Союза, а старлей Воротников продолжит службу в Монголии. Дело в том, что на базе 1-й армейской группы будет сформирована 17-я армия, которая уже в сентябре 1940 г. войдет в состав войск Забайкальского фронта.

В память о Халхин-Голе на его груди останется лишь медаль «За отвагу».

Пройдет целых пять лет, а Михаил Федорович дальше капитана так и не продвинется. Ему уже 30 лет. Великая Отечественная война закончилась, победили Японию, а наград кот заплакал. Все потому, что «не там служил»! Его ровесники, дожившие до Победы в Берлине, как минимум ходили в майорах, а то и в полковниках. А тут — капитан...

27 августа начальник штаба бронетанковых и механизированных войск 17-й армии капитан Груздов подпишет наградное представление на помощника начальника штаба УК БТ и МВ по разведке капитана Воротникова, где будут такие слова:

«В период боевых действий устремленно руководил разведкой в танковых частях. Постоянно держал связь с разведотделом Армии, разведотрядами стрелковых дивизий. Держал штаб и войска в курсе обстановки.

Находясь в частях постоянно помогал штабам в организации и ведении разведки противника и местности.

Штаб фронта информировал постоянно и четко.

В период захвата гор. ЧИФЫН проявил большую инициативу в наведении и поддержании порядка».

Приказом ВС 17 армии № 26/н от 3 сентября 1945 г. Михаила Федоровича наградят орденом Отечественной войны 2-й степени (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687 572. Д. 772. Л. 191).

Это будет его вторая боевая награда...

И каково же было удивление капитана Воротникова, когда он узнал, что его прежний «хозяин» в годы войны стал Маршалом Советского Союза (1943), трижды Героем Советского Союза (29.08.1939 г., 29.07.1944 г., 1.06.1945 г.), а после — Главнокомандующим Группой советских оккупационных войск в Германии и Главнокомандующим Советской администрации по управлению Советской зоной оккупированной Германии. Более того, Георгий Константинович — известный во всем мире полководец, 24 июня 1945 года принявший Парад Победы в столице нашей Родины — Москве. Вот так дела!

Вот только написать ему тогда капитан не мог, уж слишком великим человеком стал его начальник комкор Жуков.

С земли до неба не достать!

2

Но пройдут годы, и жизнь немного расставит все точки над «і». Воротников станет полковником, а Георгий Константинович попадет в самую настоящую опалу.

Кто же мог предположить такой исход карьеры полководца Победы?

29 октября 1957 года Пленум ЦК КПСС, посвященный улучшению партийно-политической работы в СА и ВМФ, постановил, что Г.К. Жуков «нарушал ленинские, партийные принципы руководства Вооруженными Силами, проводил линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и Военных советов, на ликвидацию руководства и контроля над армией и Военно-Морским Флотом со стороны партии, ее ЦК и правительства...». Этим же постановлением маршал Жуков был выведен из состава Президиума ЦК и ЦК КПСС и вскоре освобожден от должности министра обороны СССР.

Но пройдет еще семь лет, и в мае 1965 года Георгия Константиновича после продолжительного перерыва пригласят в Кремлевский Дворец съездов на торжественное заседание,

посвященное 20-летию Победы. Говорят, присутствующие в зале встретили его появление продолжительными аплодисментами и бурной овацией.

Как пишет писатель-фронтовик В. Карпов, именно с рубежа 1965 года и начинается всплеск внимания к Жукову: «Почему вдруг многие стали такие храбрые, что, невзирая на табу, начали писать о Жукове, интервьюировать его и снимать в кино?

Объяснение очень простое — 14 октября 1964 года (октябрь становится роковым для многих, в том числе и для России в целом!) на Пленуме ЦК Хрущев был освобожден от обязанностей 1-го секретаря ЦК и члена Президиума ЦК, за субъективизм и волюнтаризм».

Написал бывшему своему шефу и Михаил Федорович Воротников. Именно так, через 27 лет после Халхин-Гола они и нашли друг друга. Адьютант и командующий. Полковник и Маршал Советского Союза...

3

Только в 1989 году в Омском издательстве полковник в отставке М.Ф. Воротников издаст свои воспоминания о Жукове — полководце и человеке. Расскажет он и о встречах с маршалом в последний период его жизни.

К слову сказать, мемуары Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления», работу над которыми он начал еще в 1958 году, выйдут в свет в марте 1969-го. Адьютанту же придется ждать своей очереди целых двадцать лет...

«Как сейчас помню монгольскую юрту, где жил и работал Г.К. Жуков, — свидетельствовал Воротников. — Рабочий стол, несколько табуреток, отдельный столик с полевыми телефонами. В стороне солдатская кровать, покрытая простым солдатским одеялом, под ней — небольшой чемодан с пожитками. Верхняя часть этого жилища (по-монгольски, тоно) в сухую

погоду всегда находилась открытой. Внутри было прохладно, дышалось легко.

Хозяина юрты, войдя в нее, я увидел за рабочим столом. В каждой петличке гимнастерки у него было по два ромба, что соответствовало воинскому званию “комдив”. На столе развернута карта. На ней несколько цветных карандашей, циркуль-измеритель, курвиметр. Запомнилось на редкость суровое лицо, строгость которого несколько смягчала позолоченная оправа пенсне. Мне показалось, что его голубые глаза излучают холод. Они были прозрачны и чисты. Редкие седеющие волосы зачесаны назад. Сняв пенсне, Г.К. Жуков внимательно посмотрел на меня, будто рентгеновскими лучами прощупал.

Мне даже стало как-то не по себе. Георгий Константинович спросил об образовании, какую знаю технику, как стреляю из личного оружия (пистолета, револьвера) и умею ли ориентироваться на местности. Последнее было особенно важно, монгольская бескрайняя степь коварна, здесь нет дорог или каких-либо ориентиров — глазу буквально не за что зацепиться.

Беседа наша длилась всего несколько минут. Мне было приказано явиться к капитану Т.И. Пушкову — порученцу комиссара корпуса М.С. Никишева; он-де расскажет о моих обязанностях. Тимофей Иванович провел меня по всему командному пункту. Подробно ознакомил с узлом связи и распорядком его работы. В заключение предупредил: **«Смотри, лейтенант, ты у него уже седьмой по счету за три недели».**

Меня это не испугало — позориться я не собирался. Решил: надо работать с полной отдачей сил.

Вначале Георгий Константинович давал мне несложные поручения. А потом приказал проверить состояние связи с Улан-Батором и Москвой. Когда я докладывал о результатах проверки, он вдруг спросил фамилию дежурного по связи, кто он по званию и должности, в каком подразделении служит, ознакомился ли я с порядком пользования позывными? Признаться,

я не ожидал внимания к таким деталям. Гладко отчитаться не удалось. Сделал для себя вывод: формального исполнения обязанностей Г.К. Жуков не потерпит. Значит, надо знать больше, быть наблюдательным, поглубже вникать в дело, тренировать память, постоянно накапливать информацию».

Михаил Федорович дальше отметит особо: «**При Георгии Константиновиче было очень непросто работать. Но интересно. Ошибки, какими бы они ни были относительно малыми или большими, никогда не прощались.** Он не терпел неряшливости, тут же пресекал многословие, во всем требовал ясности, лаконичности и определенности в действиях. Его требовательный стиль я понял сразу. Передо мной всегда вставал ряд захватывающих открытий во время принятия командующим решений, распоряжений, указаний.

На одной из встреч в послевоенное время, в июле 1967 г., я задал ему такой вопрос:

— Товарищ Маршал Советского Союза, всем известно, до событий на Халхин-Голе вся служба ваша проходила, главным образом, на Западном операционном направлении. В частности, в Белоруссии. Что помогло вам так быстро ориентироваться в Монголии и дать исчерпывающую оценку сложившейся обстановки уже на второй день вашего пребывания в штабе корпуса?

Улыбнувшись, он ответил: “Интуиция”. Затем, сосредоточенно нахмурившись, продолжил: “Конечно, без знания театра военных действий в целом или одного из его направлений в решении крупных военных задач могут быть ошибки, и серьезные. Теперь, это понятие изменилось объемно и пространственно расширилось, дело приходится иметь с такими категориями, как континент. Тем более требуются глубокие знания и умение находить соответствующие новым особенностям решения. С Забайкальским и Дальневосточным операционными направлениями я был частично знаком по описаниям,

и на некоторых командно-штабных учениях высшего руководящего состава приходилось иметь с ними дело. Но о знаниях глубоких, подробных, коренных не могло быть и речи. Но здесь важен метод. Постоянная работа над самоусовершенствованием. Как только я получил задачу от Наркома обороны тов. Ворошилова, прежде всего старался представить себе, в каких условиях идут бои и как обстановка театра действий скажется на размахе ведения войны. Эта мысль не покидала меня до самого прибытия на место. В Чите, на приеме у командующего ЗабВО, были получены конкретные представления о местности, о климате, погодных условиях, коммуникациях, средствах связи, тыловой обстановке в целом и характерных климатических явлениях. Мы сразу же были ориентированы на трудности, которые наши войска уже испытывали. Поэтому для начала было достаточно, чтобы понять, что действовать придется в необычных условиях. Немало пришлось увидеть и самому при следовании в район боев”.

Правительство Монголии выделило Жукову легковой автомобиль “Форд-8”. Однако, прибыв на местность, командующий отправлял его в укрытие, а сам следовал или на лошадах, или пешком. На выезды он обычно надевал “гимнастерку без петлиц и знаков различия, панаму, легкий брезентовый плащ. Сапоги со шпорами и пистолет носил постоянно. В машине всегда имелись два карабина и две коробки патронов”». На местности Жуков всегда надевал панаму и плащ.

Как свидетельствует Воротников, «Г.К. Жуков никогда специально не посвящал своего адъютанта в серьезные служебные дела. В то же время требовал владеть оперативной обстановкой, всегда быть готовым к поездкам в войска. Позднее, когда наши отношения определились, и он убедился, что я его понимаю, он всего лишь один раз напомнил:

— Вы мои указания записали?

— Записал, товарищ командующий.

— А фамилии тех трех бойцов?

— Тоже записал

— Конечно, если не уверен в своей памяти — записывай.

А вообще-то память надо тренировать».

На всю жизнь запомнилась адъютанту Воротникову и глубокая летняя монгольская ночь: «Тихо, тепло — и ни зги не видно: ни глубоко отрытых траншей с возвышающимся над ним бруствером, ни воронок от разорвавшихся бомб и артиллерийских снарядов, ни автомашин в котлованах, ни часовых. Земля дышала, парила, разносила по всей округе густой запах гари, паров бензина, каких-то красок. Они пропитывали одежду и, казалось, проникали в поры человеческого тела».

На основной командный пункт, подготовленный на горе Хамар-Даба, Жуков переехал 7 июля. И, как утверждает адъютант, «этому предшествовало следующее обстоятельство. Нащупав местонахождение командного пункта Жукова, с восходом солнца японское командование открыло ураганный артиллерийский огонь. Вслед за этим сюда было направлено несколько групп бомбардировочной авиации. Одним снарядом разрушило блиндаж. Г.К. Жуков успел дать команду: “Машину!” А сам с Никишевым выскочил и укрылся в траншее. Тремя-четырьмя перебежками я достиг капонира, сел за руль форда и подал машину к траншее. Оба они сели на заднее сидение, и мы выехали из опасной зоны.

В пути Жуков, наблюдавший за воздухом, заметил, как один истребитель из состава прикрытия бомбардировщиков отделился от основной группы самолетов и направился к нашей машине. Слышу команду: “Стой!” Отбежав, укрылись в старых, заброшенных окопах тыловых подразделений. Истребитель сделал три захода, трижды обстрелял автомобиль из пулемета, развернулся и улетел к своим. К счастью, автомобиль остался невредимым.

7 июля часам к 9 утра Г.К. Жуков и М.С. Никишев прибыли на гору Хамар-Даба. К этому времени были уже готовы узел связи, наблюдательный пункт, блиндаж оперативной группы штаба, откуда шло управление по телефонным линиям связи, блиндаж командующего, члена Военного совета, КП управления авиацией, блиндаж заместителя командующего полковника М.И. Потапова. Была организована и радиосвязь. Остальные элементы командного пункта продолжали совершенствоваться. В этом же районе где-то поблизости разместилась редакция газеты «Героическая красноармейская». Я всегда твердо знал, что главный редактор этой газеты Д. Ортенберг находился недалеко, и его всегда можно было быстро вызвать».

Вот как описал писатель К. Симонов новое «пристанище» командующего 1-й армейской группы: «На следующий день мне с Ортенбергом, Лапиным и Хацревиным пришлось быть у Жукова. Ортенберг хотел узнать, насколько реальны, по мнению Жукова, сведения о близком наступлении японцев, на что нам ориентироваться в газете.

Штаб помещался по-прежнему все на той же Хамар-Дабке. Блиндаж у Жукова был новый, видимо только вчера или позавчера срубленный из свежих бревен, очень чистый и добротный сделанный, с коридорчиком, занавеской и, кажется, даже с кроватью вместо нар.

Жуков сидел в углу за небольшим, похожим на канцелярский, столом. Он, должно быть, только что вернулся из бани: порозовевший, распаренный, без гимнастерки, в заправленной в бриджи желтой байковой рубашке. Его широченная грудь распирала рубашку, и, будучи человеком невысокого роста, сидя он казался очень широким и большим.

Ортенберг начал разговор. Мы примостились кругом. Жуков отмалчивался. Въедливый, нетерпеливый Лапин стал задавать вопросы. Жуков все продолжал отмалчиваться, глядя на нас и думая, по-моему, о чем-то другом.

В это время вошел кто-то из командиров разведки с донесением. Жуков искоса прочел донесение, посмотрел на командира сердитым и ленивым взглядом и сказал:

— Насчет шести дивизий врите: зафиксировано у нас только две. Остальное врите. Для престижа.

— Хлеб себе зарабатывают, — сказал Жуков, обернувшись к Ортенбергу и не обращая внимания на командира.

Наступило молчание.

— Я могу идти? — спросил командир.

— Идите. Передайте там у себя, чтобы не фантазировали. Если есть у вас белые пятна, пусть честно так и остаются белыми пятнами, и не суйте мне на их место несуществующие японские дивизии.

Когда командир вышел, Жуков повторил:

— **Хлеб себе зарабатывают. Разведчики...**

Про отдых Жукова адъютант поведал немного: «Спал Георгий Константинович в том же блиндаже, где работал. В отгороженном закутке стояла солдатская кровать с металлической сеткой и ватным матрацем. Рядом — тумбочка для туалетных принадлежностей. Личным бытовым удобством он не придавал значения. Вечерами принимал прохладный душ в общей палатке. Умывался до пояса, с удовольствием растирался полотенцем. Обедал, как правило, в блиндаже своего заместителя М.И. Потапова. Сюда не доходили телефонные звонки. Заходить и беспокоить его в это время никто не осмеливался. Ел не торопясь, отсутствием аппетита не страдал, съедал все, что подавали. Садясь за стол, спрашивал: “Шофера накормили?” Очень редко выпивал бокал легкого кахетинского вина. Был против всякого крепкого зелья. На приемах поднимал и принимал тосты, но мог только пригубить рюмку».

А вот в ночь на 20 августа, наступления на японцев, «Г.К. Жуков спал не более трех часов. Когда я к нему явился рано утром, он уже выпил горячего чая, был чисто выбрит, бодр,

сосредоточен и готовился идти на наблюдательный пункт. Его лицо не выражало ни тревоги, ни беспокойства. Казалось, что он готовится к обычному дню фронтовой жизни, когда судьба противника уже в какой-то степени предрешена.

Надев снаряжение и фуражку с околышем кавалериста, он взял карту с оперативной обстановкой, которую вел лично и никогда никому не доверял, вышел из своего блиндажа и по траншее направился на наблюдательный пункт. К нему присоединились член Военного совета М.С. Никишев и начальник штаба комбриг М.А. Богданов. На наблюдательном пункте в блиндаже находился командующий артиллерией комбриг Ф.Г. Корзин, справа и слева от блиндажа, на открытых заглубленных площадках, — командующие родами войск, с ними — несколько штабных командиров для управления.

Для Г.К. Жукова в блиндаже на НП был подготовлен небольшой стол. На него я положил коробку заточенных карандашей — красного и синего цветов, которых всегда было по три, потому что ими больше всего приходилось ему работать, блокнот в твердой обложке — для записей. К этому времени уже сложился определенный опыт, и я знал, что потребуется командующему в той или иной обстановке. В напряженное время приходилось строго следить даже за его питанием, так как он часто забывал о себе».

А вскоре адъютант Воротников своими глазами увидел панораму боя Центральной группы войск, которая хорошо просматривалась с командного пункта: «Войска методически и упорно атаквали с фронта, сковывали силы противника, не давая ему усилить свои фланги за счет ослабления сил в центральной полосе обороны 6-й армии».

Когда открываешь книгу Воротникова, то сразу же узнаешь о том, что над ней в качестве цензора поработал сам полково-

дец. Михаил Федорович и не скрывает этого: «**Георгий Константинович оказал мне большую помощь в работе над книгой**: из своего личного архива дал фактический материал о разгроме 6-й японской армии на Халхин-Голе, высказал ряд мыслей и суждений по поводу “Необъявленной войны на Халхин-Голе”, прочитал главу “Мой командующий”, собственноручно внес свои поправки, дав положительный отзыв, который храню, как бесценную реликвию. В одной из бесед сказал: “История должна быть сохранена такой, какой она была по тому времени. Это поможет современникам объективно осмыслить прошлое и сделать наиболее целесообразные выводы в конкретно сложившейся политической и военной обстановке”».

А теперь — про объективность...

Например, однажды бывший адъютант Жукова приобрел только что вышедшую книгу главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова «На службе военной» и тут же по старой привычке доложил бывшему «хозяину», как находившийся на Халхин-Голе (на всякий случай — начальник всей артиллерии РККА и комкор по званию) «непорядочный» Воронов, «рассказывая о Халхин-Голе, упомянул, что является автором разработки плана наступательной операции по разгрому 6-й японской армии вместе с некоторыми командирами, которых в книге указал поименно». В общем, полковник Воротников тут же сигнализировал маршалу: «Я сразу же написал Георгию Константиновичу письмо, назвав прочитанное каким-то недоразумением. **Г.К. Жуков в резком тоне, с нескрываемой обидой выразил свое недовольство точкой зрения автора.** Об этом написал мне письмо, которое я храню по сей день, как исторический документ. Одновременно Георгий Константинович послал мне и план наступления».

Так что же такого написал Воронов? В принципе, ничего крамольного: «Мы продолжали готовиться к решительному на-

ступлению. Конечно, для предстоящих действий хотелось возможно больше войск, танков, артиллерии, авиации. Но реальные возможности наши были весьма скромны. В то же время мы не могли надолго откладывать начало активных действий.

Разработку плана операции вели заместитель командира группы войск Абрамов, я и начальник политотдела группы Цебенко. К нам никто не допускался, вся работа велась в величайшем секрете. План был рассмотрен и утвержден командованием».

Возможно тот, кто писал за Николая Николаевича эту книгу, что-то напутал, а может, и «дал махаря», но два политработника (Н.В. Абрамов — бригадный комиссар, зам. начальника отдела кадров ПУ РККА, впоследствии генерал-майор и ЧВС армий; В.К. Цебенко — батальонный комиссар, зам. начальника политотдела 57-го корпуса, впоследствии генерал-майор и зам. по политчасти ряда фронтов) вместе с комкором артиллерии никак не могли разрабатывать план наступательной операции на Халхин-Голе. Логике ведь никто не отменял. Однако то, что Воронов принимал участие в планировании операции, можно даже не обсуждать. Однозначно да! Ведь свои предложения готовили не только представители служб и отделов армейской и фронтовой групп, но и находившиеся в Монголии военачальники по родам войск из наркомата обороны.

Словом, ошибочка вышла. Бывает. Но зачем же так возмущаться? Славу победы Воронов же себе не присвоил...

Про абсолютную «объективность» книги Воротникова говорит и тот факт, что там практически нет командарма 2-го ранга Штерна. А все потому, что Георгий Константинович пояснил автору, как приказал: что «советское правительство, опасаясь расширения конфликта до крупных военных операций, в том числе и в направлении Забайкальского военного округа, создало группу фронтового командования во главе с командармом 2-го ранга Г.М. Штерном.

Об этом свидетельствует выписка из приказа Народного комиссара обороны СССР от 5 июля 1939 года: “Во исполнение решения Главного Военного Совета РККА от 5 июля 1939 года для объединения и направления действий 1-й и 2-й Краснознаменных армий, Забайкальского военного округа и 57-го особого корпуса образовать фронтовую группу с расквартированием в г. Чите... Командующим фронтовой группой назначаю командующего 1 ОКА командарма 2-го ранга тов. Штерна Г.М., освободив его от занимаемой должности...”

“Но поскольку после Баян-Цаганского побоища конфликт пошел на убыль, и японцы, получив хороший ответный удар, образумились и попятились, стало ясно, что развертывать штаб фронта явно нецелесообразно. 1-я армейская группа формально значилась в составе фронтовой группы, но фактически подчинялась непосредственно Москве. По приказанию Наркома обороны К.Е. Ворошилова, группа в составе 6—7 человек, во главе с Г.М. Штерном, в августе прибыла на командный пункт командующего Первой армейской группой на гору Хамар-Даба. По словам Г.М. Штерна, он прибыл с целью оказания помощи в материально-техническом обеспечении предстоящей наступательной операции за счет средств Забайкальского военного округа”, — рассказал мне Г.К. Жуков».

Есть в книге Воротникова и бесконечно повторяемое: «В создавшейся обстановке Г.М. Штерн высказал свое мнение о ходе дальнейшего наступления» и рекомендовал не торопиться, а Жуков его “не послушал”. Аргумент полководца прозвучал в письме к своему адъютанту от 18 февраля 1967 года: «...если бы я послушал его совета и остановил наступление, японские части могли избежать окружения».

Командарм Штерн был слишком опытным и образованным военачальником, чтобы высказывать такую чушь. И вообще на Халхин-Голе он приказывал Жукову, а не просил его об одолжении.

Из письма Г.К. Жукова семье: «1.IX.39.

Здравствуй, милый мой Шурик!

Шлю тебе привет и крепко всех целую. Получил от тебя массу писем и телеграмм, но, извини, ответить не мог, т. к. был занят боями. Вот с 20.8 веду непрерывные бои. **Сегодня закончил полный разгром японских самураев.** Уничтожена вся их действующая армия. Взято более 100 орудий, масса всякой техники и имущества. По счету это четвертое поражение японцев.

Надо тебе сказать: все время бои носили ожесточенный характер. Естественно, мне как командующему пришлось поработать и не поспать. Ну ничего, лишь бы был хороший результат. Ты помнишь, я тебе писал из Москвы о том, что задание партии выполню с честью. Вот не знаю, как будет развиваться конфликт дальше. Хотелось бы скорее кончить и увидеться с вами. Сегодня я посылаю за тобой порученца. Думаю, тебя довезет. Парень он проныристый.

Теперь, что здесь есть... Тут, говорят, есть все. Не было только одеял, но я купил 4 одеяла верблюжье-плюшевые, очень красивые.

Для меня: 1) касторовую шинель, 2) фуражку, но только не кавалерийскую, а пехотную, с малиновым околышем. Размер 57,5 с кавалерийским козырьком. Больше для меня ничего брать не нужно. Для себя: зимнее и осеннее пальто... Имейте в виду, приедете, здесь будет уже холодновато. Для детей: то же самое, но имей в виду, здесь плохо с портиками...

В Улан-Баторе я еще ни разу не был, т. к. прямо с самолета — на позиции и, кроме окопа, пока ещё ничего не видел...

Сегодня получил сообщение о присвоении мне звания Героя Советского Союза. Очевидно, ты об этом уже знаешь. Та-

кая оценка правительства, партии и т. Ворошилова обязывает меня еще больше стараться выполнить свой долг перед Родиной.

Крепко, крепко всех вас целую.

До скорого свидания.

Жорж».

Чтобы было понятно, всего звание Героя Советского Союза за подвиги на Халхин-Голе было присвоено 73 военнослужащим. В том числе Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 года это звание было присвоено командарму 2-го ранга Штерну Григорию Михайловичу (медаль «Золотая Звезда» № 154) и комкору Жукову Георгию Константиновичу (медаль «Золотая Звезда» № 435). А Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1939 года звание Героя Советского Союза вторично было присвоено и комкору Якову Владимировичу Смушкевичу (стал третьим дважды Героем Советского Союза, медаль «Золотая Звезда» № 5).

«...В конце ноября 1939 года Григорий Михайлович выехал из Читы в Москву, — свидетельствует генерал Первушин. — **Предполагая, что его вызвали с докладом к наркому, он поручил мне взять с собой некоторые документы о проведенной на Халхин-Голе операции. Но документы нам не потребовались.**

— Халхин-Гол — это теперь пройденный этап, — сказал мне Григорий Михайлович после встречи с К.Е. Ворошиловым. — Сейчас наркома волнуют другие вопросы, поважнее нашего. **Передайте весь привезенный материал в управление делами наркома. На хранение. Только не забудьте документы опечатать.**

Я сказал, что будет исполнено. И спросил, как с отпуском. Подтвердил ли Климент Ефремович разрешение на отпуск.

— Подтвердил. Только, думаю, долго отдыхать не придется. Финляндия...»

Отдых в санатории для командарма 2-го ранга Штерна длился всего 4 дня.

Его порученец вспоминал: «...и мы снова в наркомате обороны. Г.М. Штерн вышел оттуда командующим 8-й армией, действовавшей на Петрозаводском направлении советско-финского фронта».

6

После Халхин-Гола судьбы трех Героев Советского Союза сложились самым странным образом...

После Советско-финской войны (февраль — март 1940 года) Г.М. Штерн получает назначение на должность командующего Дальневосточным фронтом (22.06.1940). Ему присваивают новое воинское генеральское звание «генерал-полковник» (4.06.1940). Но пока он еще член ЦК ВКП(б) (1939—1941) и депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва (с 1937 года).

Я.В. Смушкевичу присваивают звание «генерал-лейтенант авиации» (4.06.1940) и в августе назначают на должность генерал-инспектора ВВС РККА, а в декабре — на должность помощника начальника Генерального штаба РККА по авиации.

Г.К. Жукову присваивают звание «генерал армии» (4.06.1940) и после двухмесячного пребывания в распоряжении наркома обороны СССР назначают командующим войсками Киевского особого военного округа (7.06.1940).

«Теперь у вас есть боевой опыт», — во время приема после возвращения из Монголии сказал ему И.В. Сталин. И это была чистая правда, ведь раньше никакого боевого опыта у будущего маршала и полководца не было!

Глава 17

«Я ДО СИХ ПОР ЛЮБЛЮ ЭТУ ОПЕРАЦИЮ»

1

16 декабря 1939 года Ставка Главного командования отдала следующий приказ № 0493: «1) Тов. Штерну немедленно вступить в командование армией».

В должности командующего 8-й армией Штерн сменил снятого ранее комдива И.Н. Хабарова, который гораздо лучше приспособился в управлении по снабжению войск 8, 9 и 14-й армий. А Григорий Михайлович остался за ним «разгрывать»...

Существует мнение, что война с Финляндией стала последней и наиболее тяжелой в карьере военачальника Штерна. Собственно, так все и было...

После Монголии и Дальнего Востока это были поистине суровые испытания. Иногда морозы доходили до 50 градусов. Выпал глубокий снег. Замело все дороги. А хлеб превращался в камень. Как вспоминал генерал А.Н. Первушин, «новый театр военных действий в корне отличался от того, где недавно пришлось воевать Г.М. Штерну. Там была голая степь, здесь — сплошные леса, изредка пересекавшиеся узкими дорогами. И если некоторая громоздкость организации не мешала нашим дивизиям в монгольских степях, то здесь, в лесных чащобах, эта громоздкость и неповоротливость давала себя знать. Для действий в лесах нужны были легкие, подвижные отряды лыжников, вооруженные не трехлинейными винтовками, а скорострельными автоматическим оружием.

Приехав в армию, Григорий Михайлович как обычно сразу же направился в войска и на месте ознакомился с положением дел...»

Обстановка была удручающей: «8-я армия в первые недели войны попала в тяжелое положение. Театр военных действий по-настоящему подготовлен не был, я бы сказал, ни в каком

отношении. Первоначальный оперативный план командования 8-й армии, утвержденный командованием Ленинградского военного округа, был неправильный. Войск для столь широкого и хорошо оборудованного для обороны фронта и для столь важного направления было слишком мало. Всего шесть дивизий, наступавших по пяти изолированным одна от другой дорогам на 300-километровом фронте. К моменту моего вступления в командование все эти шесть дивизий были в бою до последней роты и имели тяжелые потери... 1-й корпус (139-я и 75-я дивизии) был уже сильно побит и отходил в беспорядке, так что сразу по приезде мне пришлось вместе с находившимся в армии тов. Куликом ехать в 1-й корпус и организовывать его вывод из боя и наведение хоть какого-нибудь порядка... Резервов не было буквально ни одной роты на всю армию», — докладывал Сталину командарм.

В апреле 1940-го начальник ГРУ Генштаба Проскуров особо отметит: «Мы получили извещение от тов. Штерна и от тов. Чуйкова о том, что они не получают данные о разведке». Было и такое...

Как известно, война началась в 8 часов утра 30 ноября 1939 года с мощной артиллерийской подготовки, а уже через час после ее окончания войска Красной армии пошли вперед. В частности, 8-я армия действовала между Ладожским и Онежским озерами.

Историк П. Аптекарь в своей книге про эту войну рассказывает: «Сначала соединения армии хотя и медленно (по 6—8 км в сутки), но двигались в глубину финской территории. Однако после проникновения на расстояние от 60 до 120 км на территорию Финляндии все соединения были остановлены решительными контратаками частей 4-го армейского корпуса... и группы полковника П. Талвелы».

Между снятием Хабарова и назначением Штерна (13—16 декабря) упорные бои частей армии продолжались с переменным

успехом: два стрелковых полка безуспешно атаковали позиции противника в районе озер Мантси-ярви и Коллан-ярви... Но когда 17 декабря финны перешли к более активным действиям, в этот же день два батальона этих стрелковых полков оказались в окружении. В общем, бои были жуткими: с вынужденными отходами, нарушенными коммуникациями, прерванным подвозом боеприпасов и продовольствия и т. д. Финские диверсионные группы действовали исключительно эффективно. А в начале января финнам вообще удалось разбить гарнизон Леметти на две части, после чего штабы и подразделения двух стрелковых дивизий 8-й армии оказались в окружении. При этом командование этих соединений предпочло прорыву на восток пассивное ожидание подхода своих войск.

Как подчеркивает историк П. Аптекарь, «...каждый день войны обходился стране в 1200 человек убитыми, 6 сбитых самолетов и 23 подбитых и сожженных танка».

«Вскоре перед наркомом обороны им (Штерном) был поставлен ряд срочных организационных вопросов, — свидетельствует порученец командарма. — В один из вечеров к прямому проводу Штерна вызвал И.В. Сталин. Он передал, что с его докладом на имя К.Е. Ворошилова о некоторых организационных вопросах ознакомился. “Хорошо ли продуманы ваши предложения?” — появилось затем на телеграфной ленте. — “Хорошо”, — передал Штерн. — “Завтра вечером в Москве доложите свои соображения”.

Назавтра мы были в Москве.

Григорий Михайлович вернулся из Кремля поздно ночью. Результатами своего доклада и решением по его основным пунктам он был доволен. Он сказал, что в ближайшие дни в армию будут направлены лыжные батальоны, вооруженные автоматами ППШ.

Как известно, лыжи и автоматы в той войне сыграли не последнюю роль».

Прием у Сталина проходил 11 декабря 1939 года, где присутствовали кроме Штерна, Ворошилов, Молотов, Шапошников, Смородинов и Кузнецов. Григорий Михайлович вошел к вождю в 22.35, а вышел в 23.10.

Генерал-полковник А.Г. Рытов спустя десятилетия обратит внимание на следующий факт: «Обстановка резко изменилась, когда командование армией принял Штерн. Он решил занять оборонительные позиции и привести войска в порядок. Перед Ставкой было возбуждено ходатайство об обеспечении войск усиленным продовольственным пайком, теплым обмундированием, палатками, лыжами. Штерн знал, что на суровом севере можно успешно воевать только при условии, если боец хорошо накормлен, одет, а в перерыве между боями имеет возможность отдохнуть. Эту мысль, кстати говоря, он все время внушал и нам, политработникам: “Грош цена всем вашим беседам, если вы не будете проявлять заботу о людях”. Когда готовилось январское наступление 1940 года, командарм потребовал обеспечить каждого бойца, действующего в отрыве от тыла, двухдневным сухим пайком: водкой, салом, консервами, галетами или сухарями, отварным мясом и сахаром. “Перед атакой, — наставлял он командиров, — надо хорошо накормить бойцов, а в волокушах и на санках, что пойдут вслед за наступающими, иметь необходимый запас продуктов”» («Рыцари пятого океана»).

Андрей Герасимович Рытов запомнил Штерна «спокойным и на редкость деликатным человеком». При этом отмечал, что «в минуты недовольства Штерн был крутым, и тогда лучше не попадаться ему на глаза. Но гнев его быстро проходил, уступая место обычной для командира деликатности».

21 января 1940 года соединения 8-й армии начали частные наступательные операции, и, как пишет П. Аптекарь, «имев-

шие своей целью улучшение занятых позиций, отвлечение противника от окруженных соединений, а в случае удачного развития событий и деблокирование попавших в кольцо». Штерн же, как всегда основательно готовил мартовское наступление на противника.

«Мартовское наступление, которое мы основательно готовили по детально указанному лично тов. Сталиным замечательному плану, наступление, по которому из восьми дивизий армии шесть дивизий, около 90 % артиллерии и вся авиация наносили мощный удар на узком фронте, начало успешно развиваться, докладывал командарм Штерн на совещании при ЦК ВКП(б) начальствующего состава. — Войска армии в результате жестоких боев прорвали сильно укрепленный рубеж обороны финнов, последовательно перемолотив при этом, больше всего артиллерией и авиацией, значительные силы финнов. Финны потеряли в этих мартовских боях около 3 тыс. одними убитыми. Войска армии при этом уничтожили и взяли сотни каменно- и дерево-земляных укрепленных точек, тысячи винтовок, много пулеметов, автоматов и другого оружия. Финские войска были настолько истощены и разбиты, что надергивали для своих укреплений остатки войск, откуда только могли; так на одной из укрепленных высот, взятых за пару дней до окончания военных действий, были найдены сотни трупов пяти финских полков. Наши части смешанной конницы, стрелки и лыжники вышли уже в тыл финнам. Наши диверсионно-партизанские группы активно действовали на прилегающих к фронту дорогах финского тыла. Мы имели еще значительные резервы для питания и развития успеха. Близкий и полный успех этого наступления 8-й армии был для всех несомненным, но действия 8-й армии запоздали».

К 12 марта войска под командованием Штерна, после упорных боев, заняли финскую линию обороны, оттеснив группу

Талвелы на юг и запад, и начали бить противника, как никогда ранее. Вот только неожиданно окончилась война, и был подписан Московский мирный договор.

2

С 23 по 31 декабря 1940 года в Москве проходило совещание высшего командного и политического состава Красной армии. На нем присутствовали руководящий состав Наркомата обороны и Генштаба, начальники Центральных управлений, командующие, члены Военных советов и родов войск, командиры некоторых корпусов, дивизий — всего более 270 человек. Именно на нем, когда вопрос коснулся возможных людских потерь в будущей войне, Маршал Советского Союза Г.И. Кулик откровенно цинично заявил: «Там, где лес рубят, там щепки летят. Но надо, чтобы щепок было поменьше. Плакать над тем, что где-то, кого-то пристрелили, не стоит».

Командующий войсками Дальневосточного фронта генерал-полковник Г.М. Штерн сначала выступил по докладу начальника Генерального штаба Красной армии генерала армии К.А. Мерецкова, а во второй раз — по докладу командующего войсками Киевского особого военного округа генерала армии Г.К. Жукова. Вот некоторые мысли из последнего выступления Штерна:

«Я согласен с основными формами фронтовой операции, которые выдвигал докладчик. И хотел высказать свое мнение о том, что в ряде случаев может быть выгоднее прорыв двух смежных армий, к которому, кажется, т. Жуков относится не отрицательно, но считает его дающим меньшие надежды на успех, нежели фланговый удар.

Я считаю, что прорыв двух смежных армий внутри флангов этих армий также представит значительные выгоды, в особенности если наступление будет развертываться не силами одного фронта, а, скажем, силами двух фронтов. И в этом случае

в этот прорыв можно было бы пустить и второй армейский эшелон развития прорыва и фронтовой эшелон развития прорыва.

Я хочу высказать опять свое мнение о том, что желательно, чтобы ударная армия имела бы свой эшелон развития прорыва и, кроме того, была бы или подвижной армией, или самой механизированной группой, или усиленной подготовкой корпуса как эшелона развития прорыва фронта.

Кто организует боевую операцию — тот заинтересован в двух вопросах. Прежде всего, чтобы прорыв не вышел только клином. Клин — это есть начало этого прорыва и дальше движением клином, как немцы применяли в Бельгии и во Франции, а затем этот клин должен расширяться продвижением вперед всего фронта. И второе, тот, кто организует боевую наступательную операцию, должен всячески стремиться к тому, чтобы пустить в дело, пустить в оборону [противника] наибольшее количество своих сил».

«Мне кажется, что т. Жуков стоит за то, что лучше иметь эти дивизии в резерве армии. Мне кажется, что надо иметь на фронте (помимо двух дивизий в первом эшелоне) одну дивизию и еще дивизию во втором эшелоне.

Я согласен с тем, что тут имеются указания по двум нормам. На вспомогательном направлении в 8—9 км фронтового прорыва можно не иметь в данном случае второй эшелон. Я, выражаясь словами Г.К. Жукова, считаю, что нужно всегда на главном ударном направлении иметь второй эшелон.

Танки, которые придаются пехоте, могут быть и существуют в виде танковой бригады и танковой дивизии, входящей в механизированный корпус. Конечно, последнее нежелательно, так как лучше направлять мехкорпус свеженьким и полнокровным.

Но здесь нужно сказать, что я не согласен с мнением т. Жукова о том, что как правило танковые корпуса должны вво-

даться в прорыв после того, как проломлена вся глубина обороны, в том числе и вторая полоса обороны. Я очень хорошо знаю, какие трудности представляет прорыв хорошо развитой в глубину обороны противника. И этот прорыв после овладения первой оборонительной полосой может потребовать еще чрезвычайно много усилий и времени, когда танковый корпус, находящийся в бездейственном ожидании ввода в прорыв, с отчаяния будет не по заблаговременно принятому решению брошен [в бой], чтобы проломить эту оборону.

Я полагаю, что если у противника более глубокая оборона против той схемы, которую докладывал здесь т. Жуков, то в ряде случаев будет целесообразно после прорыва пехоты, усиленной танками РГК, артиллерией и прочим, переднего края противника, пока еще нет тактической [ясности], пока противник не проанализировал серьезность положения, возможности прорыва второй оборонительной полосы, бросить танковый корпус, проломить оборону здесь самому. Понятно, что каждому хочется пустить в прорыв танковый корпус свеженьким и чистеньким, но это не всегда получается, а большей частью — не получается. И немцы свои мехкорпуса пускали для прорыва и полевой обороны, а во Франции — в ряде случаев и долгое время — обороны северной, слабенького продолжения линии Мажино».

«Я не знаю, нужно ли останавливаться на специально отработанном нами вопросе — вопросе питания современной наступательной операции, что является для работы фронта и армейского командования не меньше, как половина всей суммы его вопросов. При составлении расчета применялись первые данные о фактическом расходовании основных видов снабжения и потребном в современных операциях. Только по Халхин-Голу по десяти дням наступления в конце августа есть отдельные данные, по операциям на фронтах в Испании и по другим участкам боев в МНР. Все же (поскольку бои проис-

ходили на узких участках фронта, но очень были насыщены техническими взаимоотношениями) я считаю возможным взять за исходное для расчета эти материалы, причем должен предупредить, что я считаю совершенно неправильными какие бы то ни было высказывания и расчеты такого порядка, скажем, 5 армейских боекомплектов, 10 армейских боекомплектов; нам тогда будет нужно одного вида боеприпасов — десять, а другого вида — половина боеприпасов и мы должны давать заявку и расчеты производить, как правило, по каждому виду боеприпасов в отдельности. Вот, т. Герасименко, если тебе придется меня снабжать, я у тебя буду просить 120-мм гаубичные выстрелы — дай мне на операцию 10 БК, а винтовочных патронов — пока 10 БК. Это, товарищи, вы все знаете и больше всего знает наш сегодняшний докладчик. Наша пехота должна стрелять, для этого мы ее должны учить, но все-таки, как ни говорите, в современных наступательных боях несомненно уменьшаются расходы патронов и увеличиваются требования на артиллерийские выстрелы.

Я приведу свои расчеты для армии, исходя из норм, израсходованных т. Жуковым на Халхин-Голе. Только в среднем за эти десять дней на Халхин-Голе расходовалось по пушечным выстрелам от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ боеприпасов (причем были дни из этих десяти наиболее напряженные и наименее напряженные), гаубичных — от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{2}$; авиационных — от $\frac{1}{2}$ боеприпасов до $1 \frac{1}{2}$ боеприпасов.

Горючего для войскового транспорта расходовалось $\frac{1}{3}$ заправки. Авиация расходовала $\frac{2}{3}$ заправки в сутки в среднем, причем значительно меньше расходовали бомбардировщики, а на истребители приходилось до 2—3 заправок в сутки.

Я считаю, что у нас наступательная операция (с противником) не будет завершаться в течение 7—8 дней, а будет тянуться месяц (с 20 днями напряженного боя) потому, что обе стороны будут питать бой. Для указанного состава необходи-

мо будет следующее количество [запасов] на месяц операции: огнеприпасов — 110 000 тонн, огнеприпасов авиации — ... тысяч тонн, горючего — 60 000 тонн. Итого — 260 000 тонн или 12 500 вагонов.

Если сравнить с некоторыми цифрами мировой войны, то в октябре 1916 г. группам северных французских армий подвозилось ежедневно 18 000 тонн грузов, а у меня вышло... тысяч тонн. Во время сражения на реке Сомма для обеспечения 6-й французской армии в 1916 г. был накоплен запас в размере 150 000 тонн. В течение одного дня артподготовки 1 июля в этом сражении было израсходовано 8000 тонн боеприпасов.

Из президиума: Но там не было поправок на танки.

Г.М. Штерн: Да, поправок на танки не было.

Для первой армейской группы генерала армии т. Жукова, для обеспечения ее операции [на Халхин-Голе], при подготовке операции, в период наступления было подвезено 3000 тонн грузов. Для обеспечения наступательной операции армии необходимо заблаговременно подвезти в район станции снабжения запасы на 15—20 дней. Ежедневно придется подвозить со станции снабжения около 8000 тонн грузов. При отрыве от станции снабжения при развитии наступления до 150 км потребуются автотранспорта 3000 полевых машин ЗИС-5, 1000 наливных машин. Первая армейская группа во время событий на Халхин-Голе к 1 сентября имела...

На очень большом фронте необходим подвоз, доходящий до 270 км».

«Остальные нормы, по моему мнению, правильны и я согласен во всем с т. Жуковым, но только хочу добавить, что в военное время следует ввести добавочные полки».

После окончания совещания были проведены двухсторонние оперативно-стратегические игры на картах. Первая игра состоялась 2—6 января, а вторая — 8—11 января 1941 г. Однако первоначально намечалась лишь одна двухсторонняя игра

17—19 ноября 1940 г. на северо-западном направлении по теме «Наступательная операция фронта с прорывом укрепленного района», в ходе которой предполагалось:

1. Дать практику высшему командованию:

а) в организации и планировании фронтовой и армейской операции, ее боевом и материальном обеспечении на всю глубину;

б) в управлении операцией, организации и обеспечении взаимодействия Вооруженных сил и родов войск и управлении тылом.

2. Проработать и усвоить основы современной наступательной операции фронта и армии, в частности:

а) организацию и методы прорыва УР с преодолением сильно развитых в глубину заграждений;

б) форсирование крупной речной преграды;

в) организацию и проведение противодесантной операции с целью не допустить высадки морского и воздушного десанта;

г) организацию и обеспечение выброски крупного авиадесанта;

д) ввод в прорыв конно-механизированных групп;

е) взаимодействие с морским флотом.

3. Изучить Прибалтийский театр военных действий и Восточную Пруссию.

4. Ознакомиться с основами оборонительной операции и, в частности, с организацией и методами обороны укрепленного района...

Тем не менее срок проведения игры перенесли до окончания декабрьского совещания, расширив размах игры: кроме игры на северо-западном направлении была включена игра и на юго-западном направлении. По условиям первой игры «западные» 15 июля 1941 г. осуществили нападение на «восточных», а к 23—25 июля достигли рубежа Шяуляй, Каунас,

Лида, Скидель, Осовец, что в 70—120 км от государственной границы. Затем по заданию «восточные» нанесли ответный удар и к 1 августа отбросили противника с указанного рубежа в исходное положение.

Лишь с этого положения разыгрывались дальнейшие действия сторон. Во второй игре: юго-восточный фронт «западных» после вторжения на территорию «восточных» на рубеже Львов, Ковель, что в 50—70 км от государственной границы, был встречен «сильным контрударом “восточных”».

«Противник потерял до 20 пехотных дивизий и к 8 августа 1941 г. отошел на заранее подготовленный рубеж».

Вот только каким образом «восточным» удалось не только отбросить противника к государственной границе и частично перенести боевые действия на его территорию, до сих пор загадка! Дело в том, что юго-западный фронт «восточных» во второй игре армиями правого крыла вышел на реках Висла и Дунаец, продвинувшись на глубину 90—180 км западнее государственной границы. Возникает вывод: на этих играх их участники совершенно не рассматривали ситуацию, которая могла сложиться в первых операциях в случае нападения противника. И как факт: вопросы, связанные с действиями в начальный период войны, в учебных целях этих игр не значились, а потому и не рассматривались. Все это стало известно благодаря официальной справке об оперативно-стратегических играх, подготовленной группой военных историков Института военной истории Министерства обороны в 1993 г. под руководством генерала В.А. Золотарева.

А вот что поведал маршал Г.К. Жуков писателю К.М. Симонову:

«В этой игре я командовал “синими”, играл за немцев. А Павлов, командовавший Западным военным округом, играл за нас, командовал “красными”, нашим Западным фронтом.

На Юго-Западном фронте ему подыгрывал Штерн.

Взяв реальные исходные данные и силы противника — немцев, я, командуя “синими”, развил операцию именно на тех направлениях, на которых потом развивали их немцы. Наносил свои главные удары там, где они их потом наносили. Группировки сложились так, как они потом сложились во время войны. Конфигурация наших границ, местность, обстановка — все подсказывало мне именно такие решения, которые они потом подсказали немцам. Игра длилась около восьми суток. Руководство игрой искусственно замедляло темпы продвижения “синих”, придерживало его. Но “синие” и на восьмые сутки продвинулись до района Барановичей, причем, повторяю, при искусственно замедленном темпе продвижения».

Почему полководец и Маршал Советского Союза Г.К. Жуков лукавил в этой беседе с писателем, непонятно. Можно допустить, что какие-то моменты за давностью лет он просто запомнил, но ведь в целом все было абсолютно не так. Может быть, Георгий Константинович думал, что потомки никогда не прочитают документы этой игры?

Владимир Карпов в своей первой книге трилогии «Маршал Жуков», касаясь игр 1941-го, пишет:

«Первая игра проводилась со 2 по 6 января. Как говорит Жуков, эта игра преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытия и действия войск в начальном периоде войны. Исходя из этого, разработчики показали на картах реальной местности (там, где была наша советско-германская граница) расположение и силы сторон, приближенные к тем, которые были в действительности “западные”, например, наносили удар силами до 140—150 дивизий. Жуков, командуя “западными”, расположил свои силы в Восточной Пруссии и решил наступать в направлении Рига — Двинск вдоль побережья Балтийского моря. Он ввел сначала шестьдесят дивизий, а затем, когда “восточные” нанесли ему контрудар и стали теснить

назад, Жуков, как он это и предусмотрел, отвел свои войска, участвовавшие в первоначальном ударе, на мощные приграничные позиции, усилил их здесь своими главными частями, которые держал в резерве, и затем перешел в стремительное наступление.

Обычно на всех играх побеждали “красные”, посредники и руководители учений уже традиционно привыкли делать выводы в пользу своих, “восточных” войск. Но в этой игре Жуков так распределил и направил свои войска, что при всем желании нельзя было отдать предпочтение действиям “красных”.

Жуков “нанес” такой сильный удар, что пришлось, хотели того или не хотели руководители, признать: успех на стороне “западных”...

Вторая игра была проведена с 8 по 11 января 1941 г. Здесь тоже Жуков командовал “западной” стороной, а Павлов — “восточной”. Но тема, как я уже сказал, была не очень актуальная, она представляла собой отработку овладения укрепленным районом с преодолением предполья и, после преследования противника, форсирования р. Вислы.

Во второй игре в исходной обстановке противникам было дано равенство сил, причем “восточным” предписывалась активная наступательная тактика с попыткой окружения “западных”, но Жуков сумел, создав сильные резервы, не допустить этого окружения».

Здесь писатель-фронтовик несколько поправил Г.К. Жукова и указал на две игры, но суть от этого ничуть не изменилась. Видимо, В. Карпов сложил воедино рассказ Г.К. Жукова с некоторыми подробностями двух игр. Потому и получилось не то, как было на самом деле.

Во-первых, руководил играми нарком обороны Герой Советского Союза Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, а вместе с ним в первой — 15 генералов (в том числе бригадвоенврач) и три маршала, во второй — 11 военачальников, включая

трех маршалов. В первой игре «восточными» (красными) командовал командующий Западным особым военным округом Герой Советского Союза, генерал-полковник танковых войск Д.Г. Павлов (в группе 24 генерала, 1 контр-адмирал и 3 старших офицера).

«Западными» (синими) командовал командующий Киевским особым военным округом Герой Советского Союза генерал армии Г.К. Жуков (в группе 18 генералов, 1 контр-адмирал и 2 старших офицера). Во второй игре «восточными» командовал Г.К. Жуков (в группе 29 генералов), а «западными» — Д.Г. Павлов (18 генералов).

Во-вторых, как мог генерал армии Жуков в 1-й игре отвести свои войска, усилить их резервами и перейти в наступление, если «западные», осуществив 15 июля 1941 г. нападение на «восточных», к 23—25 июля достигли рубежа Каунас, Лида, Скидель, Осовец, но затем под ударами «восточных» к 1 августа были отброшены с указанного рубежа в исходное положение (РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 564. Л. 32, 34; Д. 365. Л. 13), и уже с этого положения разыгрывались дальнейшие действия сторон? Таковы были условия игры.

В-третьих, как мог генерал армии Жуков командовать «западной» стороной, если он командовал «восточной»? И вот тут нечто вроде истины, но уже исторической:

«Юго-восточный фронт “западных” после вторжения на территорию “восточных” на рубеже Львов, Ковель был встречен “сильным контрударом восточных”... и, потеряв до 20 пд, к исходу 8.8.1941 отошел на заранее подготовленный рубеж» (РГВА. Ф. 37977. О. 5. Д.570. Брошюра 14. Л. 1—2). Вот только теперь, и то условно, победил Г.К. Жуков, но, как было сказано выше, до сих пор непонятно, каким образом ему («восточным») удалось не только отбросить противника к госгранице, но местами и перенести военные действия на его территорию?

В-четвертых, вопросы действий войск в начальный период войны в учебных целях игр не значились и не рассматривались. А значит, лукавил при жизни в мемуарах и в разговорах Г.К. Жуков, лукавит в биографической книге о нем и В. Карпов.

Согласитесь: между тем, что говорят и что было на самом деле, разница значительная. Так где же истина?

Созданные в играх группировки войск сторон соответствовали утвердившимся осенью 1940 г. взглядам советского стратегического руководства, согласно которым Германия с целью захвата Украины может сосредоточить свои главные силы (110—120 пехотных дивизий, основную массу танков и самолетов) на юге в районе Седлец, Люблин для нанесения главного удара в общем направлении на Киев, а из Восточной Пруссии, где будет сосредоточено 50—60 немецких пехотных дивизий, может последовать вспомогательный удар.

Специалисты Института военной истории установили: «В документах первой игры так и указывалось, что Северо-Восточный и Восточный фронты “западных” (до 60 пехотных дивизий), действующие к северу от Демблина до Балтийского моря, предприняли наступление “в интересах главной операции”, проводимой к югу от Бреста, где развернуты главные силы “западных” — до 120 пехотных дивизий, а вместе с их союзниками — до 160 пехотных дивизий. (РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 564. Л. 32).

Но начало Великой Отечественной войны показало, что в январе 1941 г. оперативно-стратегическое звено командного состава РККА разыгрывало на картах такой вариант военных действий, который реальными “западными”, то есть Германией, не намечался.

Обращает на себя внимание и такой факт: в обеих играх действия сторон на направлениях Брест, Барановичи (Восточ-

ный фронт “западных”) и Брест, Варшава (Западный фронт “Восточных”) не разыгрывались. Между тем и в планах советского стратегического руководства, и в документах первой игры отмечалась опасность ударов противника из районов Сувалки и Брест в направлении Барановичи. (РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 569. Брошюра 5. Л. 238).

Известно, что удары гитлеровцев именно из этих районов в начале Великой Отечественной войны привели к окружению советских войск в Белостокском выступе».

3

«На штабную и преподавательскую работу назначен быть не может — органически ее ненавидит», — писал в аттестации на своего подчиненного Г.К. Жукова в ноябре 1930 года К.К. Рокоссовский. Но на эти слова в Кремле внимания не обратили и буквально «насильно» назначили начальником Генерального штаба (июнь-июль 1941 г.).

«На следующий день после разбора игры я был вызван к И.В. Сталину.

Поздоровавшись, И.В. Сталин сказал:

— Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас.

Я ждал всего, но только не такого решения, и, не зная, что ответить, молчал. Потом сказал:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу

— Политбюро решило назначить вас, — сказал И.В. Сталин, делая ударение на слове “решило”.

Понимая, что всякие возражения бесполезны, я поблагодарил за доверие и сказал:

— Ну а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

— Ну вот и договорились. Завтра будет постановление ЦК, — сказал И.В. Сталин.

Через четверть часа я был у наркома обороны. Улыбаясь, он сказал:

— Знаю, как ты отказывался от должности начальника Генштаба. Только что мне звонил товарищ Сталин. Теперь поезжай в округ и скорее возвращайся в Москву. Вместо тебя командующим округом будет назначен генерал-полковник Кирпонос, но ты его не жди, за командующего можно пока оставить начальника штаба округа Пуркаева», — вспоминал Георгий Константинович.

Несколько любопытных слов о Жукове того времени написал и адмирал флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов: «Как известно, Жуков был начальником Генерального штаба до 1 августа 1941 года... (...)

Жуков был строевым военачальником, обладающим сильной волей и стальным голосом. Ему больше было к месту командовать, а не копаться в бумагах. Роль начальника штаба не для него. Каждому — свое! В жизни я много видел моряков, прекрасных командиров кораблей или соединений, но неважных начальников штабов. В Жукове черта командования просматривалась во всем. Мне думается, что ему и самому штабная работа была не по душе. Так или иначе, но И.В. Сталин пришел к выводу, что на должность начальника Генерального штаба полезнее вернуть маршала Б.М. Шапошникова... (...)

О Жукове я в то время знал лишь из случайных рассказов его старых знакомых. Так, С.М. Буденный вспоминал, как Жуков вступал в командование кавдивизией и как излишне сурово обещал навести порядок. От Я.В. Смушкевича и Г.М. Штерна я слышал мнение о Жукове из событий на Халхин-Голе. Там он командовал корпусом и проявил себя как волевой и опытный начальник (позднее он все успехи в боях с японцами, го-

ворят, старался приписать себе). Короткие встречи с ним не позволили составить полное представление о нем, да и нужды в этом у меня не было. Меня интересовала всего одна сторона деятельности Жукова — его отношение к флоту, и я был удручен, не находя в нем живого и товарищеского отклика на свои предложения».

14 января 1941 года Г.М. Штерн был назначен начальником Главного управления противовоздушной обороны Народного комиссариата обороны СССР... Многие, кто хорошо знал Григория Михайловича, так и не поняли этого назначения...

В своей непроизнесенной речи (май 1956 года) Маршал Советского Союза Г.К. Жуков привел один очень интересный документ...

«Знал ли Сталин и председатель Совнаркома В.М. Молотов о концентрации гитлеровских войск у наших границ? — должен был сказать огромной аудитории маршал и полководец. — Да, знали. Кроме данных, о которых на XX съезде доложил тов. Н.С. Хрущев, Генеральный штаб систематически докладывал правительству о сосредоточениях немецких войск вблизи наших границ, об их усиленной авиационной разведке на ряде участков нашей приграничной территории с проникновением ее в глубь нашей страны до 200 километров. За период январь — май 1941 г. было зафиксировано 157 разведывательных полетов немецкой авиации».

А дальше Георгий Константинович, «чтобы не быть голословным», должен был огласить одно из донесений начальника Генерального штаба главе правительства тов. В.М. Молотову, то есть свое:

«Докладываю о массовых нарушениях государственной границы германскими самолетами за период с 1 по 10.4.1941 г. Всего за этот период произведено 47 нарушений госграницы.

Как видно из прилагаемой карты, нарушения в преобладающей своей массе ведутся:

а) на границе с Прибалтийским особым военным.. округом и особенно в районах Либава, Мемель и Ковно;

б) на Львовском направлении на участке госграницы Сокаль, Перемышль.

Отдельные случаи нарушения госграницы произведены в направлениях на Гродно, Белосток, Ковель и Луцк, а также на госгранице с Румынией.

Полеты немецких самолетов производились на глубину 90—200 км от госграницы как истребителями, так и бомбардировщиками. Это говорит о том, что немцы производят как визуальную разведку, так и фотографирование.

Прошу доложить этот вопрос тов. Сталину и принять возможные мероприятия. Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Жуков. 11 апреля 1941 г. № 503727».

А не «камнем ли в огород» начальника Главного управления противовоздушной обороны НКО СССР генерал-полковника Штерна должно было стать это донесение?

Вот только «никаких реальных мер ни по этому донесению, ни по ряду других не последовало, и должных выводов не было сделано.

Примером полного игнорирования Сталиным сложившейся военно-политической обстановки и беспрецедентной в истории дезориентации нашего народа и армии является сообщение ТАСС, опубликованное в печати 14 июня 1941 г., т. е. за неделю до нападения фашистской Германии на Советский Союз. В этом сообщении указывалось, что «по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные

и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям". (АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 188. Л. 4—30).

Но и здесь Маршал Советского Союза немного слукавил...

10 июня 1941 года нарком обороны СССР и начальник Генштаба подписали приказ № 0035 «О факте беспрепятственного пропуска через границу самолета Ю-52 15 мая 1941 г.»:

«15 мая 1941 г. германский внерейсовый самолет Ю-52 совершенно беспрепятственно был пропущен через государственную границу и совершил перелет по советской территории через Белосток, Минск, Смоленск в Москву. Никаких мер к прекращению его полета со стороны органов ПВО принято не было.

Посты ВНОС 4-й отд. бригады ПВО Западного особого военного округа, вследствие плохой организации службы ВНОС, обнаружили нарушивший границу самолет лишь тогда, когда он углубился на советскую территорию на 29 км, но, не зная силуэтов германских самолетов, приняли его за рейсовый самолет ДС-3 и никого о появлении внерейсового Ю-52 не оповестили.

Белостокский аэропорт, имея телеграмму о вылете самолета Ю-52, также не поставил в известность командиров 4-й бригады ПВО и 9-й смешанной авиадивизии, так как связь с ними с 9 мая была порвана военными. Командование 9-й смешанной авиадивизии никаких мер к немедленному восстановлению связи не приняло, а вместо этого сутяжничило с Белостокским аэропортом о том, кому надлежит восстановить нарушенную связь.

В результате командир западной зоны ПВО генерал-майор артиллерии Сазонов и начальник штаба 4-й отд. бригады ПВО майор Автономов никаких данных о полете Ю-52 до извещения из Москвы не имели.

В свою очередь, вследствие плохой организации службы в штабе 1-го корпуса ПВО г. Москвы командир 1-го корпуса ПВО генерал-майор артиллерии Тихонов и зам. начальника Главного управления ПВО генерал-майор артиллерии Осипов до 17 мая ничего не знали о самовольном перелете границы самолетом Ю-52, хотя дежурный 1-го корпуса ПВО 15 мая получил извещение от диспетчера Гражданского воздушного флота, что внерегистровый самолет пролетел Белосток.

Никаких мер к прекращению полета внерегистрового самолета Ю-52 не было принято и по линии Главного управления ВВС КА. Более того, начальник штаба ВВС КА генерал-майор авиации Володин и заместитель начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майор авиации Грендаль, зная о том, что самолет Ю-52 самовольно перелетел границу, не только не приняли мер к задержанию его, но и содействовали его полету в Москву разрешением посадки на Московском аэродроме и дачей указания службе ПВО обеспечить перелет.

Все эти факты говорят о неблагополучном состоянии службы ПВО Западного особого военного округа, о плохой ее организации, слабой подготовленности личного состава ВНОС ПВО, потере бдительности в 4-й отд. бригаде ПВО и отсутствии должной требовательности со стороны командующих военными округами и высшего начсостава ПВО и ВВС к четкости несения службы ПВО».

На этот раз последовали и соответствующие оргвыводы: «Приказываю:

1. Военному совету Западного особого военного округа тщательно расследовать факт самовольного пролета самолета Ю-52 через территорию округа, выявить всех виновных лиц и наложить на них взыскания своею властью. Немедленно восстановить телефонную связь Белостокского аэропорта

с 9-й смешанной авиадивизией и штабом 4-й бригады ПВО и в пятидневный срок проверить состояние связи аэропортов со штабами ПВО. Исполнение донести к 20.6.41 г.

2. Военным советам округов (ДВФ) назначить авторитетные комиссии, которые обязать к 1.7.41 г. обследовать всю систему ПВО на территории округов, обратив особое внимание на ее боеготовность, состояние службы наблюдения, оповещения, связи и подготовку постов ВНОС.

Все недочеты, вскрытые комиссиями, устранить на месте в процессе их работы.

Результаты обследования и о принятых мерах донести мне к 5.7.41 г.

3. Начальнику Главного управления ПВО до 1.7.41 г. обследовать состояние ПВО в Западном особом и Московском военных округах и результаты обследования доложить мне лично.

Его же распоряжением обеспечить к 1.7.41 г. все посты ВНОС силуэтами самолетов и организовать поверку знаний постами ВНОС силуэтов и умения определять по ним принадлежность самолетов.

4. За плохую организацию службы ВНОС, отсутствие должного воинского порядка в частях ПВО и слабую подготовку личного состава постов ВНОС командующему Западной зоной ПВО генерал-майору артиллерии Сазонову, начальнику штаба 4-й бригады ПВО майору Автономову объявить выговор.

5. За самовольное разрешение пролета и посадки Ю-52 на московском аэродроме без проверки прав на полет в Москву начальнику штаба ВВС генерал-майору авиации Володину и заместителю начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майору авиации Грендалю объявить замечание.

6. Командиру 1-го корпуса ПВО генерал-майору артиллерии Тихонову и заместителю начальника Главного управления ПВО генерал-майору артиллерии Осипову обратить особое

внимание на слабую организацию системы наблюдения и оповещения.

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза С. Тимошенко

Начальник Генерального штаба Красной Армии

генерал армии Жуков» (РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 179—182).

А это был уже «бульжник», брошенный в Штерна...

«Как-то в 1940 году, в одну из командировок в Москву, — это последнее, о чем написал генерал-майор А.Н. Первушин о Г.М. Штерне в «Памятных встречах», — я по делам службы зашел на квартиру к Г.М. Штерну и застал там его боевых соратников по Испании. Были Долорес Ибаррури, Энрико Листер, К. Сверчевский-Вальтер и еще несколько человек. Григорий Михайлович пригласил меня к столу. Я слушал его гостей и дивился той любви и душевности, с какой эти легендарные люди говорили о наших советских воинах, преданно и бескорыстно отдавших все свои силы, способности, знания, а порой и жизни — поддержке борьбы героической Испанской республики с фашизмом. И я видел, с каким уважением относятся эти люди к “товарищу Григоровичу” — Григорию Михайловичу Штерну.

Прошло тридцать лет с той поры. Но годы не выветрились из памяти замечательный образ этого обаятельного человека, учившего многих из нас, советских офицеров старшего поколения, трудной военной науке».

4

В марте 1941 года новому наркому обороны (назначен на должность 7 мая 1940 г. с присвоением высшего воинского звания — Маршал Советского Союза) Маршалу Советского Союза Семену Константиновичу Тимошенко была представ-

лена так называемая справка (компромат) на начальника Главного управления ПВО генерал-полковника Г.М. Штерна:

«Штерн Григорий, он же Давид Михайлович, 1900 года рождения, уроженец г. Смелы Киевской области, из служащих, член ВКП(б) с 1919 года, в Красной Армии с 1919 года.

Штерн в 1918 году на Украине во время гетманщины был связан с левыми эсерами и в 1924—1925 гг. примыкал к троцкизму.

В анкете, заполненной в 1929 году, Штерн о себе сообщает: «В 1918 году на Украине был короткое время (во время гетманщины) связан с левыми эсерами. В партию формально не входил. Это было до прихода большевиков на Украину, в конце 1918 года. В 1918 году в Киеве при гетмане за провоз нелегальной литературы и за обнаруженное оружие был арестован. Сидел недолго».

О принадлежности Штерна к троцкизму дали показания осужденные участники антисоветского военно-фашистского заговора: Сидоров К.Г. — бывший ответственный секретарь партийной комиссии ПУРа РККА, Кириенко С.П. — бывший командир пулеметного эскадрона 39-го кавалерийского полка 7-й кавалерийской дивизии и Венцов С.И. — бывший военный атташе Советского Союза во Франции.

Арестованный Сидоров К.Г. — бывший ответственный секретарь партийной комиссии ПУРа РККА на допросе от 1 февраля 1939 года показал: «...по возвращении Примакова из Москвы в сентябре месяце 1923 года в г. Винницу последний привез с собой троцкистскую платформу “83”, которую передал для распространения в корпусе бывшему в то время комиссару штаба корпуса Штерну.

Примаков при возвращении из Москвы, проездом через Киев к месту службы в г. Винницу, заходил к Якиру, очевидно с этой троцкистской платформой для получения соответствующих инструкций. Вскоре после приезда Примакова в г. Винни-

цу последний поехал для распространения троцкистской платформы в 3-ю Крымскую стрелковую дивизию, откуда больше не возвращался в г. Винницу.

Об этом известно со слов Мезиса, который рассказал мне, будучи со мной на курорте в г. Кисловодске в 1930 году (в это время Мезис был заместителем начальника полуправления Украинского военного округа в г. Харькове). Мезис мне также сообщил, что в том же 1923 году к нему в г. Проскуров (Мезис был в то время комиссаром 1-й дивизии того же корпуса) приезжал с этой троцкистской платформой Штерн, который вел с ним, Мезисом, переговоры, очевидно, о распространении ее в дивизии. Мезис, как он заявил мне, якобы отказался тогда принимать участие в поддержке этой платформы.

О дальнейшем ходе распространения этой троцкистской платформы Штерном и Примаковым и их троцкистской деятельности мне больше ничего Мезис не рассказывал...”

Сидоров осужден, от своих показаний на суде **отказался**.

Примаков осужден, по его показаниям Штерн **не проходит**.

Якир осужден, по его показаниям Штерн **не проходит**.

Мезис осужден, по его показаниям Штерн **не проходит**.

Осужденный Кириенко С.П. — бывший командир пулеметного эскадрона 39-го кавалерийского полка 7-й кавалерийской дивизии в своем заявлении от 12 ноября 1940 года сообщает: “...Штерна знаю по совместной работе в 7-й Самарской кавалерийской дивизии в г. Минске в 1924—1925 гг.

В то время Штерн был комиссаром 7-й Самарской кавалерийской дивизии, а я командиром пулеметного эскадрона 39-го Бузулукского кавалерийского полка этой же дивизии.

В 1924 году мы со Штерном ехали в одном вагоне из Минска в Смоленск для прохождения испытаний на предмет поступления в военную академию.

В пути Штерн завел со мной разговор о Школьникове (секретарь полкового бюро), незадолго перед этим выделенном нами из состава полкового бюро, как троцкиста. Спрашивал меня, кем я считаю Школьникова. На этот вопрос я ответил, что Школьников толковый и хорошо подготовлен, но что самое главное... что он троцкист.

На это Штерн ответил полувопросом-полузамечанием: “А разве это плохо, что он троцкист?”

Я ответил, что очень плохо, раз партия ведет борьбу с ними.

Выждав немного, Штерн заявил мне, что по приезде в Смоленск он познакомит меня с очень интересным человеком.

По приезде в Смоленск как-то в ходе испытаний он знакомит меня в вестибюле штаба округа с Бройдом (комиссар 8-й стрелковой дивизии). Мы вышли из здания втроем и спустились к Днепру, во время этой прогулки Штерн и Бройд о чем-то тихо говорили, я шел и читал книгу, готовясь к предстоящему испытанию. На мосту они неожиданно... со мной распрощались и направились обратно вверх, я пошел в общежитие.

В 1926 году в разгар дискуссии Бройд возглавлял троцкистскую группу академии, и в этот период я часто видел Штерна в обществе Бройда, а также в обществе комиссара 3-го конного корпуса Рохи”.

Рохи осужден, по его показаниям Штерн **не проходит**.

Сведений о Школьникове и Бройде в 3-м управлении НКО СССР нет.

Арестованный Венцов С.М. — бывший военный атташе Союза ССР во Франции на допросе от 18 июня 1937 года показал: “В период 1931 года группа командиров РККА в составе Обысова, Штерна и меня — Венцова — была командирована на учебу в Германию. Эту группу возглавлял Путна, бывший в этот период военным атташе в Германии.

Период этот совпал с рядом трудностей внутри Советского Союза, с периодом наиболее обнаженных классовых противоречий. Путь использовал это, почти открыто проводил среди нас троцкистскую работу, высказывая «правоту Троцкого» по политическим и экономическим вопросам, причем высказываемые им взгляды не только не встречали возражений со стороны участников этих бесед, но многие из них, в том числе и я, полностью разделяли их”.

Венцов С.М. осужден, показания **подтвердил**.

Путь осужден, по его показаниям Штерн **не проходит**.

Обысов осужден, по его показаниям Штерн **не проходит**.

Из имеющихся собственноручно написанных показаний участника антисоветского военно-фашистского заговора — бывшего командующего войсками БВО Белова И.П. видно, что Штерн является участником заговора.

Белов И.П. 27 июня 1938 года показал: “В дополнение ранее данных показаний должен рассказать о Штерне — бывшем командире 7-й кавалерийской дивизии в БВО как об участнике военного заговора.

Знаю Штерна с 1932 года, никаких отношений личного порядка со Штерном у меня не было.

О том, что Штерн является участником военного заговора, узнал от Якира в конце 1936 года. В июне 1937 года от Сердича — бывшего командира 3-го кавалерийского корпуса узнал, что Штерн был связан с Гололедом. Личный разговор со Штерном об участии его в военном заговоре имел во второй половине 1937 года, не помню, в каком месяце, когда приезжал Штерн из специальной командировки... в Москву.

Встретились мы со Штерном в первом доме наркомата обороны, разговор вели один на один в кабинете Снегова.

Я в этом разговоре я поставил вопрос перед Штерном о том, что мне известно об участии его в военном заговоре и о его связях с Гололедом. Штерн пытался все отрицать.

Я пригрозил, что должен буду при его неискренности передать, что знаю, кому следует. Штерн струсил, подтвердил свое участие в военном заговоре и подтвердил свою связь с Гололедом.

Мы договорились, что через успешную свою работу в специальной командировке он должен сделать попытку сохранить себя даже при наличии прямых на него возможных показаний для будущей антисоветской работы в Союзе.

У нас должна была состояться еще одна встреча, но сорвалась из-за моего срочного отъезда.

Якир в характеристике Штерна давал ему оценку как очень способного конспиратора.

В Секретариат НКО СССР, по его словам Якира, Штерн был устроен Гамарником и им, Якиром, как абсолютно свой... человек, который должен был быть постоянной агентурой Гамарника и Якира. С этой ролью он справлялся более чем успешно — такая оценка дана была Штерну Якиром”.

По невыясненным причинам приведенные выше собственноручные показания Белова И.П. им не подписаны и к следственному делу не приобщены.

Белов И.П. осужден, показания подтвердил.

Якир осужден, по его показаниям Штерн не проходит.

Сердич осужден, по его показаниям Штерн не проходит.

Гололед был арестован, не допрашивался, умер в тюрьме.

О близких отношениях Штерна с Гололедом свидетельствуют письма и подарки, присылаемые Штерном Гололеду из Испании.

Показания Белова И.П. о принадлежности Штерна к заговору и его связях с заговорщиками подтверждаются показаниями осужденных.

Петухов И.П., комиссар для особых поручений при НКО на допросе от 5 июля 1938 года показал: “По антисоветскому заговору и подрывной деятельности я был связан со следующи-

ми участниками заговора... комкором Штерном — начальником штаба ОКДВА”.

Петухов И.П. осужден, от показаний **отказался**.

Симонов М.Е. — бывший заместитель начальника АМУ РККА на допросе от 17 августа 1938 года показал:

“...Осепян поручил мне создать террористическую группу, подчеркнув необходимость особо тщательно изучать и подбирать людей, прежде чем их вербовать. Кроме того, Осепян сказал, что придется для подготовки этого террористического акта мне изменить свое служебное положение и перейти на работу в Секретариат наркома обороны и оставить свою партийную работу в партбюро НКО. На мой вопрос к Осепяну, а кто же будет заниматься моим переводом в Секретариат НКО, он ответил, что это будет сделано без меня, лишь надо будет только дать согласие на переход в Секретариат НКО.

Так и произошло. В конце, кажется, декабря месяца 1935 года на заседании партбюро НКО бывший в то время членом партбюро Штерн, занимавший тогда должность комиссара для особо важных поручений при НКО, написал мне записку: “Ты скоро к нам, есть решение наркома”. И действительно, через несколько дней я получил приказ наркома обороны о моем освобождении от должности заместителя начальника АМУ РККА и назначении вместо Штерна комиссаром для особо важных поручений при НКО”.

Симонов осужден, от показаний **отказался**.

Воронков В.М. — бывший командир дивизии в г. Вольске на допросе от 6—13 июля 1937 года показал: “Штерн — командир 7-й кавалерийской дивизии, пользовался особым благорасположением Уборевича и всячески последним обхаживался. Втянул ли Уборевич Штерна в контрреволюционную работу, мне неизвестно, но в организованном обмане наркома на маневрах 1936 года Штерн, как и все командиры дивизии, активно участвовал”.

Воронков осужден, от показаний отказался.

Уборевич осужден, по его показаниям Штерн не проходит.

Урицкий С.П. — бывший начальник Разведывательного управления РККА на допросе от 28 января 1938 года показал: “Должен еще остановиться на одном моменте. Я спросил у Берзина, кому он в связи со своим отъездом из Испании сдал руководство заговорщиками в Испании. На это Берзин мне ответил, что временно он поручил все дела Штерну. Я с ним не стал больше выяснять этого вопроса, но этому сообществу Берзина не поверил, считая, что Штерн, приехавший в Испанию вместо Берзина, является также заговорщиком, и что ему, Берзину, сдал все дела по заговору Штерн.

Я лично не имел никаких дел со Штерном как заговорщиком, никогда с ним не связывался, поэтому это мое соображение подлежит проверке. С одной стороны, Янсон, сообщая о мероприятиях прибывшего на Север Штерна, указал мне на него как на заговорщика, с другой стороны, мне известны следующие факты: Штерн был длительное время политработником на Украине (как будто даже вместе с Примаковым у него в соединении), затем окончил военную академию и работал вместе с Берзиным в РУ (Разведывательном управлении). Из РУ при содействии Берзина был направлен в Секретариат наркома обороны, в дальнейшем при содействии Гамарника, у которого со Штерном были хорошие отношения, Штерн был назначен управляющим делами НКО. При всем этом Берзин и Штерн являлись наиболее близкими друзьями. Даже если Штерн и не заговорщик, приступая к своей работе в Испании, он должен был обязательно соприкоснуться с деятельностью заговорщиков, заметить ее...”

Урицкий осужден, показания на суде подтвердил.

Примаков осужден, по его показаниям Штерн не проходит.

Берзин Я.К. — бывший начальник Разведывательного управления РККА на допросе от 4 марта 1938 года показал: “При отъезде в Испанию ни Фельдман, ни Урицкий мне о нем, Штерне, как о заговорщике не говорили. В Испанию он прибыл без явки от Урицкого и в контрреволюционную связь со мной не вступал. Однако Урицкий мне отдельной запиской сообщил, что Штерн им выдвинут и является его человеком, то же самое мне Урицкий говорил при первой встрече после моего возвращения из Испании, спрашивал о том, как к нему относятся люди, он называл его “своим парнем и своим человеком”. Находясь в Испании, Штерн все время имел самостоятельную “частную переписку с Урицким, имея, очевидно, заранее предупреждения от Урицкого о том, что он меня заменит. Он в апреле побывал во всех отдельных центрах у начальников (советников) отдельных групп (морфлот. Авиация. Танки, Барселона, южфронт, север) и установил личное сближение и “дружбу”, как он сам говорил, с советниками групп...”

Берзин осужден, от показаний **не отказался**.

Фельдман осужден, по его показаниям Штерн **не проходит**.

Янсон К.И. — бывший командир 64-й стрелковой дивизии показал: “...прибыл в Бильбао я в конце марта 1937 года, а в начале апреля началось наступление фашистских войск на северном фронте.

Немцы и итальянцы начали наступление 1 апреля на фронте 10—18 км, имея... до 100 самолетов, 140 орудий и около 40 тыс. пехоты против 30—40 тыс. баскской пехоты и на всем растянутом фронте в 180 км 50 орудий и 5 самолетов.

По распоряжению Берзина... прекращена была всякая отправка самолетов на северный фронт.

Республиканцы имели в строю на северном фронте лишь 5 истребителей против 90—100 самолетов фашистов. В это

время вся наша авиация почти совершенно бездействовала на центральном фронте.

Около 10—15 апреля с. г. в Бильбао прилетел комдив Штерн (заместитель Берзина). Штерн передал мне, что Берзин и Урицкий категорически решили не посылать ни одного самолета на север и что они Берзин и Урицкий и Штерн с этим не согласны. Я знал, что этот вопрос заранее согласован между Урицким, Берзиным, и что решение этого вопроса вытекает из предательской установки, полученной мною от Берзина в Валенсии”.

Янсон осужден, от показаний **не отказался**.

Арестованный Игашов Н.И., порученец Примакова, в своих показаниях от 26 июня 1937 года показал о Штерне: “Штерн, управляющий делами НКО, был тесно связан с Примаковым, они поддерживали друг с другом систематическую переписку. Оба жили на одной даче под Москвой. Примаков говорил, что Штерн “свой человек”.

Игашов осужден, показания **подтвердил**.

Кольцов М.Е. — бывший член редакционной коллегии газеты “Правда” на допросе от 16—17 июня 1939 года показал: “Штерн мне заявил, что, по его наблюдениям, гражданская война в Испании обречена на неудачу. Далее Штерн сказал, что, будучи главным военным советником при республиканском правительстве, он сделает все от него зависящее, чтобы эту войну прекратить...”

Кольцов М.Е. осужден, от показаний **отказался**.

Штерн имеет следующих родственников, проживающих за границей.

1) Каневский Ицко (Исаак), 1870 года рождения, уроженец г. Сталино (б. Елизаветград), брат матери Штерна, **проживает в Германии в Гамбурге**.

В июне 1940 года Каневский Ицко в консульство СССР в Берлине передал письмо с просьбой переслать его Штерну.

В декабре 1940 года во втором письме Каневский Ицко просит Штерна оказать ему содействие в получении советского гражданства и въезде в СССР.

2) Каневский Абрам, второй брат матери Штерна, **проживает в Нью-Йорке (США).**

Других материалов на Штерна в 3-м управлении НКО СССР не имеется.

Начальник 3-го управления НКО СССР
майор государственной
безопасности МИХЕЕВ
март 1941 года».

Комиссар госбезопасности 3-го ранга А.Н. Михеев (1911—1941) 3-е Управление НКО СССР возглавил 12 февраля 1941 года. К слову сказать, военные особисты под его руководством решали тогда только две задачи: «а) борьба с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в Красной Армии и б) выявление и информирование командования соединений и частей Красной Армии о всех недочетах в состоянии частей армии и о всех имеющихся компрометирующих материалах и сведениях на военнослужащих Красной Армии. Позднее их изменят...

Вышеизложенный же компромат может говорить только о том, что он был запрошен от нового наркома обороны. Вполне вероятно, что маршал Ворошилов никогда бы не отдал “на съедение” Штерна. Несмотря на его участие в репрессиях, своих людей он всегда старался защитить. Такие примеры были. Например, дважды он спас генерала Лукина и т. д. А теперь о главном. Из 21 человека, чьи фамилии фигурируют в этой справке как давших показания или имевших в прошлом служебные и дружеские отношения со Штерном, только 6 подтвердили свои показания

(Венцов С.М., Белов И.П. — приведенные показания им не подписаны и к следственному делу не приобщены, Урицкий С.П., Берзин Я.К., Янсон К.И., Игашов Н.И.), от своих показаний отказались — 5 (Сидоров К.Г., Петухов И.П., Симонов М.Е., Воронков В.М., Кольцов М.Е.), еще по показаниям 10 осужденных он вообще не проходил (Примаков В.М., Якир И.Э., Мезис А.И., Рохи В.Ю., Путна В.К., Обысов С.П., Сердич Д.Ф., Уборевич И.П., Фельдман Б.М.) и 1 (Гололед Н.М.), арестованный умер в тюрьме и допрошен не был. Не густо. Два брата матери, проживающие в Германии и США, тоже не самое страшное преступление. И, тем не менее, резолюция наркома обороны более чем конкретна: «Осуществить дальнейшую разработку Штерна».

5

«Помню, я был в кабинете Сталина, когда он вдруг сказал:

— Штерн оказался подлецом, — вспоминал адмирал флота Н.Г. Кузнецов. — Все, конечно, сразу поняли, что это значит: арестован. Там были люди, которые Штерна отлично знали, дружили с ним. Трудно допустить, что они поверили в его виновность. Но никто не хотел показать и тени сомнения. Такова уж была тогда обстановка. Про себя, пожалуй, подумали: сегодня его, а завтра, быть может, меня. Но открыто этого сказать было нельзя. Помню, как вслух, громко, сидевший рядом со мной Н.А. Вознесенский произнес по адресу Штерна лишь одно слово: “Сволочь!”».

В ночь с 7 на 8 июня 1941 года генерал-полковник Штерн был арестован...

«Дело № 2626 по обвинению Штерна Григория Михайловича начато 16 июня 1941 года, — рассказывает Б.Н. Сопельняк. — Обратите внимание на следующие даты: арестован Штерн 7 июня, в то время как постановление на арест подписано 9 июня. Можно ли арестовывать без соответствующе-

го постановления? В соответствии с законом нельзя, но если очень хочется, то можно.

Как и положено, на этом постановлении есть виза заместителя наркома госбезопасности Меркулова, прокурора Бочкова и, что совершенно неожиданно, Семена Михайловича Буденного. Главный конник страны согласие на арест дал 10 июня, причем свою размашистую подпись сделал зелеными чернилами».

Пятидесятивосьмилетний Маршал Советского Союза на тот момент занимал должность первого заместителя наркома обороны СССР и, видимо, в отсутствие наркома обороны, был вынужден поставить этот «автограф».

«Как следует из этого документа, Штерн подозревался в троцкистской и заговорщической деятельности, — продолжает Б.Н. Сопельняк. — Изобличал его в этом известнейший в те годы журналист Михаил Кольцов, который в 1939-м был арестован, а в 1940-м расстрелян. Под пытками у Михаила Ефимовича выбили соответствующие показания и теперь дали им ход. В том же духе высказались бывшие начальники Разведуправления РККА — тоже расстрелянные — Урицкий и Берзин, назвавшие Штерна членом заговорщической группы. Еще дальше пошел бывший военный атташе во Франции Венцов, который заявил, что неистовым троцкистом Штерн стал еще в 1931 году, когда группа красных командиров была командирована для учебы Германию.

По тем временам, такого рода показаний для ареста было вполне достаточно. В тот же день был проведен и обыск. Среди изъятых книг, рукописей и документов упоминаются «черновики его писем Сталину и Ворошилову о клевете на 44 листах», какие-то письма от «дяди Саши из Германии», множество секретных бумаг о боевых действиях в Испании, Финляндии, на Халхин-Голе и Хасане. Кроме того, в описи упоминаются два ордена Ленина, два — Красного Знамени, а также орден

Красная Звезда, медали, депутатский значок и Золотая Звезда Героя Советского Союза № 154. А вот и анкета арестованного. Из нее следует, что Григорий Михайлович Штерн родился в 1900 году в городе Смела Киевской губернии. Отец — врач, мать — домохозяйка. Национальность — еврей. Женат. Двое детей. Член ВКП(б) с 1919 года. Окончил академию имени Фрунзе.

На первом же допросе Штерну заявили, что он арестован за “проводимую на протяжении ряда лет активную и сознательную вражескую работу в рядах Красной Армии”.

— Я никогда сознательной вражеской работы не проводил! — возмутился Штерн. — И ни в какой контрреволюционной организации не состоял.

— Ваши попытки скрыть от следствия правду будут разоблачены показаниями ваших соучастников по заговору, — многообещающе заметил следователь. — Предлагаю вам приступить к правдивым показаниям.

— Врагом советской власти я никогда не был, — решительно заявил Штерн.

— Вы умело маскировались под честного советского командира, — поддел его следователь, — а на самом деле всегда были врагом родины и партии.

Враг родины и партии... Более страшного обвинения в те годы пожалуй что не было. Штерн прекрасно понимал, что может последовать, если он не докажет обратного или... не уведет следователя в сторону, признавшись в чем-то другом. И он, как тогда было принято, занялся самокритикой.

— В моей работе было много грубых ошибок, — начал он. — Я был самонадеян, и подчас выдвигал плохо продуманные предложения. Я был слишком доверчив к людям, небдителен и излишне болтлив, допуская высказывания, которые можно квалифицировать как антисоветские. У меня были личные обиды и недовольство отношением ко мне некоторых

работников наркомата обороны. Порой я не проявлял обязательной для большевика выдержки и принципиальности.

Закончил он, опять же, как тогда было принято, беспощадным самоосуждением.

— Я не оправдал высокого доверия партии, за что заслуживаю самого сурового наказания.

Для выступления на партийном собрании этих слов вполне достаточно, чтобы получить “строгача”, но в партии остаться. А вот для того, чтобы получить право на жизнь и избежать расстрельного приговора, такого рода признаний маловато — это ему дал понять следователь на следующем же допросе.

— Вы сказали, что допускали много грубых ошибок. Что это за ошибки?

— Прежде всего, их было немало во время испанских событий 1937—1938 годов. Будучи там главным военным советником, я не добился радикальной очистки республиканской армии от предательских элементов среди командного состава армии. Провалил наступательные операции в районе Брунете и Теруэля. Не обеспечил разворота промышленности на военные нужды.

Поразительно, но следователь его не перебивает и не спрашивает, а какое он, собственно, имел право заниматься чисткой республиканской армии и обеспечивать “разворот” промышленности на военные нужды. Ведь Штерн, в конце концов, всего лишь советник, а для принятия тех или иных решений есть испанское правительство, испанские министры и испанские командиры частей и соединений.

Или все было не так? Быть может, испанцы были лишь марионетками, а за веревочки дергали советские советники? Как бы то ни было, но формулировки “не добился”, “провалил”, и “не обеспечил” говорят именно об этом.

— Были у меня и другие ошибки, — продолжал между тем Штерн. — Во время финской кампании я командовал 8-й арми-

ей. Разгром 18-й дивизии, которая входила в состав 8-й армии, на моей совести. В те дни, когда ударили 50-градусные морозы, надо было отвести ее на заранее подготовленные позиции, а этого не сделал. И тогда финны ударили по флангу. Участь дивизии была предрешена: погибло более шести тысяч человек. Распыленное использование авиации — тоже моя ошибка.

— Смотри как на это смотреть, — сурово заметил следователь. — Одни в этом могут увидеть ошибки, которые случаются с каждым командиром, а другие — вражескую работу. Но мы еще к этому вернемся... А что за личные обиды, о которых вы говорили на предыдущем допросе?

— Их было немало, — вздохнул Штерн. — Как известно, перед началом боев у озера Хасан я был начальником штаба Дальневосточного фронта, а потом командовал корпусом, который разгромил японцев. Когда фронт был ликвидирован, мне доверили 1-ю отдельную Краснознаменную армию. И вдруг, снимают! Я страшно обиделся и считал, что это сделано с подачи заместителей наркомов обороны Кулика и Мерецкова, с которыми у меня сложились неприязненные отношения еще в Испании.

А чего стоило исключение моего имени из числа руководителей халхин-гольской операцией! В те дни я возглавлял фронтовое управление, которое осуществляло координацию действий советских и монгольских войск. И вдруг, в изданном в 1940 году официальном описании операции я не нахожу своего имени. Как будто я там и не был!»

Во время следствия генерал-полковнику Штерну напомнят его критику декабрьского доклада генерала армии Г.К. Жукова. Про заслуги перед Родиной уже никто даже не вспоминал. А еще Григория Михайловича били: «особенно зверски поступали со Штерном. На нем не осталось живого места. На каждом допросе он несколько раз лишался сознания», — впоследствии покажет один из его палачей.

«— Ну, хорошо. С личными обидами все ясно. А как понимать ваши показания об излишней болтливости? — вернулся к бумагам следователь.

— Очень просто. В разговорах с сослуживцами, особенно с начальником ВВС генерал-лейтенантом Рычаговым и помощником начальника Генштаба по ВВС генерал-лейтенантом Смушкевичем я высказывал недовольство фактами необоснованных арестов в 1937—38 годах.

— Почему вы не говорите ни слова о своей вражеской работе в Красной Армии? — нажал на Штерна следователь.

— А я такой работы не вел! — отрезал Григорий Михайлович.

Такая решительная позиция следователю очень не нравилась — от него требовали признательных показаний. Чтобы их получить, следователь отдал Штерна, как тогда говорили, “в работу”. Что это была за “работа”, мы еще узнаем, правда, через много лет, а пока что результаты этой “работы” появились почти немедленно.

21 июня 1941 года, за несколько часов до нападения Германии на Советский Союз, Штерну предъявили обвинение в том, что он «является участником антисоветской заговорщической организации, проводил подрывную работу по ослаблению военной мощи Советского Союза, а также занимался шпионской работой в пользу иностранных разведывательных органов».

Штерн все отрицал. И тогда его снова отдали «в работу» (Б.Н. Сопельняк).

О генерал-лейтенанте авиации Смушкевиче будут вспоминать, как о человеке, который во время ежедневных докладов И. Сталину, всегда отстаивал свою точку зрения, во время репрессий неоднократно заступался за своих подчиненных, а также не скрывал своего отрицательного отношения к советско-германскому пакту 1939 года. А 8 июня 1941 года

он был арестован органами НКВД СССР прямо в военном госпитале. В «воронок» его несли на носилках.

Любопытно, что после майских праздников, как вспоминала супруга генерала, дважды Героя и известного боевого летчика, Бася Соломоновна, «на квартиру Смушкевичей позвонил начальник Генштаба Георгий Жуков, поинтересовался самочувствием Якова и попросил выйти к нему на минутку. Оказалось, он поджидал в машине, недалеко от подъезда дома. Но, сославшись на спешку, заходить отказался.

— Мой совет — передай завтра мужу в госпиталь мундир, — скупое, без объяснений, сказал он Басе. — Пусть соберется с силами, явится в Кремль и обязательно напросится на прием к Сталину...

Заглянул ей в глаза и добавил:

— Яков знает, хозяину всякий мусор в кабинет наносят.

Резко хлопнул дверцей своей ЭМКи, которая сразу свернула за угол» (*Стариков И. Вирази судьбы Якова Смушкевича*).

Почти через двадцать дней — «27 июня начальник следственной части майор Влодзимирский и старший лейтенант Зименков организовали очную ставку Героя Советского Союза Григория Штерна с дважды Героем Советского Союза Яковом Смушкевичем. Яков Владимирович блестяще проявил себя в Испании, потом командовал авиагруппой на Халхин-Голе, был начальником, а затем генеральным инспектором ВВС Красной Армии. Короче говоря, его знала и любила вся страна, но он тоже оказался на Лубянке. Ему бы — воздушную армию, а Штерну — стрелковый корпус, и в дело, на фронт: немцы-то наступают, почти не встречая сопротивления. Но вместо этого их держат во Внутренней тюрьме и без конца та-скают на допросы.

А теперь еще и очная ставка. У Смушкевича первым делом спросили, в чем он признает себя виновным.

— В том, что являлся участником заговора в Красной Армии, направленного против советской власти, и что был германским шпионом.

— А Штерн? Он являлся участником этого заговора?

— Да, являлся. Я с ним находился в непосредственной связи.

— Правду ли говорит Смушкевич? — поинтересовались у Штерна.

— Да, — подтвердил Штерн. — Я, действительно, являлся участником военного заговора.

— Были ли вы, Смушкевич, связаны со Штерном по шпионской работе?

— Да, Штерн, так же, как и я, являлся германским шпионом. Об этом я знаю от Мерецкова, как, впрочем, и от самого Штерна. Он говорил об этом еще в Испании, когда в январе 1937-го мы оказались в Мадриде.

— Будете ли вы, Штерн, и теперь отрицать свою шпионскую связь со Смушкевичем?

— Нет. Смушкевич говорит правду.

Все, эта очная ставка показала, что так называемая “работа”, а это жесточайшие пытки, дала свои результаты: негнбимый Штерн сломлен и обречен. Признать себя немецким шпионом в то время, когда Германия ведет войну с Советским Союзом, значит, самому себе подписать смертный приговор. Думаю, что Григорий Михайлович это понимал, и больше ничего не отрицал, тем самым, приближая неизбежный конец. Из него тянули имена — и он назвал всех своих сослуживцев, от него требовали деталей — и он расписывал тайные встречи с немецкими агентами, присланными самим Кейтелем.

По существующим тогда правилам, в конце каждого протокола допроса подследственный ставил свою подпись и делал приписку: “Протокол допроса записан с моих слов правильно и мною прочитан”. Есть такие подписи и приписки на всех

протоколах допроса Штерна. И вдруг, на одном из протоколов сделанная дрожащей рукой приписка, совершенно не укладывающаяся в задуманный следователем сценарий.

“Все вышеуказанное я действительно показывал на допросе, но все это не соответствует действительности и мною надумано, так как никогда в действительности врагом народа, шпионом и заговорщиком не был.

Штерн”.

Бесследно для Григория Михайловича этот поступок не прошел: его снова отдали “в работу”. Но на этот раз бериевские костоломы явно перестарались: пришлось вызывать врачей, причем не только травматологов, но и психотерапевтов. Обследовав Штерна, они пришли к выводу, что никакой психической болезнью он не страдает и вполне вменяем. А это значит, что его снова можно бить, пытать и терзать многочасовыми допросами. Теперь Штерн стал куда сговорчивее и подписывал практически все, что ему подсовывал следователь. Скажем, на очной ставке с Мерецковым он заявил, что еще в 1931 году вместе с будущим Маршалом Советского Союза стал “участником военного заговора, ставившего задачей изменение государственного строя и поражение Советского Союза в предстоящей войне с Германией”.

Какой заговор, какая война?! Ведь в Германии тогда царил разруха, армия малочисленна, а Гитлер околачивался по пивным и лишь мечтал о власти. Но следователь делает вид, что ничего этого не знает, и заносит всю эту ахинею в протокол.

Закончилась ставка совершенно убийственным признанием Мерецкова.

— Я прошу прекратить очную ставку, — сказал он, — так как намерен дать откровенные показания о своей заговорщической работе в пользу немцев.

А 17 октября 1941 года, в тот день, когда фашистские войска вышли к окраинам Москвы, доблестные советские чекисты

вынесли заключение по делу № 2626. Перечислив все преступления Штерна, а также отметив, что “сперва он признал себя виновным, но потом от показаний отказался”, они полагали бы (была тогда такая странная формулировка) Штерна Григория Михайловича расстрелять» (Б.Н. Сопельняк).

Как пишет А.В. Сухомлинов («Кто вы, Лаврентий Берия?»), «...в 1940—1941 годах были арестованы более 100 генералов и адмиралов РККА, из которых 76 осуждены Военной коллегией, 5 — Особым совещанием при НКВД, 12 умерли, находясь под стражей.

Активно использовались и внесудебные виды расправ. Так, без всякого суда в октябре 1941 года в Куйбышеве, Самаре и Тамбове были по списку расстреляны 25 человек, многие из которых относились к числу командного состава РККА. Среди этих “врагов народа” было несколько Героев Советского Союза, а Я. Смушкевич — дважды Герой.

Все они были арестованы накануне войны и обвинялись в “антисоветском военном заговоре”, в шпионской, изменнической деятельности в пользу иностранных разведок. Под арестом находились они с ведома Сталина, Берии и Меркулова, подвергались нечеловеческим пыткам и истязаниям. С началом войны всех их этапировали в Куйбышев, некоторых — в Саратов и Тамбов. Накануне введения в Москве осадного положения 18 октября 1941 года Берия подписал распоряжение об их расстреле, приказав “привести в исполнение приговор — высшую меру наказания”. А в скобках уточнил — “расстрелять”. И далее следовал список подлежащих расстрелу — 25 человек. Исполнение этой акции поручалось сотруднику для особых поручений спецгруппы НКВД Д. Семенихину, что и было им выполнено.

Берия отлично знал, что никаких “приговоров” в отношении этих лиц не было, а всех предполагали расстрелять без суда и даже без заседаний “троек” или особых совещаний.

Уже позже, заметая следы, Кобулов и Влодзимирский учинили подлог и составили “заклучения” о причастности каждого к шпионажу и завизировали этот список у прокурора СССР Бочкова. Все это было сделано с ведома Берии и Меркулова.

После казни неизвестный автор 12 апреля 1942 года написал справку такого содержания: “Зам наркома т. Меркулов приказал произвести конфискацию имущества у всех перечисленных осужденных”. И далее — неразборчивая подпись. Слово “осужденные” здесь, как вы понимаете, неуместно, а давать распоряжения о конфискации имущества Меркулов права не имел: это прерогатива суда.

В список подлежащих расстрелу чудом не попали К. Мерецков — прославленный полководец и не менее прославленный специалист в области вооружения ученый Б. Ванников. Они тоже были арестованы, подвергались нечеловеческим пыткам, но неожиданно по указанию Сталина были освобождены».

Спустя годы после своего освобождения в 1956 году из ссылки, дочь Смушкевича Роза Яковлевна побывала на месте расстрела советских военачальников в поселке Барбыш. После своего выступления на митинге к ней подошел старичок и сказал: «Я там оказался в этот момент. Ваш отец ничего не почувствовал, когда его расстреляли, он был без сознания, на носилках...»

Генерал Смушкевич был посмертно реабилитирован в 1954 году. Звание дважды Героя Советского Союза и награды вернули его семье Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 марта 1957 года. А 17 августа 2008 г. на кладбище Военно-воздушной академии им. Гагарина в поселке Монино Московской области состоялось торжественное открытие бюста Я.В. Смушкевичу.

Генерала Штерна посмертно реабилитировали 25 августа 1954 года, а 27 августа постановлением Генеральной прокуратуры СССР дело в его отношении было прекращено за от-

сутствием состава преступления. При этом имя известного советского военачальника можно считать забытым до сих пор...

Жену генерала Штерна генерал Григоренко встретил в санатории Министерства обороны в Кисловодске в 1956 году: «Она только недавно была освобождена из лагеря, где отбывала срок как “жена замаскированного немца, выполнявшего шпионские задания абвера”. Я не смог сразу ее узнать. Когда я подошел наконец, чтобы осведомиться, не жена ли это Штерна, она улыбнулась и сказала: “А я вас давно узнала, товарищ полковник, но не хотела ставить в неловкое положение. А вдруг вы не захотите узнавать”.

6

Полковник В.А. Новобранец (в 1939-м — начальник тылового отделения оперативного отдела фронтовой группы) в своих воспоминаниях («Я предупреждал о войне Сталина») поведал одну очень интересную историю. И она заслуживает нашего внимания, так как Василий Андреевич кроме обучения в двух военных академиях в 1940 году получил назначение на должность заместителя начальника Информационного отдела, а с мая 1941-го возглавлял разведотдел штаба 6-й армии. То есть не понаслышке знал многое. Не верить ему невозможно, ибо факты, изложенные им, подтверждаются. В том числе и документально. Итак, внимательно читаем: «...на судьбу Штерна повлияло не только его вмешательство в действия Жукова, но и попытка объективно изучить этот горький опыт войны. Он приказал группе офицеров-генштабистов изучить только что полученный боевой опыт, вскрыть все ошибки командования и все недочеты в подготовке армии. И обо всем этом написать книгу. Предполагалось доложить ее высшему начальству, затем издать в секретном порядке и разослать в армию. Этого требовал и Генеральный штаб. Все командиры должны учиться на опыте Халхин-Гола. Таков был замысел.

В состав комиссии были включены следующие генштабисты:

Печененко Савва Дмитриевич — начальник отдела боевой подготовки фронта, он неоднократно лично наблюдал боевые действия армии и действия Жукова;

Ломов Николай Андреевич — начальник мобилизационного отдела фронта, он лично сопровождал прибывающие части на фронт и передавал их Жукову;

полковник Тестов, начальник оперативного отдела штаба армейской группы;

новобранец Василий Андреевич — ответственный за снабжение войск и другие (фамилий не помню).

Возглавлял редакционную коллегию начальник оперативного отдела фронта полковник Клецов.

Члены комиссии, конечно, были в курсе всех дел, являлись свидетелями и очевидцами событий. Однако мы не ограничились штабными документами и личными впечатлениями. Пришлось опросить многие десятки участников боев, начиная от рядовых солдат, танкистов, летчиков и до командиров разных частей и соединений. Опрашивали их непосредственно на местах боевых действий, выясняли детали событий на местности и, как говорится, “по горячим следам”, на второй день после окончания боев.

Беседовали мы и с командующим 1-й армейской группой генералом Жуковым. Однако откровенной беседы не получилось. Жуков расценил наши расспросы по-своему, почему-то обиделся и больше с нами не встречался.

Наша работа была сугубо документальная. Большую помощь оказал нам начальник оперативного отдела штаба Первой армии полковник Тестов М.Г., который предоставил нам всю документацию по разработке и проведению операции. Его свидетельство было особо ценно, так как он ежедневно наблюдал боевые действия войск и действия Жукова. На основании

всех материалов мы составили обстоятельный обзор с правдивым освещением всех событий, с полным раскрытием всех недостатков в боевой подготовке армии и допущенных ошибок, промахов и просчетов командования.

Командующий фронтом генерал... Штерн, ознакомившись с нашим обзором, одобрил его и приказал подготовить для печати. Однако наш труд света не увидел, горький опыт Халхин-Гола армией не был изучен и учтен. Не буду детально рассказывать, как "двигалась" рукопись. Ограничусь последним этапом.

Полковник Шевченко, начальник Восточного отдела Оперативного отдела Генштаба, получив рукопись из Читы, нашел ее ценной и совершенно необходимой для изучения командирами Красной армии. Он попросил разрешения у начальника Генерального штаба генерала Мерецкова напечатать ее. Мерецков согласился. Но произошла смена кабинета — Жуков был назначен начальником Генштаба. Шевченко не учел очень важного обстоятельства, что Жуков уже выпустил о событиях на Халхин-Голе свою книжку, заполненную самовосхвалением. Ничего ценного в ней не было. И вот полковник Шевченко дал автору упомянутой книжки на утверждение правдивое описание событий. Жуков посмотрел рукопись, вызвал Шевченко и по-фельдфебельски обругал его, а рукопись похоронил в своем сейфе. Судьба ее неизвестна».

Кстати сказать, по версии В.М. Сафира, начальник Генштаба Жуков буквально «набросился на Шевченко (цитирую): "... Ты хочешь подорвать мой авторитет? Да я тебя в бараний рог согну! Раздавлю, и мокрого места не останется! Вон (к такой-то матери)!"» («Первая мировая и Великая Отечественная. Суровая правда войны»).

Генерал Григоренко к сказанному своим однокашником по Академии Генштаба лишь добавит: «Бои на Халхин-Голе были описаны довольно серьезно. Работал над этим большой коллектив офицеров, операторов из штаба фронтовой группы

и 1-й армейской группы. Я в составе авторского коллектива не был. Поэтому могу считать свою оценку этого труда объективной.

Труд исключительно деловой. В нем очень хорошо раскрыты недостатки в подготовке войск и офицерских кадров. Детально описаны и разобраны боевые действия. В них показано использование родов войск, тыла, недостатки командования. В нем нет прямых нападок на Жукова и похвал Штерну, но каждый прочитавший поймет, кто чего стоит. Понял это и Жуков».

Теперь несколько слов о некоторых генштабистах из состава комиссии по изучению боевого опыта в период боевых действий на Халхин-Голе.

Генерал-лейтенант Ф.И. Шевченко (1900—1982) — выпускник Военной академии им. Фрунзе (1939). В Оперативном управлении Генерального штаба РККА прослужил с января 1935 г. и до половины 1943 г.: помощником начальника и начальником отдела. С начала войны — начальник Западного, Калининского и Дальневосточного направлений Оперативного управления. В июле 1942-го возглавил штаб Воронежского фронта, а в июне 1943 г. убыл на Дальний Восток на должность начальника штаба Дальневосточного фронта. В запас вышел в 1956 году с должности начальника штаба Уральского военного округа.

Полковник С.Д. Печененко (1902—?) — выпускник Военной академии им. Фрунзе (1936) и Академии Генштаба (1939). С июля 1940 года — старший помощник инспектора пехоты Дальневосточного фронта. В годы войны — начальник штаба 6-й отдельной стрелковой бригады этого фронта, начальник штаба стрелковой дивизии этого фронта. С ноября 1941-го — начальник штаба бригады морской пехоты Амурской военной флотилии, а с марта 1942-го — командир бригады. В октябре 1942 г. назначен заместителем командира 39-й стрелковой

дивизии 1-й Краснознаменной армии. В марте 1943 г. назначен врид командира 246-й курсантской стрелковой бригады. С ноября 1944-го — командир 363-й стрелковой дивизии. В 1957 году уволен в отставку по болезни с должности старшего преподавателя оперативно-тактической подготовки Военной академии им. Фрунзе.

Генерал-полковник Н.А. Ломов (1899—1990) — выпускник Военной академии механизации и моторизации РККА (1935) и Военной академии Генштаба (1939). С 1940-го — в штабе Дальневосточного фронта. В годы войны — заместитель начальника штаба Дальневосточного фронта (с 1942). С июня 1943-го — в Генштабе: заместитель начальника Оперативного управления Генштаба (1944). После войны в Генштабе: с 1952-го — начальник штаба войск Дальнего Востока, затем — Дальневосточного военного округа. В 1954—1969 гг. — в Военной академии Генштаба.

Полковник М.Г. Тестов, как мы помним, будучи начальником штаба Синявинской оперативной группы войск, погиб в январе 1942 года.

Полковник А.А. Клестов в годы войны был заместителем начальника оперативного управления штаба 2-го Белорусского фронта.

Полковник В.А. Новобранец (1904—1984) в должности начальника разведотдела 6-й армии Юго-Западного фронта попал в плен. С 22 февраля 1942 г. по 4 июля 1945 г. находился в плену. После войны преподавал на тактических курсах «Выстрел»...

Пройдут годы, и Г.К. Жуков в беседе с писателем К.М. Симоновым скажет: «Я до сих пор люблю эту операцию». Известный советский писатель и поэт лишь добавит: «Слова Жукова о Халхин-Голе... в устах человека, закончившего войну в Берлине, многозначительны».

И действительно: возразить тут было уже некому!

Глава 18

«ДЕЙСТВОВАЛ БЕЗГРАМОТНО»

1

Только в феврале 1941 г. военно-исторический отдел Генерального штаба РККА под грифом «Совершенно секретно» начал рассылать в войска материал полковника С.Н. Шишкина «Разгром японско-маньчжурских войск на реке Халхин-Гол в 1939 г.», в котором содержались некоторые аспекты боевых действий на Халхин-Голе (РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 209. Л. 1—206). Впоследствии эта брошюра неоднократно переиздавалась уже без грифа, под названием: «Боевые действия Красной Армии у реки Халхин-Гол в 1939 году». Например, такая книжечка выходила в 1946 году, изданная военным издательством народного комиссариата обороны. Кстати сказать, очень хитрая книжечка. В введении к ней говорится: «Хотя Халхин-голская операция имела ограниченный размах по сравнению с операциями Великой Отечественной войны, в ней нашли массовое применение современные средства борьбы — авиация, танки и бронемашинны.

Поучительность этой операции огромна: она дала один из блестящих примеров окружения всех противостоящих сил противника и полного их уничтожения.

Особенность ее состояла в том, что она проводилась в чрезвычайно трудных условиях: пустынный театр боевых действий, полное отсутствие дорог и огромная растянутость коммуникаций советско-монгольских войск.

Настоящая работа написана по отчетным материалам и документам, имевшимся в Военно-историческом отделе Генерального штаба Красной Армии. Кроме того, автор использовал записи и стенограммы докладов и сообщений отдельных командиров — участников боев на Халхин-Голе...»

В общем, эта маленькая книжечка полковника Шишкина и стала альтернативной историей боевых действий на Халхин-Голе вместо «утраченного» сборника генштабистов.

Примечательно, что в брошюре Шишкина не упоминаются многие и многие командиры и военачальники, принимавшие участие в этом военном конфликте. Из восьми рисунков в книжке всего два портрета: 1. Сопка взята; 2. Герой Советского Союза майор И. Ремизов; 3. Герой Советского Союза комкор Г.К. Жуков; 4. Маршал МНР Чойбалсан на командном пункте; 5. Пленные японцы; 6. Японский танк, захваченный нашими войсками; 7. Трофейная пушка; 8. Трофейное холодное оружие.

Как о непререкаемом победителе на р. Халхин-Гол, о Г.К. Жукове говорится скромно, но однозначно: «Из всех войск, сосредоточенных у Халхин-Гола, была создана 1-я армейская группа с Военным советом во главе. Командование группой возглавлял комкор Г.К. Жуков (ныне Маршал Советского Союза, трижды Герой Советского Союза и заместитель Народного Комиссара Обороны СССР). Военный Совет разработал специальный план подготовки операции».

Несколько слов об авторе этой брошюры. Полковник Шишкин Сергей Николаевич (1900—?) был старшим преподавателем кафедры военной истории Военной академии им. Фрунзе. В Красной армии с 1920-го. С 1935-го — в Военной академии. За плечами имел специальную марксо-ленинскую и военно-историческую подготовку. В годы войны имел ряд печатных трудов общим объемом около 28 печатных листов и ряд лекций и докладов, главным образом — по вопросам Второй мировой и Великой Отечественной войн, а также полководческого искусства Фрунзе. До осени 1943-го четыре раза был в командировках в Действующей армии, где непосредственно наблюдал и изучал ряд актуальных для Академии боевых операций, за что 20 ноября 1943 года был представлен начальником кафе-

дры военной истории генерал-лейтенантом Корсуном к ордену Отечественной войны 1-й степени. Однако был награжден орденом Красной Звезды (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682 525. Д. 67. Л. 390).

2

Полковник Шишкин в своей брошюре использовал сугубо радужные тона и, как бы сейчас сказали, написал книгу исключительно позитивную: «Боевые действия на р. Халхин-Гол обогатили Красную Армию весьма ценным опытом. Они показали отличные качества советской военной техники, безотказно действующей в самых неблагоприятных условиях, и непревзойденное мужество и героизм наших бойцов и командиров.

Вместе с тем Халхин-голская операция показала высокий уровень оперативно-тактического искусства Красной Армии и дала богатый материал для его дальнейшего совершенствования. Творчески преломляя и развивая опыт Халхин-Гола в новых условиях, советские войска превратили окружение противостоящего противника с последующим полным его уничтожением в основной метод своей боевой деятельности».

Категорически с такими выводами был не согласен полковник В.А. Новобранец: «...в этих событиях только красноармейцы и младшие командиры оказались на высоте своего положения, проявили понимание серьезности событий и готовности выполнить воинский приказ. Несмотря на отдаленность событий от жизненно важных областей Советского Союза, красноармейцы понимали, что именно сейчас и в данном месте надо отбить охоту у японцев “испытывать” стойкость солдат Красной армии.

Но действия командования 1-й армейской группы во главе с генералом Жуковым оказались не на высоте, не отвечали требованиям военной науки. Точнее говоря, **мы победили японцев огромным преимуществом в живой силе и технике,**

а не военным искусством. “Шапками закидали”. Отсюда огромные ничем не оправданные потери. Две недели мы громили японскую дивизию, продвигались вперед на 80—100 метров, не более. Наступали мы многочисленными отрядами, распыляли силы и средства, били врага “растопыренными пальцами”. Не было взаимодействия родов войск — все они действовали самостоятельно, придерживаясь оперативного плана только в общих чертах. Например, танки прорывались в глубокий тыл противника, громили там склады горючего, а в это время пехота оставалась без их поддержки и гибла под жестоким огнем японцев. Самолеты также большей частью атаковали тылы противника и не поддерживали пехоту на поле боя. Артиллерия не взаимодействовала с пехотой, не оказывала ей эффективной поддержки в наступлении».

3

Такого же мнения придерживался и генерал П.Г. Григоренко, во время боев на Халхин-Голе — старший помощник начальника оперативного отдела фронтовой группы: «Пробыл я в 1-ой армейской группе со Штерном недолго. Кузнецов требовал назад — в Читу. Я был назначен направлением на 1 ОК-ДВА и мое присутствие нужно было в штабе. Требовалось следить за обстановкой, т. к. не исключалось, что японцы, чтобы отвлечь внимание от Монголии, могли завязать конфликт еще где-нибудь. Я вернулся в Читу, сосредоточился на своем направлении. Но одновременно я был в курсе всех событий в Монголии. Там было относительно спокойно до самого сентября. Но в начале этого месяца 1-ая армейская группа перешла в наступление. Окружила находящиеся на монгольской территории части 6-ой японской дивизии. В последующих боях эти части были полностью уничтожены. Японцы не сдавались, а прорваться не смогли. Во-первых, потому, что не имели приказа на отход с занимаемых позиций. Во-вторых,

слишком велико было численное и техническое превосходство у нас. Но потери мы понесли огромные, прежде всего из-за неквалифицированности командования. Кроме того, сказывался характер Георгия Константиновича, который людей жалеть не умел. Я недолго пробыл у него в армии, но и за это время сумел заслужить его неприязнь своими докладами Штерну. Человек он жестокий и мстительный, поэтому в войну я серьезно опасался попасть под его начало».

4

«Высший и старший комсостав РККА, дравшийся на Халхин-Голе, продемонстрировал также лишь формально-механическое усвоение идеи решительности и активности действий. Конечно, разгромить противника можно, только действуя наступательно. Однако вплоть до августа стремление советского командования наступать, его решительность были, как правило, бездумными. Они постоянно оборачивались наступлением ради наступления, активностью ради активности, когда (как 29 мая) части бросались в наступление не собранными в ударный кулак, а разрозненно, поодиночке, когда (как 9 июля) наступление начинали без учета состояния и возможностей войск, когда 24 июня командир 149-го стрелкового полка 36-й стрелковой дивизии майор И.М. Ремизов без тактической необходимости атаковал японский лагерь под Денден-Сумэ и, не добившись успеха, без всякой пользы загубил до трети участвовавшего в атаке батальона, 4 броневедомоцикла, танк и грузовик...», — подчеркивает в своей книге историк А.А. Смирнов.

В свою очередь генерал В.В. Дятлов и В.С. Мильбах в статье «Советская артиллерия в конфликте на реке Халхин-Гол» особо отмечают: «Недостатки в организации управления пришлось компенсировать количеством артиллерийских стволов

и значительным расходом боеприпасов. Это наряду с влиянием других факторов приводило к тому, что “снабжение войск осуществлялось без всякого плана. Работники тыла не знали расхода боеприпасов, поэтому и не знали, сколько нужно подвезти их. В частях органы снабжения организованы не были. Только к концу боевых действий дело с артиллерийским снабжением улучшилось”.

Авиационную разведку штаб корпуса использовал малоэффективно, хотя силы и средства для этого были. (...)

Технические средства артиллерийской разведки советские войска стали использовать только в конце июля, с прибытием в район боевых действий основного состава 185-го артиллерийского полка Резерва Главного Командования, в котором был дивизион артиллерийской инструментальной разведки (батареи звукометрической разведки, фотограмметрической разведки и топогеодезическая). Очевидно, штаб 1 АГ недооценивал возможности этих средств. (...)

В докладе командующего 1 АГ комкора Г.К. Жукова “О компании 1939 г. в районе р. Халхин-Гол” указаны потери артиллерии — 96 орудий (подбиты — 66, отправлены в ремонт — 8, утеряны — 22). По этому докладу в боях 20—30 августа 1939 года участвовали “208 орудий дивизионной артиллерии, артиллерии усиления и 70—80 орудий полковой артиллерии”. Данные Генштаба РККА 1940 года свидетельствуют, что к 20 августа 1939 года общее количество (вероятно, с учетом потерь) советской артиллерии в районе вооруженного конфликта было большим — 540 орудий и минометов, что более чем вдвое превосходило штатную численность японской артиллерии (около 250 орудий).

Значительное расхождение показателей объясняется тем, что в докладе командующего 1 АГ были учтены далеко не все орудия полковой артиллерии. В соответствии со “Сведениями о количестве 45-мм и 76-мм (обр. 1927 г.) орудий в частях

1-й армейской группы”..., составленными участником событий И.С. Прочко, полковая артиллерия насчитывала 216 45-мм и 107 76-мм пушек (обр. 1927 г.), всего 323 орудия — в 4 раза больше, чем указал Г.К. Жуков.

Подтверждением того, что советская артиллерия количественно значительно превосходила японскую, служат архивные документы Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи... (...)

Анализ документов подтверждает, что основные потери советской бронетехники были связаны с отсутствием взаимодействия бронетанковых и механизированных частей с авиацией и другими родами войск, прежде всего с артиллерией. Часто советские танковые и мотоброневые части вводились в бой без артиллерийской поддержки, что особенно характерно для боев 2—5 июля. Отражая атаки советских танков и броневых автомобилей, японские войска эффективно использовали не только противотанковую артиллерию, противотанковые мины, но и бутылки с зажигательной смесью, а также новое пехотное оружие — многозарядные противотанковые ружья».

5

В своих мемуарах полковник Новобранец победу на Халхин-Голе назвал «**пирровой победой**», добавив при этом: «Не нужно было кричать о победе на весь мир, не надо было обманывать советский народ, а нужно было сделать серьезные выводы из трагического халхин-гольского опыта».

Российский публицист, литературовед, литературный критик и историк Б.В. Соколов в книге о маршале Г.К. Жукове довольно подробно остановился на потерях противостоящих сторон на Халхин-Голе. Думается, что было бы полезно ознакомиться с цифрами и мнением доктора филологических и кандидата исторических наук, ведь все познается в сравнении: «Потери же Красной Армии сначала определили цифрой

в 9824 убитых и раненых. Затем, уже в 80-е годы, ее увеличили почти вдвое — до 18,5 тысячи человек. Но даже и в этом случае получалось, будто советские потери были в 3,3 раза меньше, чем японские. Наконец, в 1993 году в книге “Гриф секретности снят” появились официальные цифры советских потерь на Халхин-Голе, существенно превышающие ранее опубликованные. Как мы убедимся в следующих главах, данные этой книги о советских безвозвратных потерях в Великой Отечественной войне занижены в несколько раз. Однако в боях на Халхин-Голе размер потерь был на несколько порядков меньше, чем в 1941—1945 годах, как в абсолютном исчислении, так и в расчете в среднем на день боевых действий. Поэтому можно предположить, что сведения о потерях Красной Армии в короткой советско-японской войне 1939 года более точны, хотя наверняка и здесь был какой-то недоучет безвозвратных потерь.

Не обессудь, читатель, но в моей книге будет еще много разных цифр. Я вполне солидарен, с мыслью Николая Гумилева о том, что “все оттенки смысла умное число передает”. Можно сказать, что число погибших в сражениях, которыми руководил Жуков, — это главное в его судьбе как полководца. Сколько неприятельских солдат и офицеров было истреблено при его участии, сколько уничтожено боевой техники, и ценой каких потерь Красной Армии за это заплачено. Георгий Константинович до самой смерти имел сильно преувеличенное представление о потерях противостоявших ему армий и значительно приуменьшенное, приукрашенное — о потерях своих войск. Безусловно, это помогало маршалу ощущать себя великим полководцем. Но сегодня, четверть века спустя после его кончины, надо честно взглянуть правде в глаза, беспристрастно оценить итоги свершенного Жуковым на поле брани.

Итак, по данным, приведенным в книге “Гриф секретности снят”, советские и монгольские войска на Халхин-Голе в период с мая по сентябрь 1939 года потеряли убитыми 6830 че-

ловек, пропавшими без вести — 1143, ранеными — 15 251 и больными — 701 человека. Сразу скажу, что число больных здесь значительно приуменьшено, поскольку учтены только те из них, кто проходил лечение в госпиталях Забайкальского военного округа. В книге бывшего начальника Главного военно-санитарного управления Красной Армии Е.И. Смирнова «Война и военная медицина. 1939—1945 годы» приведены данные обо всех советских военнослужащих, заболевших на Халхин-Голе, включая и тех, кто лечился в госпиталях на территории Монголии, — 2225 человек. Отмечу также, что подавляющее большинство пропавших без вести следует считать убитыми. В японский плен попало 89 советских бойцов и командиров и 1 солдат Монгольской народно-революционной армии, который умер в плену, не дождавшись зятянувшегося почти на год обмена пленными. Следовательно, примерно 1053 пропавших без вести в действительности погибли в бою. Таким образом, потери Красной Армии и монгольских войск убитыми составили 7884 человека, а общие потери убитыми, пленными, ранеными и больными достигали 25 660 бойцов и командиров. От ран к ноябрю 1939 года умерло 720 красноармейцев. К тому времени еще не определился исход лечения примерно у двух третей раненых. Можно предположить, что некоторые из этих последних тоже умерли и что общее число умерших от ран составило около 1 тысячи человек. Таким образом, всего на Халхин-Голе погибло около 9 тысяч советских и монгольских военнослужащих. Правда, необходимо оговориться, что монгольские потери были в десятки раз меньше советских. Ведь в боях участвовало менее 5 тысяч монгольских солдат и офицеров, и то главным образом на второстепенных направлениях, тогда как численность советских войск к концу боев значительно превышала 80 тысяч человек.

А сколько же потеряли японцы? После Второй мировой войны стали доступны японские военные архивы. Амери-

канский историк Элвин Куке в своей книге «Номонган», вышедшей в 1985 году, привел наиболее достоверные данные о японских потерях в Номонганском инциденте. Сухопутные войска потеряли 8629 человек убитыми, 9087 ранеными и 2350 больными. Потери в личном составе японской авиации достигли, по одним данным, 141 убитого и 89 раненых, по другим — 116 убитых, 65 пропавших без вести и 19 раненых. Поскольку из плена вернулось лишь 2 японских летчика, общее число убитых в японских ВВС, скорее всего, составило 179 человек. Какое число точнее характеризует потери японской авиации ранеными, я судить не берусь. Число же умерших от ран и болезней можно приблизительно определить следующим образом. В сентябре 1942 года в Хайларе был открыт памятник японским и маньчжурским военнослужащим Квантунской армии, погибшим к тому времени в войне. Из 10 301 имени, выбитого на памятнике, 9471 — это те, кто пал во время Номонганского инцидента. Из этого числа следует вычесть потери убитыми сухопутных сил — 8629 человек и ВВС — 179 человек. Тогда общее количество умерших от ран и болезней составит приблизительно 663 человека.

В плен попало 160 японских и 44 маньчжурских солдат и офицеров. Общие же потери 6-й японской армии и поддерживавших ее авиационных частей убитыми, пленными, ранеными и больными достигли 20 264 человек (или 20 334, если принять более высокую цифру потерь ранеными в японской авиации).

Особо следует подчеркнуть, что недоучет безвозвратных потерь в японской императорской армии был минимальным. Традиции буддийской религии требовали, чтобы над каждым погибшим был совершен погребальный обряд сожжения, а урна с пеплом передана родным. После заключения перемирия японцы по соглашению с Жуковым вывезли почти

все тела своих погибших солдат и офицеров, оставшихся на территории, занятой советскими и монгольскими войсками. С другой стороны, можно предположить, что небольшое число из 1201 солдат и офицеров сухопутных сил, первоначально числившихся пропавшими без вести, осталось живо. И это были не только те, кто вернулся из плена, но и так называемые “зомби”. Элвин Куке пишет, что некоторые военнослужащие испытали нервное потрясение от непрерывных артобстрелов и бомбардировок с воздуха и ушли в тыл. При этом они забыли свое имя, забыли, кто они и откуда. Позднее этих “зомби” включили в число убитых, хотя в действительности они со временем пришли в себя или были помещены в психиатрические лечебницы.

Не вызывает сомнения, что недоучет безвозвратных потерь в Красной Армии был больше, чем в японской императорской армии. Так что истинное соотношение потерь, возможно, еще более неблагоприятно для советской стороны. Но и те цифры, что мы имеем сегодня, впечатляют. Оказывается, не было полного разгрома и уничтожения японской 6-й армии, о чем писал Жуков и вслед за ним советские историки, не было втрое больших японских потерь, по сравнению с советскими. Общие советские потери превысили японские почти в 1,27 раза. Особенно неблагоприятным было для Красной Армии соотношение по числу раненых — в 1,67 раза не в ее пользу. Больных у сторон было почти поровну, а по убитым и пленным Красная Армия даже имела перевес — соответственно в 1,12 и в 2,27 раза. Почему советские войска захватили больше пленных — понятно. Ведь крупная японская группировка попала в окружение. Не вызывает удивления и большее число убитых со стороны японцев, хотя раненых у них, напротив, было значительно меньше, чем в 1-й армейской группе Жукова. Дело в том, что, попав в безнадежное положение, японские военнослужащие, в соответствии с кодексом воинской чести “бу-

сидо”, предпочитали не сдаваться в плен, а сражаться до конца или совершить самоубийство».

По утверждению монгольского государственного деятеля и доктора исторических наук Р. Болда, «то, что советская сторона скрывала свои потери на Халхин-Голе, связано с закрытым социально-политическим устройством страны, когда под предлогом военной тайны скрывались потери в войнах и вооруженных конфликтах. Руководство 1-ой армейской группы в докладе об итогах Халхин-гольской военной операции полностью не дало отчет о потерях, приводя данные лишь по августовскому наступлению, рассредотачивая раненых по госпиталям Забайкалья, к тому же сказывались противоречия между Жуковым и Штерном, — поэтому получить на тот момент реальные сведения было невозможно. Наряду с этим командование 1-ой армейской группировки значительно завысило данные о японских потерях. За прошедший период такая тенденция завышения может быть объяснена идеологическими причинами. В исторических материалах говорится, что на 20 августа у японцев были силы в 75 тысяч человек. Говорить о том, что в Халхин-гольских сражениях потери составили 61 тысячу человек и 600 самолетов, — значит отступать от реальной действительности. В халхин-гольских боях личный состав советских войск был больше, чем у японцев, это понятно с учетом наступательной операции, низкого уровня подготовки военнослужащих, которых бросили в июльское сражение, с лозунгом “победа любой ценой”» («Халхин-гольское сражение: пересмотр статистики»).

Любопытно, что Фукуи Юдзо в статье «На севере — сокрушительное поражение в Номонхане», опубликованной в авторитетном журнале «Тюокорон» (№ 1, 2005), поражение японской армии объяснил следующей главной причиной: «Трагедия японской армии произошла по той причине, что с самых первых дней японская сторона строго соблюдала принцип не-

расширения конфликта и потому отказалась от дальнейшего наращивания своей военной силы в данном регионе. Как конкретизирует автор, лишь одна японская дивизия вела ожесточенные бои с врагом, силы которого более чем в 10 раз превосходили ее возможности. Следуя этой логике, Ю. Фукуи приходит к выводу о том, что в случае, если бы японская армия получила подкрепление в живой силе и боевой технике, победа была бы на стороне Японии» (*Катасонова Е.Л. Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы*).

6

Пройдет более 60 лет, и в московских книжных магазинах в продаже появится весьма неприметная книга доктора исторических наук, профессора, полковника в отставке Ф.Д. Свердлова «Ошибки Г.К. Жукова (год 1942)». Ее неожиданное появление автор объяснит честно, без всякого пафоса: «В 1990 году коллега по преподаванию в Военной академии имени М.В. Фрунзе передал мне три увесистых тома, примерно по 200—250 машинописных страниц каждый, и сказал: “Это мемуары бывшего начальника разведки 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, а затем 61-й армии полковника А.К. Кононенко, которые он написал еще в 1959—62 годах, но не мог опубликовать по цензурным соображениям. Уже несколько лет, как он умер. Его вдова передала мне эти мемуары и просила хоть что-нибудь из них опубликовать. Я не очень владею пером, поэтому прошу это сделать тебя”. Тома пролежали у меня одиннадцать лет. Я их, конечно, сразу же прочел, и они произвели на меня сильное впечатление, но над ними, чтобы опубликовать, надо было много работать. Я писал другие книги, и до этих мемуаров, как говорится, все не доходило руки, хотя всегда помнил о них. Наконец в апреле 2002 года я сдал очередную большую книгу в печать и немного освободился. Еще раз прочел мемуары Кононенко —

и загорелся задачей сохранить для читателей совершенно необыкновенные для нашей военной литературы воспоминания этого замечательного человека. Большой объем работы меня не пугал. Мемуары были целиком посвящены боевым действиям 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и приданных ему нескольких дивизий в пятимесячном рейде по тылам противника южнее Вязьмы в январе-мае 1942 года. В «Воспоминаниях и размышлениях» Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, в то время командовавшего Западным фронтом, в который входил кавалерийский корпус, во втором томе на странице 279 (одиннадцатое издание) написано: «27 января корпус генерала П.А. Белова прорвался через Варшавское шоссе в 35 километрах юго-западнее Юхнова и через три дня соединился с десантниками и партизанскими отрядами южнее Вязьмы». Все! Но боевые действия корпуса проходили далеко не так просто. Используя свои фронтовые записи и архивные материалы, А.К. Кононенко написал, как все это было в действительности.

Я сохранил все мысли Кононенко, все основное содержание его буквально берущих за душу воспоминаний».

И это действительно так...

Чтобы было понятно, о чем хотел рассказать нам полковник Кононенко, приведем всего лишь одну, не самую большую главу из книги Свердлова **«НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СТРАТЕГИИ»**: «С самого начала повествования Кононенко чистосердечно признается, что ему очень не хочется дальше писать. Почему? С одной стороны, дело в том, что в его задачу не входило описание обстановки на Западном фронте к моменту, когда группа Белова прорывалась в тыл врага через Варшавское шоссе. Кроме того, взявшись за ее описание, автор неизбежно должен будет говорить об ошибках командующего войсками Западного фронта, а именно о них говорить ему не хотелось. Но, с другой стороны, он не может говорить о боевых действи-

ях группы войск генерала Белова, не сказав, чем они были вызваны.

Действительно, если рассматривать их в отрыве от общих действий фронта, то они многим покажутся странными и непонятными. В самом деле, почему кавкорпус не продолжал наступление на Юхнов и не отрезал пути отхода 4-й немецкой армии? Почему рвался в тыл врага, без танков, артиллерии и боеприпасов, без горючего, продовольствия и фуража? Зачем отдали столько жизней и пролили столько крови, лишь чтобы затем попасть в мышеловку?

Как видит читатель, в этих действиях было много непонятного. Можно сказать и резче. Многие решения и действия командующего фронтом кажутся ошибочными, основанными не на простой логике и всесторонней оценке обстановки, а неизвестно на чем. Сейчас такие действия бывшие ответственные работники штаба фронта обычно объясняют словами: “Так складывалась обстановка”, “Такие создались условия” и прочими, довольно туманными, никому ничего не говорящими фразами. Кононенко не желает идти на сделку со своей совестью и отказывается от “круглых” и “скользких” выражений. Он выносит все на суд читателей. Итак. По плану Ставки в январе 1942 года Западный и Калининский фронты должны были наступать в общем направлении на Вязьму, нанося, концентрический удар с целью окружить Гжатско-Вяземскую группировку немцев. Что же делает Западный фронт для того, чтобы выполнить такую задачу? Он максимально расплывает свои силы, наносит удар не одним мощным кулаком, а растопыренными пальцами, организует не один удар, а целых пять. Вот они:

1-й удар — с целью прорвать оборону немцев на реке Лама и наступать на Сычевку совместно с Калининским фронтом (кстати, Калининский фронт и не думал вести какие-либо активные действия на этом направлении).

2-й удар — с целью прорвать оборону на реке Лама и захватить Гжатск.

3-й удар — с задачей прорвать оборону на реках Руза и Нара и овладеть Можайском, Боровском, Малоярославцем, Медынью.

4-й удар — наносится по Юхновской группировке противника с целью овладеть Юхновом и отрезать немецкую группировку (выталкиваемую третьим ударом).

Наконец, — 5-й удар — наносится с целью захвата районов Киров, Мосальск, Сухиничи и выхода на рокаду Вязьма, Киров.

Забегая вперед, скажем, что ни один из перечисленных ударов не получил развития, не имел успеха и полного завершения. Задач было поставлено много, ударов наносилось тоже не мало, но ни один из них не был обеспечен достаточными силами и средствами и с самого начала, таким образом, обрекался на неудачу. Кононенко прямо пишет, что действия командующего фронтом удивляли многих.

Группа генерала Белова принимала участие в 4-м и 5-м ударах. На 50-ю армию, наносившую 4-й удар, было возложено выполнение и 5-го. Армия должна была к 11 января 1942 года овладеть городом Юхнов и во взаимодействии с группой войск генерала Белова главными силами наступать на Слободу, что около 30 км северо-западнее Вязьмы. Но для выполнения столь важной и, безусловно, главной задачи армия получила меньше $\frac{1}{4}$ всех сил фронта — стрелковых дивизий — 6, танковых бригад — 2. Вот почему задача выполнена не была, а группа Белова, успешно действовавшая на Юхновском направлении, была, как указывалось, повернута на Мосальск и после овладения последним получила задачу наступать на город Вязьму, но теперь уже она должна была выполнять главную задачу фронта, одна во взаимодействии только с воздушным десантом.

Группа подошла к Варшавскому шоссе без средств усиления и даже без своей артиллерии, вдобавок ее соединения измотались в двухмесячных непрерывных боях, они нуждались в отдыхе, пополнении и были малобоеспособны.

Еще меньше сил для выполнения задачи Ставки на главном направлении выделил Калининский фронт, но о нем более подробно будет сказано ниже.

Остается еще один весьма существенный вопрос: как мыслили командующие Западным и Калининским фронтами окружить и уничтожить (!) Гжатско-Вяземскую группировку противника? В указанную группировку немцев фактически полностью входила Группа армий «Центр» (что в нашем понимании соответствует фронту).

Конечно, после разгрома под Москвой отходившая Группа армий «Центр» чувствовала себя сквернейше, она цеплялась за все попадавшие ей на пути, удобные для обороны рубежи. Откатываясь на запад, она старалась зацепиться за них и отсидеться как-нибудь до весны. Самыми катастрофическими на всем фронте оказались полосы немецких 9-й и 4-й армий. И, прямо скажем, если бы не ошибки командующего Западным фронтом, 4-я армия полностью была бы отрезана и разгромлена, но...

Командование немецкой Группы армий «Центр» основной и главной задачей ставило любыми средствами задержать отход указанных двух армий, занять удобную в оперативном отношении оборону и выиграть время для оборудования оборонительного рубежа по линии Ржев, Гжатск, Вязьма, Занозная, Брянск.

До 18 декабря 1941 года Группой армий «Центр» командовал фельдмаршал фон Бок. Но он страдал болезнью желудка, и после неудач под Москвой эта «медвежья» болезнь фон Бока значительно ухудшилась. Гитлер предложил ему подать в отставку. Его сменил фельдмаршал Клюге, который до этого ко-

мандовал 4-й армией. Фон Клюге Гитлер очень любил за жестокость и беспощадность.

Так вот, к тому времени, когда Западный фронт возложил на группу Белова задачу во взаимодействии с десантами и 11-м танковым корпусом Калининского фронта окружить и уничтожить Гжатско-Вяземскую группировку противника, положение немцев стабилизировалось, они уже довольно прочно сели в оборону. На фронте в 600 км у них оборонялись: в первой линии 61 дивизия и во второй — 7. Таким образом, оперативная плотность в их обороне колебалась в пределах 8—10 км на дивизию. Прямо скажем, хотя их дивизии были потрепаны и не полного состава, такая плотность в обороне не может считаться незначительной, ибо наши наступавшие дивизии были еще слабее.

Группу армий «Центр» поддерживало не менее 1000 орудий армейской и приданной артиллерии РКК и 400 самолетов. Как же можно было командующему Западным фронтом генералу Г.К. Жукову думать об окружении и уничтожении таких огромных сил противника, выделив для этого столь мизерные средства?

Четыре дивизии 33-й армии, прорвавшиеся в тыл противника севернее, были отрезаны немцами, хоть и завязали бои на юго-восточных подступах к Вязьме. Для многих осталось неясным, как командующий Западным фронтом мог не понять, что для выполнения поставленной задачи необходимо было сосредоточить все свои силы и средства на участке 33-й армии, а не расплывать их по всему фронту? Но Кононенко оставляет эту интересную загадку для историков. По его мнению, в этой обстановке командующий фронтом действовал безграмотно».

А теперь зададимся вопросом: мог ли себе позволить полковник Кононенко критически оценивать полководца и Маршала Советского Союза?

Александр Константинович Кононенко (1909—1988?) свою службу в Красной армии начал в 1931 году. До Великой Отечественной войны воевал в Испании, участвовал в походе в Северную Буковину в 1940 году. В звании капитана возглавил разведотдел штаба кавалерийского корпуса. Всегда лично занимался разведкой непосредственно на первой линии боевых действий и в тылу врага. Например, во время рейда 1-го гвардейского кавкорпуса под г. Вязьма в 1942 г., за четыре месяца разведчики под руководством гвардии подполковника Кононенко только крушений поездов совершили свыше 106. Сам Александр Константинович был ранен в ногу. В 1944-м, уже в звании гвардии полковника, Кононенко был выдвинут на должность начальника разведотдела штаба 61-й армии. Свой боевой путь эта армия завершила в Берлинской операции 1945-го, в ходе которой во взаимодействии с 1-й армией Войска Польского наступала в обход Берлина с севера и к концу операции вышла на р. Эльба юго-восточнее Виттенберга.

А.К. Кононенко только за период войны был награжден восьмью орденами: одним Ленина (1944), двумя Красного Знамени (1943, 1944), одним Кутузова 2-й степени (1945), двумя Отечественной войны двух степеней (1943, 1944), двумя Красной Звезды (1942, 1944).

Теперь вы понимаете, что мог! Потому что воевать и тогда, в сорок втором, спустя несколько лет после Халхин-Гола, еще не умели. Как подчеркивает Ф.Д. Свердлов, «устарели наши взгляды и в области тактики, и в области оперативного искусства. Старая истина гласит: устаревшие военные взгляды куда хуже, чем устаревшее оружие». И это он мягко еще сказал. Из вежливости.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

По утверждению историка А.В. Исаева, «“Тулон” комдива Жукова стали сражения на реке Халхин-Гол летом 1939 г.». Почти великое открытие, если бы не одно «но»! Слово «Тулон» со времен Наполеона стало метафорически означать момент блестящего начала карьеры никому не ведомого молодого военачальника. Да, только Г.К. Жукову во время его «Тулона» было за сорок (капитану Наполеону — 24), да и воинское звание «комкор» — это уже персональное звание лица высшего командного состава РККА того времени (примерно равное генерал-полковнику). В общем, нам в очередной раз дано весьма необычное сравнение в пользу бедных, ибо на Халхин-Голе никакого «Тулона» не было. Зато было кое-что другое...

В июле 1939 года командарм 2-го ранга Г.М. Штерн обратился к наркому обороны маршалу К.Е. Ворошилову с предложением «тихо, распорядительным порядком влить в войска 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий все положенные мобилизационным планом местные ресурсы, хотя это и будет порядочным ущербом. Отмобилизовать распорядительным порядком части внутренних округов, учить и учить их». Несмотря на то, что Ворошилов, да и Сталин высказались категорически против данного предложения, все-таки Штерн добился своего. К концу 1940 года войска на Дальнем Востоке были отмобилизованы, а к осени 1941 года обучены. И именно они были переброшены на защиту Москвы во время Великой Отечественной войны. О чем не забыл отметить в своих мемуарах В.А. Новобра-

нец: «Сейчас, оценив этот факт уже в аспекте истории, можно сказать, что еще зимой 1939—1940 гг. были заложены основы нашей декабрьской победы под Москвой в 1941 г. Эту заслугу надо приписать командарму Штерну, а также бывшему начальнику ОргМоб отдела фронта полковнику Ломову..., непосредственно разработавшему план развертывания этих сил...»

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

**доклада командующего 1-й Краснознаменной армией
комкора т. Штерна о событиях в районе озера Хасан
на заседании Военного совета при народном комиссаре
обороны в присутствии товарища Сталина и т.т.
Молотова, Кагановича Л.М., Калинина, Андреева,
Жданова и Микояна**

**26 ноября 1938 года (вечернее заседание, происходившее
в Кремле.**

Ворошилов. Мы должны заслушать доклад Военного совета 1-й Отдельной Краснознаменной армии о событиях в районе озера Хасан.

Сколько Вам, т. Штерн, потребуется времени, чтобы Вы нас посвятили с тем, что там было и чего не было?

Штерн. Доклад у меня рассчитан на три часа.

Ворошилов. Нельзя ли сократить до часу, с тем чтобы остальным трем докладчикам, т.т. Семеновскому, Рычагову и Мехлису, также оставить время для выступления.

Штерн. Придется очень сократить свой доклад.

Ворошилов. Итак, даем вам час с небольшим хвостиком.

Штерн. Мне кажется, что помимо тех основных побудителей японской провокации в районе озера Хасан, побудителей международного и политического порядка, о которых говорил т. Молотов на торжественном заседании 6.XI и товарищ Ворошилов в своей речи 7.XI, — некоторыми дополнительными побудителями были имеющиеся у японцев данные о тяжелом организационном состоянии Дальневосточного фронта и его

войск, и особенно о состоянии кадров и состоянии боевой подготовки. Не случайным является и выбор направления — Посьетский район. Этот Посьетский район являлся слабым в некоторых вопросах нашего Дальневосточного театра. Эта некоторая его слабость, вероятно, была известна японцам, вероятно, японцы имели данные о том, что стоявшая в Посьетском направлении 40 сд в политическом отношении считалась одной из самых слабых дивизий, если не самой слабой дивизией Дальневосточного фронта.

Мне кажется, что нельзя создать правильное представление о том, как шли дела в Хасанской операции, если не учесть кое-каких элементов обстановки, создавшейся в период возникновения хасанских событий в самом руководстве Дальневосточного фронта.

Коротко, я не рассчитывал, что мне так урежут время для доклада, остановлюсь на войсках и вопросах управления Дальневосточного фронта к моменту развития японской провокации в районе озера Хасан.

Особые заботы руководителей партии и Правительства о нашем Дальнем Востоке и его вооруженных силах выразились в создании в течение ряда последних лет на Дальнем Востоке большой по численности человеческой силы и сконцентрировании там многочисленной техники. Короче, на ДВК была создана могучая вооруженная сила. Надо сказать, что подавляющая масса этих людей — это замечательные люди сталинского поколения, замечательные патриоты, а о нашей технике, там имеющейся в огромном количестве, надо сказать, что это замечательная и лучшая в мире боевая техника. Но во всем этом огромном и колоссальном человеческом организме, во всей этой огромной вооруженной силе, которая создана партией и Правительством на нашем Дальнем Востоке, к моменту развертывания событий были очень крупные недоделки, и я должен откровенно доложить руководителям партии и Прави-

тельства, что многие из этих недоделок еще и до настоящего времени не ликвидированы. Очень значительные недоделки имеются в подготовке театра военных действий, очень слабо населен район и сельское хозяйство, надо об этом прямо Вам, товарищ Сталин, сказать, за последние год—два резко идет назад в своем развитии.

Большие недоделки в подготовке театра имеются в вопросах устройства дорог, материального обеспечения. Значительно худшим, чем в других частях Красной армии, является устройство войск, расположенных на Дальнем Востоке.

Но, я считаю, основную и главную трудность нужно будет отнести не к этим вопросам, а главная трудность, которую мы испытали в период хасанских событий, заключалась в основном в состоянии кадров командного и политического состава в тот период. Войска ДКФ от головки фронта были сильно засорены злейшими врагами народа — японскими шпионами и другими шпионами. Одновременно с изъятием этих врагов была изъята и уволена из частей ДКФ вопреки приказу народного комиссара масса людей, на которых не было достаточных данных для их увольнения. За всякие маленькие хвостики, имеющиеся у того или другого командира, он увольнялся, и таких людей было уволено очень и очень много. Масса командиров увольнялась единоличным распоряжением Блюхера. Блюхером была создана обстановка, когда малейшая попытка или указание на необоснованность увольнения того или иного командира уже служили намеком, что ты защищаешь врагов. Блюхер очень хорошо и искусно умел создавать впечатление об его особых, неписанных полномочиях, о том, что он является главным и основным представителем партии и Правительства на Дальнем Востоке, и не только в военных делах как командующий фронтом.

Первые недели моего пребывания в ОКДВА и ознакомление с некоторыми частями ДКФ создали у меня впечатление,

что кадры в войсках ДКФ разрушаются буквально на глазах. Взамен уволенных, несмотря на все просьбы, никто не назначался.

Я коротко расскажу о моем личном поведении на заседаниях Военного совета бывшего Дальневосточного фронта. На заседаниях Военного совета фронта вопросы, связанные с увольнением командного состава, вызывали настоящие сцены. Я должен прямо доложить, что на заседаниях Военного совета фронта по этому вопросу я поддержан не был и единолично выступал с заявлениями по адресу бывшего командующего фронтом об огульном недоверии с его стороны кадрам, о разрушении кадров, о перестраховочной линии, которая велась в этом вопросе. Я нередко вынужден был отказываться от подписания приказов по личному составу, пока не будут мне представлены обоснованные мотивы в отношении увольнения каждого человека.

Тут очень кстати был приезд т. Мехлиса, который нам в очень многих вопросах значительно помог. Тов. Мехлис оказал нам большую помощь и в вопросах ведения боевой операции. Его приезд исключительную роль сыграл в вопросах очистки армии и ускорения назначения новых людей на многочисленные незамещенные посты. В штабе армии, например, было не больше 15—20 % личного состава, и, несмотря на это, ни один человек в штаб фронта не назначался. У меня лично, как у начальника штаба фронта, не было ни одного заместителя и ни одного начальника отдела. Примерно такое же состояние было и в 39 ск, где не было ни начальника артиллерии, ни начальника инженерной службы, ветеринарной службы, начальника разведывательного отделения и т. д. Такое же положение было и в 40 сд. К моменту возникновения хасанских событий пришлось руководство санитарной частью 40 сд возложить на лекарского помощника. В момент развертывания событий пополнение и назначение личного состава приходилось прово-

дить на ходу. Командиры рот в среднем заменялись по 5 раз в течение 1938 года. В 40 сд было положение, когда командиры рот не только по фамилиям не знали своих красноармейцев, но и в лицо их не видели. В большинстве рот не оказалось списков личного состава, они исчезли, что составило очень большую трудность при определении наших потерь.

Наряду с ликвидацией и очищением рядов армии, тогдашнего фронта, от врагов народа, огромное количество до конца преданных нашей партии Ленина—Сталина и советской Родине командиров незаконно вопреки всем приказам и указаниям увольнялись из рядов армии. В этих условиях у бойцов зародились элементы недоверия к нашему командному составу. Просматривая сводки в красноармейских письмах за первые дни операции, я установил, что некоторые из них высказывали свое недоверие командному составу, вплоть до того, что один боец писал, что он не доверяет своему отделенному командиру. Это настроение совершенно исчезло, как только были внесены элементы организованности. Должен сказать, что наш командный и политический состав — крепкий и преданный Родине кадр, ясно понимает свою задачу. Командный и политический состав 40 сд, считавшейся по-старому ненадежным в политическом отношении, после того, как были внесены элементы организованности, этот командный состав показал свою преданность, мужество и геройство в Хасанской операции. Элементы нездорового политико-морального состояния совершенно исчезли.

Должен сказать, что однако эти очень большие организационные трудности, особенно трудность с кадрами, вызывали элементы беспорядка и неразберихи, пришлось очень много и крепко над этим поработать. Прежние доклады бывшего командующего фронтом по вопросам боевой подготовки и состояния кадров были сплошным очковитирательством. Был очень большой отрыв людей от боевой подготовки. Этот отрыв

в некоторой мере объясняется очень необходимыми и насущными нуждами фронта. Я должен доложить, что полностью этот отрыв от боевой подготовки людей еще не ликвидирован. Но прежде люди отрывались от боевой подготовки и разбазаривались куда и сколько угодно, т. к. существовала обстановка расхлябанности.

Можно привести такой пример, когда выстраивается полк, это до событий было, все представители его, буквально до последнего человека, и от этого полка 10 000-ной дивизии выстраивается — полковая батарея, противотанковая, саперная рота, рота связи, штаб полка, транспортная часть, но стрелков не видно, они отсутствовали, будучи использованы на всякого рода подсобных работах. Этот отрыв шел главным образом за счет пехоты и поэтому пехота очень плохо училась. Плохо были подготовлены и танковые части. Достаточно будет, если я доложу, что в 1-й, и 2-й, и 21-й мехбригадах ни один батальон ни одного раза не занимался с пехотой. Танковые части варились в собственном соку.

Сталин. Армия была тогда организована уже?

Штерн. Была, командующим был комдив Подлас.

Слабости войскового и армейского тыла. Без отмобилизации наш войсковой тыл работать не может. Армейских и иных складов много, имущества в этих складах много, хотя и не все комплектно, но с этими складами трудно связаться, связи нет, подъездных путей к складам нет, для того чтобы связаться со складом, переговорить, нужно было посылать человека. В период сильных дождей связь со складами значительно усложняется. Когда я потребовал 11.VIII подвезти 5000 винтовок, потеря в винтовках была большая, и 20 ручных, и 20 станковых пулеметов, то, благодаря прошедшему сильному тайфуну, этого имущества вывезти со склада было невозможно. В общем огромном объеме наших вооруженных сил Дальнего Востока остается незаменимым такое транспортное средство, как прицеп. Мы этих

прицепов имеем не более 10 % от положенного нам количества по мирному времени. Прицеп для нас незаменим, иногда, учитывая бездорожье, мы не можем использовать автомобиля. Наша тяжелая артиллерия, когда ей нужно двигаться в полной боеготовности, почти не может тащить всего запаса снарядов, потому что в полном объеме единственным транспортным средством — тракторами она не обеспечена. Вопросы транспорта и войскового тыла должны решаться направлением нам туда большего количества этих прицепов. Надо ликвидировать разрыв между гусеничными и боевыми машинами.

Несколько слов о местности района событий. Зачем нужно было японцам занимать высоту Заозерная? При владении этой высотой японцы имели возможность полностью господствовать над всем Заречинским перешейком. Эта высота, из всех там имеющихся, — господствующая, и с нее просматривается вся местность по всей линии в этом направлении. В случае овладения этой высотой японцы по существу ликвидировали бы для нас всякое использование бухты Экспедиция, а значит, Посьетского района. Во всем этом Заречинском мешке не имеется ни одного человека населения. Имеется одна пограничная комендатура и пограничные заставы. К этому нужно добавить положение с путями подвоза. Сейчас, по указанию Главного военного совета, проводится ряд мероприятий по улучшению нашего подвоза в этом районе. Идет строительство моста через реку Супфун, вслед за строительством этого моста строится и другой. Затем идет грунтовая дорога на 160 км от Раздольной до Новокиевской. Вот по этой магистрали — 160 км и базировалось все сухопутное снабжение и в основном вся перевозка войск, плюс к этому пользовались водным путем от Владивостока на бухту Посьет. Но это морское сообщение находится под ударом японцев.

Мой доклад был бы неполным, если бы я не доложил об аэродромном оборудовании этого Посьетского района. Еще до

Хасанской операции, разбирая вопросы аэродромного оборудования и их состояние, было решено на Посьетском театре создать три аэродрома, на которых могли бы работать самолеты И-16. Все наши аэродромы имеются на северном и на центральном направлениях, и никаких абсолютно аэродромов, кроме небольших площадок, вот здесь (*показывает на карте*), в районе Барабаш, мы не имеем. Еще до начала событий, когда поняли всю серьезность создававшегося положения, мы занялись подысканием площадок — аэродромов для И-15. Это очень резко повлияло на авиационную обстановку, потому что мы из наших истребительных полков вынуждены были вырывать с мясом площадки и создавать кустарные аэродромы и базы. Было организовано 15 аэродромов. В Хабаровском направлении остались самолеты И-16.

Несколько слов о состоянии дорог. По сути дела, в этом направлении дорог нет, есть направление, по которому раз в три дня ходит повозка или машина пограничной заставы. Дорога в районе Заречинской и Сандоканца прорезывается протоками. При отсутствии мостов и после прошедших дождей эти протоки превращаются в бурную речку. Мы имели большие трудности с передвижением войск. Всякие наши расчеты на марши срывались. Все наши дневные движения наблюдались японцами. Благодаря этому мы старались совершать марши ночью. Наши расчеты на марши ночью с окончанием их к рассвету не оправдались, ни одного марша до наступления рассвета нам закончить не удалось, движение было страшно затруднено. Движение наших танковых частей — танкового батальона не превышало 1,5—2 км в час. К этому надо добавить отсутствие всяких средств маскировки, ни леса и даже маленького кустарничка не было. Если бы действовала авиация противника, мы могли бы иметь большие потери. Для японцев местность была более выгодна. Японцы в этом направлении имеют много дорог, железная дорога у них под-

ходит прямо к полю боя. Японцы все подвозили по железной дороге и имели большие возможности для подвоза водным путем.

Самой трудной из всех была операция — атака высоты Заозерной (*объясняет обстановку по карте*). В этой операции мы лично были лишены возможности скрытого маневра, и была исключена возможность внезапного нападения. Японцы знали, что мы сосредотачиваем свои войска. Японцы в этой операции действовали с открытыми глазами, видели все, что мы делаем. Должен сказать, что полной организованности в атаке высоты Заозерная достигнуть мы не сумели, но что касается средств подавления, их было порядочно. У нас почти полностью отсутствовали какие-либо данные разведки и данные агентурного порядка.

Очень коротко о хронологии развития конфликта. 8 июля японцы подвели к высоте телефонную линию, стало заметно появление военных людей в деревне Хамок. С нашей стороны высота Заозерная освещалась выставленным нарядом пограничников. Когда выяснилось точно, что японцы подвозят к высоте имущество и стало заметно движение военных, по решению командира 59-го отряда погранохраны высота была занята и поставлен один станковый пулемет. С 11 по 15 июля пограничники производили рытье окопов и устанавливали проволоку. 15 июля два японских военных и три штатских вышли на высоту и сделали несколько десятков шагов по нашей территории. Сапер Виневитин, заметив это, с дистанции 120 метров выстрелил и одного японского жандарма убил, и одного ранил. После этого началась волна нахальных заявлений по нашему адресу Сигемицы. С 23 июля стало заметно усиленное передвижение японских войск в районе Заозерная. По указанию народного комиссара было отдано распоряжение о приведении в боеготовность всего 39 ск. В боеготовность были подняты 40 сд, 92 сд, 32 сд, 2-я мотобригада, 121-й кавполк и части

авиации 1-й армии. Вслед за этим был выдвинут усиленный батальон 118-го и 119-го полка в район Сандо-канца и был отдан приказ о приведении в боеготовность ряда соединений не только 1-й армии, но и других соединений фронта. Авиации было приказано разыскать площадки и посадить 4 эскадрильи И-15.

Стоило много усилий, чтобы получить подпись Блюхера на приказе о приведении войск в боеготовность. Эту подпись пришлось вырывать буквально насильно. Небольшая история с этим документом: приходишь к Блюхеру и требуешь подписать приказ, а он тебе ведет разговоры и ищет виновных, кто виноват в конфликте. Должен сказать, что с очень небольшой охотой им подписывались все эти приказы и всякая малейшая грамматическая ошибка являлась поводом к неподписанию приказа.

25 июля было отмечено усиленное направление японских войск в ряде направлений 1-й армии.

29 июля ночью японцы предприняли активные действия в районе озера Хасан.

29 июля примерно, одна японская рота атаковала высоту Безымянную, атаковала 11 чел. пограничников, там находящихся. Должен заявить, что эти пограничники очень храбро и мужественно защищались и из них 5 было убито, 6 тяжело раненных. По имеющимся у нас данным, японцы понесли там большие потери, была подброшена на Безымянную рота 118 сп, и в этот же день был отдан приказ о переброске 32 сд и 2 мб.

31 июля японцы атаковали высоту Заозерная и взяли эту высоту.

С 31 июля по 1 августа производилось сосредоточение в Заречинский район 40 сд и 39 кап.

2 августа неудачное наступление на высоту Заозерная.

3 августа выход из боя.

С 3 по 5 августа сосредоточение частей 40, 32 [сд] и 2 мб авиации.

6 августа наша генеральная атака высоты и бой за ее удержание.

Коротко о соотношении сил.

29 июля со стороны японцев атаковала рота, с нашей стороны 11 пограничников, затем подходит рота 118 сп.

31 июля со стороны японцев — полк с артиллерией; с нашей стороны была возможность применить в бою два усиленных стр. батальона, фактически в силу неумелого руководства этим боем, в бою участвовали две наши роты и около 100 чел. пограничников. В общем со стороны японцев участвовала вся 19-я дивизия.

Сталин. Гвардейская дивизия.

Штерн. Так точно. В последней контратаке было установлено, что участвует 15-я японская дивизия.

У японцев был один полк легкой артиллерии, один тяжелой, два-три специальных пулеметных батальона, один кавполк, инженерный и 5—6 зенитных батарей. Артиллерия усиливалась в период боя. Всего у японцев было сосредоточено 15 сд, 19 сд, 120 пд, 36-я экспедиционная бригада, кав. бригада, танковые части и части УРа.

С нашей стороны в первом этапе участвовало два усиленных батальона, это значит артдивизион с ротой танков, с кавэскадром 121-го кавполка, противотанковая батарея.

На втором этапе — 40 сд, 32 сд, танковый батальон плюс один дивизион 152-мм гаубиц 32 кап и авиация.

Третий этап — полностью 40 [сд] и 32 сд, 1 батальон 115 сп, 39 сд, два усиленных батальона, разведывательный, 2 мб и 30 орудий тяжелого 32 кап. Не участвовали в событиях, но были сосредоточены: 26 сд, 39 сд, 75-й кав. полк и ряд других частей.

По артиллерии мы имели полуторное превосходство. Нами было поднято 45 орудий 40 сд, 32 орудия 32 сд и 30 орудий 39 кап. Танков в общей сложности участвовало 4 батальона. Со стороны японцев танки участия не принимали, авиация также не участвовала. С нашей стороны авиация участвовала в большой массе.

Главная наша трудность в бою при нашем генеральном наступлении заключалась в слабости наших стрелков и пулеметчиков.

40 сд к моменту генеральной атаки 6 августа имела два боя 31 июля и 2 августа с попыткой захватить Заозерную.

Мы превосходили средствами подавления японцев, но пехоты у них было больше, чем у нас. У нас были очень сильные средства подавления, но, когда нужно было развить удар, мы чувствовали, что очень быстро истощаемся. Можно было бы привести целый ряд многочисленных примеров героизма, мужества и отваги. Все секретари партийных и комсомольских бюро участвовали в бою. Писарь одного штабного подразделения, который переписывал на машинке боевые документы, в один момент куда-то исчез, после оказалось, что он два раза сумел сходить в атаку, возвратился и приступил к своему непосредственному делу. Очень большую роль в боях сыграли саперы и не только как специалисты, а все они с оружием в руках вместе с пехотой шли на врага в атаку. Сапбатальон 40 сд целиком участвовал в овладении высотой Заозерная.

7 августа мы получили пополнение — 600 чел. из 32-й дивизии, остальное пополнение подошло в ночь на 10-е. Это пополнение в количестве 8000 чел. подошло, но в боях не участвовало.

Первый этап операции. Решение боевой задачи в первом этапе операции было возложено на полковника Федотова. Было выделено два усиленных батальона 40 сд. Они были подчинены полковнику Федотову и была, таким образом,

создана группа полковника Федотова. Я требовал, чтобы эти части остались в подчинении 40 сд. По создавшейся обстановке было совершенно ясно, что придется драться всей дивизией.

Коротко расскажу, как Федотовым была решена задача (*докладывает о решении т. Федотова с указанием на карте*). Одна рота на высоте 61, другая на высоте 68,8, и еще одна рота на высоте Безымянная, а на самой высоте Заозерная было оставлено 30 чел. пограничников и 2 станковых пулемета. Блюхер считал, что в этом конфликте виноваты мы, он считал, что в 59-м погранотряде имелись провокаторы, которые спровоцировали нас на конфликт, и самым главным виновником этого конфликта считал сапера Виневитина, который убил одного японца и одного ранил при переходе ими линии границы, Блюхером было дано указание, чтобы вообще наша артиллерия не стреляла до тех пор, пока японская артиллерия не появится на нашей стороне. Этим предательским распоряжением и благодаря безобразнейшей и непростительной организации объясняется непростительное поведение артдивизиона, который проявил трусость при попадании японского снаряда в орудие и лошадь.

Второй этап операции. Второй этап — это атака высоты Заозерной частями 40 сд. В это время 40 сд была на походе. Части дивизии с большим трудом двигались по грязи и входили в Заречинский мешок. Голова колонны была в Заречье. Когда я приехал в Новокиевское и выяснил обстановку зная, что наше Правительство считает как можно быстрее ликвидировать конфликт, я вынужден был доложить Блюхеру следующее (*читает*).

Я также узнал здесь, что Рычагову Блюхером была поставлена задача нанести главный удар авиации на высоту 68,8, т. е. на ту высоту, где был сосредоточен наш 119 сп, т. е. авиация разбомбила бы свой полк.

Ворошилов. Что делал в это время Военный совет 1-й армии? Командующий и член Военного совета армии были?

Штерн. Они были в Ворошилове, но Военный совет 1-й армии в основном был исключен из руководства системой создавшейся обстановки.

После этого мне было указано Блюхером выехать в расположение частей 40 сд и помочь командованию. Части 40 сд наступали совершенно неорганизованно, не было организовано взаимодействия с артиллерией, связь командиров батальонов и даже полков с артдивизионами отсутствовала. Красноармейцы дрались храбро, но понесли в этом наступлении большие потери до 800 чел., нанеся, конечно, урон и японцам. 2 августа на фронт приехал Блюхер. Разобравшись там с обстановкой, Блюхер приказал вывести части 40 сд из боя.

Несколько слов об управлении. Когда выяснилось, что японцы взяли Заозерную, а это выяснилось к рассвету 31 июля, мне было приказано вылететь в Ворошилов, а оттуда в Краскино и объединить руководство всеми находящимися и подходящими сюда частями. Я вылетел в Краскино с Семеновским и еще пятью командирами штаба фронта. Я просил Блюхера уточнить взаимоотношение с 1-й армией. Я считал, что эти части нужно было подчинить 1-й армии и создать, таким образом, южную группу 1-й армии. Блюхер обещал это сделать, но никакого разъяснения по этому вопросу не дал и никаких распоряжений впоследствии я не обнаружил. На другой день я как человек, посланный командующим объединить действия войск, сосредотачивающихся в этом районе, получаю телеграмму — не мешайте войскам выполнять свой долг перед Родиной.

2 августа Блюхер приезжает в Посьет, я из Краскино выехал туда же. На пристани узнаю, что здесь был Блюхер и поехал на катере в К... Я нахожу катер и еду за Блюхером. При встрече получаю замечание, почему я его не встретил. Я доложил обстановку. При этом моем докладе присутствовал т. Фри-

новский. Блюхер приказывает организовать подход 32 сд, мб и других средств усиления. Ставит задачи авиации. Сам едет в Заречинский район. Больше никаких распоряжений не отдавал и участия в бою не принимал. В это время было совершенно ясно — нужно организовать бой и решить основные вопросы управления боем. В этом отношении Блюхер ничего не сделал. Разрешите зачитать Вам после получения приказа народного комиссара мой разговор с Блюхером (*зачитывает телеграфные сводки*). Вмешательство нашего Центрального Комитета и Правительства в создавшуюся обстановку было решающим моментом. Мы получили указание использовать авиацию фронта. Только благодаря точному и ясному приказу народного комиссара, составленному по указанию товарища Сталина и Молотова, была обеспечена победа, и наши части 6 августа разгромили японцев, заняв высоту Заозерная.

Боеспособность войск, участвующих в Хасанской операции, была чрезвычайно высока. 40 сд, имея аттестацию как самая худшая дивизия ДКФ, имея политическую аттестацию как дивизия ненадежная, в ней было изъято больше 100 чел. врагов народа, неудачный бой 31 июля и затем 2 августа, вся эта обстановка создавала для дивизии тяжелые условия, но, несмотря на это и несмотря на то, что 40-я дивизия имела до 50 % потерь стрелков и пулеметчиков, личный состав этой дивизии в борьбе за Заозерную показал исключительное мужество, стойкость, преданность делу партии Ленина — Сталина.

Третий этап операции. Мною на высоте 194 были собраны все командиры дивизий, мехбригады, все командиры танковых батальонов, начальники артиллерии дивизий и комиссары дивизий, которым было указано о принципиальном решении. Это решение с небольшими поправками было проведено в жизнь 6 августа.

Несмотря на то, что танкам были даны самые исчерпывающие указания, танки действовали плохо; артиллерия работа-

ла посредственно. Танки в этой операции были использованы плохо.

Наступление было назначено на 6 августа, атака на 14 часов. Некоторые могут спросить, почему на 14 час., а не на рассвете, как говорит устав? Нельзя приучать войска, а тем более противника атаковать всегда на рассвете. В этом генеральном наступлении было решено использовать авиацию (*зачитывается план наступления и атаки с использованием авиации*).

Должен Вам, товарищ Сталин, доложить, что предусмотренный план атаки немного сорвался, т. к. нас “подвел” Рычагов. Он должен был выпустить свою авиацию в 12 часов, но, как потом выяснилось, из-за плохой погоды вылет авиации задержался и в связи с этим был несколько изменен весь план наступления.

Про авиацию более подробно в своем выступлении коснется т. Рычагов. Конечно, не было такого положения, чтобы каждая бомба падала прямо на японца. Бомбежка проходила на глазах у всего корпуса. Мы дали 2 налета по 15 минут. Авиация бомбила зверски. Но эта бомбежка сорвала нам артиллерийскую подготовку. Как потом выяснилось, Рычагову пришлось взять 20 лишних СБ.

Сталин. Лишних хорошо, лишь бы не меньше (*смех*).

Штерн. Большой эффект произвели подвешенные 6 штук 1000 кг бомб и 10 по 500 кг. Смотреть было жутко. Первая бомбежка была произведена с высоты 800, вторая с 1000 метров.

Высота Заозерная была взята в эту же ночь.

Действия 32 сд сначала были довольно удачными. 32 сд прошла через высоту Безымянная, но ночью должна была отойти.

Сталин. Японцы в ночных действиях обучены очень хорошо.

Штерн. Японцы исключительно хорошо используют местность.

После боя 6 августа наша задача сводилась в основном к обороне Заозерной.

Должен указать еще на один недостаток наших войск — это на неумение метать гранату. Уже после, когда мы вели с японцами переговоры, мне было очень неудобно, когда, проходя по линии обороны, валялось много неразорвавшихся гранат. Этот недостаток нами был тут же учтен, и через два дня войска научились метать гранату. Народ бросал гранату с кольцом, и поэтому граната не разрывалась.

Нельзя сказать того, что у нас всегда было положение — гром победы раздавайся. У нас было очень много тяжелых и нервных моментов и не только в тяжелые минуты наступления, но и в дни обороны. Был случай, когда на командный пункт прибегает человек и заявляет, что у командного пункта большая группа японцев. У японцев были снайпера, но причиненные ими неприятности были уж не такие сильные, как это было раздуть. Мы всячески пытались уничтожить этих снайперов, но это не всегда нам удавалось, мы не могли их найти.

Ворошилов. Высоту взяли, а японские снайпера сидят в камышах, и Вы не могли их разыскать.

Штерн. 11 августа, когда нами готовилась решительная атака, в 10 ч. 30 мин. был получен приказ народного комиссара о перемирии. Нам было приказано приостановить военные действия всеми родами войск, было приказано прекратить огонь и пулеметный, и винтовочный. В это время шел жестокий бой по всему фронту и перед нами встала тяжелая задача. Штаб корпуса получил приказ в 10 ч. 30 мин. с указанием, чтобы в 12 ч. прекратить военные действия. Этот приказ народного комиссара был доведен до низов. Наступает 12 час., со стороны японцев ведется огонь. 12 ч. 10 мин. тоже, 12 ч. 15 мин. тоже — мне докладывают: на таком-то участке ведется сильный артиллерийский огонь японцами. Убит один, и 7—8 чел. ранено. Тогда по согласованию с т. Мехлисом было

решено дать артиллерийский налет. За 5 мин. нами было выпущено 3010 снарядов по пристрелянным рубежам. Как только кончился этот наш огневой налет, со стороны японцев огонь прекратился. Нами до последнего артиллерийского налета было сделано все, и этот последний артиллерийский налет пришлось дать, потому что японцы продолжали вести огонь по нашим войскам.

Дальше идет момент наступившего перемирия (*рассказывает о ряде моментов, связанных с подписанием протокола о перемирии и обмене трупами*).

Благодаря непреклонной позиции мира Правительства нашего Советского Союза, благодаря ясному и конкретному руководству, благодаря беспредельной преданности наших бойцов, командиров и наших политработников, благодаря каждодневной и ежечасной помощи нам товарища Сталина, т. Молотова и т. Ворошилова, мы победили японцев» (РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2030. Л. 108—123).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аптекарь П. Советско-финские войны. М., 2004.

Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971.

Барятинский М. Великая танковая война 1939—1945. М., 2009.

Боков Ф.Е. Весна победы. М., 1985.

Болд Р. Халхин-гольское сражение: пересмотр статистики. Монголия сейчас. Интернет.

Бортаковский Т.В. Расстрелянные Герои Советского Союза. М., 2012.

Василевский А. Дело всей жизни. М., 1978.

Великая Отечественная. Командармы. М., 2005.

Великая Отечественная. Комкоры. Том 1. М., 2006.

Великая Отечественная. Комкоры. Том 2. М., 2006.

Великая Отечественная. Комдивы. Том I. М., 2011.

Великая Отечественная. Комдивы. Том II. М., 2014.

Великая Отечественная. Комдивы. Том III. М., 2014.

Великая Отечественная. Комдивы. Том IV. М., 2015.

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1938, 1940 гг.: Документы и материалы. М., 2006.

Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. М., 2014.

Волкогонов Д. Политический портрет. В двух книгах. Книга 2. М., 1996.

Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1962.

Воротников М.Ф. Г.К. Жуков на Халхин-Голе. Омск, 1989.

Галицкий К.Н. В боях за Восточную Пруссию: записки командующего 11-й гвардейской армией. М., 1970.

Гареев М.А. Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства. Уфа, 1996.

Горбунов Е.А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002.

Григоренко П.Г. В подполье можно встретить только крыс... М., 1997.

Дацышен В.Г. Халхин-Гол — тяжелое испытание для простого советского солдата. Беседовал А. Тарасов. Эффект № 44 от 29.10.2014.

Дри Э. Дж. Номонган: тактические боевые действия советских и японских войск, 1939. Канзас, 1981.

Дриг Е. Ленинградский Краснознаменный механизированный. История 11-го механизированного (20-го танкового) корпуса. Танковый прорыв. Советские танки в боях 1937—1942 гг. М., 2007.

???Дядя Илюша. Воспоминания племянника генерала И.Ф. Дударева. Интернет.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М., 2002.

Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989.

Звягинцев В.Е. Трибунал для героев. М., 2005.

Исаев С.И. Вехи фронтового пути. Военно-исторический журнал. № 10, 1991.

Исаев А.В. Мифы и правда о Маршале Жукове. М., 2010.

История военного искусства. Учебник. ВВА им. Гагарина. Монино, 1995.

Карнов В. Маршал Жуков. Его соратники и противники в дни войны и мира. М., 1992.

Карнов В. Маршал Жуков: Опала. Литературная мозаика. М., 1994.

Катасонова Е.Л. Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы. Япония. Ежегодник № 38, 2009.

Кондратьев В. Халхин-Гол: война в воздухе. М., 2002.

Краснов В.Г. Жуков. Маршал великой империи. Лавры и тернии полководца. М., 2005.

Крылатое племя (Воспоминания авиаторов трех поколений). Редактор-составитель А.И. Воинов. М., 1962.

Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1966.

Кузнецов Н.Г. Наши отношения с Жуковым стали поистине драматическими. Военно-исторический журнал. № 1, 1992.

Курас Л.В. Японская военная миссия в Маньчжоу-го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе). Власть. № 9, 2014.

Лопез Ж., Отхмезури Л. Жуков. Портрет на фоне эпохи. М., 2015.

Маршалы Советского Союза. Личные дела рассказывают. М., 1996.

Мацуленко В. Развитие тактики наступательного боя. Военно-исторический журнал. № 2, 1966.

Мерецков К.А. На службе народу. М., 2003.

Мильбах В.С., Дятлов В.В. Советская артиллерия в конфликте на реке Халхин-Гол. Военно-исторический журнал. № 1, 2013.

Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937—1938 гг. Забайкальский военный округ и 57-й особый стрелковый корпус. СПб., 2014.

На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). М., 2008.

Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб., 2010.

Новобранец В. Я предупреждал о войне Сталина. Записки военного разведчика. М., 2009.

Первушин А.Н. Памятные встречи (о Г.М. Штерне). Созвездие полководцев. Слово о военачальниках Советской армии — дальневосточниках. Благовещенск, 1972.

Португальский Р.М. Маршал И.С. Конев. М., 1985.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 461. Л. 21—35 (Докладная записка А.С. Щербакова И.В. Сталину о работе особого отдела 7-й отдельной армии от 22.05.1943).

РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 21. Л. 28 (Приказ наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова об образовании Фронтowej группы от 5 июля 1939).

РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 229. Л. 98—103 (Доклад начальника Штаба РККА М.Н. Тухачевского К.Е. Ворошилову о мерах по реорганизации Курсов усовершенствования высшего командного состава с целью повышения общевойсковой подготовки командных кадров 28 февраля 1927).

РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 202. Л. 6—10 (Запись разговора по прямому проводу работников Генштаба РККА с сотрудниками штаба 57-го ОК от 15 мая 1939).

РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 204. Л. 33 (Приказ по 57-му Особому корпусу о приведении частей в боевую готовность для ликвидации противника в случае перехода им границы МНР от 17 мая 1939).

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1181. Л. 75—76 (Командировочное удостоверение комдива Г.К. Жукова, комбрига С.П. Денисова и полкового комиссара И.Т. Чернышева от 24 мая 1939).

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1225. Л. 5—6 (Разговор по прямому проводу комкора Р.П. Хмельницкого с комдивом Н.В. Фекленко от 16 мая 1939).

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1225. Л. 30—36 (Запись разговора по прямому проводу К.Е. Ворошилова и Б.М. Шапошникова с Н.Ф. Фекленко о тщательной разведке сил вторжения противника от 22 мая 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 33. Л. 184—185 (Донесение члена ВС 57-го Особого корпуса М.С. Никишева К.Е. Ворошилову о бегстве из плена японского солдата от 11 июня 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 35. Л. 26—35 (Запись разговора по прямому проводу И.В. Смородинова с Н.В. Фекленко от 17 мая 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 37. Л. 17—21 (Доклад по прямому проводу командования 57-го ОК наркому обороны СССР К.Е. Ворошилову от 16 мая 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 37. Л. 109—115 (Донесение представителей НКО СССР Г.К. Жукова, С.П. Денисова и И.Т. Чернышева К.Е. Ворошилову с оценкой боевых действий частей 57-го Особого корпуса за 28—30 мая).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 37. Л. 140—141 (Донесение Г.К. Жукова Б.М. Шапошникову о б/д в течение 31 мая от 1 июня 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 37. Л. 178—179 (Донесение Г.К. Жукова К.Е. Ворошилову об обстоятельствах побега пленного японца от 10 июня 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 38. Л. 28—33 (Запись разговора по прямому проводу Б.М. Шапошникова с командованием 57-го Особого корпуса от 20 мая 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 38. Л. 55—57 (Распоряжение Б.М. Шапошникова Н.В. Фекленко об уточнении разведанных о численности и расположении противника от 21 мая 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 38. Л. 110—112 (Запись разговора по прямому проводу Б.М. Шапошникова с Н.В. Фекленко о начавшемся вторжении противника на территорию МНР от 28 мая 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 44. Л. 49—50 (Запись переговоров по прямому проводу Я.В. Смушкевича с начальником 2-го отделения Оперативного управления Генштаба РККА Ф.И. Шевченко о ходе ликвидации противника на западном берегу р. Халхин-Гол и в районе г. Баин-Цаган и действиях авиации от 5 июля 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 54. Л. 29—32 (Запись разговора по прямому проводу К.Е. Ворошилова с Я.В. Смушкевичем о ходе боев и действиях авиации в районе г. Баин-Цаган от 3 июля 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 54. Л. 112—114 (Директива К.Е. Ворошилова и Б.М. Шапошникова Г.М. Штерну и командиру 57-го Особого корпуса Г.К. Жукову с анализом и оценкой

боевых действий 57-го Особого корпуса и войск противника за истекший период боев на р. Халхин-Гол от 12 июля 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 78. Л. 86—99 (Акт проверки Г.И. Куликом хода боевых действий и подготовки частей 1-й Армейской группы и необходимости ее усиления от 26 июля 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 82. Л. 74 (Оперативно-разведывательная сводка штаба 57-го Особого корпуса об отходе противника на государственную границу МНР от 31 мая 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 83. Л. 155—157 (Боевое донесение командования 57-го Особого корпуса в Генштаб РККА о продолжающихся ожесточенных боях против группировки противника в районе г. Баин-Цаган от 4 июля 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 83. Л. 166—171 (Донесение командования 57-го Особого корпуса К.Е. Ворошилову об отходе противника на восточный берег р. Халхин-Гол и продолжающихся ожесточенных боях восточнее г. Баин-Цаган от 5 июля 1939).

РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 83. Л. 183—184. (Донесение Я.В. Смушкевича К.Е. Ворошилову о необходимости пополнить 57-й Особый корпус пехотой, артиллерией и танками от 5 июля 1939).

Решин Л.Е., Степанов В.С. Востребованный компромат на Г.М. Штерна. Военно-исторический журнал. № 41, 1994.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1997.

Рубцов Ю. Alter ego Сталина. М., 1999.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1—2). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. М., 1993.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2—1). Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937—21 июня 1941 г. М., 1994.

Рытов А.Г. Рыцари пятого океана. М., 1968.

Сафир В.М. Первая мировая и Великая Отечественная. Су-
ровая правда войны. М., 2005.

Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени
и почётным революционным оружием. М., 1926.

Свердлов Ф.Д. Ошибки Г.К. Жукова (год 1942). М., 2002.

Сеченов И. Авторский проект. Интернет. Мемориал 90 ге-
роев, 20 августа 2015 г.

Сидоровский Л. Четырежды Герой Советского Союза, мар-
шал Георгий Константинович Жуков: «Победил — народ!» Из
дневника и писем родным. Смена. № 1439, май 1987.

Симонов К.М. Далеко на востоке. Халхин-гольские запи-
ски. М., 1985.

Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размыш-
ления о И.В. Сталине. М., 1989.

Симонов К. Записал Константин Симонов. Беседа с быв-
шим начальником штаба Западного и Третьего Белорусского
фронтов генерал-полковником Покровским Александром Пе-
тровичем. Предисловие и публикация Л. Лазарева. Октябрь.
№ 5, 1990.

Симонов А. «Войска дрались растопыренными пальцами». Неопубликованная беседа (1967 год) знаменитого военного корреспондента, писателя Константина Симонова с генера-
лом Михаилом Лукиным. Новая газета. № 18 от 20 февраля
2015.

Симонов А. Изменники. Разговор с Власовым. Неопублико-
ванная беседа (1967 год) знаменитого военного корреспондента,
писателя Константина Симонова с генералом Михаилом
Лукиным. Новая газета. № 28 от 20 марта 2015.

Смирнов А.А. Крах 1941 — репрессии ни при чем! «Обез-
главил» ли Сталин Красную армию? М., 2011.

Смыслов О.С. Асы против асов в борьбе за господство.
М., 2013.

Сойма В.М. Запрещенный Сталин. Непроизнесенная речь Г.К. Жукова. М., 2005.

Соколов Б.Д. Войска связи Советской армии в боях у реки Халхин-Гол. Труды Военной академии связи им. С.М. Буденного. Ленинград, 1958.

Соколов Б.В. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. М., 2000.

Соколов Б. Красный колосс. Почему победила Красная армия? М., 2007.

Сопельняк Б.Н. Награда Родины — предзнаменование расстрела (часть 2). Национальная безопасность, 12 сентября 2006.

Стариков И. Вирази судьбы Якова Смушкевича. Интернет.

Суворов В. Тень Победы. Донецк, 2002.

Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М., 2003.

Тайны и уроки зимней войны. 1939—1940. СПб., 2000.

Федюнинский И.И. На Востоке. М., 1985.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682 525. Д. 4. Л. 293; Оп. 690 306. Д. 2425. Л. 46 (Ивенков Я.А.).

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686 043. Д. 33. Л. 136 (Чернышев И.Т.).

Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937—1941. Биографический словарь. М., 2012.

Шишкин С.Н. Боевые действия Красной армии у реки Халхин-Гол в 1939 году. М., 1946.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Книга вторая. М., 1985.

Язов Д.Т. Верны Отчизне. М., 1988.

Содержание

ОТ АВТОРА.....	3
Глава 1	
«ШАШКУ БРАТЬ?».....	7
Глава 2	
«ОКАЗАНА ПОМОЩЬ КОМАНДОВАНИЮ КОРПУСА...».....	14
Глава 3	
«УРОН, НАНЕСЕННЫЙ 57-МУ ОСОБОМУ СТРЕЛКОВОМУ КОРПУСУ».....	32
Глава 4	
«СРЕДИ ЧАСТЕЙ НЕКТО РАСПРОСТРАНИЛ СЛУХ...».....	45
Глава 5	
«РОЛЬ И ФОРМА ПОЯВЛЕНИЯ ВОЛЕВОГО НАЧАЛА В РУКОВОДСТВЕ».....	64
Глава 6	
«БЫЛ СПОСОБЕН, НЕВЗИРАЯ НИ НА ЧТО».....	82
Глава 7	
«СОВЕТСКИМ ВВС... НЕ УДАЛОСЬ ПЕРЕЛОМИТЬ ХОД ВОЗДУШНОЙ ВОЙНЫ».....	93
Глава 8	
«НЕОБХОДИМОСТЬ ВСЕ УВЯЗАТЬ».....	100
Глава 9	
«БАИН-ЦАГАНСКОЕ ПОБОИЩЕ».....	117
Глава 10	
«КОМБРИГ ЯКОВЛЕВ» И «ПОЛКОВНИК АФОНИН».....	147

Глава 11	
МАРШАЛ МАРШАЛА В БЕДЕ НЕ БРОСИТ	157
Глава 12	
«ВОЙСКА, РУКОВОДИМЫЕ ШТЕРНОМ, ПОРАЖЕНИЙ НЕ ЗНАЛИ».....	168
Глава 13	
ЛИКВИДИРОВАТЬ ПРЕИМУЩЕСТВО	180
Глава 14	
«ЭТИМ ЗАНИМАЛСЯ ШТАБ...»	195
Глава 15	
«ДАЛ УКАЗАНИЯ ЖУКОВУ».....	215
Глава 16	
«ТЕПЕРЬ У ВАС ЕСТЬ БОЕВОЙ ОПЫТ».....	268
Глава 17	
«Я ДО СИХ ПОР ЛЮБЛЮ ЭТУ ОПЕРАЦИЮ»	285

Научно-популярное издание

Военные тайны XX века

Смыслов Олег Сергеевич

ХАЛХИН-ГОЛ

За кулисами забытого конфликта

Выпускающий редактор *А.А. Александров*

Корректор *Т.А. Калинина*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 20.10.2017. Формат 84×108 ½.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 12. Тираж 1300 экз. Заказ № ВЗК-05217-17.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов.

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36

<http://www.gipp.kirov.ru>; e-mail: order@gipp.kirov.ru

ХАЛХИН-ГОЛ

Новая книга Олега Смыслова рассказывает о малоизвестном советско-японском военном конфликте на озере Халхин-Гол. На основе многочисленных архивных документов автор разбирает давно минувшие события, стараясь критически их осмыслить и развенчать царившие годами в отечественной истории мифы. Большое внимание уделяется роли в конфликте Г.К. Жукова и Г.М. Штерна. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

XX военные
тайны
века

ISBN 978-5-4444-5934-8

9 785444 459348

